

Ранняя история евреев

А. Г. Сейс

THE EARLY HISTORY OF THE HEBREWS

BY

THE REV. A. H. SAYCE

PROFESSOR OF ASSYRIOLOGY AT OXFORD
AUTHOR OF 'EGYPT OF THE HEBREWS AND HERODOTOS'

RIVINGTONS
KING STREET, COVENT GARDEN
LONDON

1897

All rights reserved

The Project Gutenberg eBook of The early history of the Hebrews.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Ранняя история евреев

Автор: А. Г. Сейс

Дата выхода: 8 февраля 2025 [eBook #75324]

Язык: Английский

Оригинальное издание: London: Rivingtons, 1897

Кредиты: Ваутер Франссен, Дэвид Кинг и группа онлайн-распределенной корректуры на сайте <https://www.pgdp.net>. (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE EARLY HISTORY OF THE HEBREWS ***

Ранняя история евреев

ТОГО ЖЕ АВТОРА

Второе издание. Crown 8vo. 7s. 6d.

ЕГИПЕТ ЕВРЕЕВ И ГЕРОДОТОВ

Содержание: - Эпоха патриархов - Эпоха Моисея - Исход - Еврейское поселение в Ханаане - Эпоха израильских монархий - Эпоха Птолемеев - Геродот в Египте - По следам Геродота - Мемфис и Файюм - Приложения - Индекс.

Профессор Сейс написал очаровательную работу, на которую слетается каждый любитель Египта. Он заставляет старый Египет снова жить со всей жизненной силой точного исследования и сочувственного объяснения; он создал одну из самых читаемых, полезных и поучительных книг, которые мы когда-либо читали.'-Church **Bells**.

Профессор Сейс может рассказать необыкновенно увлекательную историю. Каждый человек, разумно интересующийся Священным Писанием, должен считать своим долгом прочитать эту книгу.'-Yorkshire **Post**.

'Поистине ценное дополнение к существующим работам о Египте.'-Western **Morning News**.

В целом мы не знаем более полезного справочника по истории Египта, в котором в популярной форме в сжатые сроки обобщены результаты египетских исследований вплоть до настоящего времени.'-Church **Times**.

ЛОНДОН: РИВИНГТОН

РАННЯЯ ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ

Преподобный А. Х. СЕЙС

ПРОФЕССОРА АССИРИОЛОГИИ В ОКСФОРДЕ

АВТОРА КНИГИ "ЕГИПЕТ ЕВРЕЕВ И ГЕРОДОТЫ".

RIVINGTONS

КИНГ-СТРИТ, КОВЕНТ-ГАРДЕН

ЛОНДОН

1897

Все права защищены

ПРЕДИСЛОВИЕ

Существует множество историй Израиля, но это первая попытка написать ее с чисто археологической точки зрения. В течение последних нескольких лет с древнего Востока на нас сыплются открытия за открытиями, переворачивая все наши прежние представления о ранней восточной истории и открывая новый и неожиданный мир культуры и цивилизации. Для восточного археолога древнееврейская история перестала быть одинокой; она заняла свое место в том великом потоке человеческой жизни и деятельности, который открывают нам раскопщики и дешифровщики, и ее, наконец, можно изучать так же, как историю Греции или Рима. Эпоха патриархов приближается к нам; наши музеи заполнены письменными документами, которые на много веков старше Авраама; и мы начинаем понимать политику, которая лежит в основе истории Пятикнижия, и причины событий, о которых в нем рассказывается.

Напротив фактов археологии стоят субъективные предположения определенной школы, которые теперь, когда они перестали преобладать в высших слоях учености, находят свое место в популярной литературе страны. Между результатами восточной археологии и теми, которые являются логическим завершением так называемой "высшей критики", нет никакого примирения, и поэтому последняя должна быть убрана с пути, прежде чем археолог сможет начать свою работу. Поэтому некоторые из последующих страниц неизбежно будут спорными, и необходимо будет показать, почему лингвистический метод "литературного анализа" по сути ненаучен и ошибочен в применении к истории и должен быть заменен методом исторического сравнения.

Пока моя книга проходила через печать, выяснился новый факт, который дополняет и укрепляет вывод, сделанный мною во второй главе на основе сравнения рассказа о потопе в

книге Бытия с тем, что было восстановлено по клинописным надписям. На недавнем заседании Восточного конгресса в Париже доктор Шейль заявил, что среди табличек, недавно привезенных из Сиппара в Константинопольский музей, есть одна, которая содержит тот же текст истории о потопе, что и та, что была обнаружена Джорджем Смитом. Но если текст, найденный Джорджем Смитом, был написан для библиотеки Ниневии в седьмом веке до нашей эры, то вновь обнаруженный текст был начертан в царствование Амми-задока, четвертого преемника Хаммурапи или Амрафела, в авраамическую эпоху. И уже тогда текст был старым. Тут и там было вставлено слово *khibi*, "пробел", указывающее на то, что оригинал, с которого он был скопирован, уже был местами неразборчив. Поскольку этот текст согласуется не с "Элохистом" или "Яхвистом" по отдельности, а с предполагаемым сочетанием этих двух документов в книге Бытия, трудно понять, как заметил первооткрыватель, как можно дальше придерживаться "литературного анализа" Пятикнижия. В любом случае, это открытие показывает, с какой тщательностью и точностью копировалась и передавалась литература прошлого. Издание за изданием выходила история о потопе, и все же текст авраамической эпохи и текст седьмого века до нашей эры совпадают даже в написании слов.

Именно сами "высшие критики", а не древние писатели, которых они критикуют, небрежно или пренебрежительно относятся к использованию доказательств. В предисловии к своей книге *"Высшая критика и вердикт памятников"* я привел вопиющий пример их попытки объяснить нежелательные свидетельства. Речь идет о надписи на ранних израильских весах, которая сначала была признана подделкой, затем неправильно прочитана и, наконец, выгравирована разными людьми в разное время! Сейчас гиря находится в Ашмолеанском музее в Оксфорде, куда ее подарил доктор Чаплин, и критики благополучно забыли о догматических утверждениях, которые были сделаны по ее поводу. На самом деле, они были заняты в другом месте. Были найдены клинописные таблички, относящиеся к Хедорлаомеру и другим царям Востока, упомянутым в четырнадцатой главе Бытия, а в переписке из Тель-эль-Амарны иерусалимский царь заявляет, что он был возведен на трон "рукой" своего бога и поэтому, как и Мелхиседек, является царем-жрецом. Но Хедорлаомер и Мелхиседек уже давно были изгнаны в страну мифов, и критика не могла признать, что археологические открытия вернули их в реальную историю. Писатели, пребывающие в самодовольном неведении относительно клинописных текстов, заявили ассириологам, что их переводы и толкования в равной степени ошибочны, что они неправильно прочитали имена Хедорлаомера и его союзников, и что "рука могущественного царя" в письмах Эбед-Тоба означает фараона Египта. К сожалению, непогрешимость "критического" сознания может быть лучше проверена на примере ассириологии, чем на примере древнееврейских записей, и поэтому ассириолог может быть прощен, если найдет в подобных проявлениях невежества лишь доказательство бесполезности "критического" метода. Метод, который заставляет своих сторонников отрицать факты, изложенные экспертами, когда эти противоречат их собственным предрассудкам, не может быть очень ценным. В любом случае, это метод, с которым археолог и историк не может иметь ничего общего.

Это, действительно, молчаливо признается в современной немецкой работе по древнееврейской истории, на которую мы не раз будем ссылаться на следующих страницах. Книга доктора Киттеля *"История евреев"* частично заполнена внушительным "анализом" документов, составляющих исторические книги Ветхого Завета, и поэтому можно было бы ожидать, что история, к которой она является введением, будет подвержена влиянию результатов литературного распада. Но ничего подобного не происходит. Что касается отношения д-ра Киттеля к истории, то этот "анализ" можно было бы и не делать; все, что он делает, - это подтверждает его знакомство с современной "критической" литературой.

История оценивается по ее собственным достоинствам без какой-либо ссылки на возраст или характер "источников", на которые она, как предполагается, опирается. Инстинкт историка оказался слишком силен, чтобы автор мог ему противостоять, и результаты лингвистического анализа, соответственно, были спокойно отложены в сторону.

Но у истории тоже есть свои каноны доказательств, и критика, в истинном смысле этого слова, не ограничивается филологами. Непогрешимой истории не существует, так же как и непогрешимой филологии; и если мы хотим правильно понять историю евреев, мы должны относиться к ней так же, как и к истории любого другого древнего народа. Ветхозаветные писатели были людьми; и в той мере, в какой они были историками, их представления и манера написания истории были такими же, как у их восточных современников. Они не были европейскими историками XIX века, и рассматривать их как таковых означало бы не только использовать радикально ложный метод, но и фальсифицировать записанную ими историю. Ни одна человеческая история не является и не может быть неистинной, и утверждать, что история Израиля неистинна, значит привести в христианство индуистскую доктрину о неистинности Веды. Для историка, во всяком случае, вопросы, связанные с богословской трактовкой Ветхого Завета, не существуют.

Соответственно, следует понимать, что данный автор выступает на протяжении всего времени просто как археолог и историк. С богословской точки зрения он безоговорочно принимает все доктрины, которые были изложены Церковью в качестве элементов веры. Но среди этих доктрин он не находит ни одной, которая бы запрещала свободно и беспристрастно относиться к ветхозаветной истории.

Возможно, следует извиниться за множество незнакомых имен собственных, которые делают первую главу этой книги несколько трудной для чтения. Но они представляют собой археологические открытия последних нескольких лет в их отношении к истории патриархов, и была сделана попытка облегчить бремя их запоминания, повторяя вновь открытые факты, по крайней мере, в общих чертах, везде, где это было необходимо. Однако те, кому это бремя покажется слишком тяжелым и утомительным, могут перейти ко второй главе.

A. H. SAYCE,

23 Chepstow Villas, W.

25 сентября 1897 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I

ДРЕВНЕЕВРЕЙСКИЕ ПАТРИАРХИ

Кто были Евреи?-Происхождение названия -Ур и его цари -Амрафель или Хамму-.раби-Канааниты в Вавилонии-Гарран-Амориты-Абрам в Ханаане и Египте-Поход Хедорлаомера-Мельхиседека-Содома и Гоморры-Обрезание-Имя Авраама-Иврит и Арамейский-Моав и Аммон-Аморитские царства-Дедан-Жертвоприношение первенца-Гора Мория-Приобретение Хетты - Вавилонский закон - Исаак как Бедави-Шекх - Исав и эдомитяне -

Иаков - поселяется в Сихеме - его сыновья - израильские племена - Иосиф - гиксосы в Египте - египетский характер истории Иосифа - Гошен - смерть Иакова и Иосифа ... Рр. 1-99

ГЛАВА II

СОСТАВ ПЯТИКНИЖИЯ

Литературный анализ и его выводы, основанные на теории и предположении - Слабость филологических свидетельств - Пренебрежение научным методом сравнения - Несовершенство наших знаний иврита - Археология, неблагоприятная для высшей критики - Анализ исторических источников - Тель-эль-Амарнские таблички - Древность письменности на Востоке - Моисеев век высоколитературный - Писари, упоминаемые в Песни Песней. Амарнские таблички - Древность письменности на Востоке - Эпоха Моисея - высокая литературность - Книжники, упомянутые в Песне Деборы - История о потопе, принесенная из Вавилонии в Ханаан до времени Моисея - Повествования Пятикнижия, подтвержденные археологией - Составлено из ранних письменных документов - Пересмотрено и отредактировано время от времени - Три пласта законодательства - Точность в тексте - Тенденции - Хронология ... Рр. 100-151

ГЛАВА III

ИСХОД ИЗ ЕГИПТА

Гошен - фараоны угнетения и исхода - царь-еретик в Тель-эль-Амарне - причины исхода - стела Менептаха - Моисей - бегство в Мадиям - десять казней - исход - египетская версия - происхождение пасхи - география исхода - положение Сина - провозглашение закона - вавилонские аналогии - скиния - левитский закон - праздники - число израильтян - Кадеш... Неудача в завоевании Ханаана - первосвященник и левиты - Эдом - завоевания к востоку от Иордана - Балам - уничтожение мадианитян - города-убежища и левиты - Второзаконие - смерть Моисея... Рр. 152-245

ГЛАВА IV

ЗАВОЕВАНИЕ ХАНААНА

Иисус Навин не завоеватель Ханаана - завоевание постепенное - переход через Иордан - Иерихон, Ай и гибеониты - битва при Маккеде - Лахиш и Хазор - кенизцы в Хевроне и Кириафе - Сефер - Сихем - смерть Иисуса Навина ... Стр. 246-271

ГЛАВА V

ЭПОХА СУДЕЙ

Состояние Израиля - Уничтожение вениамитян - История Михея и завоевание Дана - Хушан-ришафаим и Рамсес III. - Должность судьи - Еглон из Моава - Филистимляне - Дебора и Варак - Сисера и хетты - Песнь Деборы - Гедеон - Царство Авимелеха - Иефта - Жертвоприношение дочери - Поражение и истребление ефремитов - Самсон - Исторический характер книги Судей ... Стр. 272-331

ГЛАВА VI

УСТАНОВЛЕНИЕ МОНАРХИИ

Влияние Шилоха - Самуил и филистимляне - Дублирование повествований в Книгах Самуила - Пророк и пророк - Монастыри дервишей - Взятие ковчега и разрушение Шилоха - Саул

становится царем - Ссорится с Самуилом - Избавляет Израиль от филистимлян - Нападает на амаликитян - Давид - Два рассказа о его восхождении к власти - Ревность - Бегство Давида - Убийство священников в Нобе - Странствия Давида - Он продает Саулу свою власть. Амалекитяне - Давид - два рассказа о его приходе к власти - ревность Саула - бегство Давида - убийство священников в Нобе - странствия Давида - он продает свои услуги царю Гата - обязанности наемника - битва при Гильбоа и положение Давида - он становится царем Иуды - война с Еш-Давид восстает против филистимлян и становится царем Израиля - Взятие Иерусалима, который становится столицей - Результаты этого - Завоевание филистимлян, Моава, Аммона, Зообаха, Убийство Урии и рождение Соломона - Влияние Нафана - Полигамия и ее последствия в семье Давида - Восстание Авессалома - Оф Савва - Глупость и неблагодарность Давида - Потомки Саула, принесенные в жертву из-за засухи - Чума и покупка места для храма - Служители Давида и последние наставления - его характер - Хронология - Соломон предает Иоава и других смерти - его религиозная политика - королева Савская - торговля и постройки - Хирам из Тира - дворец и храм, построенный в Тадморе - зоологические и ботанические сады - недовольство в Израиле - обнищание страны - Иеровоам - вкусы и характер Соломона ... Рр. 332-480

АББРЕВИАЦИИ

W. A. I. = *Клинописные надписи Западной Азии*. Издано попечителями Британского музея.

Z.D.M.G. = *Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft*.

W. & A. = Издание Винклера и Абеля табличек Тель-эль-Амарны в Берлине и Каире в *Mittheilungen aus den orientalischen Sammlungen*, i. ii. iii.

ГЛАВА I ДРЕВНЕЕВРЕЙСКИЕ ПАТРИАРХИ

Кто такие евреи?-Происхождение названия - Ур и его цари - Амрафель или Хамму-раби - Канаанеи в Вавилонии - Харран - Амориты - Аврам в Ханаане и Египте - Поход Хедора.Мелхиседек - Содом и Гоморра - Обрезание - Имя Авраама - Еврейский и Арамейский - Моав и Аммон - Амореицкие царства - Дедан - Жертвоприношение первенца - Гора Мориа - Покупка поля Махпела - Хетты - Вавилонский Закон - Исаак как Бедави-Шекх - Исав и эдомитяне - Иаков - поселяется в Сихеме - его сыновья - израильские племена - Иосиф - гиксосы в Египте - египетский характер истории Иосифа - Гошен - смерть Иакова и Иосифа.

Историк Евреев с самого начала сталкивается со странной трудностью. Кто были те евреи, чью историю он собирается писать? Мы говорим о еврейском народе, еврейской литературе и еврейском языке; под первым мы подразумеваем людей, которые называли себя израильтянами или евреями, под вторым - литературные записи этого израильского народа, а под третьим - язык, который израильтяне разделяли с более древним населением Ханаана. Именно из Ветхого Завета мы берем термин "иврит", и его использование отнюдь не однозначно.

Аврама называют "иври" до того, как он стал Авраамом, отцом Исаака и израильтян. Соратники амореицких вождей из Мамре, покорители вавилонских захватчиков Ханаана -

это "иврит"; когда он предстает перед нами как простой бедави-шех, он уже не иврит. Когда Иосифа продают в Египет, он становится "еврейским" рабом и говорит фараону, что его "украли" из "земли Евреев". Угнетенные люди в эпоху Исхода были известны как "евреи" своим египетским наставникам. Моисей был одним из "детей Евреев"; и он заявляет египетскому монарху, что Яхве Израиля - "Бог Евреев". Поэтому кажется, что именно под этим именем египтяне знали народ Ханаана, и особенно израильтян.

И все же на египетских памятниках нет никаких определенных следов этого названия. В египетских текстах юг Палестины называется Хар, возможно, земля "хоритов"; побережье - Захи, "сухое"; а вся страна в целом неодинаково известна как страна верхнего Лотана, или сирийцев, и Фенху, или финикийцев. Когда мы спускаемся к эпохе девятнадцатой династии, мы находим название Ханаана уже устоявшимся в египетской литературе. Сети I. уничтожил шасу или бедавинов от границ Египта до "земли Ханаанской"; а в папирусе того же времени мы слышим о кан'аму или "ханаанских рабах" из земли Хар. От имени, напоминающего имя евреев, не осталось и следа.

Столь же невозможно обнаружить его в клинописных записях Вавилонии и Ассирии. Вавилоняне с незапамятных времен называли Палестину "землей аморитов", несомненно, потому, что амориты были там доминирующим народом в те ранние времена, когда вавилонские армии впервые проложили свой путь на далекий Запад. Ассирийцы называли ее "землей хеттов" по той же причине, а в письмах азиатских корреспондентов фараона, найденных в Тель-эль-Амарне и относящихся к столетию до Исхода, она называется Кинахна или Ханаан. Как же тогда Иосиф называет ее "землей Евреев", а себя - "Еврейским" рабом?

Уже не раз предпринимались попытки отождествить загадочное название с именами, встречающимися в иероглифических и клинописных текстах. В египетских памятниках упоминается класс иностранцев под названием "апуриу", которых нанимали во времена девятнадцатой и двадцатой династий для доставки каменных блоков, необходимых для великих зданий Египта, из каменоломен восточной пустыни. Нам рассказывают, как они перетаскивали большой алтарь бога Солнца в Мемфис для Рамзеса II; и как гораздо позже Рамзес IV все еще нанимал восемь сотен мужчин той же расы для транспортировки камня из каменоломен Хаммамата. Шабас и некоторые другие египтологи видели в этих "апуру" евреев из Писания и далее отождествляли их с "апуру", упомянутыми на обратной стороне папируса, где говорится, что один из них действовал как своего рода помощник-лагерь великого завоевателя восемнадцатой династии, Тотмеса III.

Но против этих отождествлений есть серьезные возражения.^[1] Есть основания полагать, что 'Аперу и 'Апуриу - это не одно и то же имя; и до сих пор не было найдено удовлетворительного объяснения, почему мы должны встречать евреев израильской расы, все еще служащих в качестве государственных рабов в Египте так долго после Исхода, как во времена правления Рамсеса III и Рамсеса IV. Более того, в одном из текстов говорится, что "апуриу" принадлежали к "анутийским варварам", которые населяли пустыню между Египтом и Красным морем. Верно, что некоторые из семитских родственников израильтян вели здесь кочевую жизнь в старые времена, как они делают это и сегодня; тем не менее, "варвары-анути" были по большей части африканского происхождения, а восточная пустыня Египта - не совсем то место, где мы должны были бы ожидать найти ближайших родственников ханаанейского народа. В настоящее время, во всяком случае, отождествление евреев и "апуриев" должно считаться недоказанным.

После обнаружения клинописных табличек Тель-эль-Амарны была предпринята еще одна попытка найти имя Евреев за пределами страниц Ветхого Завета. Эбед-Тоб, вассальный

король Иерусалима, в своих письмах к Ху-н-Атену, "еретику" фараону восемнадцатой династии, говорит о неких врагах, которых он называет хабири. Они угрожали власти египетского монарха и уже захватили несколько городов под юрисдикцией Эбед-Тоба. Египетские губернаторы на юге Палестины были убиты, и территория Иерусалима больше не могла себя защитить. Если бы фараон не смог послать войска немедленно, все было бы потеряно. Хабиры под предводительством Элимелеха уже обосновались в стране и в сотрудничестве с сутеками или бедавинами вырывали ее из рук Египта.^[2]

Некоторые ученые, скорее поспешно, чем благоразумно, объявили хабири, изображенных на клинописных табличках, ветхозаветными евреями. Если бы это было так, то иврит и израильтянин больше не могли бы считаться синонимами. В эпоху Хабири израильтяне Писания все еще находились в Египте, где еще не были построены города Рамсеса и Питома, а их предводителем в завоевании Ханаана был Иисус Навин, а не Элимелех. Когда в последующие века Рамсес II и Рамсес III вторглись в Палестину и захватили ее, они не нашли там никаких следов сынов Израиля. Они оставили нам списки захваченных ими мест; мы тщетно ищем в них имя Израиля или израильского племени. Так же тщетно мы ищем в Книге Судей хоть какое-то упоминание о египетских завоеваниях.

Хабири, таким образом, не являются евреями из Писания, и это слово не проливает свет на сам термин "еврей". Хабири - это описательное название, означающее "конфедераты"; это слово было заимствовано вавилонянами из ханаанского языка, но встречается в старых вавилонских и ассирийских гимнах.^[3] Возможно, Хеврон, город "Конфедерации", получил свое название от этих "конфедеративных" групп; во всяком случае, название Хеврона нигде не упоминается Эбед-Тобом или его братьями-правителями, а в египетских записях оно впервые появляется во времена Рамсеса III под формой Хибур.^[4]

Таблички Тель-эль-Амарны, соответственно, не дают нам никакой помощи в определении имени евреев, как и любые другие клинописные надписи, с которыми мы знакомы. Вавилонские записи действительно говорят о народе под названием хабиры, но они обитали в горах Элама, на восточной стороне Вавилонии, и между ними и евреями из Писания нет никакой связи.^[5] В старом вавилонском списке зарубежных стран мы читаем о стране Хубур, которая находилась в северной Месопотамии по соседству с Харраном; но Хубур, скорее всего, связан с рекой Хабур, а не с родственниками Тераха и Лабана.^[6] Кроме того, часть гор Амана, возвышающихся над Антиохийским заливом, откуда в города Халдеи привозили сосновые бревна, также называлась Хабур.^[7]

Археологические открытия, таким образом, пока не оказали нам никакой помощи. Мы по-прежнему должны полагаться только на Ветхий Завет, чтобы получить ответ на наш вопрос: "Кем были евреи? И, к сожалению, свидетельства Ветхого Завета отнюдь не однозначны. Мы видели, что, с одной стороны, под евреями подразумеваются израильтяне, и что время от времени израильские потомки Авраама характеризуются этим именем. Но с другой стороны, есть отрывки, в которых между ними проводится различие. Хотя Иосиф и является рабом-евреем, это потому, что он был украден из "земли Евреев". Ханаан, соответственно, даже до его завоевания израильтянами, был населен еврейским народом. Так и в первые дни правления Саула израильтяне и евреи, похоже, все еще разделены. В то время как "люди Израиля" прячутся в пещерах и зарослях, "Евреи" переходят через Иордан в земли Гада и Галаада (1 Цар. xiii. 6, 7). Точно так же нам рассказывают, что в первой битве Саула с филистимлянами "Евреи", которые были с врагом, дезертировали к "израильтянам", которые были с Саулом (1 Цар. xiv. 21).

Однако, возможно, все, что подразумевается в этих отрывках, - это подчеркнуть тот факт, что среди филистимлян, как и среди египтян, дети Израиля были известны как "Евреи".

Сложность в том, что такое название не встречается в монументальных записях Египта. Когда Шишак описывает свой поход против Иуды и Израиля, он говорит, что победил не евреев, а фенху и 'аму.

На самом деле, египетский эквивалент иврита - это 'аму. То, что Иосиф называет "землей Евреев", египетский писец назвал бы "землей Аму". Сам Иосиф мог быть рабом Аму. Аму означало азиата в ограниченном смысле. Оно обозначало азиатов Сирии и пустыни между Палестиной и Египтом. В него также входили кочевые племена Эдома и Синайского полуострова. Таким образом, оно было шире по своему значению, чем библейский "иврит"; но в то же время оно передавало те же идеи и использовалось практически так же. Гиксосские завоеватели Египта назывались "аму", а знаменитый сирийский окулист времен восемнадцатой династии описывается как "аму из Гебала". Это название, вероятно, происходит от ханаанейского и древнееврейского слова, означающего "народ".

Название "Еврей" происходит от корня, который означает "проходить" или "пересекать". Его по-разному объясняют как "паломник", "житель другого берега", "переплывающий реку". Но второе объяснение лучше всего согласуется с филологической вероятностью. Мы находим и другие производные от того же корня. Среди них Аварим, название горного хребта в Моаве на "другой стороне" Иордана, откуда Моисей увидел Землю Обетованную (Числ. xxvii. 12), а также Эброна, близ Акабского залива, одно из мест отдыха сынов Израиля (Числ. xxxiii. 34). Древнееврейские генеалоги действительно, по-видимому, связывают это имя с именем патриарха Эбера. Но это соответствует тому духу семитской идиомы, который облекает географию и этнологию в генеалогическую форму. Вполне вероятно, что имя патриарха - это просто вавилонское *ebur*, "жрец", которое встречается в вавилонских договорах о возрасте Авраама.

Однако профессор Хоммель, дополняя предположение доктора Глейзера, недавно обратил внимание на некоторые факты, которые проливают свет на раннее использование имени "Еврей", даже если они не устраняют всех связанных с ним трудностей.^[8] Минзейская надпись с юга Аравии, в которой встречается имя 'Ammi-zadoq, объединяет страны Мисра или Египта, Аашура, Ашшурима из Быт. xxv. 3, и 'Ibr Naharân, "земля за рекой". В другой минейской надписи того же времени название Ибр Нахаран заменено названием Газы. Таким образом, очевидно, что в Ибр Нахаране мы должны видеть юг Палестины. Но не только минейские тексты используют этот термин. Разбитая ассирийская табличка из библиотеки Ниневии^[9] также ссылается на Эбир-нари, "землю за рекой", в Ханаане, и связывает ее с Бет-Элем, Тиром и Иешимоном. Профессор Хоммель, вероятно, прав, относя эту надпись к правлению Ассур-бель-Кала, сына Тиглата-Пилесера I (1080 г. до н. э.). В любом случае, название кажется вавилонского происхождения, как и большинство географических выражений, принятых ассирийцами, и поэтому вполне возможно, что Эбир-нари в первую очередь обозначало страну на западном берегу Евфрата, где находился Ур, и что впоследствии оно было распространено на страну к западу от Иордана, когда Сирия стала провинцией Вавилонской империи.^[10]

Как бы то ни было, вопрос, с которого мы начали, остается без ответа. Мы до сих пор не можем точно определить, кем были евреи. Происхождение и первое употребление названия до сих пор вызывают сомнения. Мы должны довольствоваться тем фактом, что оно стало применяться - если не исключительно, то, во всяком случае, преимущественно - к народу Израиля в его отношениях с соседями-иностранцами. Возможно, это особое применение было впервые зафиксировано филистимлянами. В любом случае это название было принято

самими израильтянами и постепенно стало синонимом всего, что было специфически израильским. Даже старый "язык Ханаана", как его еще называет Исайя (xix. 18), стал "еврейским языком" современных лексикографов. Для нас сегодня история древнееврейского народа означает историю потомков Израиля. Именно с "Аврама Еврея" начинается история. Будущие века смотрели на него как на родоначальника еврейской расы, "скалу", из которой она была "высечена". Он пришел с далекого Востока, из "Ура Касдима" или Вавилона. Его младший брат Харан умер "в земле родины своей"; вместе со своим старшим братом Нахором и он сам, его отец Терах, переселился на запад, в Харран в Месопотамии. Там Терах умер, и там же Аврам получил призыв, который заставил его отправиться дальше в землю Ханаанскую.

Он уже был женат. Еще в Вавилонии он сделал своей женой Сарай, которая, как говорят, была его сводной сестрой; а жена Милка, которую взял к себе его брат Нахор, была его племянницей. Наступило время, когда Аврам и Сарай взяли себе новые имена в знак завета, который они заключили с Богом. Аврам стал Авраамом, а Сарай - Сарой.

Расшифровка клинописных надписей пролила свет на эти истоки древнееврейской истории. Было найдено место, где находился "Ур Халдейский". Географы больше не зависят от арабских легенд или смутных совпадений с классическими названиями. Ур был одним из самых древних и процветающих вавилонских городов. Само его название означало "город"; на самом деле он был столицей целого округа, а его цари в свое время претендовали на власть над всей остальной Халдеей. Одиноким среди великих городов Вавилонии, он стоял на западном берегу Евфрата в тесном контакте с кочевыми племенами семитской Аравии. Как никакой другой вавилонский город, он мог влиять на семитов запада и подвергаться их влиянию; он был форпостом вавилонской культуры, а его положение делало его центром торговли.

Разрушенные курганы этого города сегодня известны как Мукайяр или Мугейр. Самым высоким среди них является курган, покрывающий остатки великого храма бога Луны. Ведь именно Сину, богу луны, был посвящен город с незапамятных времен, и в честь него был построен его храм. Был еще только один столь же известный храм Сина - храм в Харране в Месопотамии, который, как и храм в Уре, был воздвигнут и одарен вавилонскими царями.

Ур вел торговлю не только с семитами Северной Аравии. Он находился недалеко от устья Евфрата, который в ранние времена впадал в Персидский залив почти в ста милях к северу от нынешнего побережья. В клинописных табличках мы слышим о "кораблях Ура", и эти корабли, должно быть, использовались в торговле, которая велась по воде. Таким образом, товары из Южной Аравии могли доставляться в халдейский город; возможно, существовала связь даже с Египтом.

Цари Ура росли в могуществе, и в конце концов возникла династия, которая получила власть над другими государствами Вавилонии. Мы начинаем кое-что узнавать об этих царях и обществе, которым они правили. За последние несколько лет американцы, французы и даже турецкое правительство провели раскопки, в результате которых были обнаружены тысячи ранних клинописных записей, некоторые из которых датируются периодом их правления. Значительную часть этих записей составляют договоры, которые бросают неожиданный свет на торговлю и право, нравы, обычаи и социальную жизнь жителей Вавилонии того времени.

Среди последних царей династии Ура были Инек-Син и Пур-Син, чьи имена, как можно заметить, соединены с именем бога-покровителя государства. Инек-Син захватил не только Элам, но и далекий запад. Его дочери вышли замуж за верховных жрецов Ансана в Эламе и Мархаси, ныне Мер'аш, в Сирии.^[1] Но это был не первый поход вавилонских армий на запад.

За несколько столетий до этого (около 3800 г. до н. э.) другой вавилонский царь, Саргон Аккадский, совершал кампанию за кампанией против земли амореев, как называли Сирию и Палестину, установил свои изображения на берегах Средиземного моря и объединил всю Западную Азию в единую империю, а его сын и преемник пошел на юг, на Синайский полуостров.^[12] Предшественник самого Инне-Сина, Гимил-Син по имени, захватил землю Забсали, которую профессор Хоммель, вероятно, прав, отождествляя с Субсаллой, откуда ранний вавилонский князь получал камень для своих построек, и которая, как нам говорят, находилась в горах амореев. На самом деле этот камень был известняком Ливана.^[13]

Инне-Син выдал свою дочь замуж за первосвященника Забсали, но его преемник Пур-Син II, по-видимому, был одним из последних представителей династии. Вавилония попала под власть эламитов, и в Вавилоне возникла целая череда царей, имена которых указывают на то, что они были выходцами из Южной Аравии. Первым из них был Хамму-раби, чье правление длилось пятьдесят пять лет. Он оказался одним из самых способных и энергичных вавилонских монархов. Перед смертью он изгнал эламитов из страны и объединил ее в единую монархию со столицей в Вавилоне.

Когда Хамму-раби впервые взойшел на трон, он был вассалом эламского царя. В Южной Вавилонии, недалеко от Ура, хотя и на противоположном берегу реки, находилось соперничающее царство Ларса, царь которого, Эри-Аку или Ариох, был сыном эламского князя. Его отец Кудур-Мабуг назван "отцом земли аморреев", что подразумевает не только то, что Ханаан в то время находился под властью эламитов, но и то, что Кудур-Мабуг занимал там какую-то официальную должность. В одной из своих надписей Эри-Аку называет себя "пастухом Ура" и сообщает нам, что он захватил "древний город Эрах".

В Эри-Аку или Ариохе ассириологи уже давно видели Ариоха из книги Бытия, современника Авраама; их убежденность была доведена до уверенности недавним открытием г-ном Пинчесом некоторых фрагментарных клинописных табличек, в которых упоминается не только Хамму-раби, но и цари, которые были его современниками. Это Ариох, Кудур-Лагхамар или Чедор-лаомер, и Тудгула или Тид'ал. Хамму-раби, соответственно, должен быть отождествлен с Амрафелем, который, как сказано в Ветхом Завете, был царем Шинара или Вавилонии, и мы можем приблизительно определить период, когда семья Тераха переселилась из Ура Халдейского. Это было около 2300 года до н. э., если хронология исконно вавилонских историков верна.^[14]

В это время между Вавилонией и Западом существовали постоянные сношения. Отец Эри-Аку, как мы видели, носил титул "Отец земли амореев", а сам Хамму-раби претендовал на суверенитет над той же частью мира. Так же поступал и его правнук Амми-сатана (или Амми-дхитана), который в одной из своих надписей добавляет титул "царь земли аморитов" к титулу "царь Вавилона". Действительно, цари династии, к которой принадлежал Хамму-раби, носят имена, которые почти так же ханаанитские или древнееврейские, как и южноаравские по форме. Вавилоняне испытывали определенные трудности с их написанием, и в договорных табличках, следовательно, одно и то же имя написано по-разному. Так, из филологической таблички, в которой имена переведены на семитско-вавилонский язык, мы узнаем, что Хамму и Амми - это всего лишь различные попытки изобразить одно и то же слово - имя бога, которое встречается у южноаравийских князей и ветхозаветных израильтян, и от которого Бени-Амми или аммониты получили свое название.^[15]

Основателем династии был Суму-аби (или Саму-аби), "Шем - мой отец", а его сыном - Суму-ла-ил, "Разве Шем не бог?". Таким образом, монархи, правившие в Вавилоне во время рождения Авраама, утверждали, что у них тот же предок, что и у семьи Авраама, и поклонялись

ему как богу. Отцом Амми-сатаны был Абесух, библейский Абишуа, а его сыном - Амми-задук, где *задук*, "праведный", - слово, хорошо известное языкам Южной Аравии и Ханаана, но не Вавилонии. Таким образом, цари, унаследовавшие наследство старых вавилонских монархов из Ура, были родственны по языку и расе древнееврейскому патриарху.

Но это еще не все. В договорах, составленных во времена правления царей Ура и преемников Суму-аби, мы находим не только имена типа Sabâ, "Сабæан", которые отсылают нас к пряным землям Южной Аравии,^[16] но и имена, которые по форме являются специфически ханаанейскими, или, как мы обычно называем, древнееврейскими. Так, мистер Пинчес обнаружил в них Я'куб-ил и Ясуп-ил, от которых библейский Иаков и Иосиф являются сокращениями, а в других местах мы встречаем Абдиэля и Лама-иля, ветхозаветного Лемуэля. Даже имя самого Абрама (Аби-раму) встречается среди свидетелей дела, которое датируется царствованием деда Хамму-раби, а его ханаанский характер не вызывает сомнений, поскольку он назван отцом "аморея".^[17]

Из других документов мы узнаем, что в Вавилонии существовали поселения аморитян или ханаанеев, где иностранцам разрешалось приобретать землю и вести торговлю с местными жителями. Одно из них находилось прямо за стенами Сиппара в Северной Вавилонии, и о нем уже обнаружено немало упоминаний. Так, в царствование Амми-задука перед четырьмя царскими судьями было рассмотрено дело о спорном праве собственности, которое касалось некоторых федданов или "акров" земли "в районе аморитов", "у входа в город Сиппара",^[18] а договор, датированный царствованием отца Хамму-раби, далее описывает этот район как находящийся сразу за главными воротами города. Он включал в себя пахотные и садовые земли, пастбища и леса, а также дома, и был похож на землю Гошен, которая также была передана израильтянам для заселения. Египетская надпись времен XVIII династии также говорит о подобном районе вблизи Мемфиса, который был отдан фараонами хеттам.^[19] У чужеземцев были свои судьи. Например, из судебного дела, которое было решено во времена Хамму-раби, мы узнаем, что ханаанец Нахид-Амурри ("возвышенный аморейский бог"), который был ответчиком в деле о спорном имуществе, сначала вместе с истцом предстал перед судьями Нин-Марки, "владычицы аморейской земли", а затем перед другой группой судей и собравшимся народом города. Отсюда ясно, что судьи, назначенные заботиться об интересах переселенцев с Запада, действовали и тогда, когда одна из сторон была уроженкой Вавилонии.^[20]

Миграция Тераха и его семьи, таким образом, перестает быть изолированным и необъяснимым фактом. В эпоху, к которой она относилась, Ханаан и Вавилония находились в тесной связи друг с другом. Вавилонские цари претендовали на власть над Ханааном, а ханаанские купцы обосновались в Вавилонии. В вавилонских городах звучал ханаанский язык, и даже правители страны были чужой крови. Между Вавилонией и Ханааном пролегало шоссе, по которому из поколения в поколение ходили воины и гражданские чиновники, купцы и гонцы.

На середине пути, на притоке реки Белих, находился город Харран, названный так от шумерского слова, означавшего "большая дорога". Его название указывало на вавилонское происхождение, как и храм, посвященный вавилонскому богу Луны. Среди основателей и реставраторов храма была целая череда вавилонских и ассирийских царей, а почти последним деянием Вавилонской империи стало восстановление древней святыни. Меродах, бог Вавилона, явился во сне последнему из вавилонских монархов и повелел ему вновь поднять из руин святилище своего брата-бога. И Набонид рассказывает, как он выполнил возложенную на него задачу, как выкопал памятные камни древних ассирийских царей и как "искусством бога Лабана, повелителя фундаментов и кирпичной кладки,

серебра, золота и драгоценных камней, пряностей и кедрового дерева", он вновь построил К-Хулхул, "храм ликования". Бог луны Син, которому поклонялись в нем, был известен в арамейских землях Северной Сирии как Баал-Харран, "Владыка Харрана".

Но кроме Харрана был еще один город бога луны. Это был Ур в Вавилонии. В вавилонской литературе он известен как город Сина. Между Уром и Харраном должна была существовать какая-то тесная связь, и, возможно, Харран обязан своим основанием царям Ура. В любом случае, у эмигранта из Ура была веская причина поселиться в Харране. Оба города находились под одним и тем же божественным покровителем, а это означало в древнем мире, что оба жили одной религиозной и гражданской жизнью. Харран подчинялся правлению вавилонских царей; само его название свидетельствовало о вавилонском происхождении, а культура - о вавилонской. Закон и религия, нравы и обычаи - все это было одинаково и в Харране, и в Уре. Переселение из одного города в другой ничем не отличалось от смены места жительства из Лондона в Эдинбург.

Страна, в которой был построен Харран, составляла часть обширной территории между Тигром и Евфратом, которая в ранние времена была известна вавилонянам как Суру или Сури, название которой, возможно, сохранилось в названии города Суру, Суриех в современной географии. В семитские времена ассирийцы называли его Субари или Сувари, иногда также Субарту. Таким образом, Суру соотносился с нашей Месопотамией, хотя, по-видимому, включал в себя и часть Северной Сирии. Но району, в котором находился Харран, вавилоняне дали более специальное название. Это был Падан или Падин, "возделанная равнина", о которой в клинописной табличке говорится, что она лежит "перед горами арамейцев", а ранний вавилонский государь называет себя царем Падана, а также Северной Вавилонии.^[22] Название свидетельствовало о плодородии страны, к которой оно применялось. Вавилонские лексикографы делают *падан* синонимом слов, означающих "поле" и "сад"; на самом деле, первоначально это был участок земли, который могло вспахать одно ярмо волов за определенный период времени. Поэтому оно стало означать "акр", и этот смысл до сих пор сохранился в арабском *feddân*. Вавилонские договоры аренды и продажи земли, составленные в авраамическую эпоху, неоднократно описывают "федданы" или "акры", из которых состоит собственность. Плодородная равнина Месопотамии, соответственно, не была просто равниной; она также была "полем" или "акрами" Арама, где семиты из арамейского рода пахали и собирали урожай кукурузы.^[23]

По-египетски она называлась Нахарина. Это название было заимствовано у арамейцев, которые называли свою страну землей Нахараин, "двух рек". В Ханаане, как мы знаем из клинописных табличек Тель-эль-Амарны, она носила ханаанейскую форму Нахараим, Нахрима, конечный носовой в арамейских диалектах становился *м*. Таким образом, Арам-Нахараим был египетским и ханаанейским названием страны, о которой вавилоняне говорили как Падан-Арман, "Падан арамейцев". Оба названия восходят к эпохе, предшествовавшей исходу израильтян из Египта; одно из них относится к Египту и Палестине, другое - к Вавилонии.

Однако еще до эпохи Исхода арамейское население Месопотамии стало подданным народа, пришедшего, по-видимому, с севера. Митанни, расположенный на восточном берегу Евфрата, недалеко от современного Биреджика, стал столицей царства, которое простиралось на Нахараим с одной стороны и на окрестности Оронта с другой. Раса, основавшая царство, говорила на языке, не похожем ни на один из известных нам; он, однако, был агглютинативным и обнаруживает общие черты сходства с некоторыми языками Кавказа. Начиная с XVI века до н. э., Митанни и Нахараим являются синонимами, хотя иногда египетские писцы все еще соблюдали старое различие между ними; даже если, возможно,

Нахараим имел более широкое значение, чем Митанни. Но цари Митанни были энергичными и сильными. В эпоху переписки из Тель-эль-Амарны мы видим, как они враждовали с хеттами и вавилонянами в египетской провинции Ханаан, а Рамсес III из двадцатой египетской династии до сих пор причисляет народ Митанни к своим врагам. В более ранние времена царские семьи Египта и Митанни вступили в брак друг с другом, и эти браки привнесли новые идеи и революционную политику в древнюю монархию Нила. Когда было основано царство Митанни, мы не знаем. В ранних записях Вавилонии о нем нет никаких следов, и мы можем с уверенностью сказать, что оно возникло много позже эпохи Хамму-раби и Абрама.^[24]

Терах, как нам рассказывают, умер в Харране, и там остался жить Нахор, его второй сын. Терах и Нахор - имена, которые мы тщетно ищем в других местах Ветхого Завета или в надписях Вавилонии. И все же клинописные тексты пролили на них свет. В Каппадокии были найдены таблички, написанные архаичными клинописными знаками и на диалекте ассирийского языка, которые, по крайней мере, столь же древние, как и письма Тель-эль-Амарны; по мнению некоторых ученых, они относятся к династии Хамму-раби. На одной из этих табличек мы находим слово или имя *Нахур*; каково его значение, мы, к сожалению, сказать не можем; все, в чем мы можем быть уверены, это то, что оно было известно семитским жителям восточной Каппадокии, недалеко от арамейской границы.^[25] Имя Тераха указывает в том же направлении, Тарху был богом, чье имя входит в состав каппадокийских и северосирийских принцев; ему поклонялись хетты, и, таким образом, он принадлежит к тому же региону, что и тот, в котором мы нашли имя Нахора.

Но ни Тарху, ни Нахур не являются арамейскими в обычном понимании этого термина. Оба они, по-видимому, принадлежат к тому смешанному диалекту, который был открыт нам немецкими раскопками в Синджерли, к северу от Антиохийского залива, и по поводу которого ученые спорят, называть ли его гебраизированным арамейским или арамизированным ивритом. В любом случае, это диалект, который, хотя и является арамейским по происхождению, подвергся глубокому влиянию "языка Ханаана". Он свидетельствует о существовании ивритоязычного населения в той части мира. Было бы опрометчиво утверждать, что это население существовало там уже в патриархальные времена, хотя в каппадокийских скрижалях встречаются слова, которые, по-видимому, имеют древнееврейское происхождение. Но теперь мы знаем, что Северная Сирия когда-то была местом встречи северных семитских языков; что здесь они смешивались друг с другом и с другими языками, которые не были семитскими по типу, и что только здесь, за пределами страниц Ветхого Завета, можно найти имена Тераха и Нахора.^[26]

Нахор остался в Харране, а Аврам двинулся дальше на запад. Дорога была хорошо известна его современникам, и, вероятно, он следовал более поздней линии марша, которая вела мимо Кархемиша, ныне Иераблуса, Алеппо и Хамафа. От Хамафа к югу земля находилась во владении амореев. Их главная резиденция находилась непосредственно к северу от Палестины последующих дней, но они уже заняли значительную часть территории к югу от них, вплоть до Мертвого моря и пределов возделываемых земель. На протяжении многих веков они были доминирующим народом Запада. Уже во времена Саргона Аккадского они дали свое имя среди вавилонян Центральной Сирии и Ханаану. Это название, действительно, восходит к досемитским временам вавилонской истории. То, что семиты называли землей амурров или аморитов, шумеры называли Марту. И эти два названия, Амурра и Марту, продолжали обозначать Сирию и Палестину почти до самой последней эпохи вавилонской политической жизни.

Памятники Египта показывают нам, какими были эти амориты. Они принадлежали к светлокожей расе, как и ливийцы Северной Африки. В Абу-Симбеле их кожа окрашена в

желтый цвет - египетский эквивалент белого, глаза голубые, а борода и брови рыжие. В Мединет-Хабу кожа, по выражению профессора Флиндерса Петри, "скорее розовая, чем телесного цвета", а в гробнице восемнадцатой династии в Фивах она окрашена в белый цвет, глаза и волосы светло-рыже-коричневые. В Карнаке названия мест, захваченных Тотмесом III в Палестине, дополнены фигурами аморитов, чья кожа попеременно красная и желтая, красная означает солнечный ожог, а желтая - то, что мы называем белым. По чертам лица амориты принадлежали к индоевропейскому типу. Нос был прямой и правильный, лоб высокий, губы тонкие, скулы несколько выдаются, они носили усы и остроконечную бороду. Насколько мы можем судить по изображениям египетских художников, они принадлежали к долихоцефалической или длинноголовой расе.^[27]

О том, что они были высокого роста, мы знаем из Ветхого Завета. Рядом с ними древнееврейские разведчики описывали себя как кузнечиков. Города, которые они строили, были крепкими и "обнесены стенами до небес"; толстые стены одного из них были раскопаны на месте Лахиша профессором Петри и мистером Блиссом. Но хотя вавилоняне продолжали включать Ханаан в общий термин "земля аморреев" и говорили о ханаане как об "аморрее", они все же поняли, что между ними есть различие. Вавилонский царь Бурна-бурас, чьи письма к египетскому фараону были найдены в Тель-эль-Амарне, отличает Кинахи или Ханаан от земли аморреев, которая стала относиться к стране, расположенной непосредственно к северу от Палестины. Начиная с XVII века до н. э. и далее аморейцы и ханаанеи перестают быть синонимами. Только в некоторых частях Пятикнижия сохранилось старое вавилонское употребление названия "аморей".

Такое употребление никогда не было распространено среди ассирийцев. Когда Ассирия стала царством, и ее правители впервые повели свои армии на Запад, амориты уже не были доминирующей силой. Их место заняли хетты. Поэтому именно хатты, или хетты, в ассирийских надписях, в отличие от вавилонских, являются представителями Западной Сирии. На Черном обелиске Шалманесера II, хранящемся сейчас в Британском музее, даже Ахав Израильский и Бааша Аммонский включены в число "царей страны хеттов". Но от этого ассирийского использования термина "хетт" в Ветхом Завете остались лишь незначительные следы, если вообще остались.^[28]

Еврей Аврам впервые поставил свой шатер недалеко от будущего Сихема, под "теребином Мореха". Морех - это шумерское Марту, "аморей", еврейскими буквами; и этот факт указывает на следующее сразу за ним утверждение, что "ханаанец", а не аморей, "был тогда в земле" (Быт. xii. 6). Гора Сихем упоминается в египетском папирусе, описывающем путешествия египетского офицера по Палестине в XIV веке до н. э.^[29], но книга Бытия представляет город как основанный только при жизни Иакова (Быт. xxxiv. 6). Поэтому нам говорят, что Аврам направился именно к "месту" или "площадке" Сихема, а не к самому городу. И после основания города его ханаанские жители все еще называются амореями, в соответствии с древним вавилонским обычаем (Быт. xlviii. 22).

Далее мы находим древнееврейского патриарха в Египте. В Ханаане был голод, а Египет уже был житницей восточного мира. В табличках Тель-эль-Амарны мы слышим о том, что египетская кукуруза отправлялась голодающему населению Сирии; а Менептах, сын фараона времен Исхода, рассказывает, что он наградил корабли пшеницей для хеттов, когда те страдали от голода. Отсутствие дождя, уничтожившее урожай в Ханаане, не затронуло Египет, где плодородие почвы зависит от орошающих вод Нила.

В то время Египет, должно быть, находился под властью гиксосских царей. Это были азиатские завоеватели, захватившие страну с севера на юг и утвердившиеся на троне

фараонов. Три династии подряд правили страной, а потомки местных монархов превратились в *hiq* или вассальных "принцев" Фив. Поначалу, как рассказывают, они опустошили Египет, разрушив храмы и истребив народ. Но влияние египетской культуры вскоре привело их в плен. Двор гиксосов стал египтизированным, царь гиксосов принял титулы и состояние древних государей, Сутех, бог гиксосов, был отождествлен с Ра, богом солнца Он, а сам официальный язык остался египетским. Трактат по математике, одна из немногих научных работ, переживших кораблекрушение египетской литературы, был написан под покровительством гиксосского царя Апофиса I.^[30]

Тем не менее, при всей этой внешней лакировке египетской культуры, правление гиксосов оставалось чужеземным. Даже имена царей были не египетскими, и до последнего верховным объектом их поклонения было чужеземное божество. Согласно папирусу Саллье, война за независимость была вызвана требованием Апофиса II признать Сутеха, а не Амона, богом Фив, а на скарабее, найденном в Ком-Омбосе в 1896 году, в подтверждение этой истории написано имя Сутеха-Апопи.^[31] Более того, столица гиксосов не находилась ни в одном из старых центров египетского правления. Правда, Зоан, ныне Сан, в северо-восточной части Дельты, номинально был их официальной резиденцией; но они предпочитали жить в крепости Аварис, на крайней восточной окраине Египта и в пределах досягаемости своих азиатских сородичей. Именно из Авариса Апофис отправил свое дерзкое послание испуганному фиванскому принцу.

Еврейский гость в Египте, таким образом, оказался среди друзей, а не чужаков. Более того, ему достаточно было пересечь границу, чтобы оказаться в присутствии двора фараона. Будь то в Зоане или в Аварисе, он был одинаково близок к путешественнику из Азии.

Покинув Египет, Аврам поселился в Хевроне. Похоже, что название Хеврона "конфедерация" еще не существовало, поскольку Аврам "снял шатер свой" именно в "теребинфе" Мамре, а не в Хевроне. Действительно, более чем сомнительно, что Мамре и Хеврон занимали одно и то же место. Возможно, Мамре был более древней крепостью аморреев, место которой в последующие времена занял город, собравшийся вокруг прилегающего святилища Хеврона.

В любом случае, его население было аморейским, хотя, вероятно, мы должны понимать слово "аморей" в его вавилонском смысле. Аврам Еврей, - говорится в книге, - жил под теребином Мамре Амореянина, брата Ешколя и брата Анера; и они были единомышленниками Аврама". Другими словами, еврейский поселенец в Ханаане заключил союз с местными вождями.

Затем произошло событие, на которое начинают проливать свет клинописные записи Вавилонии. Хедор-лаомер, царь Элама, и вассальные ему цари Амрафель из Шинара, Ариох из Элласара и Тид'ал из "народов" выступили в поход против пяти ханаанских князей долины Сиддим у северной оконечности Мертвого моря, стремясь завладеть источниками нефти, которые в изобилии находились там и продукция которых уже поступала в Вавилонию. Захватчику не было оказано никакого сопротивления; на самом деле ясно, что вторжение не было чем-то новым и что остальная часть Ханаана уже была подчинена владыкам Востока. Двенадцать лет" пять ханаанских царей "служили Хедор-Лаомеру, а на тринадцатый год они восстали". Таким образом, силы Элама и Вавилонии вновь двинулись на запад. Восстание, судя по всему, охватило и другие части "земли аморреев", и армия вторжения двинулась на юг по восточному берегу Иордана. Сначала были повержены рефаимы в Аштерот-Карнаиме, на "поле Башана", как оно называлось во времена табличек Тель-эль-Амарны; затем последовала очередь зузимов в будущей земле Аммона и эзимов в том, что должно было стать землей Моава; И после поражения хоритов горы Сеир захватчики проникли в пустыню

Паран, обрушились на святилище Кадеш, которое теперь называется Айн-эль-Кадис, и вернулись на север вдоль западного берега Мертвого моря. Таким образом, они частично пошли по стопам более раннего халдейского царя Нарам-Сина, который за много веков до этого добрался до Синайского полуострова и завладел там вожаемыми медными рудниками.

Туземные князья в долине Сиддим не смогли противостоять врагу. Произошло сражение, закончившееся для ханаанейских войск плачевно. Цари Содомы и Гоморры были убиты, их люди загнаны в нефтяные ямы, которыми была полна равнина, или бежали в горы. Их города попали в руки завоевателей, которые унесли и пленных, и добычу.

Аврам узнал, что среди пленников был его брат Лот. Тогда он пустился в погоню за халдейским войском со своими тремястами восемнадцатью вооруженными последователями и силами союзников-амореев. Победоносная армия была настигнута под Дамаском, а ее тылы подверглись ночному нападению. Пленники и добыча были захвачены и с триумфом возвращены на юг Ханаана. Здесь, в "царских далах", за стенами Иерусалима, новый царь Содомы вышел поприветствовать его, а Мелхиседек, иерусалимский священник, благословил завоевателя во имя "Бога Всевышнего".

История похода Хедор-Лаомера похожа на выдержку из вавилонских хроник. Она датируется царствованием царя Синара или Вавилона, как и должно быть, если бы ее написал вавилонский писец, хотя вавилонский царь был всего лишь вассалом и данником эламского государя. Даже написание имен указывает на то, что они взяты из клинописного документа. Хам" для Аммона и "Зузим" для Замзуммима могут быть объяснены только особенностями клинописной системы письма.^[32]

Вся история, однако, была облечена в ханаанейскую форму. Царь Северной Вавилонии, столицей которой был Вавилон, стал царем Шинара, так на Западе называют северную половину Халдеи.^[33] Ларса, столица Эри-Аку или Ариоха, была превращена в Элласар, возможно, под влиянием вавилонского *al* - "город". Наконец, Тид'ал, Тудгула из клинописных текстов, назван "царем народов".

Фрагменты табличек, обнаруженные г-ном Пинчесом, в которых мы слышим о Хамму-раби, царе Вавилона, об Эри-Аку или Ариохе и его сыне Бад-мах-Дингирене, и о Кудур-Лаггамаре, Хедор-лаомере из Бытия, упоминают Тудгула или Тид'ала как "сына Газзы". К сожалению, последующие слова, в которых дается описание принца, были утеряны из-за разлома глиняной таблички. Но есть другая табличка, из которой мы можем восполнить недостаток. С одной стороны, нам говорят, что Тудгула сжег святилища Вавилонии и позволил водам Евфрата опрокинуть руины великих вавилонских храмов; с другой стороны, мы читаем: "Кто этот Кудур-Лагхамар, который творит зло? Он собрал Умман-Манду, опустошил землю Бэла и [выступил в поход] на их стороне". В других местах Кудур-Лагхамар называется царем Элама.^[34]

Умман-манда были варварскими племенами в горах, которые примыкали к северной части Элама и составляли восточную границу Вавилонии. Этот термин означает "кочевники" или "варварские народы" и, таким образом, является вавилонским эквивалентом древнееврейского гойим, "народы". Как "язычники", или гои, были для евреев, или "варвары" для греков, умман-манда были для цивилизованного населения Халдеи. Тот факт, что царь Элама призывает их на помощь, когда он вторгается в Вавилонию, подразумевает, что они признали его сюзеренитет. Таким образом, похоже, что "народы", над которыми, как утверждается, правил Тид'ал, были курдскими племенами к востоку от вавилонской границы.

В конце концов Хамму-раби удалось свергнуть эламского царя, разбить его соперника Эри-Аку и его эламских союзников и стать хозяином независимой Вавилонии, которая отныне была единым царством с центром и суверенным городом Вавилоном. В ходе недавних раскопок были обнаружены его письма, написанные его верному вассалу Син-идиннаму. Син-идиннам был царем Ларсы, которого Эри-Аку и его эламские войска изгнали из города его отцов, и он нашел убежище и защиту при дворе Хамму-раби в Вавилоне. Когда разразилась великая война, закончившаяся тем, что Хамму-раби остался единственным монархом Вавилонии, Син-идиннам оказал ему активную службу, а после окончания борьбы был восстановлен в своем родовом княжестве. Хамму-раби осыпал его и другими почестями, а в одном из найденных писем говорится о неких статуях, которые были подарены ему в награду за "доблесть в день поражения Кудур-Лагхамара". Это было восточное предвосхищение статуй, которые греческие города более позднего времени дарили тем, кого они чествовали.^[36]

Есть предположение, что поражение, понесенное Кудур-Лаггамаром в Палестине от рук "аморитов" под предводительством "еврейского Аврама", могло дать вавилонскому царю возможность успешно восстать против своего повелителя. Если это так, то древнееврейский патриарх мог повлиять на судьбы покинутой им страны. Более достоверно то, что победа дала ему возможность занять главенствующее положение в стране своего усыновления. Сирийская легенда в последующие дни сделала его царем в Дамаске;^[37] и когда он покупает скалу-гробницу Махпела, владельцы земли говорят ему, что он не "чужак и странник" среди них, а "могущественный князь", "князь Элохима". Отныне "иудей" занимает признанное место в "земле аморреев".

Фигура Мелхиседека, царя Салема, вырисовывалась в воображении последующих веков из тумана, окутавшего историю ханаанского Иерусалима. Но теперь романтика уступает место трезвой истории. На помощь нам пришли письма на глиняных табличках с вавилонским языком и письмом, найденные в Тель-эль-Амарне в Верхнем Египте. Несколько из них были отправлены фараону от Эбед-Тоба, царя Иерусалима, и они показывают, что Иерусалим уже был доминирующим государством в Южной Палестине. Его сильное положение делало его важной крепостью, и он был столицей территории, простиравшейся в сторону пустыни на юге. Его название уже было Иерусалим или Уру-Салим, "город Салима", Бога Мира, а иероглифические тексты Египта, соответственно, говорят о нем просто как о Шаламе или Салеме, опуская ненужное Уру, "город".

Эбед-Тоб повторяет, что он, как и другие правители Ханаана, не был под властью египтян. Они были назначены на свои должности фараоном или унаследовали их по наследству от старших царских родов страны, которым египетское правительство позволило остаться. Он же, напротив, был другом и союзником египетского царя. Его царское достоинство происходило не от отца или матери, а от "Могучего царя", от бога, храм которого стоял на "горе Иерусалимской". Поэтому он был царем-жрецом, без отца и матери, насколько это касалось его царской должности.^[39]

То, что царь Салема, священник Бога мира, должен был выйти из своего города и его храма, чтобы приветствовать завоевателя, когда тот возвращался с миром, было естественно и уместно. Столь же естественно и уместно, что он благословил еврея именем "Бога Всевышнего" - божества-покровителя Иерусалима, которого Эбед-Тоб отождествляет с вавилонским Нинипом, - и что Аврам в ответ дал ему десятину с добычи. С незапамятных времен в Вавилонии взималась десятин на содержание храмов и их жрецов, которую платили и князья, и крестьяне. Она перешла на Запад вместе с другими элементами и институтами вавилонской культуры.^[40]

Разрушение городов долины Сиддим, которое, как представляется, произошло вскоре после отступления эламского царя, произвело глубокое впечатление на западный мир. Упоминания о катастрофе встречаются вплоть до последних дней древнееврейской литературы, а туман, вызванный испарением соли на поверхности Мертвого моря, по народным представлениям, был дымом, который вечно висел над руинами обреченных городов равнины. Буря, обрушившаяся с небес, подожгла источники нефти, сочащиеся из почвы, и дома и люди были охвачены огненной пеленой. Подобные катастрофы произошли в наше время в Баку на Каспии, где случайно воспламенившаяся нефть несколько дней полыхала огненными столбами.

Изобретательные немцы связали с разрушением Содома и его городов-побратимов отрывок из сочинения латинского писателя Юстина (xviii. 3. 2, 3), в котором говорится, что финикийцы были изгнаны на ханаанское побережье землетрясением, произошедшим на их исконной родине у "Ассирийского озера". Вместо "Ассирийского" в некоторых рукописях читается "Сирийское", и, соответственно, озеро представляют себе как Мертвое море, а землетрясение - как огненный дождь, уничтоживший города на равнине.^[41] Но нет ни одного другого случая, когда Мертвое море называлось бы "Сирийским озером", если предположить, что это истинное чтение, и нет никаких следов землетрясения в катастрофе, описанной в Бытие. Более того, классическая древность единодушно заявила, что финикийцы пришли из Персидского залива, а не из долины Иордана, а их склонность к мореплаванию объясняется тем, что они когда-то жили на островах Эритрейского моря. Каким бы ни было "ассирийское озеро", оно не было "соленым морем" Ветхого Завета.

Израильтяне восходят к Авраму, который совершил обряд обрезания. Однако этот обряд не ограничивался Израилем. В Западной Азии он, по-видимому, имеет африканское происхождение. Его можно встретить среди большинства рас и племен Африки, а в Египте этот институт имел незапамятную древность. Согласно Геродоту (ii. 36), только египтяне, эфиопы и колхидцы соблюдали его "с самого начала", финикийцы и сирийцы Палестины научились ему у египтян, а каппадокийцы - у колхидцев. Но знания о мире, которыми обладал Геродот, были ограничены, а его антропология не отличается глубиной. Эта практика встречается в разных частях света; она обязана своим происхождением соображениям целомудрия, а ее поддержание - санитарным соображениям. Верно, что Африка была ее особой родиной и что она, по-видимому, была распространена среди аборигенных племен этого континента, но верно и то, что она была известна аборигенным племенам в других частях земного шара, среди которых - насколько мы можем судить - эта практика возникла независимо.^[42]

Был ли этот обряд изначально семитским, а также африканским, мы в настоящее время не знаем. У нас пока нет никаких определенных доказательств того, что он практиковался у вавилонян. Действительно, тот факт, что Авраам был обрезан только после прибытия в Ханаан, говорит о том, что это было не так. Даже в самом Ханаане, кроме филистимлян, были племена, которым оно было неизвестно, как мы узнаем из истории Хамора и Сихема (Быт. xxxiv. 14, sqq.). И хотя жители Северной Аравии обрезались на тринадцатом году жизни, как сообщает нам Иосиф, сомнительно, что тот же обычай преобладал в южной половине полуострова. Что касается Мадиама, то у нас есть четкое свидетельство (Исх. iv. 24-26, ср. ii. 19), что этот обряд считался особенным для пришельцев из Египта.

Поэтому представляется вероятным, что Геродот был прав, утверждая, что обрезание было введено в Палестину египтянами. Взаимодействие между Ханааном и Дельтой восходит к ранним дням египетской истории, и не удивительно, если египетское влияние проникло в

Ханаан в то же самое время. Ханаанских рабов везли в долину Нила, и, несомненно, египетских рабов иногда похищали в Ханаан.

Следовательно, обрезание Авраама и его домочадцев могло соответствовать обычаю, который уже сложился среди окружавшего его аморейского населения. Но независимо от того, так это или нет, обряд приобрел новое значение и принял новую форму. Он стал знаком и печатью религиозного завета. Те, кто прошел обрезание, были тем самым посвящены Богу Авраама и его потомков. Отныне существовало не только разделение на обрезанных и необрезанных, но и разделение на тех, кто принял обрезание Авраама, и тех, кто его не принял. Примечательно, что повествование прямо включает в число тех, кто таким образом был внешне посвящен Богу Израиля, не только родоначальника измаильских племен Северной Аравии, но и иноземных рабов, принадлежавших к дому патриарха. Они покинули дом своих отцов, и его Бог, соответственно, стал их Богом. Этот факт подтверждается законом, относящимся к другой печати завета между Израилем и его Богом: субботу должен был соблюдать не только израильтянин, но и "пришелец" в его воротах.

Обряд, который совершил патриарх, сопровождался сменой имени. Вавилонский Аврам стал палестинским Авраамом. Для выходца из старого восточного мира имя было не просто обозначением вещи; оно в какой-то мере было самой вещью. Даже греческая философия поначалу не могла провести различие между предметом и его выражением в речи. Вещь была известна только благодаря своему имени, а в имени можно было найти ее качества и сущность. Имя, вызывающее несчастливые ассоциации, само по себе приносило несчастье, но несчастье превращалось в благо, если имя менялось. Это поверье сохранилось до наших дней, и смена мыса Бурь на мыс Доброй Надежды - иллюстрация его влияния. Имя означало как личность, так и вещь. Сам человек менялся, когда менялось его имя. Поэтому ханаанеи или карийцы, поселившиеся в Египте и ставшие там египетскими гражданами, сразу же принимали египетские имена. Они оставили позади себя Ханаан и Карию с богами и привычками своих предков и приняли религию и нравы другой страны. Они, так сказать, избавились от своей старой личности и облачились в новую. Таким образом, вавилонский Аврам, став Авраамом Западной Азии, обрел новую личность. Это отрезало его, так сказать, от земли, где он родился, и дало ему новое рождение в стране его усыновления. Вавилонский князь-купец, перебивший арьергард войска Хедор-Лаомера, чья служанка родила ему родоначальника измаильян, стал праотцом и основателем израильской расы.

Этимология и значение нового имени неизвестны. Похоже, что они были забыты еще во времена написания книги Бытия. Во всяком случае, приведенное там объяснение имени (xvii. 5) представляет собой одну из тех игр слов, которыми так увлекаются библейские писатели, как и восточные люди в целом. Говорят, что Аб-(ра)хам - это Аб-хам(ôn), "отец множества", совершенно не обращая внимания на второй слог этого имени. Возможно, однако, что все же существовала традиция, согласно которой слово *raham* имело значение, сходное со значением *hamôn*, "множество", хотя попытки обнаружить какое-либо слово подобного рода в семитских языках до сих пор были безуспешными. Мы должны довольствоваться тем фактом, что Аб-рам, "возвышенный отец", был преобразован в израильского Аб-рахам.^[43]

За сменой имени последовало рождение Исаака и изгнание Измаила из дома отца. Как ни близки по крови были измаилиты северо-западной Аравии к дому Израиля, они лишь частично разделяли завет, заключенный с их общим отцом. Обрезание они тоже имели, но только Израилю был дан Закон. Только Израилю Бог открыл Себя под именем Яхве.

Надписи более позднего времени, найденные на территории исмаилитов, показывают, что язык, на котором тогда говорили исмаилитские племена, был арамейским, а не тем, который

мы называем арабским.^[44] От границ Вавилонии до Синайского полуострова и вплоть до северных горных хребтов Тавра использовались арамейские диалекты. Насколько разница в языке означала, что население, говорившее на этих арамейских диалектах, отличалось и по крови от других членов семитской семьи, мы не знаем, но вполне вероятно, что разница в крови была невелика. Семитская семья, по-видимому, была столь же однородной по расе, как и по речи, и различия в речи были сравнительно небольшими. На самом деле, семитские языки отличаются друг от друга не больше, чем языки современной Европы, претендующие на происхождение от латыни, и вполне вероятно, что говорящий на арамейском диалекте не испытывал бы больших трудностей, чтобы стать понятным для говорящих на том, что мы называем ивритом.

Иврит был, как говорит нам Исайя (ix. 18), "языком Ханаана". Этот факт стал очевиден европейским ученым, как только были расшифрованы финикийские надписи. Между ветхозаветным ивритом и финикийским языком древних жителей Ханаана различий меньше, чем между одним английским диалектом и другим. Главным из них является отсутствие в финикийском языке еврейского артикля и *waw conversivum*. Но идиома, которой грамматики дали последнее название, кажется, была независимым творением самого иврита, и даже в иврите она исчезла на поздней стадии развития языка. Артикль встречается в так называемых лихьянских надписях Северной Аравии,^[45] и мы можем рассматривать его как одно из свидетельств того, что израильтяне были бежавшими еще до того, как вошли в Палестину и проложили себе путь из пустыни в Землю Обетованную.

В табличках Тель-эль-Амарны история ханаанейского или древнееврейского языка перенесена за пределы эпохи Исхода. В некоторых письмах, написанных из Палестины, авторы добавили ханаанейские эквиваленты некоторых ассирийских слов и выражений. Они показывают, что с до-мозаичной эпохи и до периода изгнания язык изменился незначительно; слова и фразы, сохранившиеся таким образом, в основном те же, что мы находим на страницах Ветхого Завета.^[46]

Северная граница между ханаанейским и арамейским диалектами проходила среди гор Гилеада. Это ясно видно из повествования о завете между Лабаном и Иаковом. У Мизпы, "сторожевой башни", охранявшей подступы к югу, был воздвигнут каирн, который на языке Лабана назывался Егар-сахадута, а на языке Иакова - Галед (Быт. xxxi. 47, 48). Эти два названия одинаково означали "кучу свидетелей", но если первое было арамейским, то второе - ханаанейским. Тот факт, что эти имена сохранились в более поздней истории, показывает, что линия разграничения между двумя семитскими языками, которые они обозначают, продолжала оставаться на том же месте.^[47]

Иаков, несмотря на долгое проживание в Араме и родство с арамейской семьей, тем не менее по своему языку является ханаанеем. Это знак и доказательство того, насколько полно предки израильтян отождествляли себя с той страной, которой впоследствии должны были владеть их потомки. Ханаанская история Израиля начинается задолго до дней Моисея или Иисуса Навина; она датируется уже тем днем, когда вавилонянин Аврам стал Авраамом Ханаанским и когда поле Махпела было продано ему сынами Хета.

Правда, Иаков - или, возможно, Терах - однажды назван в Ветхом Завете (Втор. xxvi. 5) "странствующим арамейцем". Но он был таковым лишь во второстепенном смысле. Это название дано ему не как арамейцу, а как страннику из арамейских земель. Израиль был тесно связан с Арамом и Харраном, но это были только отношения.

Открытия, сделанные недавно в Северной Сирии немецким исследователем, доктором фон Лушаном, пролили свет на этот вопрос. В Синджерли, в двадцати пяти милях к северо-

востоку от Антиохийского залива и почти на полпути между Ярпузом и Айнтабом, он раскопал руины столицы древнего царства Самала и обнаружил памятники, в которых упоминается ассирийский царь Тиглат-Пилесер.^[48] Большинство из них, по сути, были воздвигнуты принцем, признававшим верховенство ассирийского монарха, и чье имя отца встречается в летописях последнего. Надписи на них сделаны на арамейском диалекте, но этот диалект настолько сильно смешан с еврейскими словами и идиомами, что сначала ученые сомневались, не является ли он арамейской формой иврита, а не арамейской формой арамейского. В любом случае, очевидно, что этот диалект находился в тесном контакте с населением, говорившим на "языке Ханаана". Поэтому далеко на севере, в самом сердце арамейской страны, должны были быть носители иврита или ханаанейского языка. Но и это еще не все. В двух-трех милях от развалин Самалы находятся руины другого древнего города, современное название которого - Гиршин. Здесь немецкие раскопки также нашли надпись того же возраста, что и в Самале, и из нее можно сделать вывод, что Гиршин стоит на месте города, который был столицей земли Я'ди. В табличках Тель-эль-Амарны, написанных за столетие до Исхода, Яуды упоминаются как живущие в той же части света.^[49] Теперь Яуды - это также ассирийский способ написания имени евреев, и, соответственно, кажется, что племя, носившее имя, похожее на Иуду, существовало в Северной Сирии еще в патриархальную эпоху.^[50]

Все это находится в исключительной гармонии с повествованием Писания, которое говорит нам, что часть семьи Тераха жила в Харране и что жены Исаака и Иакова происходили из их арамейского рода на севере. Евреи были как в Северной Сирии, так и в Ханаане, и Писание и археология одинаково согласны в подтверждении этого факта.

Возможно, даже в Вавилонии Авраам получил образование на "языке Ханаана". В Халдее существовали колонии аморейских (или, как мы бы сказали, ханаанейских) купцов, которым вавилонские цари выделили особые районы и привилегии. Они нередко упоминаются в договорах авраамической эпохи. Имена собственные, которые иногда встречаются в договорах купли-продажи или аренды, а также в судебных процессах, в которых участвовали иностранные купцы, являются ханаанейскими, а не вавилонскими. Так, мы встречаем такие имена, как Измаил и Абдиил, Иаков-эль (Я'куб-иль) и Иосиф-эль (Ясуп-эль), и даже читаем об "Аморрее, сыне Аби-раму", или Абраме, который фигурирует в качестве свидетеля в договоре, датированном царствованием деда Амрафела.

Таким образом, Израиль находился в тесной связи почти со всеми основными языковыми подразделениями семитского мира. Его первый праотец родился в стране, где говорили на вавилонском - или ассирийском, как мы его обычно называем, - языке, и его контакт с арамейским был ранним и тесным. Странствия по пустыне привели его в регион, куда могли пробираться племена бедавинов из Центральной Аравии, и еврейский артикль, по-видимому, является реликтом общения с ними и арабского языка, на котором они говорили. Но при всех этих контактах с другими семитскими языками Израиль, тем не менее, оставался верен языку земли своей судьбы: язык Ветхого Завета - это язык, на котором говорили в Ханаане до дней Моисея, язык надписей Финикии и Карфагена, язык Ганнибала и Иисуса Навина.

Если Израиль был связан языком с Ханааном, то он был связан кровью, а также языком с Моавом, Аммоном и Эдомом. Фактически, Эдом и Израиль были братьями. Если отношения с Моавом и Аммоном были сравнительно далекими, то отношения с Эдомом были особенно близкими. Этот факт никогда не забывался, и в последующие дни еврейской истории

небратское поведение Эдома вызывало у евреев такие горькие чувства по отношению к нему, каких не могли вызвать никакие другие язычники.

Моав и Аммон были детьми Лота и овладели горами и плодородными равнинами по восточную сторону Мертвого моря и южного течения Иордана задолго до того, как Израиль вступил в свои владения, или даже Эдом отвоевал себе владения мечом. Их обвиняли в кровосмесительном происхождении и рассказывали, как предки каждого из них родились в укрытии и диком одиночестве в пещере. Моав был старшим, а Бен-Амми, "аммонитянин", - младшим из двух.

Имя Моава (или Муаба) выгравировано среди завоеваний египетского фараона Рамзеса II на основании одной из статуй, стоящих перед северным входом в храм Луксора. Амми, чьим "сыном" называли предка аммонитов, был верховным богом Аммона, стоявшим к аммонитам в том же отношении, что и Хемош к Моаву или Яхве к Израилю. Аммон - это всего лишь другая форма имени Амми. Этому богу широко поклонялись, о чем можно узнать из имен собственных, в которые входит его имя. Так, Ветхий Завет знает об Аммиэле: "Амми - бог"; об Амми-шаддае: "Амми - Всемогуший"; и об Амми-надабе: "Амми - благородный". Амми-надаб был царем Аммона во времена ассирийского царя Ассур-бани-пала; в ранних минейских надписях Южной Аравии встречаются такие имена, как Амми-задок и Амми-задика, "Амми праведный", а также Амми-кариб и Амми-анши; в то время как среди царей южноаравийской династии, правившей Вавилонией в эпоху Авраама, мы находим Амми-задока, или Амму-задока и Амми-дхитана; а кадмонитский вождь к востоку от Иордана, у которого нашел приют египетский беглец Синухит в время двенадцатой династии, носил имя Амми-анши".^[51] Провидец Валаам, кроме того, был вызван царем Моава из его города Петор, расположенного у слияния Евфрата и Саджура, в "земле сынов Аммо" - таков правильный перевод древнееврейского текста. Возможно, не случайно тот, кто принадлежал к "бени-аммо", или "аммонитянам" севера, был призван в страну, граничащую с южной страной бени-амми, или аммонитян.^[52]

В нескольких милях к северу от Петора находился Кархемиш, ныне Иераблус, которому суждено было стать одним из важнейших опорных пунктов хеттских племен. Семиты объясняли это название как "укрепленная стена Хемоша";^[53] и независимо от того, верна эта этимология или нет, она указывает на веру в то, что поклонение Хемошу простиралось так же далеко на север в Арам, как и поклонение Амми. Хемош был национальным богом Моава. Как Яхве в Израиле и Ассур в Ассирии, он не имел ни жены, ни детей; на моавитском камне с ним отождествляется даже вавилонская богиня Аштар, культ которой был перенесен на Запад. Она перестает иметь самостоятельное существование или пол и поглощается единым верховным божеством моавитской веры. Вероятно, Амми также представлялся как одинокий, ревниво изолированный бог, верховный над всеми другими богами и не имеющий супруги, с которой он мог бы разделить свою власть.

Моав и Аммон были одинаково незванными гостями на землях, которые впоследствии носили их имена. Древние жители Моава были известны как Емим, "народ великий, многочисленный и высокий, как Анаким, который также считался исполином". Аммон тоже "считался землею исполинов: исполины жили в нем издревле, и Аммонитяне называют их Замзуммим". В Авторизованной версии слово "гиганты" переведено как Рефаим; и очень возможно, что его след сохранился в имени Он-Рефа, "Гигант", Рафон или Рафана классической географии, которое египетский завоеватель Тотмес III соединил с Астарту или Аштеротом. с Астарту или Аштерот-Карнаимом.^[54] Когда Хедор-Лаомер совершал свой поход в Ханаан, Рефаимы все еще жили в Аштерот-Карнаиме, а "Зузим" или Замзуммим - в "Хаме". Имя последних встречается в надписях царей Ура, правивших за несколько веков до рождения Авраама; в

них упоминаются враждебные походы на землю Завзалы или Зузима; а вавилонский первосвященник, находившийся в подданстве одного из них, привозил блоки известняка для своих храмов и дворца из того же района, который, по его словам, располагался "в горах аморреев".

Были ли Эмим и Замзуммим аморейскими племенами, мы сказать не можем. Однако физические характеристики, приписываемые им в Ветхом Завете, указывают на то, что это так. Более того, амориты в свое время были доминирующим населением не только в самой Палестине, но и в стране к востоку от Иордана, а также в сирийских районах к северу. Когда вавилоняне впервые познакомились с Западной Азией в пятом или четвертом тысячелетии до христианской эры, жители Сирии в основном принадлежали к аморейской расе. Соответственно, Сирия, и особенно та ее часть, которая известна нам как Палестина, называлась на старом агглютинативном языке халдеев "землей Марту" или "Аморитом", слово, сохранившееся в книге Бытия под формой Морех.^[56] Когда древний язык Халдеи уступил место семитскому вавилонскому, *Марту* стал *Амурру*, а Хадад, верховный Ваал или бог солнца Ханаана, стал известен как "Амурру", "аморейский". Египтяне называли аморитов амур; и, как уже говорилось,^[57] египетские художники показали нам, что они были светлокожими людьми, с голубыми глазами и рыжеватыми волосами; что они также были высокими и красивыми и носили короткие и остроконечные бороды. По сути, они напоминали ливийцев Северной Африки, чьи современные потомки - кабылы из Алжира - так поразительно похожи на золотоволосых келтов. Аморейский тип до сих пор можно увидеть в чистом виде среди арабов пустыни Эль-Ариш, населяющих район между границами Палестины и Египта: многие из них, какими мы видим их сегодня, вполне могли бы стать портретами аморреев, изображенных на стенах старых египетских храмов и гробниц. Похоже, что раса аморитов, красивых, высоких и энергичных, когда-то простиралась вдоль северного побережья Африки в саму Азию, где они занимали большую часть Южной Сирии. Там они оставили после себя кромлехи и дольмены, которые напоминают те, что находятся на наших островах. Действительно, если аморит был восточной ветвью ливийской расы, то вполне вероятно, что он мог бы претендовать на родство с так называемыми красными кельтами Британии. Физиологические характеристики ливийцев и светловолосых келтов схожи; и многие антропологи предполагают существование ливийско-кельтской или "евроафриканской" семьи, которая распространилась на север через Испанию и западную часть Франции на Британские острова.^[58]

Имим и Замзуммим, которых потомки Лота частично изгнали, частично поглотили, могли быть аморейского происхождения и связаны по расе с частью населения нашей страны. Во всяком случае, когда израильтяне вошли в Ханаан, амориты уже были расселены на восточной стороне Иордана. В то время земля была разделена между амаликитянами или бедавинами в пустыне на юге, хеттами, иевусеями и аморреями "в горах" и ханаанеями на побережье Средиземного моря и в долине Иордана (Числ. xiii. 29). Как и следовало ожидать в случае со светлокожим народом, амориты нуждались в бодрящем воздухе гор, чтобы противостоять другим жителям страны; на жарких равнинах им грозила опасность потерять бодрость.

Египетское владычество, которое фараоны восемнадцатой и девятнадцатой династий поддерживали к востоку от Иордана, исчезло с падением Египетской империи, а его место заняли аморейские царства Сихона и Ога. Сихон победил моавитян в битве и отвоевал у них территорию к югу от Арнона (Числ. xxi. 26). Они были изгнаны из своих городов в бесплодные горы, выходящие к Мертвому морю. До нас дошел фрагмент триумфальной песни аморитов, в которой зафиксировано это завоевание. Придите в Хешбон, - говорится в ней, - пусть город

Сигона будет построен и укреплен. Ибо из Есевона вышел огонь, из города Сигона - пламя; оно поглотило Ар Моав и Ваалима на высотах Арнона. Горе тебе, Моав! Ты разбит, народ Хемоса: Хемос отдал сыновей своих, которые спаслись [от битвы], и дочерей своих в плен Сигону, царю Amorрейскому" (Numb. xxi. 27-29).

Южная половина Аммона, вплоть до Иаббока, также находилась в руках аморреев. Однако здесь аммонитяне сильно укрепили свою "границу" (Numb. xxi. 24), так что ни самому Сигону, ни его израильским завоевателям не удалось пройти ее. Но Равва, "город вод", будущая столица Аммона, должно быть, удерживалась амореями, и два вторгшихся в страну народа - Аммон и Моав - были отделены друг от друга аморейским завоеванием.

Если древние жители страны были аморитянами по расе, то царство Сигона представляло собой реакцию аморитян против потомков Лота. Но мы должны помнить, что вавилоняне дали название "аморей" всему населению Палестины и прилегающих районов, независимо от того, были ли они амореями по крови или нет. Старый вавилонский обычай используется в нескольких отрывках Пятикнижия и указывает на их происхождение в те предмозаичные дни, когда вавилонское влияние все еще преобладало в Западной Азии. Так, в Быт. xv. 16 Бог заявляет Аврааму, что "беззаконие Аморреев еще не полно", а Иаков напоминает своим сыновьям (Быт. xlviii. 22), что он вырвал Сихем "из руки Аморея" своим мечом и луком. Возможно, что резкое заявление о том, что "ханаанец был тогда в земле", которое мы читаем в Быт. xii. 6, связано с предыдущим упоминанием теребинта Мореха или Марту, Марту - примитивный вавилонский эквивалент более позднего "аморея". Теребинт, действительно, находился в стране аморреев, но эта страна уже была заселена ханаанскими племенами.^[59]

Итак, мы не можем быть уверены, что аборигены Моавы и Аммона действительно принадлежали к аморейской расе. Вавилоняне, правда, объединили их под общим названием "амориты", но это произошло потому, что все остальное население Южной Сирии было известно под тем же названием. Однако тот факт, что древнееврейские писатели описывали их как высоких, как Анаким, и что народная традиция говорила о них как о Рефаиме или гигантах, говорит в пользу того, что они действительно были аморейского происхождения. В таком случае мы можем видеть в них самых восточных представителей белокурой расы и строителей кромехов, которыми покрыты склоны Моавы.

К югу от Моавы появились другие племена, которые, как и измаильтяне, по преданию, произошли непосредственно от самого Авраама. Это были мадианитяне и купеческие племена Саввы и Дедана, владевшие станциями на великой пустынной дороге, которая вела из пряноароматических областей Южной Аравии к границам Ханаана. Они утверждали, что являются потомками Кетуры, второй жены древнееврейского патриарха после смерти Сары. Другая генеалогия (Быт. x. 7) помещает Шебу и Дедана на крайнем юге Аравийского полуострова, среди детей Куша. Однако обе генеалогии верны. Шеба была царством сабеян, центр которого находился в Южной Аравии, но власть и торговля которых простирались далеко на север. Их торговые поселения и гарнизоны можно было найти в непосредственной близости от Мидии, в Теме, современной Тейме, и в других местах.^[60] Если профессор Хоммель прав, отождествляя Дедан с Тиданумом, одним из названий, под которым Палестина была известна в ранние времена выходцам из Вавилонии, то, похоже, что деданиты также стали ведущим народом на границах Ханаана. В любом случае, очевидно, что Авраама считали своим предком племена Западной Аравии от северной до южной ее оконечности, потомки Кетуры на западном побережье и караванных путях, а также измаильтяне на востоке. Они представляли собой торговое и более культурное население полуострова в противовес диким амаликитянам или ордам Бедавина, обитавшим в горах

Сеира и пустыне к югу от Палестины. Связь между Мадиамом и Израилем, выразившаяся в общем происхождении, была подтверждена в более поздние времена, когда великий законодатель Израиля бежал в Мадиама и женился на дочери его первосвященника.

О том, насколько эта связь была утрачена после смерти праотца израильского народа, свидетельствует история о жертвоприношении Исаака. К Аврааму пришел голос, который он принял за божественный, и велел ему принести "во всеожжение" сына своей старости, наследника завета, заключенного с ним. Это была форма жертвоприношения, слишком хорошо известная в Ханаане. Во время моровой язвы или беды родитель был призван принести в жертву Ваалу самого дорогого и близкого ему человека - первенца или единственного сына. Пример подавали сами боги. Однажды, когда на землю обрушилась чума, Эль одел Йеуду, своего единственного сына, в царский пурпур и на одном из высоких мест Палестины принес его в жертву оскорбленным богам.^[61] Доктрина заместительной жертвы была глубоко укоренена в сознании ханаанейского народа. Но это должна была быть жертва, которая стоила жертвователю почти столько же, сколько его собственная жизнь. Только плоды его собственного тела могли смыть грех его души. И жертва должна была быть огненной. Только с помощью этого очищающего элемента можно было стереть пятна греха и нечистоты и сделать жертву приемлемой для небес.

Эта практика, какой бы ужасной она нам ни казалась, все же была основана на истине. Жертва, если она должна была быть принята, должна была быть самой дорогой, которую мог принести жертвователь. Боги не требовали того, что им ничего не стоило. Она должна была быть самой дорогой из всех, что можно было принести; она должна была быть, по словам пророка, плодом собственного тела грешника. Ничто другое не могло быть достаточным: боги требовали первенца, более того - единственного сына. Никаким другим способом Ваал не мог убедиться, что грешник раскаялся в своей вине или принес ему жертву, равную по ценности его собственной жизни.

Первенцы всех животных, как зверей, так и людей, были в долгу перед богами. Это верование не ограничивалось ханаанейцами. Мы находим следы его в вавилонской литературе, и все обличения пророков до изгнания не смогли искоренить его из сознания евреев. Вплоть до последних дней иудейской монархии долина сынов Хиннома была осквернена дымом жертвоприношений, в которых, как говорят эфемистически, цари и жители Иерусалима заставляли своих детей проходить через огонь. Вера, действительно, была освящена самим Моисеевым законом. Человеческие жертвоприношения, правда, были запрещены, но первенцы, тем не менее, должны были быть искуплены (Исх. xxxiv. 20). Подобно первенцам и первенцам скота, Яхве объявил, что первенцы сынов Израиля также принадлежат Ему (Исх. xxi. 29). Он мог претендовать на них, и лишь по Своей воле Он отказался от этого требования. Вместе с этим утверждением Его притязаний на первенцев пришла и доктрина заместительного наказания. Замена допускалась не только в отношении первенцев: раз в год грехи всего народа возлагались на голову козла отпущения, которого, как злого духа, изгоняли в пустыню. Идея заместительного наказания, лежащая в основе исторического христианства, уже нашла свое выражение в Моисеевом законе.

Таким образом, жертвоприношение первенца было частью более широкой концепции, за которой скрывалась глубокая истина. Грехи отца возлагались на ребенка в нескольких смыслах; ребенок, по сути, мог стать искуплением за них и отвести на себя гнев богов. Опыт показал, как часто сын должен страдать за поступки родителя, и из этого следовало, что если эти страдания будут добровольно принесены родителем на небо, то он получит все вытекающие из них блага. Более того, у богов было право на первенца, если они решали им

воспользоваться; соответственно, принося первенца в жертву, человек лишь возвращал им то, что принадлежало только им.

Язычество эпохи Моисея не пошло дальше. Израиль первым понял, что закон о замене первенца за грехи отца подчинен более высокому и общему закону - закону заместительного наказания. Как первенец человеческий мог быть заменен родителем, так и низшее животное или цена низшего животного могла быть заменена первенцем человеческим. Бог Израиля требовал не жертвы, а духа жертвенности; не крови быков и козлов, и даже не людей, а послушания и готовности отдать все самое дорогое и лучшее по повелению Бога.

История о жертвоприношении Исаака стала практической иллюстрацией к этому уроку. Авраам был призван заковать своей рукой своего единственного ребенка, сына, через которого, как он верил, он станет родоначальником могущественного народа. Он был призван отвести его на одно из тех высоких мест Ханаана, где божество казалось ближе к поклоннику, чем на равнине, и там, подобно финикийскому богу Элу, принести его в жертву своему Богу. Нам рассказывают, как он отправился из Беэр-Шебы, расположенной на границе пустыни, и на третий день достиг священной горы, на вершине которой должен был совершаться ханаанский обряд. Согласно еврейскому тексту, она находилась в "земле Мориа" - название, которое летописец (2 Chron. iii. 1) переносит на храмовую гору в Иерусалиме. Но Септуагинта в книгах Хроник меняет это название на "гору Амории" или амореев; в то время как в Бытие греческие переводчики, должно быть, читали Морех, поскольку еврейское слово переведено как "нагорье". Морех - это вавилонское Марту, земля аморреев, так что нам не стоит удивляться тому, что сирийская версия смело заменяет "аморреев" на масоретское "Мориа".

В любом случае, вера в то, что местом жертвоприношения Авраама было место, на котором впоследствии стоял иудейский храм, восходит к раннему периоду. Когда книга Бытия приняла свою нынешнюю форму, она уже закрепилась в еврейском сознании. Это ясно из пословицы, приведенной для объяснения имени Яхве-ирех. По сей день, - говорят нам, - сказано: "На горе Господней будет видно". Для еврея существовала только одна "гора Господня", та гора, на которой Яхве явил Себя над херувимами ковчега. Это был "холм Божий", где Он желал обитать (Пс. lxxviii. 15), место святилища Яхве, Бога Израиля. Когда самаритяне воздвигли на Геризиме свой храм, соперничающий с иерусалимским, необходимо было перенести место жертвоприношения древнееврейского патриарха на новое место. Это доказывало, насколько тверда была уверенность в том, что храмовая гора была освящена для жертвоприношения первенцев великим прародителем израильского рода. Место, где приносились жертвы иудейского ритуала, было тем самым местом, куда Авраам был приведен Богом, чтобы принести там в страшную жертву своего единственного сына. Авраам дал ему название, и это название нашло свое объяснение в поговорке, бытовавшей в Иерусалиме о храмовой горе.

Действительное значение этого названия точно не известно, как и первоначальный смысл самой пословицы. Уже во времена перевода Септуагинты значение последней было сомнительным, и греческие переводчики сделали божественное имя субъектом глагола, прочитав: "На горе Господь был виден". Но тот факт, что Летописец называет храм горой Мориа, показывает, что такой перевод не был принят в Иерусалиме.

Возможно, название "гора Господня" восходит, во всяком случае, по существу, к патриархальным временам. Среди мест в Южной Палестине, завоеванных египетским фараоном Тотмесом III, XVIII династии, и записанное на стенах храма в Карнаке, - Хар-Эль, "гора Бога". Имена, встречающиеся в непосредственной связи с Хар-Элем, указывают на то,

что его местоположение следует искать в окрестностях Иерусалима; а поскольку название самого Иерусалима не встречается в списке завоеваний фараона, вполне вероятно, что мы видим в нем будущую столицу Иудеи. Как мы теперь знаем из табличек Тель-эль-Амарны, Иерусалим был важным городом Ханаана задолго до эпохи Моисея; более того, он был центром района, завоеванного египтянами, а его правитель был вассалом египетского монарха. Поэтому трудно объяснить отсутствие какого-либо упоминания о нем в каталоге завоеваний фараона, если не предположить, что он действительно упоминается среди них, хотя и под другим названием.

Расстояние, отделяющее Иерусалим от Беер-Шебы, соответствует трем дням пути Авраама к месту, предназначенному для жертвоприношения. На третий день Авраам поднял глаза свои "и увидел место вдаль". Главным, фактически единственным, весомым аргументом против этого отождествления является тот факт, что место жертвоприношения, по-видимому, было пустынным. Ни один зритель не упоминается в качестве присутствующего, а рядом с ним была чаща, в которой барана поймали за рога. Как, спрашивается, можно примирить такое уединение с существованием города на том же месте? Как может пустынное место, где патриарх воздвиг жертвенный алтарь для своего сына, быть идентичным городу-крепости, царем которого был Мелхиседек?

На первый взгляд, трудность кажется непреодолимой. Но мы должны помнить, что в повествовании ничего не говорится о том, что это место было пустынным и удаленным от людей, и даже о том, что оно не находилось в стенах города. Кроме того, мы должны помнить, что сам храм Соломона был построен на месте, которое раньше было молотильным полом Арауны Иевусеянина. Таким образом, до эпохи Соломона это место должно было быть открытым и свободным от построек; оно также должно было представлять собой ровную площадку из камня на вершине холма, где ветры могли свободно играть и разбрасывать мякину при обмолоте зерна. Такие открытые пространства нередки в восточных городах, и иногда посетитель внезапно попадает из тесных и многолюдных переулков в заросли кустарника и сорняков.

Правда, в книгах Самуила, где рассказывается о том, как молотильня иевусея была выбрана местом строительства храма, нет никаких намеков на жертвоприношение Авраама. Выбор места объясняется другой причиной. Но восточные способы написания истории не похожи на наши, и так называемый аргумент от молчания не имеет смысла, когда применяется к ним. Археологические открытия раз за разом показывают, что факты и ссылки обходятся молчанием авторами древней восточной истории не потому, что они их не знали, а потому, что их представление об истории отличалось от нашего.

Итак, гора Мориа вполне могла быть местом того искушения Авраама, когда, в соответствии со свирепым ритуалом Сирии, он посчитал себя призванным принести в жертву своего единственного сына. Во всяком случае, вера в то, что это было именно так, прослеживается среди иудеев с самого раннего времени. Сам факт, что самаритяне перенесли место жертвоприношения на гору Геризим, доказывает, что оно уже ассоциировалось с местом строительства храма, и перенос места был необходим для обоснования утверждения, что истинный центр еврейского поклонения находился в Самарии, а не в Иерусалиме.

На замену барана человеческой жертвой пролило свет острое наблюдение М. Клермон-Ганно.^[63] Мы знаем, что человеческие жертвы занимали важное место в ритуале Финикии и Карфагена; и все же в так называемых жертвенных тарифах, которые были обнаружены в Карфагене и Марселе и в которых указана цена каждого из жертвоприношений, требуемых богами, о них абсолютно ничего не говорится. Место человеческой жертвы занимает *айил*,

"баран" из книги Бытия.^[64] Тарифы Карфагена и Марселя относятся к тому более позднему периоду финикийской религии, когда контакт с греками привнес западные представления о ценности человеческой жизни и более верное представление о том, что требовали боги. Карфагенские купцы узнали, что Ваал удовлетворится жертвой, которая будет стоить дешевле человека, и примет вместо него кровь баранов.

Урок, который карфагеняне извлекли из общения с греками, был преподан предкам евреев Господом. И Закон, и пророки протестовали против старой веры, как ни трудно было искоренить ее в сознании семитов. Жертвоприношение дочери Иеффая стоит особняком даже в беспокойном периоде Судей; жертвоприношение старшего сына царем Моава (2 Цар. III. 27), хотя и остановило нападение израильтян, было поступком того, кто не признавал Яхве израильского своим Богом; а еврейские дети, сожженные в огне Молоху, были принесены отступниками от национальной веры. Израильское законодательство и история несут на себе следы древнего семитского обычая, но это только следы. История жертвоприношения Авраама - это прообраз будущей истории религии Израиля. Первенцы, конечно, принадлежали Яхве, если Он решал требовать их; но, в отличие от языческих богов, Он не требовал их, когда они были первенцами человеческими.

И снова мы видим Авраама, но на этот раз не в образе шаха, который подчиняется верованиям и обычаям Ханаана, а в образе иностранного принца, который приобретает землю в стране своего усыновления. Сара умерла, и Авраам покупает поле в Махпеле, в непосредственной близости от Хеврона. Поле включало в себя часть известняковой скалы, возвышавшейся над городом и пронизанной, как тогда, так и сейчас, многочисленными углублениями, частично естественными, частично вырытыми рукой человека. Это были места погребения жителей города, камерные гробницы, в которых покоились умершие. То, что Авраам выбрал Хеврон в качестве будущего дома и места отдыха своей семьи, было вполне естественно. Именно здесь он жил, когда впервые пришел в качестве переселенца в "землю аморреев"; именно здесь он был в союзе с вождями аморреев и возглавил свои силы против вторгшегося войска царя Елама. Кроме того, Хеврон был одним из старых центров Ханаана. Он был построен за семь лет до Зоана в Египте (Числ. xiii. 22), возможно, в ту эпоху, когда гиксосские цари впервые завоевали Египет и отстроили Зоан, сделав его столицей своего нового царства. Хевронское святилище соперничало с Иерусалимским по святости и славе, во всяком случае, в годы, непосредственно следовавшие за израильским завоеванием, и именно в Хевроне Давид впервые установил свою власть, а его сын Авессалом созрел для восстания.

В эпоху Авраама город еще не получил своего более позднего названия Хеврон, "Конфедерация". Он все еще назывался Кирхат-Арба, а район, в котором он находился, - Мамре. Аморреи и хетты жили там бок о бок. Арба, как нам говорят, был "великим человеком среди Аморреев Анаким" (Иис. xiv. 15), но именно у "сынов Хетовых" было куплено поле Махпела.

Критики поднимают вопрос о том, кем могли быть эти хетты из Южной Палестины. Утверждалось, что они являются выдумкой более позднего древнееврейского писателя и что хетты Северной Сирии никогда не селились на юге Ханаана. С другой стороны, достоверность древнееврейских записей признается, но тождество "сынов Хета" с великими хеттскими племенами на севере отрицается.

Однако у критиков нет оснований для скептицизма. Книга Бытия не одинока в своем свидетельстве о существовании хеттов в Южной Палестине. То же самое делает и пророк Иезекииль. Он тоже говорит нам, что Иерусалим был частично аморейским, частично

хеттским. Действительно, на протяжении всего Пятикнижия предполагается, что хетты и аморреи смешались в горных районах страны. Хетты, и Иевусеи, и Аморреи, - говорится в книге Чисел (xiii. 29), - живут в горах, и то же сочетание имен в том же порядке встречается в географической таблице Бытия (x. 15, 16). В Ветхом Завете не проводится различия между этими хеттами и северными хеттами. Земля хеттов, упомянутая в Иуд. i. 26, в которую пробрался ханаанейский предатель Бет-Эля, находилась на севере, как и хеттские царства, о князьях которых говорится в 2 Цар. vii. 6.

Благодаря археологическим открытиям мы теперь многое знаем об этих хеттах Северной Сирии. Их имя встречается на памятниках Египта, Ассирии и Армении, они упоминаются в вавилонских табличках, восходящих к эпохе Авраама. Первой их родиной была Каппадокия; отсюда они спустились во владения арамейцев и установили свою власть вплоть до Хомсского озера. Клинописные надписи Армении IX века до н. э. описывают их как жителей верхнего Евфрата в окрестностях Малатии, а ассирийский царь Тиглат-Пилесер I. (1100 г. до н. э.) говорит нам, что одной из их столиц был Кархемиш. В табличках Тель-эль-Амарны мы слышим о росте их могущества на северной границе Египетской империи, об их интригах с амореями и народами Ханаана и об их неуклонном продвижении на юг. Рамсес II, фараон угнетения, после двадцати лет войны был рад заключить мир на равных с "великим царем хеттов". Столица хеттов уже находилась так близко к северной границе Палестины, как Кадеш на Оронте "в земле аморреев". Здесь хеттский монарх собирал своих вассалов и союзников из Сирии и Малой Азии; даже далекие ликийцы и дарданцы приходили по его зову.

Египетские художники оставили нам портреты представителей хеттской расы. Их черты лица и одежда были одинаково своеобразны, и оба они без изменений повторяются на некоторых памятниках, найденных в Малой Азии и Сирии, что позволяет утверждать характер последних вне всяких сомнений. Монументы покрыты до сих пор не расшифрованной системой иероглифического письма, и среди иероглифов много человеческих голов со странным профилем хеттского лица. Нос и верхняя челюсть выступают вперед, лоб высокий и покатый, щеки гладкие, в то время как из картин Египта мы узнаем, что кожа была желтой, а волосы и глаза - черными. Волосы были собраны в подобие "косички", а ноги обуты в обувь горцев, пальцы которой поднимались вверх в виде острия.^[65]

Почему бы хеттам не поселиться в Южной Палестине и не скреститься там с более древними амореями, как это было, согласно свидетельствам египетских надписей в Кадеше на озере Хомс? Действительно, есть косвенные доказательства того, что так и было на самом деле.

Тотмес III, завоевавший Сирию во времена восемнадцатой египетской династии, рассказывает, что получал дань от царя "большой хеттской земли". Тогда существовала меньшая хеттская земля; а поскольку "большая хеттская земля" находилась на севере, разумно искать меньшую землю на юге. Полвека спустя, в то время, когда велась переписка из Тель-эль-Амарны, хетты активно вмешивались во внутреннюю политику Ханаана; на одном из барельефов Рамсеса II. в Карнаке побежденное население Ашкелона, расположенного по соседству с Хевроном, изображено с особым хеттским типом лица.^[66] В еще более ранний период, когда ассирийцы впервые познакомились с Западной Азией, доминирующим народом там были хетты. Соответственно, в ассирийских надписях вся Сирия, включая Палестину, стала называться "землей хеттов". Шалманесер II даже говорит об Ахаве Израильском и Вааше Аммонском как о "хеттских" царях.^[67] "Земля хеттов" в ассирийских текстах, таким образом, соответствует "земле аморитов" в текстах Вавилонии. Как Ханаан был "землей аморреев" для вавилонянина эпохи Авраама, так же он был "землей хеттов" для

ассирийца эпохи Моисея. Прежде чем Ассирия познакомилась с берегами Средиземноморья, хетты заняли место аморитов и стали ведущей державой на Западе.

Поэтому нет ничего невероятного в том, что в Южной Палестине жили хетты, принадлежавшие к настоящему северному племени. Но название может быть также связано с тем, что его использовали ассирийцы в то время, когда было написано повествование в книге Бытия. Использование термина "аморит" в нескольких отрывках Пятикнижия, безусловно, имеет вавилонское происхождение и возвращает нас в эпоху, когда все уроженцы Палестины были одинаково включены в него; возможно, что "хетты" Хеврона и Иерусалима обязаны своим названием аналогичному принятию иностранного термина. Если это так, то амориты и хетты были в равной степени одним народом; но если название "аморит" происходит из Вавилонии и указывает на более раннюю дату источников повествования, в котором оно встречается, то название "хетт" указывает на Ассирию и ассирийскую эпоху азиатской истории.

Против этого говорит вавилонская окраска истории о взаимоотношениях Авраама с сынами Хета. За последние несколько лет в Вавилонии были обнаружены тысячи табличек с договорами, которые относятся к эпохе Авраама или к более раннему периоду. И эти таблички показывают, что в рассказе о покупке поля Махпела мы имеем точное представление о подобных сделках, как они совершались в то время в городах Вавилонии. По сути, он похож на один из клинописных документов, которые были найдены на вавилонской земле. Он соответствует законам и процедурам Вавилонии, какими они были в патриархальную эпоху. В более поздний период закон и процедура были изменены, поэтому повествование, в котором они воплощены, должно восходить к до-мозаичной древности. Оно должно относиться к вавилонской, а не к ассирийской эпохе.

То, что законы и обычаи Вавилонии должны были преобладать в Ханаане, уже не вызывает удивления. Те же договорные таблички, которые открыли нам коммерческую и социальную жизнь первобытной Халдеи, также показывают нам, что колонии "аморейских" или ханаанских купцов были поселены в Вавилонии, где они пользовались многочисленными правами и привилегиями, могли приобретать землю и другую собственность. Для них были выделены специальные районы, называемые "аморейскими", один из которых находился прямо за стенами города Сиппара. У них были свои судьи, и при возникновении споров между ними и коренными вавилонянами дело рассматривалось как в "аморитском", так и в местном суде. Эти иностранные поселенцы могли выступать в качестве свидетелей в процессах, касавшихся только вавилонян, и даже занимать высокие государственные посты. Однако следует помнить, что вавилонские цари претендовали на роль царей и "земли аморреев", и, следовательно, уроженцы Ханаана были такими же подданными правителей Халдеи, как и сами вавилоняне.

Через ханаанские колонии в Вавилонии знание вавилонских законов обязательно передавалось торговому миру Запада. Более того, вавилонское правление принесло с собой вавилонскую культуру и право. Амориты, когда вавилоняне впервые встретились с ними, несомненно, находились в полуварварском состоянии, а их последующая культура, как мы теперь знаем, была полностью вавилонской. Очень важной частью этой культуры, во всяком случае, в глазах торгового мира, было вавилонское право, особенно в его отношении к договорам. То, что покупка поля Махпела должна была быть проведена со всеми формальностями, к которым Авраам привык в своем халдейском доме, - это, следовательно, то, что, согласно археологическим открытиям, должно было произойти.

Простую форму договора купли-продажи земельной собственности в Вавилонии можно найти в одном из договоров, составленном в царствование Эри-Аку или Ариоха. Он написан на шумерском, старом юридическом языке Халдеи, как латынь была юридическим языком Европы в средние века, и выглядит следующим образом: - "Одна и пять шестых сар^[68] террасы с домом на ней, ограниченной с трех сторон домом Абиль-Сина, а с четвертой стороны улицей, была куплена Син-узилли, сыном Цили-Истара, у Син-иллацу, сына Наннар-арабита: 2½ сикля серебра он взвесил как ее полную цену. В последующие дни Син-Иллацу не будет предъявлять никаких претензий на дом и оспаривать право собственности.

Договаривающиеся стороны поклялись именами Сина, Самаса и царя Эри-Аку. Свидетели: Абу-Илису, сын Цили-Истар, Абил-Син, сын Уруки-бансума, Нур-Амурри, сын Аби-идиннама, Ибку-Урра, , сын Наби-Илису, и Син-семке, его брат. Печати свидетелей (прилагаются)."

Еще большее представление о характере и процедуре вавилонского торгового права дает запись о деле о спорной собственности, которое рассматривалось судьями в царствование Хамму-раби или Амрафела. Ниже приводится его перевод: "О саде Син-магир, который Найд-Амурри купил за серебро, но на который претендовал Илу-бани на том основании, что он разводил там лошадей. Они пошли к судьям, и судьи отвели их к воротам богини Нин-Марту (хозяйки земли аморреев), и судьям у ворот Нин-Марту Илу-бани заявил в воротах Нин-Марту следующее: Я действительно сын Син-магира; он усыновил меня как своего сына; запечатанные документы (фиксирующие этот факт) он никогда не уничтожал. Так он заявил, и при (царе) Эри-Аку они присудили сад и дом Илу-бани. Затем пришел Син-мубалидх и потребовал сад Илу-бани; они пошли к судьям, и судьи (сказали): Нам и старейшинам они доставлены и должны стоять в воротах богов Меродаха, Сусса, Сина, Хуса и Нин-Марту, дочери Меродаха... и старейшины, которые уже выступали по делу Найд-Амурри, слышали, как Илу-бани заявил в воротах Нин-Марту, что "я действительно сын (Син-магира)"; соответственно, они присудили сад и дом Илу-бани. Син-мубалидх не может прийти снова и предъявить претензии. Клятвы были принесены именами Сина, Самаса, Меродаха и царя Хамму-раби. Свидетели: благородный Син-имгуранни, Элил-Син, Абил-ирзитим, Убаррум, Занбил-арад-Син, Ахия, Бел-дугул (?), Самас-бани, сын Абид-рахаса, Заник-пису, Изкур-Эа, майор-домовой, и Бау-ила. Печати свидетелей (прилагаются). В 4-й день месяца Таммуз, года, когда царь Хамму-раби возносил молитвы Тасмиту."

Нет необходимости приводить другие документы подобного рода, разве что следует добавить, что при продаже поля или сада тщательно оговариваются посаженные на нем пальмы и другие деревья. Так было и в случае с полем Махпела. И здесь сделка состоялась перед "старейшинами" города, у "ворот", через которые входил народ, и была должным образом засвидетельствована "сынами Хета". Тот факт, что "чужеземец и странник" мог таким образом приобрести земельную собственность и передать ее своим потомкам, строго соответствовал вавилонскому закону. Как ханаанеянин в Вавилонии мог купить землю и оставить ее своим детям, так и вавилонянин в Ханаане мог сделать то же самое. Даже технические слова, используемые при записи договора купли-продажи, имеют вавилонское происхождение. Сикль - это вавилонский *сикль*, и вавилонянин первым заговорил о "взвешивании серебра" в смысле "выплаты денег". Утверждение, что сикли были "в ходу у купца", возвращает нас к тем вавилонским "купцам", которые играли такую большую роль в ранневавилонском мире. Именно для них Дунги, царь Ура, задолго до рождения Авраама установил денежный стандарт, который оставался в употреблении вплоть до поздних дней Халдейской монархии. Он законодательно определил вес и стоимость манеха, шестидесятая часть которого составляла сикль, и только те манехи и сикли, которые соответствовали ему, могли быть приняты вавилонским торговцем. Слова Бытия любопытно указывают на период общества, к которому они должны относиться.^[73]

В вавилонском праве, как и в праве всех других стран, происходила эволюция; и хотя ранние договоры оставались образцом для договоров более поздней эпохи, их стиль и форма претерпевали изменения. Ассирийские и более поздние вавилонские договоры, правда, напоминают их в основных чертах, но они стали более сложными, а старая фразеология во многом изменилась. Старейшины" больше не выступают в качестве свидетелей; больше нет необходимости разбирать дела о спорном праве собственности у различных ворот города; и сомнительно, чтобы иностранцы могли претендовать на те же права в отношении земельных владений, которые они имели во времена Амрафела и Ариоха. Продажа поля Махпела относится, по сути, к ранневавилонскому, а не к ассирийскому периоду.

На страницах Бытия перед нами предстают лишь фрагменты жизни Авраама. Они похожи на ряд картин, спасенных с затонувшего корабля прошлого. И не всегда эти картины написаны в одних и тех же тонах. В одно время патриарх предстает как "могущественный князь", как богатый и культурный халдейский иммигрант, имеющий под своим началом вооруженные отряды воинов, с которыми он может осмелиться напасть даже на армию царя Элама. Он - единомышленник аморейских вождей, князь, к которому хетты Хеврона относятся с уважением. Но в другое время краски на полотне кажутся совсем иными. Когда ангелы предупреждают патриарха о приближении гибели городов равнины, они застают его в шатре бедави, ведущего простую жизнь некультурного кочевника и готовящего еду для своих гостей собственными руками. Контраст между этим бедавийским шахом и спутником царя Гера или фараона Египта действительно велик.

Для западного ума, однако, контраст больше, чем для восточного. Путешественник на Востоке хорошо знаком с богатыми бедавинскими шахами, которые живут в пустыне в варварской простоте, но, тем не менее, имеют свои дома в Каире или Дамаске, где они предаются всей роскоши и великолепию восточной жизни. Более того, повествования, объединенные в книге Бытия, не все происходят из одного источника. Некоторые из них взяты из письменных исторических документов, которые дышат атмосферой культурного города, образованного писца и роскошного двора. Другие, заимствованные, возможно, из устных преданий, наполнены духом странника в пустыне и представляют нам простую жизнь и грубую пищу обитателей шатров. История патриархов, по сути, напоминает многоцветный плащ Иосифа. Это скорее серия картин, чем однородное целое. Материалы, из которых она состоит, сильно различаются как по характеру, так и по происхождению. Можно доказать, что некоторые из них были современны событиям, о которых они повествуют; некоторые, наоборот, похожи на сказки о старых героях, которые рассказывали арабы-кочевники во времена, предшествовавшие исламу, сидя ночью у своих костров. Детали и дух истории неизбежно приобретают цвет той среды, через которую они прошли. Жизнь Авраама, несомненно, представляла собой контраст, который до сих пор представляет жизнь богатого бедавийского шаха; в одно время он жил в условиях дикой свободы и лишений пустыни, в другое - среди роскоши и культуры города; но контрасты усилились из-за различий в источниках, через которые они были переданы. Естественно, если писец записывал только те этапы истории Авраама, которые приводили его в соприкосновение с великим миром царей и князей, войн и торговли, то кочевник, рассказывающий древние истории, останавливался на тех ее частях, которые были понятны ему и его слушателям. Для них Авраам становился таким же странником в пустыне, как и они сами.

Это различие в источниках повествования объясняет, почему фигура Авраама так сильно заслоняет фигуру его сына Исаака. Исаак кажется почти поглощенным тем мраком древности, сквозь который так сильно вырисовывается фигура его отца. Кроме его спора с Авимелехом Герарским, который читается как повторение спора между Авимелехом и

Авраамом, о жизни Исаака мало что рассказывается, что не связано с его более знаменитым отцом или сыном. Между Авраамом и Иаковом, великими предками Израиля, Исаак, кажется, является лишь связующим звеном.

Но жизнь Исаака была жизнью Бедави-шаха. Другая сторона жизни и характера его отца была утеряна. Праотец Израиля перестал быть халдеем и стал просто жителем пустыни, подобно беглым рабам из Египта в последующие времена. Остался даже Хеврон, и жизнь Исаака прошла в основном на северном краю той пустыни, в которой его потомки в последующие времена должны были получить Закон. Если он и приближался к Ханаану, то только к Беер-Шебе и Герару на южной окраине ханаанской территории, где бедавины со своими стадами все еще претендовали на роль хозяев. Но его главная резиденция находилась дальше на юге, в самом сердце пустыни.

Таким образом, Исаак по сути своей был бедави, то есть представителем того этапа жизни, через который израильтянам суждено было пройти до завоевания Земли Обетованной. Соответственно, он никогда не соприкасался с политикой и торговлей цивилизованного мира. В его жизни не было ничего, что мог бы запечатлеть историк; ничего, что могло бы внести его имя в письменную историю того времени. Если память о нем и сохранялась, то только в неписаных традициях пустыни, в сказках, которые рассказывали о нем в пустынных племенах.

Однажды, говорят, он вступил в связь с царем. Этим царем была одна из тех ханаанейских принцесс, именами которых полны таблички Тель-эль-Амарны. Владения Авимелеха из Герара были невелики и, должно быть, крайне бесплодны. Герар находится в двух часах езды к югу от Газы,^[74] а территория его царя простиралась на восток до Беер-Шебы. По сути, это была пустынная территория: большую часть года вся страна голая и бесплодная; только после дождя пустыня внезапно расцветает зеленой травой.

В истории о споре Исаака с Авимелехом автор Бытия называет его "царем филистимлян", а о его подданных говорит как о "филистимлянах". Однако это приспособление к географии более позднего времени. В эпоху патриархов юго-восточный угол Палестины еще не был занят филистимскими переселенцами. Из египетских памятников мы узнали, что это были пираты с островов и побережья Греческого моря, которые захватили пограничные города Южного Ханаана только во времена фараона Менептаха, сына Рамсеса II. До этого времени, на протяжении более трех столетий, пограничные города были гарнизоны египетскими войсками и входили в состав Египетской империи. Только во время Исхода этот район перешел в руки филистимлян, а старый путь в Египет по морскому побережью стал известен как "путь филистимлян".

Поэтому, говоря о филистимлянах, автор книги Бытия говорит пролептически. И читая рассказ о взаимоотношениях Исаака с Авимелехом рядом с повествованием о взаимоотношениях Авраама с тем же царем, трудно удержаться от вывода, что перед нами две версии одного и того же события. Несомненно, история повторяется; споры о владении колодцами в пустынной местности могут часто повторяться, и вполне возможно, что два царя с одинаковыми именами могли сменять друг друга на троне Герара. Но вот что не кажется очень вероятным, так это то, что у каждого из этих царей должен был быть "начальник войска своего", называемый странным несемитским именем Фихол (Быт. хxi. 22; хxvi. 26); что каждый из них должен был взять жену патриарха, считая ее своей сестрой; или что Беэр-Шеба дважды получила одно и то же имя из-за клятв, принесенных над ней.

Если сравнить эти две версии вместе, то нетрудно понять, какая из них более оригинальна. Именно во второй версии Авимелех назван "царем филистимлян"; в первой он правильно

назван "царем Герара". Авраам был оправдан, называя Сару своей сестрой; у Исаака не было ни оснований, ни причин поступать так же в отношении собственной жены. Более того, Беер-Шеба уже получила свое название от Авраама, который посадил там *кшель*, или тамариск, и "призвал имя Господа, Бога вечного".

Жена Исаака была привезена из Харрана, из рода Авраама, поселившегося в Северной Сирии и ставшего там арамейским родом. Она была дочерью Бетуэля, "дома Божьего" - имя собственное, которое встречается в письмах Тель-эль-Амарны, где оно также принадлежит выходцу из Северной Сирии.^[75] Бетуэль - это более древняя форма Вефиля, помазанного камня, который, согласно семитским верованиям, был особым местом обитания божества. Такое название было особенно уместно в Харране, где великий храм бога Луны, "Ваала Харранского", сам по себе был Вефилем в большом масштабе.

То, что Исаак прожил всю свою жизнь в южной пустыне и что его имя не было связано ни с одним из древних святилищ Ханаана, за исключением Беер-Шебы, возможно, любопытно, если вспомнить отрывок из пророчеств Амоса (vii. 9), где имя патриарха связывается именно с Северным Израилем, а не с Иудой. Однако Исаак был таким же праотцом израильтян Самарии, как и иерусалимских; использование его имени пророком свидетельствует лишь о том, что он не был простым еврейским героем, но считался предком всего израильского народа. Для всего Израиля Исаак был не менее исторической личностью, чем Авраам или Иаков.

То, что место обитания Исаака должно было находиться в пустыне на юге, хорошо согласуется с тем фактом, что он был отцом как Эдома, так и Израиля. Таким образом, он жил на пограничной территории двух народов, которые впоследствии кичились своим происхождением от него.

Исав, от которого эдомиты ведут свое происхождение, был старшим из двух его сыновей-близнецов. Это имя связывают с именем финикийского божества Усуса, но на самом деле Усус - это одноименный бог города Усу, расположенного по соседству с Тиром. Исав овладел горами Сеир. Здесь он частично поглотил, частично уничтожил более древние расы - амаликитян или бедавинов, чьи потомки до сих пор бродят по вади Эдома, и хоритов, которых несколько сомнительная этимология превращает в троглодитов или обитателей пещер. Сам Эдом, "Красная земля", получил свое название из-за красного оттенка скал. Это название уходило корнями в далекую древность, ведь и у египтян пустынная страна, простиравшаяся на восток от Эдома, называлась Дешер, "Красная". Каламбурная этимология в Бытие (xxv. 30) сохраняет воспоминание об истинном происхождении этого имени.

Территория Исава простиралась на юг до верховьев Акабского залива. Здесь находились города Элат и Эзионгебер, через которые товары Индийского океана шли на север, обогащая купцов и князей Эдома, проходящих через их земли. На севере Эдом соприкасался с народами Ханаана. Жены Исава, как нам говорят, были "из дочерей Ханаана" (Быт. xxxvi. 2); одна из них, по крайней мере, была хеттеянкой, а другая, согласно одному рассказу (Быт. xxvi. 34), носила имя "еврейка". Но другие жены были взяты из племен Аравии. Ваземат была дочерью Измаила и сестрой набатейского вождя, а Ахолибама - дочерью хорита, принадлежавшего к первобытной расе Сеира.

Как и измаильтяне, как и израильтяне, эдомитяне долго не подчинялись царскому правлению. Сначала они были разделены на племена, каждое из которых подчинялось шаху. В Израиле шехи назывались "судьями" - титул, заимствованный у ханаанского населения; в Эдоме они носили имя *алуфим*, которое в Авторизованной версии переводится как "князья".

Старое имя сохранилось до времени Исхода, как мы можем понять из его использования в Песне Моисея (Исх. xv. 15). Но когда скитания по пустыне почти закончились, и Израиль готовился к вторжению в Палестину, эдомские князья уже были заменены царями. Именно к "царю Эдома" Моисей послал гонцов из Кадеша с просьбой "пройти через границу его", и именно царь Эдома отказал ему в этой просьбе. Но древний дух независимости все еще сохранялся, и, как мы можем понять из выдержки из эдомских хроник, сохранившейся в Быт. xxxvi, монархия была выборной. Сын никогда не сменял отца на троне, царское достоинство переходило от одной части царства к другой, и каждый город по очереди становился столицей.^[77]

Хотя Исав был старшим, право первородства перешло к младшему брату. Израильская традиция знала не один случай, объясняющий это. Рассказывали, как Исав продал свое право первородства за кусок похлебки; рассказывали также, как оно было украдено у него хитростью его брата Иакова. Естественно, первая традиция была более популярна в Израиле, вторая - в Эдоме, и объединение их в книге Бытия свидетельствует о том, с каким усердием автор книги собрал все, что было известно о прошлом его народа, а также о беспристрастности, с которой он использовал свои материалы. Возможно, обе истории обязаны своей сохранностью игре слов, которая была с ними связана. Красная похлебка служила для объяснения имени Эдома, ремесло младшего сына - имени Иакова.^[78]

Однако недавнее открытие пролило свет на истинное происхождение этого имени. Оно представляет собой третье лицо единственного числа глагола и образовано подобно многочисленным именам того же класса в арабском и ассирийском языках. Но третье лицо единственного числа глагола предполагает наличие именительного падежа, а именительный падеж первоначально был божественным именем или титулом. В обыденном употреблении именительный падеж стал опускаться, и стала использоваться только сокращенная форма имени. Более древняя форма имени Иаков теперь восстановлена в памятниках Вавилонии и Египта. Среди ханаанеев, которые фигурируют в качестве свидетелей вавилонских договоров эпохи Хамму-раби, мистер Пинчес обнаружил Иаков-эль и Иосиф-эль, "Бог воздаст", "Бог добавит".^[80] Те же имена, хотя и написанные немного по-другому, встречаются в договорах более ранних, чем время Моисея, которые были обнаружены около Кайсари, в Каппадокии, и записаны на глиняных табличках клинописью и на вавилонском диалекте. Таким образом, мы можем проследить их путь от первобытного дома Авраама до окрестностей того арамейского района Северной Месопотамии, в котором поселился его отец.

Но это еще не все. Среди мест в Палестине, завоеванных Тотмесом III из восемнадцатой египетской династии и запечатленных на стенах его храма в Карнаке, мы находим Иаков-эль и Иосиф-эль. Таким образом, в Ханаане эти имена уже были актуальны; возможно даже, что в городе Иаков-Эль мы имеем воспоминания о патриархе, а в Иосиф-Эле - связь с родоначальником "дома Иосифа". В любом случае, название Иосиф-Эль следует сразу за названием "Хар" или "Гора" Эфраима, в то время как название Иаков-Эль располагается по соседству с Хевроном.^[81]

Имя Иакова-Эля можно отнести еще дальше, чем эпоха Тотмеса III, возможно, даже дальше, чем эпоха самого патриарха. Существуют египетские скарабеи, на которых написано имя фараона по имени Иаков-Эль. Первая часть имени написана так же, как и на иврите, а фараон наделен всеми титулами законного египетского царя. На одном из них он "добрый бог", на другом - "сын солнца" и "податель жизни". Скарабеи относятся к периоду правления гиксосов, и в фараоне Иакове-Эле мы, соответственно, должны видеть одного из тех гиксосских завоевателей из Азии, которые правили Египтом на протяжении стольких веков.

Таким образом, в Египте был Иаков еще до переселения туда патриарха, и он принадлежал к той гиксосской расе, при которой Иосиф поднялся до высших государственных почестей.^[82]

Сокращенная форма этого имени также встречается в вавилонских текстах; и вполне вероятно, что Эгиби, основатель великой банковской и торговой фирмы, которая вела дела в Вавилонии вплоть до эпохи персидских царей, носил идентичное ей имя. Во всяком случае, более древние формы Иакова и Иосифа показывают, что и Исаак должен быть сокращением от более раннего "Исаак-эль" (*Ицхак-эль*). Первоначальным значением этого слова было "Бог улыбается".

Ремесло Иакова стало причиной его бегства к семье матери в Падан-Арам. Так он стал тем "странствующим арамейцем", о котором мы читаем во Второзаконии (xxvi. 5). По пути он остановился в великом Бет-Эле в Центральной Палестине и там в видении увидел ангелов Божьих, поднимающихся и спускающихся по ступеням из известняка, которые были навалены одна на другую к воротам рая.^[83] Там же он возлил масло на священный камень и освятил его божеству, а последующие поколения почитали его как настоящий Бет-Эль или "Дом Божий".

Это название, как нам говорят, было дано ему самим Иаковом. Если я приду в дом отца моего с миром, - сказал он, - то Яхве будет моим Богом, а этот камень, который я поставил для столба, будет домом Божьим; и из всего, что Ты дашь мне, десятую часть я непременно отдам Тебе". Этот обет соответствовал ханаанскому обычаю, который первоначально пришел из Вавилонии. С незапамятных времен вавилонские храмы содержались за счет десятой доли или десятины, которая взималась как с царя, так и с народа; не считалось, что боги просят слишком многого, когда требовали десятую часть дохода, который сами давали человеку. Среди вавилонских договоров-таблиц есть несколько, которые относятся к выплате десятины, а также к дарам, которые делались в Бит-или или Бет-Эль.^[84]

Обет Иакова был исполнен, по крайней мере частично, когда он снова вернулся в Ханаан. И снова "Бог явился ему" и изменил имя патриарха. И снова "поставил он столб каменный, и возлил на него жертву питья, и возлил на него елей. И нарек Иаков имя месту, где Бог говорил с ним, Бет-Эль". Этот второй рассказ о названии места, несомненно, происходит из другого источника, чем тот, в котором записан сон Иакова, и является рассказом, который был известен Осии, пророку северного царства. Современные критики утверждают, что оно не согласуется с первым, и, следовательно, ни одно, ни другое не является историческим. Однако составитель книги Бытия думал иначе; он не пытался сгладить то, что европейский ученый объявляет несоответствиями, и что, следовательно, не могло казаться ему несоответствиями. Следует еще раз отметить, что восточный способ написания истории не похож на наш; и поскольку мы сейчас имеем дело именно с древним Востоком, было бы разумнее следовать суждениям автора Бытия, а не его европейских критиков.

В Харране Иаков служил своему двоюродному брату Лабану "за жену, и за жену он держал овец". Подобные договоры о добровольной службе можно найти в вавилонских табличках эпохи Хамму-раби и его предшественников. Не было ничего необычного в том, что раб сдавался в наем другому хозяину на определенный срок; иногда случалось, что и сам хозяин сдавал свои услуги подобным образом.^[85] В Вавилонии работа была отчасти пастушеской, отчасти сельскохозяйственной; полубедавийский Иаков был только пастухом. Его двоюродный брат Лабан носил имя, которое также было именем ассирийского божества; и, возможно, это не простое совпадение, что когда Набонид, последний царь Вавилонии, восстанавливал великий храм бога Луны в Харране, он говорит нам, что начал работу "с помощью искусства бога Лабана, бога фундаментов и кирпичной кладки".

Две дочери Лабана носили имена, хорошо знакомые уху пастуха. Рахиль означает "овца", Лия - ассирийское *ли'ту*, "корова". Нет нужды пересказывать хорошо известную историю ухаживания за младшей дочерью и попытки Лабана удержать Иакова на службе и выдать за него обеих сестер. Хитрость отвечала на хитрость, но в конце концов родоначальник Израиля оказался более чем достойным соперником хитрого сирийца. Его скот и богатство умножались, как и рождавшиеся у него дети, и наступило время, когда сыновья Лавана стали с завистью смотреть на бедного родственника, лишившего их наследства. Тогда Иаков бежал, не дождавшись вреда, унося с собой жен и детей и все накопленное богатство. Лабан пустился в погоню и сумел догнать тяжело нагруженный караван в том самом месте, где сходились границы Арама и Ханаана. Там был воздвигнут каменный столб, в котором последующие поколения видели памятник о договоре, заключенном между Иаковом и его тестем. Отныне связь с Арамом была разорвана: жены Иакова забыли родину своего отца и вместо Арама смотрели на Ханаан как на родину своего рода. Над Гилеадским курганом праотцы Израиля навсегда поклялись в своих арамейских связях.

Но Рахиль унесла с собой терафимов своего отца, домашних богов, от культа которых, казалось, зависело благополучие семьи. Какими они были, можно судить по терафимам Давида, которые Михаль положила на диван своего мужа и таким образом обманула посланцев Саула (1 Цар. хix. 13-16). Они должны были иметь форму человека, и, во всяком случае, в случае Давида, должны были быть примерно мужского размера. Подобно ефоду и уриму и туммиму, они использовались как оракулы (Зах. х. 2), и их использование продолжалось среди евреев вплоть до периода плена. Когда Осия изображает грядущее запустение Израиля, он описывает его как время, когда "сыны Израилевы будут жить много дней без царя, и без князя, и без жертвы, и без священного столба, и без ефода и терафима" (Ос. iii. 4).

Окончательный разрыв между Иаковом и арамейской частью семьи Тераха был отмечен сменой имени. Отныне Иаков должен был стать отцом детей Израиля. Он и его потомки были отделены от остальных своих сородичей в Падан-Араме, в Эдоме или в землях за Иорданом. Авраам был "отцом многих народов"; Иакову предстояло стать отцом лишь одного - избранного народа, которому были открыты характер и поклонение Яхве.

Мы читаем о нем в книге Осии (xii. 3, 4): "Силою своею он имел власть у Бога; да, он имел власть над ангелом и победил". То, что в Авторизованной версии переведено как "имел силу", на иврите звучит как *sârâh* и *yâsar*. История этой таинственной борьбы полностью изложена в книге Бытия. Длинный караван Иакова прибыл в Маханаим, "два стана" у потока Иаббока, и оттуда он отправил гонцов к своему брату, который уже утвердил свою власть в горах Сеира. В последующие времена название этого места связывали со странным происшествием, которое случилось с патриархом. Его посетили ангелы Божьи, а может быть, и сам Бог. В ночных видениях он боролся с тем, кого, когда наступило утро, он принял за своего Бога. Он видел Бога как бы лицом к лицу, и народная этимология видит в этом факте объяснение названия Пенизель. Когда Осия писал свои пророчества, уже укоренилось мнение, что человек не может "видеть лицо Божие и жить", и ангел Божий, соответственно, занимает место самого Бога. Но когда создавалось повествование в книге Бытия, более примитивное представление о Божественной природе все еще преобладало, и не было никакой неохоты излагать именно то, во что верил сам патриарх. Это был Бог, с которым он боролся и у которого вымолил благословение, и память об этом конфликте и победе сохранилась в имени Израиль, которое отныне носил Иаков.

Этимология, однако, на самом деле является лишь одной из тех игр со словами, которыми так увлекаются библейские авторы, как и восточные писатели в целом. Она не имеет никакой

научной ценности и никогда не имела ее. Израиль, как и Эдом, - это имя не отдельного человека, а народа, предком которого этот человек был. Имя образовано так же, как и имя Иаков-Эль, а в Песне Моисея вместо него используется сокращенное Иешурун.^[87] Если последнее верно, то корень будет не *sârâh*, "он сражался", или *yâsar*, "он царь", а *yâshar*, "быть прямым", "направлять"; и Израиль будет означать "Бог направил". Израиль, , на самом деле будет "праведным" народом, призванным ходить путями Господа.

Пока Иаков пас овец своего арамейского тестя, Исав прославился среди гор Хоритов. Наполовину разбойник, наполовину охотник, он собрал вокруг себя группу последователей и с их помощью основал если не царство, то, во всяком случае, государство к югу от Моава. Правда, "красная" земля, которую он занял, была каменистой и бесплодной, но через нее проходила торговая дорога из пряных районов Южной Аравии, и грабежи или дань купцов, путешествовавших по ней, приносили богатство ему и его хорошо вооруженному Бедавину. То, что сделал Давид в более поздние времена, возглавив банду разбойников и с их помощью возведя себя на трон Иудеи, уже было совершено Исавом среди варваров Сеира.

Послание Иакова привело его на север по пустынной дороге, которая пролегла к востоку от Моава и Аммона. Из этой истории ясно, что Иаков мало что знал о силе своего брата. Когда пришло известие о том, что он идет с отрядом в четыреста человек, сердце Иакова сжалось, и он думал только о том, как спасти себя и хотя бы часть своего богатства от могущественного вождя-разбойника. Случившееся доказало, что его предосторожности были излишни. Исав повел себя с великодушием, которое, наверное, трудно было бы описать еврейскому писателю, и упросил брата сопровождать его в Сеир. Иаков боялся принять приглашение и так же боялся от него отказаться. С характерной для него осторожностью и хитростью он пообещал прийти, но заявил, что из-за скота и детей, которые были с ним, необходимо медленно идти по следу Исава. Итак, эдомитский вождь ушел, а Иаков позаботился о том, чтобы повернуть на запад через Иордан в землю Ханаанскую. Там, среди городов и полей цивилизованного "аморея", он чувствовал себя в безопасности от преследования племен пустыни.

Неужели именно страх перед Исавом удерживал его в Центральной Палестине и не позволял ему так долго приближаться к южной части страны, где в основном жили его отец и дед? В любом случае, если Авраам купил землю в Хевроне, то земля, купленная Иаковом, находилась вблизи Сихема. Более того, это был "участок поля, на котором он раскинул шатер свой", а не место погребения его семьи. Поэтому кажется, что она предназначалась для постоянного проживания; здесь патриарх решил обосноваться и поменять свободную жизнь пастуха-кочевника на жизнь жителя Ханаана.^[88]

Поле было куплено у Хамора, отца Сихема, основателя города, которому суждено было стать резиденцией первой монархии в Израиле, и на нем был воздвигнут первый алтарь, посвященный Богу Израиля. Эль-Элох-Израэль, "Эль - Бог Израиля", - так назывался жертвенник, что означало, что Эль, которому поклонялись ханаанеи, тоже был Богом Израиля. Но хотя поле было куплено за сто "кусков денег" - выражение, заметим, не вавилонское - мы также уверены, что Иаков получил землю в Сихеме по праву завоевания. Благословляя Иосифа, он объявил ему, что колену его любимого сына дан "Сихем выше" его "братьев", который он взял "из руки Аморрея мечом и луком" (Быт. xlviii. 22); а в истории об изгнании Дины рассказывается, как сыновья патриарха расправились с жителями города, как они поработили их женщин и унесли их имущество. Страшная история мести никогда не

была забыта; она упоминается в "Благословении Иакова" (Быт. xlix. 5-7), а исчезновение Симеона и Левия как отдельных колен рассматривалось как наказание за содеянное. По-видимому, после завоевания Ханаана израильянами население Сихема осталось наполовину ханаанейским, наполовину израильским,^[89] и ханаанейское население, естественно, с ужасом и возмущением вспоминало преступление сыновей Иакова. То, что это преступление было приписано предкам двух южных колен, а не Иссахару или какому-либо другому северному колену, свидетельствует в пользу его достоверности.

Сыновей Иакова было двенадцать, как и двенадцать сыновей Измаила, и они соответствовали двенадцати коленам Израиля, которые были названы по их именам. И все же это соответствие требовало некоторого форсирования. Сомнительно, что когда-либо в одно время существовало именно двенадцать израильских колен. В Песне Деборы Иуда вообще не фигурирует, его место занимает Ефрем, который вместе с Вениамином простирается на юг до пустыни амаликитян, а Махир заменяет Манассию и Гада. Левий никогда не обладал собственной территорией; если бы он это сделал, то колен было бы тринадцать, а не двенадцать. В то же время он имел такое же право считаться отдельным коленом, как и Дан, чьи города находились на севере, а также на юге, где, однако, они были поглощены Иудой; большее право, возможно, чем Симеон, который едва ли существовал только по имени. Территория Рувима лежала за пределами Палестины и представляла собой лишь пустынные вadi и пастбища царства Моава; можно сказать, что эта страна принадлежала племени только в том смысле, в каком вadi к востоку от Дельты принадлежат бедавинам, которым египетское правительство в настоящее время разрешает жить в них. Наконец, Манассия была разделена на две половины, чтобы довести число племен до требуемой цифры.

Очевидно, что эта схема является искусственной. Израиль после завоевания Ханаана действительно мог быть разделен на двенадцать отдельных частей, но такое деление было лишь теоретическим. Не существовало двенадцати территорий, соответствующих частям, а самих частей могло быть тринадцать, одиннадцать или десять, так же как и двенадцать.

Вывод, который можно сделать из этого, очевиден. История приписывает Иакову двенадцать сыновей, и, следовательно, необходимо было привести число израильских колен в соответствие с этим фактом. Современная критика забавлялась тем, что перевернула историю и предположила, что двенадцать сыновей патриарха обязаны своим происхождением двенадцати коленам. Соответственно, она делает выводы из того факта, что некоторые из сыновей Иакова были потомством наложниц, а не двух его законных жен, и что Иосиф и Вениамин были самыми младшими из всех. Но такие умозаключения не соответствуют предположению, что в двенадцати сыновьях мы имеем лишь одноименных героев двенадцати колен. Это дешевый способ создания истории, и, в конце концов, то, что мы знаем о коленах, не вписывается в эту теорию. В истории Дана и Неффалима, Гада и Ашера нет ничего такого, что заставило бы считать их внебрачными, если бы это внебрачное происхождение не было фактом; более того, в Песне Деборы, которую почти все относят к раннему периоду правления судей, Неффалим и Завулон поставлены на одну ступень. Различие между сыновьями Лии и сыновьями Рахили не соответствует реальному расколу между племенами юга и севера Палестины: Вениамин, после смерти Саула, последовал за Иудой и Симеоном, в то время как сыновья Иосифа присоединились к Завулону и Иссахару. Более того, если бы сыновья Иакова были лишь отражением колен, было бы трудно объяснить существование Иосифа или понять, почему Махир занимает место Манассии и Гада в Песни Деборы.

Критическая теория - результат внедрения греческого образа мышления в семитскую историю. Греческие племена, правда, вели свое происхождение от одноименного предка, но этот предок был богом или героем, а не человеком. Среди семитов, однако, как нас еще может научить история Аравии, концепция племени была совершенно иной. Племя было расширенной семьей, которая называла себя по имени своего первого главы. Оно начиналось с отдельного человека и до последнего называло себя его детьми. Греческое племя, напротив, начиналось с рода, и его теоретический предок, соответственно, был просто божественным персонажем, чей общий культ удерживал его вместе. В семитском племени не могло быть культа предка, поскольку родоначальник был обычным человеком, поклонявшимся той же форме Ваала и использовавшим те же обряды, что и его последующие потомки.

Тем не менее, в "критическом" предположении может быть доля истины. Имена предков некоторых израильских племен могли быть рефлексом позднейших названий самих племен. Из этого не следует, что имя, под которым один из сыновей Иакова стал известен последующим поколениям, на самом деле было именем, которое он носил сам. Если бы Иаков единодушно назывался древнееврейскими писателями Израилем, мы бы никогда не узнали его первоначального имени. Не исключено, что имя Ашер - это рефлекс подобного рода. В *"Путешествиях Мохара"*, написанных в Египте в царствование Рамсеса II до завоевания Ханаана израильянами, говорится о "горе Пользователя" как о находящейся в той самой местности, где впоследствии поселилось колено Ашера. И, по крайней мере, в случае с одним коленом есть свидетельства того, что его название, должно быть, отразилось на имени его прародителя.

Это колено Вениамина. В книге Бытия (xxxv. 18) Вениамин представлен как получивший при рождении два разных имени. Это утверждение вызывает у нас подозрение, поскольку такое двойное наречение не соответствует древнееврейской практике, и наше подозрение подтверждается, когда мы обнаруживаем, что оба имени имеют географическое значение. Вениамин - это "сын юга" или "южанин"; Бен-Они, как его еще называли, - "сын Он" или "онит". Он, или Бет-Он, как мы помним, был древним названием Бет-Эля, великого святилища и центра колена Вениамина, в то время как "южанин" был подходящим названием для меньшего братского колена, которое лежало к югу от доминирующего Эфраима. Именно о Ефреме Дебора говорит в своей триумфальной песне: "За тобою Вениамин среди народов твоих" (Суд. ст. 14).

Этимология, предложенная в книге Бытия для имени Бен-Они, является примером тех игр со словами, которыми всегда восхищались восточные писатели и которые так часто иллюстрируют еврейские Писания. Все они происходят от старой путаницы между именем и вещью, когда имя подменялось вещью, и считалось, что если имя можно объяснить, то и вещь будет объяснена. Отсюда легкие трансформации в форме имен, которые позволяли ассимилировать их со знакомыми словами, или их отождествление со словами, которые явно давали неверный смысл. Отсюда и выбор этимологий, который предлагался читателю: там, где реальное происхождение имени было неизвестно или неопределенно, его можно было объяснить более чем одним способом. Исаия (xv. 9) меняет название моавитского города Дибон на Димон, чтобы связать его с древнееврейским *dâm* - "кровь", а автор книги Бытия приводит два противоречивых варианта происхождения имени Иосифа (Быт. xxx. 23, 24). Последний факт сам по себе является достаточным доказательством истинной ценности этих этимологий, или, скорее, народных игр со словами, а поговорки, в которых они воплощены, все еще могут быть сопоставлены путешественником по Востоку. Подобные

воплощения народной этимологизации до сих пор повторяются для объяснения географических названий Египта.^[90]

Происхождение некоторых имен сыновей Иакова так же неясно для нас, как и для автора Бытия. Мы не знаем, например, значения и происхождения имени Рувим. Столь же сомнительна реальная этимология имени Иссахар.^[91] Имя Симеон уже встречается среди мест в Ханаане, завоеванных египетским фараоном Тотмесом III до эпохи Моисея, а в Иудее мы имеем имя, которое, похоже, совпадает с именем колена в Северной Сирии.^[92] Левий, как и Неффалим, является существительным языческого происхождения и, должно быть, связан с *lau'â(n)*, или "священником" Южной Аравии.^[93] Гад был богом удачи, Дан - "судьей", титул некоторых вавилонских божеств, а Дина - женский род, соответствующий Дану.

Иаков, вечно робкий, бежал от мести хивитов после разрушения Сихема, оставив имущество, которое он приобрел там покупкой и мечом. Он направился на юг, в Бет-Эль, и там остановился на краю большой горной гряды в Центральной Палестине. Неподалеку находился город Луз, который вскоре был затмлен растущей славой города на возвышенности над ним. Здесь, в Бет-Эле, патриарх воздвиг жертвенник Богу здешних мест, который однажды явился ему во сне. Это был прообраз жертвенника, который должен был появиться здесь впоследствии, когда Веф-Эль станет главным святилищем дома Израилева. Стоял ли жертвенник на высоком месте на вершине горы, где Иаков освятил Веф-Эль или каменную колонну, мы не знаем; однако у пророков есть указания на то, что высокое место и храм были отделены друг от друга. Действительно, из слов Бытия следует, что жертвенник и будущий храм находились на нижнем склоне холма, недалеко от старого ханаанского города. Здесь, во всяком случае, на дороге к городу, находился Аллон-бахут, "Теребинник слез", о котором упоминает Осия (xii. 4), а в книге Бытия он связан со смертью Деборы, кормилицы Рахили. В более поздние времена другая Дебора жила под сенью пальмы на той же дороге (Иуд. iv. 6), и современная критическая изобретательность, соответственно, обнаружила, что теребинт и пальма были одним и тем же деревом.

Однако Бет-Эль все еще находился слишком близко к Сихемским хивитам, и Иаков продолжил свой путь на юг. Смерть Исаака привела его в Хеврон, где он в последний раз встретил своего брата Исава, пришедшего принять участие в погребении отца. Но его собственная резиденция находилась в Бет-Лехеме, "храме бога Лахму", который в те ранние времена назывался Ефрат.^[94] Здесь умерла Рахиль, и здесь же был поднят надгробный камень, который отмечал ее могилу вплоть до того дня, когда книга Бытия приобрела свой нынешний вид.^[95]

Иаков, как нам говорят, "раскинул шатер свой" за башней Эдара, башней "стада". Башня стада охраняла город-крепость Иерусалим (Мих. iv. 8), и поэтому патриарх поселился между Иерусалимом и Вифлеемом. Но его стада были рассеяны на север до Сихема и паслись на горных склонах под присмотром его сыновей. Иаков оставался подобен современному бедлави, живущему среди оседлых жителей страны, но в то же время держащемуся в стороне от них и посылающему свои стада далеко-далеко, где только была свежая трава и свободный выпас.

Именно при его жизни произошли позорные события, связанные с браком Иуды и хананеянки Фамарь, которые бросают недобрый свет на нравы и мораль семьи патриарха. Весь этот эпизод заметно контрастирует с обычным характером истории, и его вставка свидетельствует о беспристрастности писателя. Очевидно, что он собрал воедино все, что дошло до него из прошлой истории своего народа, ничего не опуская и не изменяя. Перед нами предстают все стороны прошлого, как темные, так и светлые, и не делается никаких

попыток пощадить или оправдать праотцев Израиля. Чрезмерно чувствительная критика, правда, спрашивала, как перечисление подобных мерзостей может соответствовать святости, на которую претендуют Моисеевы писания. Но этот вопрос волновал умы только самих критиков, а не далее как три столетия назад составители англиканского лектория не увидели ничего плохого в том, чтобы предписать публичное чтение этой главы мужчинам и девам в церкви.

Этот эпизод был вставлен в середину истории Иосифа, одной из самых трогательных и трогательных, когда-либо рассказанных. Нам нет нужды повторять ее подробности или описывать, как Иосиф, избалованный любимец своего отца, видел сны, вызывавшие тревогу и ревность его братьев, как он был продан ими в Египет, как там он стал визирем фараона и как в конце концов Иаков и его семья были переведены в землю Гошен, чтобы наслаждаться благами долины Нила. Но эта история вновь возвращает нас в великий поток древней восточной истории; вновь история Израиля соприкасается с историей мира и перестает быть чередой идиллических картин, какие могла бы сохранить только память пастухов и Бедавинов.

История Иосифа представляет собой законченное целое, отличающееся некоторыми особенностями, которые выделяют ее из остальной части книги Бытия. В ней встречаются особые слова, некоторые из них египетского происхождения,^[96] и она показывает очень близкое знакомство с жизнью египтян в эпоху гиксосов. Есть даже слова и фразы, которые, кажется, были переведены на иврит с какого-то другого языка, и значение которых не было полностью понято: так, говорится, что виночерпий фараона "давил виноград" в кубок своего господина, вместо того чтобы наливать вино; а слово, используемое для обозначения египетского чиновника и переведенное в Авторизованной версии как "офицер", на самом деле означает "евнух". Могла ли эта история быть переведена с египетского папируса? На этот вопрос наводит тот факт, что одна из наиболее характерных ее частей действительно была воплощена в древнеегипетской сказке. Это так называемая *"Сказка о двух братьях"*, написанная писцом Энны для Сети II из девятнадцатой династии, когда он был наследным принцем, а значит, в эпоху Исхода. Здесь эпизод с Иосифом и женой Потифара рассказан в египетской форме. Место Иосифа занимает феллах Бата, а роль жены Потифара играет его невестка.^[97]

Таким образом, эта часть истории была известна среди литературных слоев Египта в те дни, когда Моисей был научен всей их мудрости. И если она сохранилась среди немногих фрагментов, которые удалось спасти от обломков древнеегипетской литературы, то не можем ли мы заключить, что если бы до нас дошла вся эта литература, то в ней сохранились бы и другие части истории об Иосифе? В характере Иосифа есть мягкость, которая напоминает нам о египетских нравах и составляет резкий контраст с грубыми манерами и готовностью пролить кровь, которые отличали древнееврейских семитов.

В любом случае, эта история должна была быть написана человеком, хорошо знакомым с эпохой гиксосов. Правда, недавно была предпринята попытка на основании некоторых имен собственных показать, что описывается не Египет гиксосов, а Египет Шишака и его преемников. Считается, что имена Потифера или Потифар и Асенат были неизвестны до этого времени. Однако пара собственных имен - ненадежный фундамент, на котором можно строить теорию, особенно если аргументы опираются на несовершенство наших собственных знаний. То, что до сих пор не было найдено имен, соответствующих по образованию Потифере и Асенат, ранее времени Шишака, не является доказательством того, что их не существовало. Достаточно одного примера каждого из них, чтобы доказать обратное. И, собственно говоря, такие примеры действительно встречаются. На стеле

времен правления Тотмеса III записано имя Пе-ту-Баал, "Дар Ваала", как имя шестого предка египтянина, чье имя записано;^[98] а на табличках из Тель-эль-Амарны записано имя Субанда, Смендес греческих писателей, которое по форме является точной параллелью имени Асенат.^[99] Пе-ту-Баал, должно быть, жил в конце периода гиксосов, а семитское божество, с именем которого соединено его собственное имя, указывает на то, что оно сформировалось под семитским влиянием. На самом деле, как мы узнаем из финикийских надписей, это было подражание ханаанейскому имени.^[100] Гиксосы пришли из Азии и наложили свое иго на Египет, где правили более пятисот лет. Хотя под их властью находился весь Египет, они основали свою столицу в Зоане, который теперь называется Саном, далеко на севере, на восточной границе Дельты. Здесь они находились рядом со своими родственниками в Ханаане и могли легко вызвать свежие войска из Азии в случае восстания египтян.

Двор гиксосских фараонов, однако, вскоре стал египтизированным. Они переняли искусство и науку, манеры и обычаи своих более культурных подданных, а одна из немногих научных работ Древнего Египта, дошедших до нас, - знаменитый *Математический папирус* - была написана для гиксосского царя. Только по физиономии и религии гиксосский завоеватель продолжал отличаться от коренного египтянина.

Помимо Зоана, главным центром власти гиксосов был Гелиополь, или "Северный город". Это было древнейшее и самое знаменитое святилище Египта, где были основаны древние школы обучения и откуда распространялась религиозная система, сделавшая бога Солнца верховным правителем вселенной. Гиксосам не составило труда отождествить бога Солнца из Он с их собственным верховным божеством Сутехом, который был формой ханаанейского Баала. Таким образом, Он, некогда главный очаг ортодоксальной веры Египта, стал центром иноземной ереси. В папирусе Саллье, описывающем происхождение войны, которая привела к изгнанию гиксосов, особо говорится о том, что "нечистые из (Он), города Ра, были подчинены Ра-Апопи", гиксосскому фараону, и египтяне изменили на Ра, египетского бога Солнца, имя Сутеха, которое, как показывает скарабей Апопи, действительно было приставкой к имени этого фараона".^[101] Великий храм бога солнца Он, перед которым Усертесен из двенадцатой династии установил обелиски, один из которых сохранился до наших дней, был превращен в храм чужеземного бога; и хотя его верховный жрец все еще продолжал носить свой древний титул и совершать церемонии прошлого, он служил уже Сутеху, а не родному божеству. Потифера - по-египетски Па-ту-па-ра - была буквальным переводом ханаанейского Маттан-Баала, "дара Ваала", и сама по себе подразумевала иноземный культ.

Потифар - это сокращение от Потиферех, и оно напоминает нам о подобных сокращениях, встречающихся в письмах ханаанейских корреспондентов фараона в сборнике Тель-эль-Амарна. Это сокращение указывает на длительное знакомство древнееврейского народа с этим именем. Однако титулы, присвоенные Потифару, неясны. Второй, по-видимому, означает "капитан телохранителей", а *первый* - сарис на иврите - означает "евнух". Эберс, правда, отметил, что евнухи на Востоке не только занимали высокие государственные посты, но и женились на женах;^[102] это, однако, было в Турции, а не в Древнем Египте. Возможно, это слово - вавилонское *saris*, "офицер"; во всяком случае, Раб-сарис из 2 Царств xviii. 17 - это ассирийское *Rab-sarisi*, или "главный офицер". То, что вавилонские слова попали в Египет в эпоху гиксосов, отнюдь не странно. Из табличек Тель-эль-Амарны мы узнали, что вавилонский язык на протяжении веков был литературным языком Западной Азии, его изучали и на нем писали даже на берегах Нила, а памятники самой Вавилонии показывают, что вавилонская культура проникла на границы Египта в очень отдаленную эпоху. История

Иосифа содержит по крайней мере одно слово, свидетельствующее о его влиянии. Когда Иосиф стал "правителем всей земли Египетской", глашатаи, бежавшие перед его колесницей, чтобы объявить об этом, выкрикнули слово "abrêk!". Этому слову не нашлось объяснения ни на иврите, ни на египетском. Но язык вавилонских надписей неожиданно пришел нам на помощь. В Халдее *abarakku* был титулом одного из высших государственных чиновников, а *abriqqu*, заимствованный из более раннего шумерского *abrik*, означал "провидец".

Мы уже говорили, что история Иосифа во всех своих деталях удивительно точно соответствует тем фактам египетской жизни, которые донесла до нас археология. Так, тюрьма, в которой содержались "царские узники", называется странным именем "круглый дом". Таково, по крайней мере, буквальное значение древнееврейской фразы, второй элемент которой означает "круглость". Слово написано *sohar*, хотя существует и другое прочтение - *sokhar*. *Сохар* или *сохар*, однако, на самом деле египетское слово. Царская тюрьма в Фивах, где под охраной содержались государственные узники, называлась *сухан*, в которой мы имеем то же чередование конечных *r* и *n*, которое до сих пор характерно для египетского арабского языка.^[103] Термин *bêth has-sohar*, "дом Сохара", больше нигде не встречается в Ветхом Завете: это, по сути, одна из особенностей, отличающих историю Иосифа и в то же время свидетельствующих о знакомстве ее автора с деталями египетской жизни.

Титулы царского виночерпия и начальника пекарей встречаются в списках египетских чиновников; кухня фараона была организована в тщательно продуманных масштабах;^[104] и египтяне славилась своим мастерством в кондитерском деле и приготовлении различных видов хлеба.^[105] На памятниках мы можем видеть изображенных виночерпия, предлагающего кубок с вином, и пекаря, несущего на голове корзины, наполненные круглыми "белыми хлебами". День рождения фараона был общим праздником, в который, как свидетельствуют постановления Розетты и Канопы, государь объявлял амнистию и освобождал тех пленников, которых считал достойными помилования.^[106] Сны, приснившиеся фараону, полностью соответствуют египетской мифологии и символике. Семь козлов символизируют Нил, который с незапамятных времен уподоблялся дойной корове. Коровья голова богини Хатхор или Исиды следила за плодородием страны, а оплодотворяющие воды реки назывались молоком, вытекающим из ее груди. Число семь обозначает "семь великих Хатхор", семь форм, в которых поклонялись богине. Сами сны вписываются в египетские верования той эпохи. На протяжении всей истории Египта они были силой не только в религии, но и в политике. Именно благодаря сну Тотмес IV убрал песок перед лапами Сфинкса, а тысячу лет спустя Нут-Амон из Эфиопии был призван сном вторгнуться в Египет. Для объяснения снов обычно требовался толкователь, о котором говорится в греческой надписи из Серапеума в Мемфисе. Однако были составлены книги, в которых значение снов было сведено к науке; и как в современном Египте, так и в прошлом люди проводили свою жизнь в размышлениях о значении ночных снов.^[107]

Даже утверждение о том, что восточный ветер сорвал колосья кукурузы (Быт. xli. 6), выдает знакомство с особенностями египетского климата. Те, кто плывал вверх по Нилу, знают, что ветер, которого боятся и крестьянин, и моряк, дует с юго-востока; в то время как весенние посевы созревают под северным бризом, они высыхают и уничтожаются злым ветром с юго-востока.

Золотой ошейник, надеваемый на шею царского фаворита, также характерен для египетских обычаев, во всяком случае, в эпоху гиксосов и восемнадцатой династии. Капитан Ахмес, чья гробница находится в Эль-Кабе и который принимал видное участие в финальной борьбе,

изгнавшей чужеземцев-гиксосов из Дельты, описывает награды, дарованные ему фараоном за его доблестные деяния, и главными среди этих наград являются золотые цепи. Прежде чем Иосифу позволили войти в присутствие монарха, его не только облачили в новую одежду, но и обрили. Это тоже соответствовало египетскому обычаю. Никто не мог предстать перед фараоном, если не был свежевыбрит, а в глазах египтянина не последнюю роль в "нечистоте" азиатского семита играла его привычка отращивать бороду.^[108]

Смена имени, ознаменовавшая возвышение Иосифа, также была характерна для Египта. Памятники рассказывают нам о других случаях, когда азиат из Ханаана или кариец из Малой Азии становился египетским чиновником и при этом должен был принять египетское имя.^[109] То, что имя Зафнат-паанеа египетского происхождения, давно признано, и то, что оно содержит египетское *pa-ânkh*, "жизнь" или "живой", очевидно. Обсуждение возможно только в отношении его первых элементов.

Вряд ли стоит обращать внимание на другие моменты, доказывающие, насколько близко автор истории Иосифа был знаком с жизнью и нравами египтян, их языком и почвой. Египтяне, отмечает он, не могли есть вместе с евреями, ибо это было бы для них "мерзостью". Это, действительно, осквернило бы их церемониально и заставило бы их участвовать в нечистоте тех, кого они называли "нечистыми". Также мы читаем: "Всякий пастух - мерзость для египтян", и не потому, что Египет был завоеван царями-пастухами, как это принято считать, а потому, что за стадами в Дельте ухаживали частично бедавины, частично полукасты египтян, чьи нечистые повадки и небритые лица были предметом порицания литературного мира. На "болотников", как их презрительно называли, смотрели как на изгоев.^[110]

Однако, несмотря на то, что повествование носит полностью египетский характер, Египет, о котором идет речь, - это Египет эпохи гиксосов. Колесницы и лошади уже были представлены. Предполагается, что лошадь появилась вместе с гиксосами; во всяком случае, до завоевания страны азиатским чужеземцем от нее не осталось и следа. Более того, фараон держит свой двор в Дельте, недалеко от ханаанской границы и земли Гошен; а повозки, в которых везли Иакова и его семью, легко доезжали от Вифлеема до египетской столицы. Следовательно, Зоан все еще должен был быть резиденцией фараона, а Фивы в Верхнем Египте еще не заняли его место.

Кроме того, есть один факт, который заметно выделяется в истории Иосифа и безошибочно указывает на эпоху гиксосов. Нам говорят, что именно благодаря его политике народ Египта был низведен до состояния крепостных. Задавленные голодом, они были вынуждены продавать свои земли за кукурузу и получать ее снова как арендаторы фараона, с обязательством выплачивать ему пятую часть урожая. Только жрецам, точнее, храмам, было позволено сохранить свои старые владения; отныне земля Египта делилась между ними и царем. На языке современного Египта она стала либо государственной собственностью, либо *вакфом*.

Этот факт соответствует изменениям во владении землей, которые, как сообщают нам памятники, должны были произойти под властью династий гиксосов. Когда Египет был завоеван азиатами, он был разделен между несколькими феодальными семьями, которые были крупными землевладельцами, а иногда и соперниками самого государя. Рядом с этой высшей аристократией существовала и низшая, в некоторой степени отвечающая старшим крестьянам северных графств, но в равной степени владевшая землей. Однако когда гиксосы были окончательно изгнаны, перед нами предстал новый Египет. Феодальная аристократия исчезла или почти исчезла вместе с другими землевладельцами страны, и

единственными собственниками земли остались фараон и жрецы, к которым в последующие времена добавилась каста военных. Только в Южном Египте, где впервые началась борьба с иноземцами, мы находим примеры частной собственности на землю, да и то лишь в первые годы правления восемнадцатой династии. Вскоре фараон прибрал к рукам все земли, которые не были отданы богам; старая знать исчезла, а ее место заняла армия чиновников, получавших все свое богатство и власть от царя. Фараон, жрецы и бюрократия отныне стали правителями Египта.

У этой судьбоносной перемены должна была быть причина, но мы тщетно ищем ее в египетских памятниках. Высказывалось предположение, что война за независимость могла привести к этому, усилив власть царя как лидера в борьбе.^[111] Но это не объясняет поглощения им земель; и даже если бы все старшие семьи погибли в войне, что маловероятно, мелкие землевладельцы остались бы. Более того, генералы царя в этом случае претендовали бы на те же трофеи, что и их предводитель. То, что захватил их командир, было бы захвачено и подчиненными ему офицерами.

Как бы ни было велико наше нежелание принимать объяснение, предлагаемое историей об Иосифе, несомненно, что это единственное адекватное объяснение. И есть один весомый аргумент в его пользу. При Ахмесе, завоевателе гиксосов и основателе восемнадцатой династии, еще встречаются случаи владения землей частными лицами. Но это было в Эль-Кабе, в Верхнем Египте, где власть гиксосов долгое время была скорее номинальной, чем реальной, и где ей вообще не подчинялись в течение трех поколений до этого.^[112] Как только цари XVIII династии прочно утвердились на троне гиксосских фараонов на севере, а также в своих родовых домах в Южном Египте, даже эти случаи индивидуальной собственности на землю сошли на нет. Лишь там, где господство гиксосов было слабым, они сохранялись. Когда же фиванский князь стал во всех отношениях преемником иноземных фараонов, царствовавших в Зоане, они прекратились вовсе.

Рассказ о том, как поступил Иосиф, соответствует фактам и в другом отношении. Начиная с XVIII династии и далее мы неоднократно слышим об общественных *ларитах* или житницах, которые находились под контролем государства.^[113] Крестьяне должны были ежегодно вносить в них определенную долю, а хранившееся в них зерно продавалось людям только в случае необходимости. Кроме того, именно из этих амбаров получали натуральную оплату многие правительственные чиновники, а также наемные рабочие. Поэтому должность "управляющего житницами" была очень важной: раз в год он представлял королю "отчет об урожаях юга и севера"; и если отчет был исключительно хорошим, если наводнение было обильным, а урожай - лучше, чем "за тридцать лет", благодарный государь набрасывал ему на шею золотые цепи.^[114] Происхождение этих царских амбаров и должности их управляющего, которые так характеризуют "новую империю" Египта, объясняется историей Иосифа.

До тех пор, пока завоевания XVIII династии не привели к созданию египетской империи в Азии и к поставкам продовольствия в Египет из-за рубежа, подъем Нила был предметом жизненного интереса. От него зависело само существование народа. Слишком высокий уровень Нила означал нехватку продовольствия, слишком низкий - голод. Только когда река поднималась до своего нормального уровня и заливала поля в установленное время, сердце земледельца радовалось, и он понимал, что боги подарили ему год изобилия.

Семилетний голод в эпоху Иосифа - не единственный семилетний голод, который пришлось пережить Египту. Эль-Макризо, арабский историк Египта, описывает один из них, который длился семь лет, с 1064 по 1071 год н. э., и, как и в случае с Иосифом, был вызван нехваткой

Нила. Стела, обнаруженная г-ном Уилбуром на острове Сехель, в середине Первого катаракта, и выгравированная во времена Птолемеев, аналогично описывает голод, который опустошал страну, потому что "Нил не разливался семь лет". И возможно, что воспоминание о голоде Иосифа было обнаружено Бругшем в одной из гробниц Эль-Каба. Здесь покойник, некий Баба, говорит: "Когда наступил голод, длившийся много лет, я раздал городу кукурузу". Баба, должно быть, жил во время последнего периода владычества гиксосов, так что дата его надписи совпадает с датой Иосифа.^[116]

Простиралась ли власть Иосифа и его хозяина на юг до Эль-Каба в эпоху Баба, мы не знаем. Но мы точно знаем, что голод, царивший в Нижнем Египте из-за маловодья Нила, в равной степени царил бы и в Фиваиде. Однако в Ханаане он бы не наступил. В Ханаане земля орошается не Нилом, а небесными дождями, и поэтому в Ханаане только недостаток дождей мог вызвать нехватку пищи.

В Палестине время от времени случался голод, и мы слышали, как египетские цари посылали в эту страну кукурузу, чтобы обеспечить ее потребности.^[117] Как Египет был житницей Италии во времена Римской империи, так же он был житницей Западной Азии в более раннюю эпоху. Засушливый сезон в Ханаане приносил с собой голод, и если этот засушливый сезон совпадал с маловодьем Нила в Египте, то у его жителей не оставалось другой земли, где они могли бы искать пропитание. Вполне возможно, что один из таких голодов в Ханаане случился именно в то время, когда Нил отказался орошать поля Египта. Однако когда мы читаем, что "голод был по всему лицу земли" и что "все страны приходили в Египет к Иосифу покупать кукурузы, потому что голод был во всех землях", становится ясно, что повествование написано с египетской точки зрения. Египтяне могли предположить, что при маловодье Нила от нехватки продовольствия будут страдать все остальные страны - так, например, было с Эфиопией, - но подобное предположение немыслимо для ханаанея. Житель Палестины знал, что урожаи его страны зависят от дождя, а не от вод Нила; только египтянин строил остальной мир по образцу той его части, которая была ему известна.

Таким образом, мы имеем четкое указание на то, что история Иосифа была написана в Египте, и еще больше вероятности добавляет теория о том, что она была переведена на иврит с египетского оригинала. Но не только это. Вероятно ли, что переводчик с древнееврейского, если бы он был знаком с климатом Ханаана, оставил бы слова этой истории в том виде, в каком мы их находим? Можем ли мы представить себе, что язык, который он использовал для описания масштабов голода, был бы таким определенным, таким всеобъемлющим, таким египетским по своему характеру? Как и египетские слова, заложенные в повествование, он указывает на писателя или переводчика, жившего в Египте, а не в Ханаане.

Кем был фараон, при котором Иосиф стал первым министром государства? Хронология показывает, что он должен был быть одним из царей последней династии гиксосов. Георгий Синцелл называет его Афофисом, Апопи Ра-а-а-кененом или Апопи II. из памятников, и эта дата очень хорошо подходит.^[118] Апопи II был последним могущественным гиксосским государем. Его власти все еще подчинялись в Верхнем Египте, но именно в его правление разразилась война за независимость. Согласно рассказу в папирусе Саллье, она была вызвана его посланием к хику или вассальному принцу Фив, требующим от него отказаться от поклонения фиванскому Амону и признать Сутеха, гиксосского Баала, своим верховным богом.^[119] Война продолжалась четыре поколения и закончилась изгнанием чужеземцев.

Но задолго до этого семья Израиля поселилась в земле Гошен, на окраине Северного Египта. Географическое положение Гошена было заново открыто доктором Навилем. Он

соответствовал современному Вади Тумилат, через который сейчас проезжает путешественник по железной дороге по пути из Исмаилии в Загазиг. Он получил свое название от Косем или Коса, Фа-кусса греческой географии, и столицы Аравийского нома, место которого отмечено курганами Сафт-эль-Хенна.^[120] Само название "Аравийский ном" указывает на то, что его обитатели принадлежали скорее к Аравии, чем к Египту. На самом деле это был район, переданный фараонами бедавинам, как это происходит и по сей день. Менептах, сын Рамсеса II, в своей великой надписи в Карнаке говорит, что "страна вокруг Па-Байлоса (ныне Бельбейс, близ Загазига) не возделывалась, а оставалась пастбищем для скота из-за чужаков. Она была заброшена со времен предков". Зброшена, то есть самими египтянами. Но семитский кочевник ставил там палатку и кормил свои стада, отчасти потому, что это было на пути к его собственной стране и землякам, отчасти потому, что это место было приспособлено для выпаса скота, а не для земледелия. Здесь он также не имел непосредственного контакта с египетскими феллахами, хотя двор гиксосского фараона в Зоане находился совсем рядом.

Братья Иосифа были назначены надсмотрщиками над царским скотом - официальная должность, о которой мы также слышим в исконно египетских текстах. Через некоторое время Иаков умер, пресытившись годами, и его тело было забальзамировано по египетскому обычаю. Сам процесс бальзамирования занял сорок дней, а весь период, в течение которого "египтяне оплакивали его", составил триста десять дней. Это утверждение согласуется с другими свидетельствами о продолжительности бальзамирования мумии. Геродот (ii. 86) утверждает, что труп хранился в натроне в течение семидесяти дней, "в течение которых они были строго ограничены". Согласно Диодору,^[122] "кедровое масло и другие средства наносили на все тело в течение тридцати дней", а полный период, в течение которого длился траур по умершему и подготовка его мумии, составлял семьдесят два дня. Казалось бы, между эпохой Иосифа и эпохой Диодора мало что изменилось в этой части, во всяком случае, в отношении египтян к своим умершим. Однако, когда в еврейском тексте говорится, что труп был забальзамирован "врачами, рабами" Иосифа, слово "врачи" следует понимать в ограниченном смысле. Плиний,^[123] правда, говорит, что во время процесса бальзамирования нанимались врачи, чтобы осмотреть тело покойника и определить, от какой болезни он умер. Но к *парасхистам*, которые делали необходимые надрезы, относились с крайним отвращением; они были изгоями общества, жившими обособленно. Именно бальзамировщики были помощниками жрецов, и их лица, по словам Диодора, считались "священными". Также нелегко понять, кто мог быть врачом, который был "рабом" иудейского визиря. Врач в Египте обычно был свободным человеком, который следовал профессии, приносившей почет и уважение. Врач принадлежал к ученому сословию и, как и писец, был невысокого мнения о своей ценности и достоинстве. Но такие врачи занимались лечением больных, а не бальзамированием мертвых, и должны были занимать совсем иное положение, чем "рабы" Иосифа. В монументальных источниках на эту тему еще больше света; несмотря на папирусы, описывающие церемонии, сопровождающие различные акты бальзамирования, мы все еще не знаем практических деталей.

Когда, наконец, дни траура прошли, Иосиф, как нам говорят, обратился к "дому фараона". Это выражение чисто египетское и относится к значению самого слова "фараон". Фараон, египетский Пер-аа, - это "Великий дом"; "сын Бога-Солнца" был слишком высоко вознесен, чтобы говорить о нем как о человеке, и поэтому его подданные обращались к "Великому дому". Современная Европа знакома с похожей фразой; когда мы говорим о "Возвышенной Порте", мы имеем в виду турецкого султана, который когда-то вершил правосудие из "Высоких ворот" своего дворца.

Иаков был похоронен в пещере Махпела. Длинная процессия солдат и скорбящих, частично на колесницах, частично пешком, сопровождала мумию на пути из Египта. Такая процессия не была чем-то необычным. Богатый египтянин желал быть похороненным рядом с гробницей Осириса в Абидосе, поэтому нередко его мумию в торжественной процессии доставляли в это священное место, а затем снова несли обратно к месту последнего упокоения. Процессия, сопровождавшая тело патриарха, должно быть, следовала по дороге, которая вела через Шур, или линию укреплений на восточной границе пустыни, и без особого труда приводила путника в Южную Палестину. Упоминание в повествовании о молотильном поле Атада на восточной стороне Иордана - это интерполяция, которая отражает лишь местную этимологию. Колесничная дорога из Египта в Палестину, естественно, никогда не проходила рядом с Иорданом, и молотильня Атада находилась бы далеко в стороне от дороги. Но народное воображение усмотрело в названии Авель-Мизраим, где находилась молотильня, "траур по Египту" и, соответственно, связало его с великим трауром, который был объявлен по Иакову. Однако на самом деле Авель-Мизраим означает "луг Египта", *авель*, "луг", - нередкий элемент в географических названиях древнего Ханаана.^[124]

У Иосифа от жены-египтянки родились два сына, которых израильтяне знали по их еврейским именам. Они родились до смерти его отца и, таким образом, получили его благословение. Сам Иосиф прожил "сто десять лет". Это был предел жизни, которого египтянин желал для себя и своих друзей, и в надписях благословение на жизнь в "сто десять лет" время от времени испрашивается у богов. Именно такой срок существования обещает придворный поэт Сети II. "на земле", а Птах-Хотеп, автор "самой древней книги в мире", процветавший во времена пятой династии, уверяет нас, что благодаря своему стремлению к мудрости он уже достиг этого возраста.^[125]

Иосиф был забальзамирован, но его мумия не была доставлена в Хеврон для погребения, как мумия его отца. Если Апопи II. был тем фараоном, который превратил его из раба-еврея в высшего египетского чиновника, то война за независимость должна была начаться задолго до его смерти. Династия гиксосов спешила к своему упадку. Ее сила покинула ее, и фараоны Зоана, потерявшие всю власть в Верхнем Египте, еще больше потеряли бы и всю власть в Азии. Их солдаты были нужны для других целей, кроме сопровождения гроба умершего визиря через пустыню Эль-Ариш. Кроме того, Иосиф был египетским чиновником и, женившись на семье верховного жреца Гелиополя, стал таким же египтянином, как и его гиксосский хозяин. Нам рассказывают, что он заставил израильтян поклясться взять с собой его труп, если они когда-нибудь вернутся в Палестину; триумф фиванских принцев становился все более уверенным, и Иосиф хорошо знал, что месть победителя будет обрушена как на мертвых, так и на живых. История Египта уже показала, что первыми пострадали гробница и мумия.

Смена усыпальницы не была чем-то неслыханным. Царь Ай из восемнадцатой династии сделал для себя две, а то и три гробницы, а мумию можно было перевозить из одного места захоронения в другое. Все знали, где она была погребена; из года в год совершались подношения духу умершего, и во многих случаях имущество покойного облагалось налогом, чтобы поддержать линию жрецов, которые должны были совершать установленные службы у гробницы. Пока гробница Иосифа находилась по соседству с его людьми, было легко защитить его мумию от насилия и вывезти гроб из Египта, когда наступит необходимое время.

ГЛАВА II

СОСТАВЛЕНИЕ ПЯТИКНИЖИЯ

Литературный анализ и его выводы, основанные на теории и предположении - слабость филологических свидетельств - пренебрежение научным методом сравнения - несовершенство наших знаний иврита - археология, неблагоприятная для высшей критики - анализ исторических источников - Тель-эль-Амарнские таблички - антикварные таблички - исторические источники. Амарнские таблички - Древность письменности на Востоке - Эпоха Моисея - высокая литературность - Книжники, упомянутые в Песне Деборы - История о потопе, принесенная из Вавилонии в Ханаан до времени Моисея - Повествования Пятикнижия, подтвержденные археологией - Составлено из ранних письменных документов - Пересмотрено и отредактировано время от времени - Три пласта законодательства - Точность в тексте - Тенденции - Хронология.

Книга Бытия заканчивается смертью Иосифа. Когда пять книг Пятикнижия были отделены друг от друга, мы не знаем. Это разделение старше перевода Септуагинты, а также старше того времени, когда Закон Моисея был принят самаритянами как божественный авторитет. Насколько мы можем проследить внешнюю историю Пятикнижия, оно состояло из пяти книг, разделенных друг от друга, как это и происходит в наших современных Библиях.

Влиятельная школа современных критиков пришла к выводам, которые трудно согласовать с этим внешним свидетельством. Вместо Пятикнижия она предлагает нам Шестикнижие, в котором к Книге Моисея добавлена Книга Иисуса Навина, а о происхождении и развитии этого Шестикнижия она утверждает, что может дать подробный и математически точный отчет. Нам говорят, что очень малое, если вообще есть, восходит к эпохе Моисея, большая часть работы была написана или составлена в эпоху изгнания. Правда, теории критики время от времени менялись; например, то, что раньше считалось самой древней частью Шестикнижия, теперь рассматривается как самая поздняя; но каждое поколение критиков было одинаково уверено в математической правильности своего литературного анализа. В настоящее время наиболее популярной является следующая гипотетическая схема.

Самая ранняя часть Шестикнижия, во всяком случае, в его существующем виде, представляет собой документ, отличающийся использованием имени Яхве, и поэтому иногда называется яхвистским или иеговистским, но чаще обозначается символом J. Предполагается, что яхвист был евреем, использовавшим более древние материалы, и жил в девятом веке до нашей эры. Его работа начинается со "второго" рассказа о сотворении мира, в середине четвертого стиха второй главы Бытия, а последний след от нее можно найти в истории о смерти и погребении Моисея в конце Второзакония. Считается, что его стиль наивен и жив, а представления о Божестве грубо антропоморфны.

Следующим по порядку после Яхвиста идет Второй Элохист (обозначаемый буквой E), название которого происходит от не очень далекого периода в истории критики, когда то, что сейчас известно как Кодекс священника, было приписано Первому Элохисту. Элохист характеризуется использованием слова Элохим, "Бог", а не Яхве, и критики обнаружили в нем выходца из Северного царства. Ему принадлежат "Десять слов", представляющие собой первоначальную форму Десяти заповедей, а также история Иосифа. Считается, что он писал с определенной теологической тенденцией, которой объясняется его пристрастие к

введению в повествование снов и ангелов. Его датируют восьмым веком до н. э., и сочетание его повествования с повествованием Яхвиста (И. Э.) привело к созданию составного произведения, к которому было применено название "Пророческое или до-девятеронимическое исправление". Редактор попытался примирить противоречия между двумя повествованиями с помощью различных гармонизирующих приемов; его успех был невелик, и критик XIX века, соответственно, считает себя способным не только разделить два оригинальных документа, но и указать на дополнения Редактора.

Одновременно с этой работой по редактированию появилась новая книга, так называемая Книга Завета. Она была невелика по размерам; во всяком случае, все, что от нее осталось, содержится в нескольких главах Исхода (xx. 24-xxiii. 33, xxiv. 3-8). Однако она была добавлена к пророческому Исследованию, и Закон Моисеев впервые был представлен миру.

Но теперь появилась книга, которая имела судьбоносные последствия как для истории, так и для религии Иудеи. Это была книга Второзакония, точнее, средняя часть книги Второзакония (главы xii-xxvi.), остальная часть книги была последующим дополнением. Предполагается, что это сокращенное Второзаконие - "книга Закона", которую первосвященник Хилкия объявил, что "нашел в доме Господнем" в царствование Иосии, и далее предполагается, что слово "нашел" подразумевает "благочестивый обман". В египетских надписях упоминаются книги раннего периода, которые были подобным образом "найжены" в храмах, и некоторые из этих книг, похоже, действительно были подделками более позднего времени.^[126] Современная критика установила, что Хилкия и его друзья подражали примеру египетских священников в случае Второзакония. В любом случае, результаты были мгновенными и революционными. Царь и его двор поверили, что перед ними - подлинные повеления их Бога, великого законодателя Израиля, а иудейская религия подверглась радикальной реформе. На этом эффект от предполагаемого открытия не закончился. Подобно поддельным декреталиям в средневековой Европе, книга Второзакония оказывала постоянное и широкое влияние на еврейскую мысль. Ее учение достигло зрелости во время Изгнания, и из нее выросла та форма иудейской религии, наследником которой стало христианство. Книга Второзакония (обозначенная буквой D) в первом, а также во втором или расширенном издании относится ко второй половине седьмого века до н. э. Но Шестикнижие было еще далеко от завершения. Во время изгнания была написана и обнародована книга Закона, содержащаяся сейчас в Лев. xvii.-xxvi, автор которой, судя по всему, был побужден к работе идеалом теократического государства Иезекииля. За этой книгой Закона последовало гораздо более амбициозное произведение, "Кодекс священника" (обычно известный как P, и нередко называемый немецкими писателями "Grundschrift"). Священнический кодекс воплощает в себе то, что ранние критики называли работой Первого Элохиста; он не только от имени Моисея формирует ритуал и религию Израиля в интересах священников, но и пытается проследить историю откровения, приведшего к этой религии, вплоть до самого Творения. Имя Элохим снова является отличительной чертой повествования, которое "критики" называют формальным и педантичным, аффектированно архаичным и обезображенным сильной теологической тенденцией. Велльхаузен и Штаде уверяют нас, что оно превращает патриархов в благочестивых евреев изгнания. И все же именно это повествование, которое, как нам теперь говорят, так явно несет на себе следы позднего возраста и сакрального характера, едва ли двадцать лет назад было объявлено самими критиками самой древней частью Шестикнижия!

К этому времени Шестикнижие было почти готово превратиться в Пятикнижие, которое должно было быть прочитано Ездрой перед еврейской общиной как "закон Божий" (Нем. viii. 8) и принято враждебными самаритянами как единственная авторитетная из священных книг

Израиля. Все, что требовалось в дальнейшем, - это объединить существующие книги в единое целое, сгладив противоречия между ними и снабдив связующими звеньями. Последний редактор", выполнивший эту задачу, жил вскоре после Изгнания, и некоторые критики отождествляют его с Эзрой. Кем бы он ни был, он, естественно, был более близок к духу и идеям Священнического кодекса, чем к идеям Пророческого исправления или даже Второзакония; более того, трудно понять, почему он вообще должен был беспокоиться о Пророческом исправлении. Между иудейской религией времен Асы или Иосафата и религией периода после изгнания лежала огромная пропасть.

Очевидно, что если современный литературный анализ Пятикнижия оправдан, то бесполезно искать в пяти книгах Моисея подлинную историю. В них нет ничего, что можно было бы с уверенностью отнести к эпохе Моисея, ничего, что восходило бы даже к эпохе Судей. Между исходом из Египта и написанием самой ранней части так называемого Моисеева закона должен был пройти темный и безграмотный промежуток в несколько столетий. Даже традиции нельзя было доверять этот промежуток. Для эпохи Моисея, а тем более для эпохи до Исхода, все, что мы читаем в Ветхом Завете, было бы исторически бесполезно.

Таким образом, критика, принимающая результаты "литературного анализа" Шестикнижия, последовательно отменяет как мифический весь период древнееврейской истории, предшествующий поселению израильских племен в Ханаане. Под сомнение ставится даже их пребывание в Египте и последующее бегство из "дома рабства". Сам Моисей становится просто фигурой из страны мифов, героем народного воображения, чья могила неизвестна, потому что никогда не была заселена. Чтобы дискредитировать ранние записи израильского народа, нет необходимости указывать на противоречия - реальные или иные - в деталях содержащихся в них повествований, углубляться в их хронологические трудности или указывать на сверхъестественные элементы, которые они включают; поздние даты, присвоенные множеству документов, которые были обнаружены в Шестикнижии, сами по себе достаточны, чтобы решить этот вопрос.^[127]

Даты в значительной степени, если не полностью, зависят от предположения, что древнееврейская литература не старше эпохи Давида. Несколько стихотворений, таких как Песнь Деборы, могли передаваться из уст в уста с более раннего периода, но читателей и писателей, как предполагается, не было. Использование письменности в литературных целях произошло одновременно с возвышением монархии. Самая древняя из обнаруженных надписей буквами финикийского алфавита относится только к девятому веку до нашей эры, и алфавит использовался в монументальных целях задолго до того, как его стали применять для изготовления книг. Как теория Вольфа о происхождении и поздней дате гомеровских поэм открыто опирается на убеждение, что литературное использование письменности в Греции было поздним, так и теория аналитиков Шестикнижия молчаливо опирается на убеждение, что израильтяне эпохи Моисея и Судей были полностью неграмотны. Моисей не написал Пятикнижие, потому что не мог этого сделать.

Огромное здание современной критики Пятикнижия, таким образом, основано на теории и предположении. Теория - это "литературный анализ" Шестикнижия, предположение о том, что письменность в Израиле появилась сравнительно поздно. Теория, однако, филологическая, а не историческая. Анализ скорее филологический, чем литературный, и полностью зависит от встречаемости и употребления определенных слов и фраз. Были составлены списки слов и фраз, которые считаются характерными для разных писателей, между которыми разделено Шестикнижие, и соответственно определена часть Шестикнижия, которая должна быть приписана каждому из них. То, что иногда приходится

разрезать стих на две части, что несколько вредит смыслу, не имеет особого значения; необходимость теории требует жертвы, и аналитик не смотрит дальше. Великое вырастает из малого, и математическая точность, с которой Шестикнижие распределяется между многочисленными авторами, и длинные списки слов и идиом, которыми это распределение подкрепляется, - все это берет свое начало в разделении Аструком книги Бытия на два документа, в одном из которых используется имя Яхве, а в другом оно заменено на Элохим.^[128]

Историк, однако, склонен с подозрением относиться к историческим результатам, которые опираются на чисто филологические свидетельства. Не так давно сравнительные филологи полагали, что им удалось восстановить раннюю историю арийской расы. С помощью словаря и грамматики они нарисовали идиллическую картину жизни и культуры первобытной арийской семьи и проследили миграции ее ответвлений из их первобытной азиатской родины. Но антропология грубо разрушила все эти реконструкции первобытной истории, не пощадив даже арийскую семью и саму азиатскую родину. История, основанная на филологии, была изгнана в сказочную страну. Возможно, та же участь постигнет и исторические результаты, основанные на сложной и изобретательной системе критики Шестикнижия.

На самом деле в них есть одна особенность, которая не может не вызывать подозрений. Отрывок, противоречащий теории критика, сразу же объявляется интерполяцией, вызванной неуклюжей рукой какого-нибудь позднего "редактора". Так, "скиния собрания" объявляется изобретением Священнического кодекса, и поэтому стих из Первой книги Самуила (ii. 22), в котором случайно упоминается о ней, произвольно исключается из текста. Аналогичным образом отрывки из исторических книг, подразумевающие знакомство Соломона и его преемников с законами и установлениями Священнического кодекса, утверждаются как поздние добавления и приписываются тому самому кругу писателей, которому приписывается составление кодекса. Действительно, если верить аналитикам, значительная часть якобы исторической литературы Ветхого Завета была написана или "отредактирована" главным образом для того, чтобы подкрепить идеи и изобретения либо Второзакония, либо более позднего Кодекса. Это дешевый и легкий способ переписать древнюю историю, но он не является ни научным, ни соответствующим историческому методу, каким бы созвучным он ни был с методами филолога.

Когда же мы переходим к рассмотрению филологических доказательств, на основании которых нам предлагается принять это новое прочтение древнееврейской истории, мы обнаруживаем, что они крайне несовершенны. Нас просят поверить, что европейский ученый XIX века может с математической точностью проанализировать произведение, написанное много веков назад на Востоке для восточных читателей на давно умершем языке, разложить его стих за стихом и даже слово за словом на несколько элементов и установить приблизительную дату и отношение каждого из них. Совершить такой подвиг невозможно, и пытаться его совершить - значит грешить против здравого смысла в той же степени, что и против законов науки. Наука учит нас, что мы можем достичь истины только с помощью сравнения; мы можем познать вещи с научной точки зрения только в той мере, в какой их можно сравнить и измерить одну с другой. Там, где нет сравнения, не может быть и научного результата. Даже логики Средневековья учили, что из того, что они называли единичным случаем, нельзя сделать никакого вывода. Однако именно это и пытались сделать критики Шестикнижия. Пятикнижие и его история не сравнивались ни с чем, кроме самих себя, а результаты выводились не из метода сравнения, а из так называемого "такта" и произвольного суждения отдельного ученого. Были приняты определенные постулаты,

следствия из которых постепенно развивались одно за другим, а связность и убедительность общей гипотезы поддерживалась изобретением новых подчиненных гипотез по мере возникновения необходимости в них. Критическая" теория происхождения и характера Шестикнижия очень похожа на птолемеевскую теорию мироздания; как и последняя, она очень сложна и проработана, последовательна сама по себе и совершенна на бумаге, но, к сожалению, необоснованна в реальности.

Сама ее сложность обрекает ее на провал. Она слишком гениальна, чтобы быть правдой. Если бы Шестикнижие было собрано воедино так, как нам говорят, то для открытия этого факта потребовалось бы особое откровение. В науке существует общее правило: чем проще теория, тем больше вероятность того, что она верна. Именно сложные теории, требующие всевозможных вспомогательных уточнений и гипотез, отбрасываются прогрессом науки. Человеческая смекалка может быть велика, но ей нужна масса материала, прежде чем даже простая теория будет создана с претензией на научную ценность.

Есть еще одна причина, по которой новая теория происхождения Закона Моисеева заслуживает самоосуждения. Она имеет дело с писателями и читателями древнего Востока, как если бы они были современными немецкими профессорами и их литературной аудиторией. Предполагается, что автор Священнического кодекса работал с ножницами и пастой и с определенной целью, подобно довольно деревянному и лишенному воображения компилятору наших дней. И так сильно мысли и методы авторов Шестикнижия походили на мысли и методы их современных европейских критиков, что, несмотря на их попытки скрыть фрагментарный характер своей работы, а также на то, что она фактически обманула их соотечественников, которым она была адресована, для современного европейского ученого все это лежит открыто и явлено. Однако когда мы обращаемся к другим продуктам восточной мысли, будь то древние или современные, мы не находим, что их авторы писали историю или то, что претендует на историю, и не находим, что их читатели были совсем не похожи на тех, для кого, как предполагается, было составлено Шестикнижие. Точка зрения восточного человека все еще существенно отличается от европейской, во всяком случае, в том, что касается истории и литературы; и попытка превратить древних израильских историков в несколько уступающих им немецких компиляторов доказывает лишь странное незнание восточного образа мышления.

Но не только наука, но и здравый смысл нарушается попыткой привнести филологические спекуляции в рассмотрение исторических вопросов. Иврит - мертвый язык; более того, это язык, который известен лишь в недостаточной степени. Наши знания о нем полностью основаны на том фрагменте его литературы, который сохранился в Ветхом Завете, а ошибки переписчиков и искажения текста делают многое даже в нем неясным и сомнительным. Есть множество слов, традиционный перевод которых сомнителен; есть множество других, в случае которых он безусловно ошибочен; и есть отрывок за отрывком, в которых переводы ученых отличаются друг от друга, иногда даже противоречат друг другу. Как о грамматике, так и о лексике можно сказать, что мы видим их как сквозь темное стекло. Нередко чтение Септуагинты - самая ранняя рукопись которой на шестьсот лет старше самой ранней рукописи еврейского текста - полностью отличается от еврейского; и среди аналитиков Шестикнижия наблюдается заметная тенденция предпочитать его, хотя недавно обнаруженный еврейский текст книги Екклесиаста, кажется, показывает, что это предпочтение не совсем оправдано.

Как же современный западный ученый может хотя бы с приблизительной точностью проанализировать древнееврейское произведение и, опираясь на язык и стиль, вновь разложить его на составные атомы? Как он может определить отношение этих атомов друг к

другу или предположить, к каким датам они по отдельности относятся? Эта задача окажется невыполнимой даже в случае с современной английской книгой, хотя английский - это разговорный язык, с которым, как предполагается, все мы хорошо знакомы, а его обширная литература знакома всем нам. И все же, даже если мы знаем, что произведение составное, человеку не под силу разделить его на элементы и определить границы каждого из них. Никто, например, не решится попытаться выполнить такую задачу в случае с романами Безант и Райс; а попытка различить в некоторых пьесах Шекспира, что принадлежит самому поэту, а что - Флетчеру, встретила заслуженное забвение. Вероятно ли, что проблема, которую невозможно решить в случае с английской книгой, может быть решена там, где ее трудности увеличиваются в тысячу раз? Мелочность и кажущаяся точность критики Шестикнижия, как и теории Птолемея, объясняются искусственным характером основы, на которой она покоится. На самом деле, это филологический мираж; он пытается невозможное, и вместо научного метода сравнения дает нам в качестве отправной точки предположения и произвольные принципы одностороннего критика.^[129]

Там, где филология потерпела неудачу, нам на помощь пришла археология. Необходимое сравнение записей Ветхого Завета с чем-то иным, чем он сам, было обеспечено открытиями, сделанными в последние годы в Египте и Вавилонии и других частях древнего Востока. Наконец-то мы можем призвать на помощь научный метод и проверить возраст и характер, подлинность и достоверность ветхозаветной истории с помощью памятников, в историческом авторитете которых не может быть никаких сомнений. И результат проверки в целом оказался в пользу традиции и против доктрин новейшей критической школы. Она подтвердила древность и достоверность повествований Пятикнижия; она доказала, что век Моисея был в высшей степени литературным, и поэтому удивительно не то, что Моисей должен был писать, а то, что он этого не делал; и она подорвала фундамент, на котором была построена документальная гипотеза происхождения Шестикнижия. Мы все еще находимся только в начале пути; открытия, сделанные за последние год-два, были исключительно важны для изучающих Бытие; но теперь получено достаточно, чтобы убедить нас в том, что историк может смело отбросить филологическую теорию критики Шестикнижия и рассматривать книги Пятикнижия с совершенно иной точки зрения. Они представляют собой исторические записи, и определять их ценность и возраст должен историк и археолог, а не грамматик.

Исследование литературных источников истории было специфически немецким занятием. Несомненно, такое исследование было необходимо. Но оно подвержено той же опасности, что и попытка сделать кирпичи без соломы. Чаще всего не хватает материалов, чтобы прийти к выводам, имеющим солидную научную ценность. Результаты, объявленные в таких случаях, частично объясняются собственными предрассудками и постулатами критика, частично - несовершенством доказательств. Легко сомневаться, еще легче отрицать, особенно когда доказательства несовершенны, и критика литературных источников повествования иногда означает неоправданный и неразумный скептицизм. Отмена традиционных суждений, отказ от внешних свидетельств и открытие полудюжины авторов там, где древность знала только одного, может быть доказательством изобретательности критика, но не всегда свидетельствует о его высокой оценке доказательств.

Критика литературных источников наших исторических знаний действительно необходима, и признание этого факта во многом связано с тем прогрессом, который был достигнут в течение нынешнего столетия в изучении прошлого. Но не следует забывать, что у такой критики есть и слабые стороны. Одни лишь внутренние свидетельства всегда неудовлетворительны; они дают слишком большой простор для игры воображения критика и

наложения его собственных идиосинкразий на записи истории. Оно слишком напоминает действия паука, который плетет свою паутину из самого себя. В нем отсутствует тот элемент сравнения, без которого научная истина недостижима. Определить возраст и достоверность наших литературных авторитетов, несомненно, чрезвычайно важно для историка, но, к сожалению, материалы для этого слишком часто отсутствуют, и на их место приходят фантазии и предположения критика.

Достоверность автора, как и реальность излагаемых им фактов, может быть адекватно проверена только одним способом. Мы должны иметь возможность сравнить его рассказы о событиях прошлого с другими современными записями о них. Иногда эти записи состоят из керамики или других продуктов человеческой промышленности, которые антропология в состоянии интерпретировать; часто это гораздо более важные надписи, которые были написаны или выгравированы самими участниками событий. Иными словами, именно к археологии мы должны обращаться за подтверждением или опровержением дошедшей до нас древней истории, а также за достоверностью ее рассказчиков. Письменные памятники древнего Востока, относящиеся к той же эпохе, что и патриархи или Моисей, могут лишь убедить нас в том, должны ли мы доверять повествованию Пятикнижия или видеть в нем путаницу легенд, поздний срок создания которых делает веру в них невозможной.

Как уже было сказано выше, восточная археология уже обнаружила достаточно фактов, чтобы показать нам, к какой из этих двух альтернатив мы должны склониться. С одной стороны, большая часть истории, содержащейся в книге Бытия, была прямо или косвенно доказана как подлинная; с другой стороны, новомодная теория о составлении Шестикнижия была решительно отвергнута. Давайте сначала разберемся со вторым пунктом.

В 1887 году большая коллекция глиняных табличек, исписанных клинописью, была найдена египетским феллахом среди руин древнего города, ныне известного как Тель-эль-Амарна, на восточном берегу Нила, примерно на полпути между Миньехом и Сиутом. Город просуществовал совсем недолго. Ближе к концу восемнадцатой династии фараон Аменофис III умер, оставив трон своему сыну Аменофису IV, совсем еще мальчику, который все еще находился под влиянием своей матери Тейе. Тейе была азиатского происхождения и фанатично предана азиатской форме веры. Эту преданность разделял и ее сын, и вскоре она начала приносить свои плоды. Амону Фиванскому пришлось освободить место для нового божества, которому поклонялись под видимой формой солнечного диска, а старая религия Египта, официальным главой которой был фараон, была полностью запрещена. Вскоре фараон и могущественная иерархия Фив вступили в открытую войну; само имя Амона было стерто с памятников, где оно встречалось, а сам царь сменил свое имя на Ху-н-Атен, "слава солнечного диска". Но в конце концов Ху-н-Атену пришлось покинуть столицу своих отцов и обосноваться со своими приверженцами и придворными в новом городе, расположенном дальше на севере. Этот город, Хут-Атен, как его называли, сейчас представлен курганами Тель-эль-Амарны.

Здесь фараон был окружен своими сторонниками, значительную часть которых составляли азиаты, в основном выходцы из Ханаана. Двор Египта, как и его религия, стал азиатским. Революция в религии сопровождалась также революцией в искусстве. Старый иератический канон египетского искусства был отброшен, а чрезмерная реалистичность была направлена на то, чтобы иногда даже доходить до карикатуры. В центре нового города был воздвигнут храм новому божеству Египта, а рядом с ним возвышался дворец царя. Его орнамент был необычайно великолепен. Его стены и колонны были инкрустированы драгоценными камнями, цветным стеклом и золотом; даже полы были расписаны сценами из природы,

отличающимися высочайшим художественным совершенством, и были воздвигнуты статуи, некоторые из которых напоминают нам лучшие работы классической Греции.^[130]

Но слава Хут-Атена была недолгой. Последние годы правления его основателя были омрачены религиозными и гражданскими разногласиями. За религиозными преследованиями на родине последовали смуты и восстания за границей, в азиатских провинциях империи. Когда Ху-н-Атен умер, его враги уже теснили его, а опасности, угрожавшие ему в Египте, вынудили его не отвечать на отчаянные призывы о помощи, которые поступали к нему от его правителей в Палестине. Едва мумия царя была помещена в превосходную гробницу, которую он вырезал в горе среди пустыни и уединения далекого ущелья, как нагрянул губитель. Царский саркофаг так и не достиг ниши, в которую его хотели поместить; враги "царя-еретика" разбили на куски его гранитные бока, когда он лежал на полу внутренней камеры, и развеяли по ветру останки его обитателя. Вскоре последовало разрушение Хут-Атена; один или два принца из рода Ху-н-Атена действительно некоторое время боролись за сохранение своего трона, но вскоре Амон одержал победу над Солнечным диском. Великий храм Атен был разрушен до основания, а его камни увезли, чтобы они послужили материалом для святилищ победоносного бога Фив. Дворец Ху-н-Атена был разрушен, религия, которую он пытался навязать своим подданным, была забыта, а азиатские чиновники, заполнявшие его двор, были отправлены в изгнание. Построенный им город опустел и больше никогда не был заселен.

Глиняные таблички, найденные феллахином, были обнаружены на месте Министерства иностранных дел "царя-еретика", на каждом кирпиче которого была выбита надпись "Бюро записей Атен-Ра".^[131] Оно примыкало к дворцу, и из глиняной печати, найденной среди его развалин профессором Петри, мы узнаем, что оно находилось под контролем вавилонянина. Впрочем, в этом нет ничего необычного, поскольку внешняя переписка фараона велась на вавилонском языке и вавилонской системой письма. Фактически, таблички Тель-эль-Амарны показали, что Западная Азия, завоеванная египетскими царями XVIII династии, полностью находилась под властью вавилонской культуры. Во всем цивилизованном восточном мире, от берегов Тигра и Евфрата до берегов Нила, общим средством литературного и дипломатического общения были язык и письменность Халдеи. Не только материал для письма, но и все, что на нем было написано, было заимствовано из Вавилонии. Это вавилонское влияние было настолько сильным, что египтяне сами были вынуждены подчиниться ему. Вместо своей собственной, менее громоздкой иератической или скорописной письменности им пришлось общаться со своими азиатскими подданными и союзниками на клинописных знаках и вавилонском языке. Действительно, есть свидетельства того, что записи, сделанные официальными писцами двора фараона на всех мероприятиях в Палестине, были составлены на том же иностранном языке и слоговой системе.^[132] О том, что вавилонский язык и письменность изучались в самом Египте, мы знаем из свидетельств табличек Тель-эль-Амарны. Среди них были найдены фрагменты словарей, а также вавилонских мифологических сказаний. В одной из последних некоторые слова и фразы отделены друг от друга, чтобы помочь учащемуся.

Использование вавилонского языка и системы письма в Западной Азии должно было иметь значительную древность. Это доказывает тот факт, что иероглифы постепенно приобретали своеобразные формы в разных странах, где они использовались, так что, просто взглянув на форму письма, мы можем определить, где была написана табличка - в Палестине или в Северной Сирии, в Каппадокии или в Месопотамии. Кроме того, их знание не ограничивалось немногими. Напротив, образование должно было быть широко распространено; переписку в Тель-эль-Амарне вели не только профессиональные писцы, но

и чиновники, солдаты и купцы. Среди писателей встречаются даже женщины, которые принимают участие в политике того времени. Письма тоже порой написаны о самых пустяковых делах и нередко касаются самых незначительных деталей.

Их присылали из всех уголков известного цивилизованного мира. Цари Вавилонии и Ассирии, Месопотамии и Каппадокии, египетские правители Сирии и Ханаана, даже вожди племен бедавинов на египетской границе, которые получали субсидии от правительства фараона, как современные афганские вожди, - все они вносили свой вклад в переписку. Письма, по сути, должны были постоянно ходить туда-сюда по дорогам, пересекавшим Западную Азию. От одного ее конца до другого население находилось в постоянном литературном общении, что доказывает, что восточный мир в столетие до Исхода был столь же высокообразованным и литературным, как и Европа в эпоху Возрождения. Также не была новинкой вся эта литературная деятельность и общение. Некоторые из писем были отправлены Аменофису III, отцу "царя-еретика", и были изъяты последним из архивов Фив, когда он перенес свою резиденцию в новую столицу. А литературное общение, которое происходило во времена Аменофиса III, было лишь продолжением того, что происходило веками ранее. Культура Вавилонии, как и культура Египта, была в основном литературной, и эта культура распространялась по Западной Азии с давних времен. Недавно были найдены письма Хамму-раби или Амрафела к его вассалу, царю Ларсы, а среди множества табличек с договорами той же эпохи есть образцы коммерческой переписки.

Однако стоит лишь на мгновение задуматься о том, что означало изучение языка и письменности Вавилонии, чтобы понять, какая высокоорганизованная система образования должна была преобладать во всем цивилизованном мире того времени. Нужно было не только овладеть вавилонским языком, но и знать более древний агглютинативный язык Халдеи, чтобы понять систему письма. Это как если бы современному школьнику к знанию французского языка пришлось бы добавить знание греческого. А сама система письма требовала многих лет упорного и терпеливого изучения. Она состояла из слоговой таблицы, содержащей сотни знаков, каждый из которых имел не только несколько различных фонетических значений, но и несколько различных идеографических обозначений. Но и это еще не все. Группа иероглифов могла использоваться в идеографическом значении для выражения слова, произношение которого не имело ничего общего со звуками отдельных иероглифов, из которых оно состояло. Таким образом, количество идеограмм, которые необходимо было выучить, увеличивалось в пять раз. И, в отличие от иероглифов Египта, формы этих идеограмм не помогали памяти. Они уже давно потеряли всякое сходство с рисунками, из которых были созданы, и представляли собой просто различные комбинации клиньев или линий. Вавилонянину или ассирийцу было достаточно сложно выучить слоговую азбуку; для иностранца эта задача была почти непосильной.

То, что она была решена, предполагает существование библиотек и школ. Одной из отличительных черт вавилонской культуры были библиотеки, существовавшие в больших городах, и куда бы ни переносилась вавилонская культура, эта ее черта должна была распространиться и на другие города. Поэтому в библиотеках Западной Азии должны были храниться глиняные книги, исписанные клинописью, а рядом с ними - школы, где ученики корпели над своими упражнениями, а учителя обучали их языку и письму чужеземцев. Мир, в котором родился Моисей, был таким же литературным, как и наш собственный.

Если Западная Азия была родиной давно сложившейся литературной культуры, то Египет - тем более. С незапамятных времен страна фараонов была страной писателей и читателей. В очень ранний период иероглифическая система письма была преобразована в скоропись, так называемую иератическую; еще во времена третьей и пятой династий были написаны

знаменитые книги, автор одной из которых, Птах-Хотеп, уже сожалеет о вырождении и литературном упадке своего времени. Путешественника, поднимающегося вверх по Нилу и рассматривающего скалы, окаймляющие реку, не может не поразить множество имен, выцарапанных на них. Временами он склонен верить, что каждый египтянин в древности умел писать, и ему не оставалось ничего другого, как нацарапать на скалах запись о себе. Такое же впечатление производят на нас мелкие предметы, которые тысячами выкапывают из-под земли на месте старых городов. Там, где это было возможно, на них наносилась надпись, которую, как кажется, считалось само собой разумеющимся, могли прочесть все. Даже стены храмов и гробниц были покрыты надписями; куда бы ни обращался египтянин, каким бы предметом он ни пользовался, ему трудно было избежать встречи с написанным словом. Тот, кто родился на земле Египта, был вынужден знакомиться с искусством письма с самых ранних дней своего младенчества.

Накапливаются свидетельства того, что та же литературная культура, которая преобладала в Египте и Западной Азии, распространилась и на Аравийский полуостров. Д-р Глейзер и профессор Хоммель, два самых авторитетных специалиста в этой области, считают, что некоторые надписи Южной Аравии восходят к эпохе восемнадцатой и девятнадцатой египетских династий; и если они правы, как им кажется, в том, что царство Ма'н или Мин'аан предшествовало царству Саба или Шеба, то древность письменности в Аравии должна быть велика.^[133] Тот факт, что вавилонская династия, к которой принадлежал Амрафель, была южноаравийского происхождения, подкрепляет веру в существование арабской культуры в ранний период, как и последние исследования источника так называемого финикийского алфавита. Теперь мы знаем, что в эпоху Моисея в Ханаане использовалась клинопись, а не финикийский алфавит, а самая древняя из найденных надписей финикийскими буквами датируется более поздним временем, чем царствование Соломона. С другой стороны, южноаравийская форма алфавита содержит буквы, обозначающие звуки, которыми когда-то владели все семитские языки, но которые были утрачены языком Ханаана; и хотя некоторые из этих букв могут быть производными от других букв алфавита, есть и такие, которые имеют самостоятельное происхождение. Караванная дорога, по которой южные пряности везли в Сирию и Египет, проходила через территорию Эдома; надписи царей Маана уже обнаружены в окрестностях Теймы, недалеко от границ Мадиама; возможно, мы еще найдем записи среди хребтов горы Сеир, которые станут связующим звеном между ранними текстами Южной Аравии и самым древним текстом, дошедшим до нас с финикийской земли.

Исход из Египта, таким образом, произошел в очень литературный период, и люди, принимавшие в нем участие, перешли из страны, где искусство письма буквально смотрело им в лицо, в другую страну, которая в течение бесчисленных веков была центром переписки Тель-эль-Амарны и домом вавилонской литературной культуры. Можно ли представить себе, что их лидер и признанный законодатель не умел писать, что он не был обучен "мудрости Египта" или что высшие слои его народа не умели читать? Пусть израильтяне были всего лишь племенем бедавинов, низведенным фараонами до состояния государственных рабов, все равно среди них обязательно были вожди и надсмотрщики, которые, согласно государственным правилам Египта, отвечали перед правительством за остальных своих соотечественников, и некоторые из этих вождей и надсмотрщиков, по крайней мере, должны были быть образованными людьми. Моисей мог написать Пятикнижие, даже если он этого не сделал.

Более того, глиняные таблички, на которых можно было прочесть историю Ханаана, сохранялись в библиотеках и архивах ханаанских городов вплоть до их разрушения. Если после открытия табличек Тель-эль-Амарны и оставались какие-то сомнения на этот счет, то

они были развеяны обнаружением аналогичной таблички на месте Лахиша. В некоторых случаях города не были разрушены, насколько нам известно, до того периода, когда допускается, что израильтяне перестали быть неграмотными. Например, Гезер, который играет главную роль в переписке Тель-эль-Амарны, похоже, не попадал в руки врага до тех пор, пока не был захвачен египетским фараоном и передан его зятю Соломону. Пока сохранялось знание клинописи, ранние записи Ханаана были доступны историку, и многие из них были современны событиям, к которым они относились.

Таким образом, одно археологическое открытие разрушило базу, с которой началась односторонняя критика истории Ветхого Завета. Действительно сильным аргументом в ее пользу было предположение, что эпоха Моисея была неграмотной. Подобно тому, как Вольф основывал свою критику и анализ гомеровских гимнов на убеждении, что использование письма для литературных целей было в Греции поздним, так и вера в то, что израильтяне времен Моисея не умели читать и писать, была конечной основой, на которой базировалась современная теория составления Шестикнижия. Независимо от того, осознавалось это или нет, это было истинной отправной точкой критического скептицизма, единственным прочным фундаментом, на котором он, казалось бы, должен был покоиться. Разрушение фундамента ставит под угрозу всю конструкцию, которая была на нем построена.

Фактически, это полностью меняет положение современной критической теории. *На плечи защитников традиционных взглядов больше не ложится onus probandi*. Вместо того чтобы доказывать, что Моисей мог написать книгу, именно они должны призывать учеников современной теории показать причины, по которым он не должен был этого делать. А доказывать отрицательное всегда сложно.

Можно сказать, что положительные аргументы современной гипотезы остались прежними. Это возможно, но их фон исчез. А о том, насколько аналитики Шестикнижия осознавали важность этого фона до обнаружения табличек Тель-эль-Амарны, можно судить по их отчаянным попыткам избавиться от контрдоказательств, предоставленных Песнью Деборы. Из Махира, - говорится в ней (Суд. ст. 14), - вышли законоучители, а из Завулونا - те, кто владеет стилусом писца". Вопреки филологии, последние слова были переведены как "жезл маршала"! Но *софер* здесь, как и в других местах иврита, означает "писец", а его *шебет*, или "стилус", часто изображается на египетских памятниках. В "Благословении Иакова", которое, как и "Песнь Деборы", можно отнести к раннему периоду, *шебет* ассоциируется с *m'khoqêq* или "законодателем" (Быт. xliх. 10). Слово *m'khoqêq*, однако, буквально означает "гравер", тот, кто не писал свои законы на папирусе или пергаменте, как это делал писец, а гравировал их на камне, или металле, или глине.^[134] В любом случае они были записаны; и письменные документы, таким образом, подразумеваются не только в выражении "стилус писца", но и в слове "законодатель". Песнь Деборы, по общему мнению, относится к древнейшему периоду поселения евреев в Палестине; она также принадлежит к эпохе анархии и национальной депрессии; и, тем не менее, она уже знакома с израильскими законоучителями и писцами, с граверами законов и мастерами пера. Неудивительно, что его свидетельства были объяснены в соответствии с методом, который не является ни научным, ни историческим.

Как историки, мы обязаны признать древность письменности в Израиле. Писец, как и законодатель, восходит к эпохе Моисея, и в этом отношении израильтяне не составляли исключения из тех народов, среди которых они жили. Они не были островком неграмотного варварства посреди огромного моря литературной культуры и деятельности, и не упрямо спали, пока все вокруг писали и читали.

Но даже анализ критиков Шестикнижия не выдерживает испытания археологическими открытиями. Нигде нет более четкого подтверждения документальной гипотезы, чем в истории о потопе. Здесь сочетание яхвистского и элохистского повествования как бы само собой напрашивается на внимание читателя, и сторонники теории распада с триумфом указывают на внутренние противоречия и непоследовательность этой истории в поддержку своих взглядов. Если где-либо, то здесь, во всяком случае, внешние свидетельства археологии должны быть на стороне современной критики.

И все же это не так. Так случилось, что среди дошедших до нас фрагментов древневавилонского эпоса и легенд есть длинная поэма в двенадцати книгах, написанная в эпоху Авраама или даже раньше неким Син-лики-уннини и повествующая приключениях халдейского героя Гильгамеша. Она основана на более древних материалах и, по сути, является последней нотой и окончательным подведением итогов халдейской эпической песни. В него были включены более древние поэмы, а сам эпос был искусственно вылеплен по астрономическому плану. Его двенадцать книг, в каждой из которых рассказывается о новом приключении героя, соответствуют двенадцати знакам зодиака и месяцам года, которые были названы в их честь. Одиннадцатый месяц возглавлялся Водолеем и был месяцем "проклятия дождя"; соответственно, в одиннадцатую книгу поэмы был введен эпизод потопы.

История о потопе была темой многих поэм. Мы располагаем фрагментами некоторых из них, и детали сюжета не всегда совпадали. Но версия, сохранившаяся в эпосе о Гильгамеше, стала, можно сказать, стандартной; сам факт, что она была воплощена в самом знаменитом из эпосов, сделал ее широко известной. Когда в 1872 году мистер Джордж Смит обнаружил эту историю, ее поразительное сходство с историей Потопа в Бытие сразу же стало очевидным для всех. В деталях и общих чертах эти два рассказа совпадали; даже в моральной причине потопы - грехе человека - вавилонская история, единственная среди традиций о потопе, совпадала с библейским повествованием.

Сравнение халдейского и библейского рассказов приводит к следующим результатам. Сходство между ними в равной степени распространяется на элохистскую и яхвистскую части древнееврейского повествования. Как и элохист, эпос приписывает потоп грехам человечества, а сохранение Ксисутроса, халдейского Ноя, и его семьи - благочестием героя; кроме того, в бедствие вовлечены все живые существа, за исключением тех, что сохранились в ковчеге; О его приближении Ксисутросу сообщает бог Эа, который наставляет его, как построить "корабль"; Эа также, как и Элохим, предписывает размеры ковчегу, который делится на комнаты и этажи, насыпается внутри и снаружи; В него было взято "семя жизни всякого рода" вместе с семьей Ксисутроса; воды Потопа, как сказано, покрыли "все высокие горы" и уничтожили всех живых существ, кроме тех, что были в ковчеге; в этом ковчеге тоже было окно; Когда потоп утих и Ксисутрос принес жертву на вершине горы, Бел благословил его и объявил, что больше никогда не уничтожит мир потопом, а Истар "подняла" раду, которую в старом вавилонском гимне называют "луком потопы".

Как и яхвист, вавилонский поэт видит в Потопе наказание за грех и считает, что он уничтожил все живые существа, кроме тех, что были в ковчеге. Он также утверждает, что Ксисутрос послал трех птиц, одну за другой, чтобы узнать, спадают ли воды, две из них - голубь и ворон, и что в то время как голубь повернул обратно к ковчегу, ворон улетел. Кроме того, после спуска с ковчегу Ксисутрос, как нам рассказывают, построил алтарь и принес жертву на вершине горы, на которой он отдыхал, и там "боги почувствовали сладкий запах" жертвоприношения. В некоторых случаях эпос даже объясняет сомнительное или неясное в древнееврейском тексте. Так, он показывает, что в рассказе об отправлении птиц одна из

них была пропущена, и поэтому, чтобы завершить число отправлений птиц из ковчега, голубь отправляется дважды, а ворон, вместо того чтобы покинуть ковчег последним, становится первым. В вавилонской истории порядок естественный. Сначала улетает голубь, затем ласточка или "птица судьбы", а последним - ворон, который питается трупами, плавающими на воде, и, соответственно, не возвращается. Но "птица судьбы" несла в себе языческие и мифологические ассоциации. Поэтому она была опущена библейским писателем, что привело к путанице в повествовании.^[136]

Вавилонское происхождение Потопа, опять же, объясняет только утверждение о том, что он был частично вызван разрушением "фонтанов великой глубины". Великая глубина, называемая в вавилонской мифологии Тиамат, была поставлена под охрану при сотворении мира, согласно халдейским верованиям, и таким образом ей не дали вырваться наружу и уничтожить человечество. Вся эта концепция возвращает нас к аллювиальным равнинам Вавилонии, которые в любой момент могли быть затоплены водами Персидского залива, и совершенно неприменима к такой горной стране, как Палестина, где только дождь мог вызвать потоп.^[137]

Есть даже признаки того, что в библейском повествовании мифологические идеи и политеистическая фразеология вавилонской истории были намеренно опровергнуты или подавлены. Так, не только вся окраска повествования сурово монотеистична, но и сам Бог сообщает Ною о приближении потопа, в отличие от вавилонской версии, согласно которой бог Эа возвестил халдейскому Ною о грядущей катастрофе без ведома верховного бога Бэла. А когда Потоп прошел, Бэл был разгневан тем, что кому-то удалось спастись от него живым, и другим божествам пришлось ходатайствовать перед ним, прежде чем его удалось умиротворить. И если вавилонский поэт говорит нам, что халдейский Ной закрыл дверь своего корабля, то в книге Бытия это делает сам Яхве. По мнению библейского писателя, ничто не должно было умалять всемогущества Бога Израиля.

Следует заметить, что совпадений между вавилонским и еврейским повествованиями столько же в деталях, сколько и в общих чертах, и эти совпадения охватывают еврейское повествование в целом. Вавилонский поэт соглашается не только с Элохистом или Яхвистом, но и с предполагаемым сочетанием двух их документов, которое мы находим в книге Бытия. Если бы документальная гипотеза была верна, то существовало бы только два способа объяснить этот факт. Либо вавилонский поэт имел перед собой нынешний "отредактированный" текст Бытия, либо элохист и яхвист должны были скопировать вавилонскую историю при взаимном понимании того, что один должен вставить то, что другой опустил. Третьей альтернативы не существует.

Поскольку вавилонский эпос был написан в эпоху Хамму-раби или Амрафела, ни одна из двух альтернатив не может быть принята сторонниками шестикнижной теории, и вся теория, следовательно, должна быть исключена из рассмотрения. Она терпит крах в первом же тестовом случае, к которому можно применить результаты археологических открытий, причем в случае, когда ее правдоподобность необычайно велика. Отныне историк, придерживающийся научного метода, может смело игнорировать всю ткань шестидесятилетней критики.

Сама история о потопе подсказывает, что можно поставить на ее место. При всем своем сходстве с вавилонской историей, библейское повествование все же претерпело изменения. Оно было облечено не только в древнееврейскую, но и в палестинскую одежду. Корабль халдейского Ноя превратился в ковчег, что было естественно для страны, где не было ни великих рек, ни Персидского залива; период выпадения осадков перенесен с Себета или

января и февраля, когда в Вавилонии выпадают зимние дожди, на "второй месяц" еврейского гражданского года, наши октябрь и ноябрь, время осенних или "прежних дождей" в Ханаане, а спад вод начинается в середине "седьмого месяца", когда заканчиваются "последние дожди" ханаанской весны; А голубь, как сказано, принес в своем рту лист оливы, дерева, характерного для почвы Палестины. Хотя библейское повествование было заимствовано из Вавилонии, на Западе оно было изменено и окрашено. Даже герой вавилонской поэмы превратился в ханаанского Ноя или Нахама.

Из табличек Тель-эль-Амарны мы узнали, как это могло произойти. В истории Западной Азии был один период, и, насколько нам известно, только один, когда литература Вавилонии преподавалась и изучалась там, а литературные идеи и истории Халдеи были знакомы народу Ханаана. Это был период вавилонского влияния, который закончился с эпохой Моисея. С хеттскими завоеваниями XIV века до н. э. и вторжением израильтян в Ханаан все закончилось. Вавилонская история о потопе, адаптированная к Палестине в том виде, в каком мы находим ее в Пятикнижии, должна относиться к до-мозаичной эпохе. И трудно поверить, что идентичность деталей в вавилонской и библейской версиях могла бы оставаться столь совершенной, или что библейский писатель мог бы проявить такое сознательное намерение опровергнуть политеистические черты оригинала, если бы он не владел клинописью. Трудно поверить, что он принадлежал к эпохе, когда финикийский алфавит занял место вавилонской слоговой системы, а древняя литература Ханаана стала запечатанной книгой.

Но если это так, то проливается новый свет на источники исторических повествований, содержащихся в Пятикнижии. Некоторые из них, по крайней мере, дошли до нас из того периода, когда литературная культура Вавилонии еще доминировала на берегах Средиземноморья. Чтобы не быть народными традициями и мифами, впервые зафиксированными в письменном виде после распада царства Соломона и объединенными в их нынешнюю форму рядом "редакторов", они должны быть заимствованы из до-мозаичной литературы Палестины. Те из них, которые имеют вавилонское происхождение, попали на запад, подобно халдейским легендам, найденным среди табличек Тель-эль-Амарны, в то время как другие будут современными записями событий, которые они описывают. Мы должны ожидать, что обнаружим в Пятикнижии не только израильские записи, но и вавилонские, ханаанейские, египетские и даже эдомитские.

Прогресс археологических исследований уже частично оправдал эти ожидания. Ур Халдейский" был найден в Мукайяре, а договоры ранней Вавилонии показали, что амориты - или, как мы должны их называть, ханаанеи - были поселены там, и даже выявили такие ярко выраженные еврейские имена, как Иаков-Эль, Иосиф-Эль и Измаил.^[138] Даже имя Аврама, Аби-Раму, появляется как отец "аморита", свидетеля договора в третьем поколении до Амрафела. А сам Амрафель, вместе со своими современниками, Хедор-лаомером или Кудур-Лаггамаром из Элама, Ариохом из Ларсы и Тид'алом или Тудгулой, был возвращен в историю, на которую ему и его соратникам было отказано в праве претендовать. Объяснены "народы", которыми правил Тид'ал, и полностью подтверждена точность политической ситуации, описанной в четырнадцатой главе Бытия. Доказано, что Иерусалим, вместо того чтобы быть названием, впервые присвоенным будущей столице Иудеи после ее захвата Давидом, был ее самым ранним названием; а царь-жрец Мелхиседек находит параллель в своем более позднем преемнике, царе-жреце Эбед-Тобе, который в письмах Тель-эль-Амарны заявляет, что получил свое царское достоинство не от отца или матери, а через руку "могущественного царя". Если мы обратимся к Египту, то археологические свидетельства будут теми же. История Иосифа свидетельствует о близком знакомстве ее автора с жизнью и

нравами египтян в эпоху гиксосов и предлагает единственное объяснение революции, произошедшей в землепользовании во время господства гиксосов. Как мы видели, в этой истории есть особенности, которые позволяют предположить, что она была переведена с иератического папируса. Что касается Исхода, то мы увидим, что его география относится к XIX династии и ни к какому другому периоду в истории Египта.

Таким образом, прямо или косвенно, большая часть истории, содержащейся в Пятикнижии, была доказана археологией как подлинная. При этом следует помнить, что восточная археология все еще находится в зачаточном состоянии. Лишь немногие из мест древней цивилизации еще не раскопаны, а в музеях Европы и Америки хранятся тысячи клинописных текстов, которые еще не расшифрованы. Только в 1887 году были найдены таблички Тель-эль-Амарны, которые имели такие важные последствия для библейской критики, а открытия, сделанные ранними договорами Вавилонии, даже само имя Хедор-лаомер, являются еще более поздним открытием. Поэтому примечательно, что в наших руках уже имеется так много сведений, подтверждающих древность и историческую подлинность повествований Пятикнижия; и это дает основание предполагать, что с развитием наших знаний появятся и новые подтверждения библейской истории. Во всяком случае, путь историка ясен; Пятикнижие было проверено сравнительным методом науки и выдержало испытание. Оно содержит историю, и с ним следует обращаться так же, как с другими историческими произведениями. Филологическая теория с ее причудливыми различиями, Священническим кодексом и "редакторами" должна быть отброшена, вместе со всеми историческими последствиями, которые она влечет за собой.

Но из этого не следует, что, поскольку филологическая теория несостоятельна, все поиски характера и источников Пятикнижия - пустая трата времени. Филологическая теория потерпела неудачу, потому что она пыталась возвести огромную надстройку на очень несовершенных и сомнительных материалах; потому что, короче говоря, она пыталась достичь исторических результатов без использования исторического метода. Но никто не может изучать Пятикнижие в свете других древних произведений подобного рода, не осознавая, что оно является компиляцией и что его автор (или авторы) использовали большое количество более древних материалов. Современная восточная история написана таким же образом; например, такая книга, как "Египетская история" Эль-Макризо, хотя и является творением одного ума, тем не менее содержит более древние материалы, которые были собраны со всех сторон. Египетская "Книга мертвых" или халдейский "Эпос о Гильгамеше" свидетельствуют о том же. Развитие Книги мертвых, ритуала, который был необходим душам египетских умерших при переходе в мир иной, можно проследить на самом деле.^[139] Она включала и объединяла доктрины более чем одной школы ранней египетской теологической мысли, а в более поздние времена подверглась обширным интерполяциям и модернизации. В текст были включены не только глоссы, некогда предназначенные для объяснения неясностей архаичной фразеологии, но даже целые главы. В "Эпос о Гильгамеше" также вошли другие поэмы или части поэм, примером которых является "Эпизод о потопе". Однако ни один ассириолог не станет оспаривать, что от начала до конца это произведение принадлежит одному автору.

Археология уже показала нам, что мы правы, полагая, что Пятикнижие также было составлено из более ранних материалов. История о походе Хедор-Лаомера, должно быть, взята из клинописной таблички; история Иосифа, похоже, взята из иератического папируса. Рассказ о потопе попал из Вавилонии в Ханаан в те времена, когда культура Халдеи распространилась на Средиземноморье. Таким образом, мы имеем повествования, которые

предполагают знакомство не только с Вавилоном и Египтом, но и с вавилонскими и египетскими документами.

Так и список эдомитских царей, содержащийся в тридцать шестой главе Бытия, должен был быть извлечен из официальных анналов Эдома. Это доказательство того, что такие анналы существовали, что эдомитяне, как и другие их соседи, были знакомы с искусством письма и что их официальные записи были доступны еврейскому писцу.

Мы не можем сомневаться в подлинности этого списка, хотя древняя территория Эдома еще не исследована, и, следовательно, пока не найдено эдомитских надписей, которые могли бы подтвердить его достоверность. Поэтому список пока не находится в таком же удачном положении, как подтвержденный археологическими находками рассказ о Хедор-Лаомере и его союзниках. Здесь даже имена иноземных царей сохранились в древнееврейском тексте с удивительно малой степенью искажения. Весь рассказ, должно быть, заимствован из клинописного документа, созвучного событию, о котором он повествует. Иными словами, здесь мы можем проследить одно из повествований Пятикнижия не только по письменному источнику, но и по письменному источнику, который в то же время является современной записью.

Таким образом, мы можем заключить, что Пятикнижие было составлено из более древних документов - некоторых вавилонских, некоторых египетских, некоторых эдомитских; других, как мы можем судить по их содержанию, ханаанских и арамейских - и что многие из этих документов относятся к тем периодам, к которым они относятся. Однако это еще не все. В некоторых случаях мы можем приблизительно определить самую позднюю дату, когда они могли быть использованы и объединены в той форме, в которой мы находим их сейчас. Так, в географической карте Бытия (х. 6) Ханаан назван братом Куша и Мизраима. Это отсылает нас к тому времени, когда Ханаан был провинцией Египетской империи; когда эта империя прекратила свое существование, такое описание стало невозможным. После эпохи девятнадцатой династии и еврейского Исхода Ханаан и Египет были отрезаны друг от друга географически и политически, и Ханаан уже никогда не мог называться в семитской идиоме братом Мизраима. Вместо этого он стал братом Арама и Ассира.

Таким образом, возрастные рамки, предписанные археологией, не позволяют нам выйти за пределы эпохи Моисея. Короче говоря, Моисей - это тот составитель, к которому, согласно археологическим данным, восходит десятая глава Бытия в ее первоначальном виде. Но рядом с этим свидетельством есть и другое, которое говорит о другом. Гомер, или Киммерийцы, так же как и Мадай, названы среди сыновей Иафета, а ассирийские памятники уверяют нас, что ни те, ни другие не входили в географический горизонт Западной Азии до девятого века до н.э. Именно в девятом веке до н.э. ассирийские цари впервые познакомились с Медами, а Гимирры или Киммерийцы не спускались в Азию со своих мест на Азофском море до 680 г. до н.э. Те же самые рассуждения, которые дают нам возраст Моисея как возраст географической карты Бытия в ее примитивной форме, дают нам седьмой век до н.э. или позже для даты другой части той же самой главы.

Список царей Эдома, опять же, вводится замечанием, что "вот цари, которые царствовали в земле Эдомской, прежде нежели воцарился какой-либо царь над сынами Израилевыми". Таким образом, она была включена в книгу Бытия не ранее эпохи Саула, и этот вывод подтверждается тем фактом, что первым названным царем является Валаам, сын Беора, который был современником Моисея. Если, соответственно, Пятикнижие было первоначально составлено в эпоху Моисея, то оно должно было пройти через судьбу

египетской Книги мертвых и быть расширено последующими дополнениями. Вставки и интерполяции должны были попадать в него при новых изданиях.

О том, что так оно и было, есть косвенные свидетельства. С одной стороны, текст пророческих книг подвергался аналогичному обращению: время от времени пророк или его преемники вносили в него дополнения и изменения, чтобы адаптировать его к новым политическим или религиозным обстоятельствам. Например, Исайя скопировал пророчество одного из своих предшественников, направленное против Моава, и, оборвав его на середине предложения, приспособил к нуждам и обстоятельствам своего времени. С другой стороны, по давней иудейской традиции, которая нашла свое отражение во Второй книге Ездры (xiv. 21-26), Эзра переписывает или редактирует книги Моисея. Нет причин сомневаться в истинности этой традиции; Эзра был восстановителем старых путей, и Пятикнижие вполне могло принять от него свою нынешнюю форму. Если это так, то нам не стоит удивляться, если то тут, то там мы находим в нем отголоски вавилонского плена.

Наряду с материалами, почерпнутыми из письменных источников, книга Бытия содержит повествования, которые, во всяком случае, в первую очередь, должны были напоминать предания и поэмы, устно передававшиеся в арабских землях и посвященные героям и праотцам племени. Таким образом, есть два Авраама: один - Авраам, родившийся в одном из центров вавилонской цивилизации, союзник аморейских вождей, чьи вооруженные последователи свергли арьергард эламской армии, и к которому хетты из Хеврона обращаются как к "могущественному князю"; Другой - Авраам из костра Бедавина, кочевник, чьи привычки соответствуют грубой независимости пустыни, чья жена месит хлеб, а он сам убивает телят, которым угощают его гостей. Это правда, что в реальной восточной жизни простота пустыни и богатство и культура города могут сочетаться в одном и том же человеке; что в современном Египте все еще можно встретить арабских шейхов, которые живут как дикие бедавины в течение одной части года, и как богатые и цивилизованные горожане в течение другой его части; в прошлом веке значительная часть Верхнего Египта управлялась бедавинскими эмирами, которые реализовали в своих собственных лицах ту любопытную двойственность жизни и манер, которая для нас, западных людей, кажется такой странной. Но верно и то, что дух и тон повествований в Бытие различаются вместе с характером, приписываемым в них патриарху: мы находим в них не только разницу между гостем египетского фараона и развлекателем ангелов, но и разницу в точке зрения. Первая говорит нам о литературной культуре, вторая - о простом круге странствующих пастухов, к ограниченному опыту которых приходится апеллировать рассказчику. История может быть основана на фактах, она может быть в значительной степени правдивой, но она окрашена окружением, в котором она выросла, и археологическое доказательство ее исторического характера никогда не может быть получено. В крайнем случае, можно показать, что она соответствует времени и месту, в котором происходит действие, и не содержит ничего, что противоречило бы известным фактам.

Таковы, таким образом, основные результаты применения археологического теста к книгам Пятикнижия. Филологическая теория с ее подробным и математически точным анализом отброшена; она так же мало согласуется с археологией, как и со здравым смыслом. Пятикнижие по существу относится к эпохе Моисея, и поэтому его можно принять как произведение, в основном, самого Моисея. Но это составное произведение, включающее в себя материалы разного рода. Некоторые из них являются письменными документами, описывающими современные события или фиксирующими космологические верования древней Вавилонии; другие были получены из неписаных традиций кочевых племен. Труд

прошел через множество редакций; он полон интерполяций, пространных и иных; и, вероятно, окончательную форму он приобрел в руках Эзры. Но для того чтобы обнаружить интерполяции или определить, какие письменные документы были использованы, мы должны прибегнуть к историческому методу и фактам археологии. Без них мы не можем продвинуться ни на шаг. Археологические данные, однако, уже достаточны для предположения, что там, где они нас подводят, текст все же древний, а повествование историческое - предположение, как можно заметить, прямо противоположное тому, в котором шестидесятническая теория укрепила своих учеников.

Но, скажут те же ученики, что же будет с теми тремя пластами законодательства, которые мы так успешно отделили один от другого в Шестикнижии и показали, что они относятся к трем отдельным и взаимоисключающим периодам израильской истории? Разве литературная критика не доказала, что невозможно примирить постановления и точку зрения Книги Завета, с одной стороны, и Второзакония, с другой, или законодательство Второзакония и Священнического кодекса? Жертвенник из земли или грубо обтесанных камней, который можно построить на любом высоком месте, освобождает место для жертвенника Иерусалимского храма, а тот - для идеального жертвенника скинии в пустыне. Одно святилище занимает место многих; священство ограничивается сначала коленом Левия, а затем, в особенности, сыновьями Аарона; а простые праздники ликования по поводу урожая, которые ранний Израиль отмечал вместе со своими соседями, заменяются жертвоприношениями за грех и торжественными праздниками, такими как День искупления.

Странно, что эти несоответствия были оставлены на усмотрение европейских ученых XIX века, и что ни современники Езры, которые позволили связать себя игом закона, который они считали божественным, ни самаритяне, соперничавшие с иудеями, никогда их не замечали. Этот факт, как кажется историку, заставляет усомниться в их реальном существовании, и он может оставить их на милость доктора Бакстера, который встретился с литературными критиками на их собственной почве и серьезно повредил их карточный домик.^[140] Историк не может иметь ничего общего с теорией, которая не только требует переписать все исторические книги Ветхого Завета в соответствии с ней, но и сразу же объявляет каждый отрывок, который говорит против нее, глоссой и интерполяцией. История, как и наука, не строится на субъективных суждениях.

В то же время в работе "литературного анализа" есть элемент истины. Многолетний труд способных и эрудированных ученых не может быть абсолютно безрезультатным, даже если они, возможно, были сбиты с пути волей ложной теории и следовали неверной линии исследования. В результате тщательного изучения текста выяснилось многое, о чем раньше и не подозревали; стало ясно, что исторические книги Ветхого Завета являются компиляцией, не свободной, к тому же, от позднейших интерполяций, хотя мы и не можем разделить уверенность, с которой они отделяют и различают различные элементы. Они сделали невозможным возвращение к старой концепции еврейских Писаний и старому методу трактовки еврейской истории. В чем они преуспели, так это в негативном, а не в реконструктивном аспекте. Для реконструкции нужен был научный инструмент сравнения, а этого у литературоведов не было.

Сами ветхозаветные книги не скрывают того факта, что они являются компиляциями. Книги Царств называют источники, из которых была взята большая их часть, а книги Самуила (2 Цар. i. 18) цитируют "Песнь о луке" Давида из книги Иашера. На это же произведение ссылается книга Иисуса Навина (х. 13), а в книге Чисел (xxi. 14) мы имеем отрывок из утраченной Книги войн Господних. В текст вводятся древние стихи, такие как Песнь Деборы или Благословение Иакова; в Числах xxi. 27-30 цитируется даже победная песнь аморитян.

Так называемая "Книга завета" литературных критиков берет свое название от реальной "Книги завета", в которой первый закон, обнародованный на Синае, был записан Моисеем, согласно Исх. xxiv. 4, 7, и прочитан им "в присутствии народа", а в Песне Деборы прямо говорится, что войска Завулону, участвовавшие в войне против Сисира, сопровождались писцами, как и войска Египта или Ассирии.

То, что Моисей не мог написать рассказ о своей смерти, обнаружили даже еврейские раввины; а ссылки на "Книгу завета" и "Книгу войн Господних" доказывают, что Пятикнижие в его нынешнем виде не дошло до нас из эпохи Моисея. Материалы могут быть Моисеевыми; возможно, по сути, это работа великого еврейского законодателя, но сам труд относится к более позднему времени.

Насколько мы можем доверять точности традиционного еврейского текста? Современная критика склонна объявлять текст испорченным, нередко потому, что сам критик не может его понять, и довольно свободно заниматься предположительными изменениями. Против него выдвигается греческий текст Септуагинты, и часто придается чрезмерное значение его вариантам чтения или пропускам, как, например, в случае с историей Савла. Несомненно, текст Септуагинты имеет большую ценность; он восходит к периоду, на много веков более древнему, чем самый старый из дошедших до нас еврейских списков; но он был составлен евреями Александрии, чье знание священного языка их народа не всегда было полным и точным. Недавнее открытие оригинального еврейского текста Екклесиастика далеко поколебало нашу уверенность в чтении Септуагинты, поскольку сравнение его с греческим переводом, сделанным всего двумя поколениями позже, показало, что в последнем пропущены отрывки по простой небрежности или, возможно, из-за неспособности понять их. Открытие также оказалось не в пользу поправок литературной и филологической критики: ни одна из многочисленных попыток восстановить утраченный древнееврейский оригинал не оказалась верной.^[141]

С другой стороны, сравнение еврейских Писаний с глиняными книгами Ассирии говорит в пользу точности текста. Переписчики, работавшие в библиотеках Ассирии и, предположительно, в более древних библиотеках Вавилонии, были скрупулезно точны в своих копиях ранних текстов. Если табличка, с которой они копировали, была повреждена и имела дефекты, это указывалось, и писец не пытался восполнить догадками, какими бы очевидными они ни были, то, чего не хватало в документе, лежащем перед ним. Он даже старался отметить, был ли перелом недавним или нет. В тех случаях, когда он не был уверен в ассирийском эквиваленте вавилонского иероглифа необычной формы, он приводил альтернативные варианты, а то и воспроизводил сам сомнительный иероглиф. Однако, пожалуй, самый яркий пример текстуальной честности ассирийских и вавилонских писцов можно найти в сборнике, известном как *"Вавилонская хроника"* - хронологическом отчете, в котором история Вавилонии излагается с сугубо вавилонской точки зрения. Здесь автор откровенно признается, что "не знает" года, когда произошла решающая битва при Халуле, положившая Вавилон к ногам Сеннахериба; материалы для решения этого вопроса его подвели, и, в отличие от современных критиков Шестикнижия, он воздержался от догадок. Нам повезло больше, чем ему; поскольку мы располагаем анналами Сеннахериба, в которых ассирийский царь дает весьма красочный отчет об этой битве, мы можем определить ее дату.

В поздние времена иудейской монархии в Иерусалиме существовала библиотека, подобная тем, что были в Ассирии и Вавилонии, и мы слышим о писцах, принадлежавших к ней во времена Езекии, которые переписывали Притчи Соломона (Пр. ххv. 1). Есть основания полагать, что они были столь же внимательны и честны в своей работе, как и писцы Ассирии, чьему примеру они, вероятно, следовали. Так, имена Хедор-лаомера и его союзников сохранены с исключительной точностью, как и формы двух географических названий, которые, по-видимому, предполагают перевод с клинописного оригинала.^[142] Так же, как и арамейские надписи современника Тиглата-Пилесера III. найденные в Синджерли, к северу от Антиохийского залива, показывают, что по крайней мере в одном случае орфография, которую мы находим в книгах царей, осталась неизменной с VIII века до н. э. Как и в книгах царей, так и в Синджерли ассирийское имя Тукульти-Пал-Эсарра неправильно написано Tiglath-pileser, с *g* вместо *k*, и даже страна, которой он правил, в обоих случаях написана *plene* (с символом гласной *u*). С другой стороны, нельзя отрицать, что существует множество явных и безошибочных искажений текста. В самой четырнадцатой главе Бытия название города Ларса было превращено в Элласар;^[143] в других местах в текст были внесены глоссы, а есть целые отрывки, которые либо неграмматичны, либо бессмысленны в их нынешнем виде. Древние авторы, будь то древнееврейские или другие, не писали глупостей; и если естественный перевод отрывка не имеет смысла, мы можем быть совершенно уверены, что он испорчен.

Таким образом, еврейский историк обязан относиться к своим авторитетам так же, как греческий историк относился бы к Геродоту, Фукидиду или любому другому писателю, о характере и эпохе которого существует длинный ряд внешних свидетельств. Результаты "литературного анализа" можно оставить филологу, как и догадки и теории, которыми ученые девятнадцатого века подменили раннюю историю Израиля. Они исчезали, как мыльный пузырь, везде, где их проверяли археологические данные, которые, с другой стороны, подтверждали существенную правдивость тех утверждений Ветхого Завета, которые были с презрением отброшены.

Там, где это возможно, библейские повествования должны быть сопоставлены с открытиями археологических исследований; там, где это невозможно, они должны рассматриваться с исторической, а не с филологической или литературной точки зрения. Мы обязаны исходить из их общей достоверности и верности, за исключением тех случаев, когда это может быть исторически опровергнуто, и помнить, что, хотя, с одной стороны, несоответствия в деталях не влияют на общую историческую достоверность документа, совпадение таких деталей с фактами археологии или географии - особенно если они относятся к так называемым "незапланированным совпадениям" - является мощным аргументом в его пользу. Прежде всего, мы должны остерегаться этого излюбленного оружия литературной критики, аргумента от молчания, который на самом деле является просто аргументом от несовершенства наших собственных знаний, и который один-единственный пример обратного будет повергнут. Литературная критика Ветхого Завета полна примеров этого аргумента, которые были разрушены прогрессом восточной археологии.

Поэтому пусть это будет правилом историка: верить всему, надеяться на все, но в то же время проверять и испытывать все. И проверка должна быть научной, не то, что мы предполагаем как вероятное или естественное, а внешние свидетельства в виде археологических или географических фактов. История прошлого - это не то, что должно было произойти в соответствии с представлениями критика, а то, что произошло на самом деле.

Такая манера обращения с авторитетами, разумеется, не исключает признания того, что литературные критики называют их несколькими "тенденциями". Ни одна история,

достойная этого названия, не может быть написана без "тенденции" того или иного рода со стороны писателя, даже если она не ощущается сознательно. У нас должна быть какая-то общая теория, в рамках которой можно группировать факты; и как бы мы ни старались быть беспристрастными, наша концепция самих фактов и способ их изложения будут окрашены нашими убеждениями и образованием. Историк не может не писать, имея перед собой определенную цель; этого требуют требования предмета.

Поэтому естественно, что исторические книги Ветхого Завета должны были быть написаны с "тенденцией". И литературная критика успешно указала в случае с одной из этих книг, в чем заключалась эта "тенденция". Если сравнить книги Хроник с книгами Самуила и Царей, то контраст между ними сразу бросается в глаза. Интерес Летописца сосредоточен на истории иудейского храма и ритуала, его священников и левитов, а также на многообразных требованиях Закона. Его история Израиля, соответственно, становится историей израильского ритуала; все остальное отходит на второй план или рассматривается в самом кратком виде. Случаи правления Давида, о которых повествуется в книгах Самуила, подчинены подробному описанию того, как он организовывал службы в скинии или храме; история северного царства Израиля, которое лежало за пределами Иерусалимского храма, обойдена молчанием; а Пасха, состоявшаяся в царствование Езекии, о которой в книгах Царств не говорится ни слова, рассматривается почти без остатка. Не имея в руках только Летописца, мы не должны были знать, что благочестивый Езекия вступил в союз с вавилонским царем и хвастливо показал его послам сокровища иудейского царства, чем навлек на себя упреки пророка Исайи. Все, что может сказать по этому поводу Летописец, - это то, что "в деле послов князя Вавилонского, отправившихся узнать о чуде, которое совершилось в земле, Бог оставил его, чтобы испытать его, дабы узнать все, что было в сердце его"; и даже здесь теологический поворот событию придает мотив, по которому отправилось посольство. На самом деле, из клинописных надписей мы знаем, что истинной целью Меродах-баладана было создание союза с князьями Запада против их общего ассирийского врага, к которому, как сообщают нам книги Царств, естественно, добавился вежливый вопрос о здоровье Езекии.

Таким образом, "тенденции" в исторических писаниях Ветхого Завета присутствуют; если бы их не было, они не были бы человеческими произведениями. Авторы преследовали одну великую цель - показать на примере прошлой истории народа, что грех влечет за собой наказание, а за праведными действиями следует благословение. Они верили в Божественное управление миром и писали, ясно представляя себе эту веру. Они также верили, что Израиль - избранный народ, в истории которого это Божественное управление было явлено человечеству, и что Бог Израиля - единственный истинный всемогущий Бог. В этой вере в теодицею они были богословами, как и большинство других восточных писателей. Но их теологическая точка зрения не мешала им быть также и историками. Это не мешало им честно фиксировать ход событий в том виде, в каком они были переданы им, или воспроизводить авторитеты без намеренных изменений. Несомненно, они могли иногда ошибаться, их суждения не всегда были строго критичными или правильными, а недостаток материалов мог время от времени приводить их к ошибкам. Но когда мы видим, что не делается никаких попыток смягчить или скрыть грехи и недостатки их самых лелеемых национальных героев, что даже поражения нации описываются наравне с ее успехами, и что ранний период ее истории признается как анархия и преступность, а не золотой век, о котором так любит мечтать народное (и даже историческое) воображение, мы вправе отнести к ним, несмотря на их теологические "тенденции", со значительной долей доверия.

Следует заметить, что хронология - как бы скелет, на который нанизывается плоть истории, - упоминалась в предыдущей главе лишь самым туманным образом. Век Авраама", "век Исхода", "век Моисея" - вот фразы, которые использовались для обозначения ветхозаветных событий. Израильская хронология в истинном смысле этого слова начинается только со времени царствования Давида, и даже тогда нам приходится иметь дело скорее с вероятностями, чем с фактами. Как и египетская история, которую приходится измерять династиями, а не датами до возвышения восемнадцатой династии, ранняя история евреев не имеет хронологических записей. Прежде чем мы сможем привязать даты к событиям патриархального периода или Исхода, необходимо найти синхронизмы между ними и датированной историей других народов.

Студенты, изучающие Библию, считают, что числа особенно подвержены искажениям и что, следовательно, на цифры, приведенные в тексте Ветхого Завета, можно мало полагаться. Но вывод не следует из предпосылки. Поздние даты израильской истории по большей части достоверны, и было бы странно, если бы причины искажения были фатальны только для дат более раннего периода. Кроме того, числа укладываются в самосогласованную систему, несколько долей которой согласуются со всей суммой. Такая самосогласованная система, возможно, потребовала бы признания, если бы не существовало трех подобных систем, конкурирующих одна с другой и взаимно несовместимых. Одна из них - масоретский еврейский текст, в котором период от сотворения до призвания Авраама составляет ровно 2000 солнечных лет (или 2056 лунных лет), из которых 1600 - от сотворения до потопа, а остальные 400 - от потопа до призвания Авраама. Второй - Септуагинта, согласно которой период от сотворения до потопа составляет 2200 солнечных лет (или 2262 лунных года), из которых 1600 проходят от сотворения до рождения Ноя, 600 - от этого события до потопа, а 1200 считаются от потопа до призвания патриарха. Третий вариант - самаритянский текст, который делит период на две половины по 1200 лет каждая; первые 1200 составляют время от сотворения мира до рождения сыновей Ноя, а вторые 1200 - весь остальной период.

Очевидно, что все эти системы, подобно аналогичным хронологическим системам египтян, вавилонян или индусов, - всего лишь искусственные схемы астрономического характера, отличающиеся от последних лишь более скромным исчислением времени. Для исторических целей они бесполезны и свидетельствуют лишь о том, что материалы для хронологии были совершенно недостаточны. Например, возраст патриархов до Потопа стоит на одном уровне с правлением десяти допотопных царей Халдеи, которое растянулось на 120 сари, или 432 000 лет. Последилувианские патриархи находятся в не лучшем положении; более того, один из них, Арфаксад, является географическим титулом, а Септуагинта интерполирует после него некоего Каинана, о котором ни еврейский, ни самаритянский текст ничего не знают.

Даже после призвания Авраама древнееврейская хронология столь же неопределенна. Продолжительность жизни Авраама, Исаака и Иакова удивительна, хотя и не совсем невозможна, но даты, связанные с ней, не всегда согласуются между собой. Как, например, Авраам мог иметь шестерых детей после смерти Сарры (Быт. ххv. 1, 2), когда рождение Исаака почти за сорок лет до этого считалось необычным из-за возраста патриарха? Или, опять же, цитируя слова профессора Драйвера^[144]: "Все ли мы понимаем, что согласно хронологии Книги Бытия (ххv. 26, ххvi. 34, хххv. 28) [Исаак] должен был лежать на смертном одре в течение *восьмидесяти лет*? Однако мы можем уменьшить этот период, лишь пропорционально увеличив промежуток между женитьбой Исава на хеттейских женах (Быт. ххvi. 34) и предложением Ревекки Исааку отослать Иакова, чтобы он не последовал примеру брата (ххvii. 46), что по природе дела не допускает никакого, кроме незначительного

увеличения. Кейль, однако, расширяет его, сокращая период последней болезни Исаака до сорока трех лет, и не видит никакой нелепости в предположении, что Ревекка, *спустя тридцать семь лет* после того, как Исав взял себе жен-хеттеянок, должна выразить опасение, что Иаков, которому тогда было семьдесят семь лет, сделает то же самое!

Продолжительность периода, в течение которого израильтяне находились в Египте, является предметом бесконечных споров. Ветхий Завет говорит об этом достаточно ясно. Аврааму сказано (Быт. xv. 13), что его потомки будут "служить" египтянам и "страдать" от них в течение 400 лет. Поскольку поколение считалось тридцатью годами, это означает, что весь период пребывания в Египте составил 430 лет, хотя это утверждение не совсем точно, поскольку Иосиф жил более чем через тридцать лет после переселения своих братьев в землю Гошен, и их рабство и страдания начались только после его смерти. В книге Исход (xii. 40) нам прямо сказано, что "пребывание сынов Израилевых, живших в Египте, было 430 лет". Таким образом, четыреста тридцать лет - это, должно быть, тот срок, в течение которого Израиль официально считался жившим в Гошене.

Однако трудно согласовать это с другим утверждением в Быт. xv. 16, где говорится, что "в четвертом поколении" сыны Израиля должны вернуться в Ханаан. Поскольку эти слова были сказаны Аврааму, четвертым поколением должно быть поколение самого Иосифа. Поскольку об этом не может быть и речи, их обычно толкуют как относящиеся к Моисею и Аарону, которые находятся в четвертом поколении от Левия. Однако Моисей и Аарон не "пришли снова" в Палестину, а родословие дочерей Зелофеда (Числ. xxvii. 1) делает поколение, которое это сделало, седьмым от Иосифа. Время, на самом деле, не может исчисляться поколениями; мы не знаем, сколько звеньев в цепи могло быть опущено: "сын" в семитской идиоме часто эквивалентен "потомку", а имена часто просто географические, как Гилеад и Махир в родословии Зелофеда, и поэтому не имеют хронологической ценности. Однако именно упоминание "четвертого рода" породило раввинский глосс, на который ссылается С. Павел (Гал. iii. 17), согласно которому четыреста тридцать лет из Быт. xv. 13 означают не время, в течение которого израильтяне "страдали" в Египте, а - вопреки определенному утверждению об обратном - период, который включает в себя жизнь патриархов, а также правление Иосифа.

Если утверждения о периоде поселения израильтян в Египте противоречивы, то утверждения о промежутке времени от завоевания Ханаана до строительства храма Соломона еще более противоречивы. В 1 Царств vi. 1 мы читаем, что фундамент храма был заложен в четвертый год царствования Соломона и через четыреста восемьдесят лет после исхода из Египта. Если сложить цифры, приведенные в книге Судей, то они составят четыреста десять лет, таким образом, останется всего семьдесят лет на скитания по пустыне, судейство Илая и Самуила, царствование Саула и Давида и первые четыре года правления Соломона! Попытки преодолеть это затруднение были бесплодными. Например, Велльхаузен и другие предположили, что четыреста восемьдесят лет представляют собой двенадцать поколений, каждое из которых насчитывает сорок лет, а семьдесят лет, отведенные пяти "меньшим судьям", упущены. Но эта догадка не имеет под собой никакой опоры и противоречит имеющимся у нас сведениям о количестве поколений, составлявших период правления судей. Более того, пять меньших судей не составляют отдельную группу.

Период в четыреста восемьдесят лет не может быть согласован с генеалогиями лучше, чем с очевидной хронологией книги Судей. Между Нахшоном, современником Моисея, и Соломоном всего пять поколений (Руфь iv. 20-22); а между Финеесом и Задоком, которого Соломон отстранил от священства, было только семь поколений священников (1 Хрон. vi. 4-8). Несомненно, некоторые звенья в родословной Давида были опущены, но вряд ли это

можно сказать о священниках. Семь поколений дали бы, самое большее, не более двухсот десяти лет.

Однако то, что число четыреста восемьдесят действительно было основано на числе сорок, кажется вероятным. Сорок лет в еврейской идиоме означали лишь неопределенный и неизвестный период времени, а Моавитский камень показывает, что такая же идиома существовала и в моавитском языке.^[145] Так, Авессалом, как сказано во 2 Цар. xv. 7, что он попросил разрешения покинуть Иерусалим "по прошествии сорока лет", хотя на самом деле этот срок составлял немногим более двух лет (2 Цар. xiv. 28 *sqq.*), а иудейская традиция дополнила утраченные сведения о продолжительности правления Саула датой в сорок лет. Период в сорок лет, который снова и снова встречается нам в книге Судей, - это просто эквивалент неизвестной продолжительности времени; он обозначает недостаток материалов и, как следствие, невежество писателя. Двадцать, половина сорока, также является выражением невежества; и единственные даты, доступные для хронологии, - это те, которые представляют собой определенный промежуток времени, например, восемь лет угнетения Израиля Чушан-ришафаимом или шесть лет судейства Иеффая.

Соответственно, мы ничего не можем узнать из книг Ветхого Завета о хронологии Израиля до времен Давида. Для царствования Давида у нас есть семь лет его правления в Хевроне, а затем тридцать три года его власти над всем Израилем. Для царствования Соломона мы снова имеем неопределенные "сорок лет"; но поскольку Резон Дамасский, как и Хадад Эдомский, был "противником Израиля во все дни Соломона", вероятно, что на самом деле его царствование длилось не более тридцати лет. Даже хронология разделенного царства после смерти Соломона, несмотря на синхронизм, который составитель книг Царств попытался установить между царями Иуды и Израиля, была отчаянием историков, и схема за схемой предлагались, чтобы сделать ее самосогласованной. Однако теперь нам на помощь пришли ассирийские памятники, которые показали, что между временем Ахава и временем Езекии - сорок лет разницы.

Поэтому для изучения древнееврейской хронологии мы должны искать за пределами самой Библии. В определенные моменты древнееврейская история соприкасается с монументальными записями Египта, Вавилонии и Ассирии; и если мы хотим датировать события, которые она описывает, то должны опираться на их помощь. Египет может помочь нам только после возвышения восемнадцатой династии; до этого периода он так же лишен хронологии, как и сами израильтяне. Но в отношении Вавилонии и Ассирии дело обстоит иначе. В Вавилонии время датировалось по правлениям царей и событиям нескольких лет каждого царствования. Обширные торговые связи страны и постоянно заключаемые договоры делали точную датировку вопросом необходимости. Ассирийцы были еще более точны, чем вавилоняне; они отличались среди восточных народов сильным историческим чутьем и уже в раннюю эпоху разработали точную систему летоисчисления. Счет годам велся через череду чиновников, называемых *лимми*, каждый из которых занимал свой пост в течение года и давал ему свое имя, причем сам царь в ранний период ассирийской истории занимал этот пост в первый год своего правления. Списки *лимму* велись, и обращение к ним сразу же показывало точный возраст документа, датированного именем того или иного *лимму*. Ни один из обнаруженных до сих пор списков, к сожалению, не старше десятого века до нашей эры; но благодаря тем, что удалось найти, с 909 по 666 год до нашей эры мы имеем непрерывный и точный реестр времени.

Авраам был современником Хедор-Лаомера и Амрафела, а о положении Амрафела среди вавилонских царей нам поведали местные летописцы. Он был шестым царем первой династии Вавилона и царствовал пятьдесят пять лет. К сожалению, единственная копия

вавилонского списка династий, которой мы располагаем в настоящее время, разбита, и из-за разлома таблички возникает сомнение в его точной дате. Наиболее вероятное восстановление текста позволило бы его около 2300 г. до н. э.^[146] Между ним и Исходом - интервал более тысячи лет.

Доктор Малер попытался астрономически определить даты двух ведущих фараонов XVIII и XIX династий, Тотхема III и Рамсеса II, и его даты были приняты Бругшем и другими египтологами. Если его расчеты верны, Тотмес III. будет править с 20 марта 1503 года до н. э. по 14 февраля 1449 года до н. э.;^[147] и Рамсес II., фараон угнетения, с 1348 по 1281 год до н. э. Восемнадцатая династия, соответственно, должна была начаться около 1600 года до н. э., а Исход должен был произойти позднее 1280 года до н. э.

Если Апофис II был гиксосским царем, при котором Иосиф управлял Египтом, то он жил за четыре поколения до Ахмеса, основателя восемнадцатой династии.^[148] Таким образом, "четыреста лет", в течение которых Израиль подвергался злему обращению в Египте (Деян. vii. 6), будут соответствовать эпохе четырехсот лет, упомянутой на стеле, обнаруженной Мариэттом в Сан, древнем Зоане.^[149] Стела посвящена посещению Зоана в царствование Рамсеса II правителем границы Сети в четвертый день месяца Месори и "в четырехсотый год царя Верхнего и Нижнего Египта, Сет-аа-пехти, сына Солнца, который любил его, также по имени Сет-Нубти, возлюбленный Хармахиса". Поскольку Сет или Сутех был богом гиксосов, а Зоан - столицей гиксосов, очевидно, что перед нами эра гиксосов, четырехсотая годовщина, пришедшаяся на правление Рамсеса II. Кажется вероятным, что она ознаменовала воцарение третьей и последней династии гиксосов. Согласно Мането, о котором сообщает Африкан, она просуществовала сто пятьдесят один год, что отнесет нас примерно к 1720 году до н. э., и та же дата получается, если мы вычислим четыреста лет по стеле Сана, начиная с тридцатого года правления Рамсеса II. Еще одно поколение - тридцать дополнительных лет, указанных в Исх. xii. 40 - приведут нас к периоду Исхода, который, как мы увидим далее, должен был произойти при Менептахе, сыне и преемнике Рамсеса II.

Точную связь между гиксосской и древнееврейской эпохами предстоит выяснить в будущем. В настоящее время единственное найденное упоминание о первой - на стеле из Сана. Однако между ними должна быть какая-то связь, подобно связи между Зоаном и Хевроном, указанной в Numb. xiii. 22, где говорится, что "Хеврон был построен за семь лет до Зоана в Египте". Гиксосы были захватчиками из Азии, и между ними и евреями, возможно, существовала более тесная связь, чем мы сейчас предполагаем.

Таким образом, были найдены две приблизительные даты для ранней древнееврейской истории. Одна из них вытекает из синхронности между Авраамом и Амрафелем и может быть определена как около 2300 г. до н. э.; другая - из синхронности с египетской историей, которая дает нам около 1720 г. до н. э. для поселения еврейских племен в Гошене. Теперь мы должны посмотреть, какой свет могут бросить египетские памятники на дату Исхода.

По разным причинам все большее большинство египтологов считают Рамсеса II..., наиболее выдающуюся фигуру в XIX династии, если не во всей истории фараонов, как фараона Угнетения, и вопрос был окончательно решен раскопками д-ра Навиля в Тель-эль-Масхуте по поручению Фонда исследования Египта.^[150] Тель-эль-Масхута оказался местом расположения Пи-Тума, библейского Питома, и носил гражданское название Туку или Тукут от названия округа, в котором он находился. Бругш уже указывал, что Тукут - это ветхозаветный Суккот, египетское *th* соответствует еврейскому 's, а Суккот был первым этапом в бегстве израильтян после их ухода из Раамсеса (Исход, xii. 37). Пи-Тум - священное название города, который был посвящен Туму, заходящему Солнцу.

Найденные на месте памятники показывают, что основателем города был Рамсес II; а поскольку фараон угнетения был также строителем Питома (Исх. i. 11), те, кто придает хоть какое-то значение историчности библейского изложения, должны обязательно видеть в нем великого фараона девятнадцатой династии. Этот вывод подкрепляется именем "Раамсес", или Рамзес, второго из двух городов, которые, как сказано, строили евреи. Рамсес I., основатель девятнадцатой династии и дед Рамсеса II., был первым царем Египта, носившим это имя; краткость его правления, которое, похоже, не превышало двух лет, а также беспокойное состояние страны не позволили ему предпринять какие-либо архитектурные работы. Однако Рамсес II был по сути строительным фараоном; он покрыл Египет от одного конца до другого своими постройками; он основывал города, возводил или восстанавливал памятники, а также нередко узурпировал их. Не один город или храм Рамзеса был обязан своим существованием его архитектурному рвению и назван его именем. Поскольку дата правления третьего Рамсеса из двадцатой династии слишком поздняя, чтобы вписаться в любую теорию Исхода, остается только Рамсес II. для "города-сокровищницы", упомянутого в Исходе. Рамсес II восстановил Зоан и сделал его местом жительства; это объясняет, почему в Быт. xlvii. 11, о Гошене пролептически говорится, что он находился в "земле Рамсеса". Бругш считает вероятным, что "город Рамсеса", о котором говорится в египетском папирусе, - это сам Зоан.^[151]

Если Рамсес II был фараоном угнетения, то фараоном исхода должен был быть один из его ближайших преемников. Выбор стоит между Менептахом II., который стал его преемником, его внуком, слабым Сети II., и узурпатором Си-Птахом, с которым династия бесславно закончилась. Египетская легенда об Исходе, приведенная Манефо, относит его к правлению Менептаха, а стела, обнаруженная в Фивах в 1896 году профессором Петри, затрудняет любую другую датировку. Здесь об "израильянах" говорится как о низвергнутых, "чтобы не осталось от них семени"; и поскольку одно только их имя не имеет определителя местности, который добавляется к именам всех других покоренных народов, связанных с ними, мы можем заключить, что они уже затерялись в пустыне и, насколько это было известно египетскому писцу, не имели постоянного места жительства.^[152] Поскольку это произошло в пятый год правления Менептаха, 1276 г. до н. э., согласно хронологии д-ра Малера, Исход из Египта можно приблизительно отнести к 1277 г. до н. э. Период угнетения, согласно расчету, приведенному в Быт. xv. 13, следовательно, начался бы в 1677 г. до н. э., или почти за сто лет до изгнания гиксосов.

Следует, однако, помнить, что эта дата более точна внешне, чем в действительности. Отчасти она зависит от точности расчетов доктора Малера, которую оспаривают профессора Айзенлор и Масперо, отчасти от того, что мы считаем круглое число 400 точным периодом времени. Если бы мы знали, в каком году шестидесятисемилетнего царствования Рамсеса II была начертана стела Сана, мы могли бы лучше проверить подсчеты. Пока же мы должны быть благодарны за то, что уже узнали из раскопанных памятников прошлого, и с уверенностью ожидать большего света и определенности в будущем.

ГЛАВА III

ИСХОД ИЗ ЕГИПТА

Гошен - фараоны угнетения и исхода - царь-еретик в Тель-эль-Амарне - причины исхода - стела Менептаха - Моисей - бегство в Мадиям - десять казней - исход - египетская версия исхода - происхождение пасхи - география исхода - положение Сина -...Провозглашение Закона - Вавилонские аналогии - Скиния - Левитский закон - Праздники - Число израильтян - Кадеш-Барнеа - Неудача в завоевании Ханаана - Первосвященник и левиты - Эдом - Завоевания на востоке от Иордана - Балам - Уничтожение мадианитян - Города убежища и левитов - Второзаконие - Смерть Моисея.

'И восстал новый царь над Египтом, который не знал Иосифа'. Комментаторы этого отрывка часто полагали, что это событие последовало почти сразу после смерти Иосифа и его рода. Так же и до расшифровки ассирийских надписей считалось, что убийство Сеннахериба произошло сразу после его возвращения из Палестины. В обоих случаях студент был введен в заблуждение краткостью древнееврейского повествования и тем укорочением прошлого, которое заставляет группировать события вместе, хотя их мог разделять интервал в много лет. Однако в данном случае библийский писатель сделал все возможное, чтобы показать, что этот промежуток был большим. До прихода "нового царя, который не знал Иосифа", сыны Израиля успели "обильно увеличиться", "размножиться", так что "земля наполнилась ими". Семья Иакова превратилась в племя, или, скорее, в собрание племен. Они стали опасны для своих правителей; фараону даже пришлось сказать, что они "больше и могущественнее" самих египтян. В случае вторжения они могли помочь врагу и подвергнуть Египет еще одному азиатскому завоеванию.

Отсюда проистекает решимость превратить их в государственных крепостных, а то и вовсе уничтожить мужчин. Свободные бедавиноподобные поселенцы в Гошене, которые держались в стороне от своих египетских соседей и не желали выполнять даже сельскохозяйственные работы, были превращены в государственных рабов. Их оторвали от стад и овец, от независимой жизни на окраине Дельты и заставили трудиться под плетью египетского надсмотрщика и строить для фараона его "города-сокровища" - Питом и Раамсес.

Египет - самая консервативная страна, и сыны Израиля все еще имеют в ней своих представителей. Бедавины по-прежнему пасут свои стада и ведут независимое существование на окраинах возделанных земель, в том самом районе Гошена, где когда-то обитали потомки Иакова. Даже когда они переходят к оседлой сельскохозяйственной жизни, как жители деревни Гизе, они все равно требуют иммунитета от тягот своих соседей-феллахинов на основании своего бедавского происхождения. Они освобождены от воинской повинности и *корве* - современных эквивалентов принудительного изготовления кирпичей в эпоху Моисея. Попытка вмешаться в эти привилегии фактически привела к исходу в наше время.^[153] Вади Тумилат, Гошен былых времен, был колонизирован арабами из Неджда и Вавилонии Мухаммедом Али, который хотел использовать их для выращивания шелкопряда. Здесь они жили со своими стадами и скотом под защитой правительства, освобожденные от налогов, военной службы и *корвеев*. Однако Мухаммед Али умер, и тогда была предпринята попытка заставить их пойти в армию и возложить на них обычное бремя налогов. После этого в одну ночь все население молча покинуло город со всем своим имуществом, оставив после себя лишь очаги покинутых домов. Они вернулись к своим сородичам на восток Египта, и вади оставался пустынным до тех пор, пока М. де Лессепс не провел через него канал Пресной воды.

Восстановлением Гошена мы обязаны доктору Навилю. В 1884 году он раскопал в Сафт-эль-Хенне древний курган, расположенный недалеко от линии железной дороги между Загазигом и Тель-эль-Кебиром. Найденные им памятники показали, что курган представляет собой древний Косем или Кос, называемый греческими географами Фа-кусса, который был столицей аравийского нома. Септуагинта, в которой вместо Гошена стоит Гесем, подразумевает, что о месте Гошена помнили и в александрийские времена.^[154]

Аравийский ном получил свое название не только от близости к Аравии, но и от того, что его жители в основном принадлежали к арабской расе. Но это название появилось только после эпохи девятнадцатой династии. Когда фараоном был Рамсес II, весь регион от окрестностей Каира до Суэцкого канала входил в ном Он или Гелиополис. Только впоследствии из Онского нома были выделены номы Аравия и Бубастис.

До этого Косем был названием как района, так и его главного города. Он включал в себя не только плодородные поля, окружавшие Сафт-эль-Хенну и простиравшиеся от курганов Бубастиса, близ Загазига, на западе до Тель-эль-Кебира на востоке, но и вади Тумилат, через которое сейчас проходит железная дорога на восток до Исмаилии. Бельбейс, расположенный к югу от Загазига, также был включен в его пределы. На восточной оконечности вади находился город Питом, ныне отмеченный руинами Тель-эль-Масхута.

Менептах II, фараон Исхода, упоминает в Карнаке пахотные земли около Пи-Байлоса, современного Белбейса. Страна вокруг него, - говорит он, - не возделывается, а оставлена как пастбище для скота из-за чужеземцев. Она была заброшена (ими) с древних времен". Они поселились со своими стадами в соседней долине Тумилата, и более богатая земля, примыкавшая к этой долине, также была отведена им. Они были в Гелиополе, на дочери верховного жреца которого женился Иосиф, а также в окрестностях Бубастиса, где доктор Навиль обнаружил останки гиксосов.

Когда великая надпись Менептаха II. была выгравирована на стенах Карнака, Исход уже занял место. Поэтому "чужеземцы", на которых он ссылается, должны были быть израильтянами, которые теперь покинули это место. Соответственно, район снова нуждался в жителях, и у фараона была возможность отдать его первому племени бедавинов, просившему пастбища в Дельте. Ему не пришлось долго ждать. Среди папирусов Британского музея есть письмо, датированное восьмым годом правления Менептаха и адресованное царю. В нем писец пишет следующее: "Еще один вопрос для рассмотрения сердцем моего господина. Мы разрешили племенам шасу из земли Эдома пройти через крепость Менептаха в земле Тукут (Суккот), (и отправиться) к озерам Питом Менептаха в земле Тукут, чтобы прокормиться и пасти свои стада в великом имении фараона, благодетельного солнца всех стран. В год 8."

Вади Тумилат, как и сегодня, считался коронной землей и был передан эдомитянам офицерами фараона, как и израильтянам за несколько веков до этого. Но теперь израильтяне бежали из нее и исчезли в пустыне, и нужно было занять их место.

Библейский писатель отличает фараона угнетения от фараона исхода (Исх. ii. 23). Именно после смерти великого царственного строителя Египта Евреи были избавлены от рабства. Фараон угнетения, а не фараон исхода, был "новым царем, который не знал Иосифа".

Полное значение этой фразы нам объяснили таблички из Тель-эль-Амарны. Из них стало ясно, что к концу восемнадцатой династии египетский двор стал полуазиатским. Фараоны женились на азиатских женах, и в конце концов Аменофис IV, под влиянием своей матери Тейе, публично отказался от религии, официальным главой которой он был, и объявил себя

обращенным в азиатскую форму веры. Амон, бог Фив, был свергнут новым божеством, Атен-Ра, "солнечным диском". Солнечный диск, однако, был лишь видимым проявлением единого верховного бога, который был распространен по всей природе и во многом соответствовал семитскому Ваалу. Египтяне, соответственно, отождествляли его с Ра, древним богом Солнца из Гелиополя, который в более ранние времена также отождествлялся с гиксосским Ваалом.

Аменофис, слепок лица которого, сделанный сразу после смерти, демонстрирует черты и выражение философа и энтузиаста,^[156] пытался навязать новую веру своим невольным подданным. Само имя Амона было запрещено и стиралось везде, где оно встречалось, последователи старой религии Египта подвергались гонениям, а сам фараон сменил свое имя на Ху-н-Атен, "сияние солнечного диска". Последовала жестокая борьба с могущественной иерархией Фив. В конце концов Ху-н-Атен был вынужден покинуть столицу своих отцов и построить себе новый город на севере, где сейчас возвышаются курганы Тель-эль-Амарны. Он взял с собой государственные архивы, состоявшие в основном из иностранной корреспонденции на вавилонском языке и клинописью, и они были помещены в одно из общественных зданий, примыкавших к дворцу, на каждом кирпиче которого была выбита надпись: "Атен-Ра! Канцелярия записей".

Сам дворец представлял собой чудо искусства. Его стены и колонны были инкрустированы драгоценными камнями, золотом и бронзой, он был украшен живописью и скульптурами, некоторые из которых напоминают нам о греческом искусстве в его лучший период. Даже полы были расписаны фресками с изображениями птиц и животных, цветов и деревьев. Новая религия сопровождалась новой формой искусства, которая отбросила традиции Египта и обратилась скорее к азиатским образцам. Оно стремилось к реализму, который иногда преувеличивался, и всегда странно контрастировало с условностями египетского искусства. В центре города, рядом с садами дворца, возвышался храм Атен-Ра. Как и дворец, он был великолепно украшен. Но в нем не было изображения божества, которому он был посвящен. Лишь его символ, диск, был разрешен к показу. Таким образом, пантеистический монотеизм фараона предвосхитил пуританство израильского Закона.

Из надписей мы узнаем, что Ху-н-Атен не довольствовался тем, что сделал себя верховным жрецом новой веры. Ежедневно по утрам он давал наставления в ней, излагая ее тайны тем, кто хотел его слушать. Принятие его доктрин, естественно, давало право на занятие государственных должностей. Многие из них уже давно занимали азиаты, особенно сирийцы и ханаанеи, а при Ху-н-Атене эти иноземные иммигранты все больше и больше узурпировали высшие функции правительства. Коренные египтяне увидели себя отстраненными от должностей, которые приносили им не только достоинство, но и богатство. Естественно, горькие чувства, вызванные войной против старой религии Египта, усилились после того, как чужеземцы заняли государственные посты, которые они считали своими. Ханаан, который они завоевали, отомстил за себя, покорив их царя. Не только религия, но и корыстные интересы побуждали коренных египтян положить конец реформаторским замыслам фараона, и к религиозной вражде добавилась еще и расовая ненависть.

Буря разразилась незадолго до смерти Ху-н-Атена. Его мумия действительно была положена в великолепную могилу, которую он выкопал в недрах пустынной горной долины, но гранитный саркофаг, в котором она лежала, так и не был помещен в приготовленную для него нишу, а был разрублен на куски его врагами, когда он лежал в колонном зале гробницы, а тело внутри него было разорвано на куски. Его мать Тейе также никогда не лежала рядом с ним. Даже тела его умерших дочерей подверглись жестокому обращению и поруганию.

За Ху-н-Атеном последовали один или два недолговечных фараона в построенном им городе. Затем наступил конец. Город был разрушен, камни его храма были перевезены в другие места, чтобы послужить материалом для святилищ победившего Амона, а те из приверженцев новой веры, кто не смог бежать из страны, либо отступили, либо были убиты. Возник новый царь, представлявший национальную партию и поклонение национальному богу, и семитские чужеземцы, управлявшие Египтом, как сегодня управляют им европейские чужеземцы, на время исчезли с лица земли. Их сородичи, которые остались, подобно израильтянам в Гошене, были низведены до состояния государственных рабов.

Вот, таким образом, объяснение прихода "нового царя, который не знал Иосифа". Мы должны видеть в нем не основателя восемнадцатой династии, изгнавшего гиксосов, а Рамсеса I, основателя девятнадцатой династии, с приходом которого окончательно исчезла всякая опасность азиатского господства в Египте. Девятнадцатая династия представляла собой национальную реакцию против азиатской веры Ху-н-Атена и управления страной азиатскими чиновниками. Это означало, что Египет противостоит Азии. И политика новых правителей Египта не заставила себя долго ждать. Рамсес I., правда, царствовал слишком недолго, чтобы сделать больше, чем утвердить свою семью на троне; но его сын и преемник, Сети Менептах I., снова захватил Сирию и сделал Палестину египетской провинцией; а Рамсес II., который последовал за ним, принял меры, чтобы те азиаты, которые еще оставались в Египте, никогда больше не стали грозными для местного населения.

Причины, приведшие к порабощению израильтян и исходу из Египта, были теми же, что и в наши дни, когда восстание Араби привело к гибели народа. Религиозная и расовая ненависть смешались воедино, а "национальная партия", которая отказывала иностранцу в его доле в государственных трофеях, стремилась уничтожить и его самого, и его религию. Однако Рамзесу I повезло больше, чем Араби. Ни одна иностранная держава не пришла на помощь сирийским поселенцам на Ниле, и лидер египетских патриотов стал любимцем фиванского жречества и государем Египта. С этого времени мы больше не слышим об использовании вавилонского языка и письменности в публичной переписке египтян.

Таким образом, угнетение израильтян является естественной и необходимой частью политической истории девятнадцатой династии. Оно вписывается в ту политику, для проведения которой династия была посажена на трон. А надпись, обнаруженная профессором Флиндерсом Петри в 1896 году, дополняет эту историю неожиданным образом. Она была выгравирована по приказу Менептаха II, сына и преемника Рамсеса II, на большой гранитной плите и помещена в храм, построенный им в Фивах, на западном берегу Нила. В двадцати восьми строках содержится песнь триумфа по поводу поражения ливийцев и их союзников из греческих морей, которое произошло на пятом году правления царя. Ближе к концу поэт подводит итог всем славным деяниям фараона. Вожди, - говорит он, - низвергнуты и говорят только о мире. Ни один из варваров (буквально - девять луков) не поднимает головы. Расточена (?) земля ливийцев; успокоена земля хеттов; пленена земля Ханаана и совершенно несчастна; унесена земля Ашкелона; одолена земля Гезера; сведена к нулю земля Иннуама (в Центральной Сирии). Израильтяне разорены так, что у них нет семени, земля Хар (Южная Палестина) стала подобна вдовам Египта".

Здесь только израильтяне описаны как люди без места жительства. Только у них не было "земли", в которой они жили и которая называлась бы по их имени. Поэтому кажется, что на момент создания песни они уже бежали из Египта и затерялись в неведомых глубинах восточной пустыни. Но поэт знал, что они были ханаанейского происхождения; что они, по сути, были родственниками хоритов из Южной Палестины. Их несчастья, следовательно, в

равной степени были несчастьями "Хара", чьи женщины стали вдовами с тех пор, как мужское семя Израиля было прервано.^[158]

Следуя моде придворных поэтов, автор гимна победы не осторожничают, приписывая своему царственному повелителю такие успехи, на которые он сам мог бы претендовать. Он умело объединил победы Менептаха с победами его отца и приписал ему завоевания, которых тот не совершал. Хетты были "усмирены" Рамсесом II, а не Менептахом, а Ханаан был завоеван Рамсесом и его отцом Сети. Соответственно, мы можем сделать вывод, что и в случае с израильтянами Менептах претендует на то, что ему не принадлежит. Согласно книге Исход, именно фараон Угнетения, а не фараон Исхода, приказал "всех сыновей" бросить в реку, и только дочерей оставить в живых.

Однако совпадение между библейским повествованием и выражением, использованным на стеле Менептаха, весьма примечательно. Создается впечатление, что автор Исхода имел перед собой эту надпись. В обоих случаях речь идет о мужском семени, которое, как нам говорят, было уничтожено: женщины остались вдовами, поскольку все "дети мужского пола" были отрезаны. Победа над израильтянами, которой хвастается поэт, была одержана путем истребления, подобно Ироду, всех детей мужского пола.

Тем не менее "народ умножился". Дословно выполнить приказ фараона было невозможно, и, должно быть, многие дети были спасены от смерти. Среди них был и Моисей, будущий законодатель своей расы. История его спасения знакома каждому. Нам рассказывают, как его мать сделала "ковчег из камыша, обмазала его слизью и смолой и положила в него ребенка, и поставила его в знаменах у края реки". Тогда дочь фараона пришла купаться и, сжалившись над ребенком, взяла его на воспитание как своего сына".

Похожая история была рассказана за много веков до этого о Саргоне Аккадском, великом вавилонском завоевателе и законодателе. Его мать тоже положила его в ковчег из тростника, устье которого она закрыла смолой, а затем спустила его на воду Евфрата. Ребенка отнесли к ирригатору Акки, который принял его как своего сына и воспитывал до тех пор, пока не настал день, когда с помощью богини Истар стало известно истинное происхождение и рождение героя, и он стал одним из самых могущественных вавилонских царей.

Похожая судьба ожидала и Моисея. Он был введен в семью фараона и занял место при дворе среди царских принцев. По каламбурной этимологии принцесса, усыновившая его, говорила на иврите и дала ему имя Моше или Моисей, от ивритского *mâshah*, "вытягивать". Однако на самом деле Моше - это египетское *messu*, "сын", очень подходящее имя для приемного ребенка. Это имя не было редкостью в Египте, а во времена Менептаха, современника Моисея, его действительно носил "принц Куша", то есть египетский губернатор Эфиопии.^[159] Это совпадение, несомненно, послужило источником той еврейской традиции об успешном походе Моисея в Эфиопию в качестве генерала египетской армии, которая полностью записана Иосифом.

Догадки, как древние, так и современные, свободно играли вокруг личности дочери фараона. Современные авторы указывают на тот факт, что любимая дочь Рамсеса II носила ханаанское имя Бинт-Анат и была рождена от сирийской матери. В том, что она усыновила древнееврейского ребенка, не было ничего странного. Ее собственные симпатии, естественно, были на стороне ее семитского происхождения. Сам Моисей принадлежал к колену Левия, и будущие поколения помнили, что его отцом был Амрам, а матерью - Иохаведа. У него был брат Аарон, старше его на три года, и сестра Мириам. Имена всех троих никогда не были забыты в Израиле.^[160]

Придя в человеческий мир, Моисей также не забыл о своем народе. Однажды, когда он был в том неизвестном возрасте, который еврейские писатели обозначают сорока годами, он увидел, как с одним из его братьев-израильтян плохо обращался египетский надсмотрщик; и с необузданной свободой молодого восточного принца он немедленно исправил несправедливость, убив египтянина своей собственной рукой. Этот поступок вскоре стал известен и обсуждался среди еврейских рабов, а когда он попытался примирить двух из них, поссорившихся между собой, ему сказали, что, хотя он и "принц" в глазах египтян, он не имеет власти над еврейскими племенами. Подозрения фараона уже были возбуждены против него, и теперь он бежал из Египта в страхе за свою жизнь. В египетском папирусе, написанном во времена двенадцатой династии, рассказывается о похожем беглеце от гнева фараона. Это был Синухит, которого, по-видимому, обвинили в заговоре против правительства, и он бежал, как и Моисей, один и пешком. Он добрался до восточной границы Египта, а там, потеряв сознание от жажды, был спасен Бедавином из пустыни и в конце концов благополучно добрался до земли Кадмонитов среди гор Сеир. Шехх принял его радушно, и Синухит со временем женился на дочери вождя бедавинов и стал одним из князей этого племени. У него рождались дети, и он владел стадами и отарами в изобилии. Но сердце его по-прежнему тосковало по родной земле; и когда в преклонном возрасте новый фараон прислал гонцов сказать, что его политические преступления прощены и он может вернуться в Египет, Синухит оставил арабскую жену и детей и снова отправился в свою страну.^[161]

Как и Синухит, Моисей тоже бежал в восточную пустыню, за пределы досягаемости египетской власти. Он не чувствовал себя в безопасности, пока не оказался в Мадиаме. Синайский полуостров - Мафкат, как его называли, - был египетской провинцией, а рудники малахита и меди на его западной стороне охранялись египетскими войсками. Кроме того, "соляная" пустыня Мелухха, лежащая между Египтом и Палестиной, также находилась под контролем египтян и, как мы узнаем из табличек Тель-эль-Амарны, поставляла контингенты для армии фараона.^[162] Но в Мадиаме Моисей был в безопасности от преследования; и "жрец Мадиамский", подобно кедемскому шаху, с которым пришлось иметь дело Синухиту, оказал ему любезный прием и женил его на одной из своих дочерей - Сепфоре.

Управление с помощью священника было специфически семитским институтом. Ассур, первобытная столица Ассирии, управлялся первосвященниками еще до того, как в нем появились цари, так же как и Саба или Шеба на юге Аравии. Там, как мы узнаем из надписей, Макариб, или верховные жрецы, предшествовали царям.

Традиция передала не одно имя мадиамского первосвященника. В одной части повествования в книге Исход он назван Руилом, в другой - Иофором. Иофор - явно североаравийское имя, для которого есть монументальные свидетельства, и оно, вероятно, более правильно, чем Руил.^[163] Как бы его ни звали, Моисей оставался с ним некоторое время; но вместо того, чтобы к нему относились как к принцу, как к Синухиту среди Кадмонитов, его поставили пасти стада своего тестя.

Пася стада Иофора, Моисей однажды пришел к Хориву, "горе Божией", которая возвышалась в небе на краю пустыни. Здесь он увидел сенех или "терновый куст", освещенный огнем, который, однако, не поглотил его.^[164] Подойдя ближе, он услышал голос, который, по его мнению, принадлежал Самому Богу, и который сказал ему, что гора, на которой он стоит, - святая земля. Затем Моисею было приказано вернуться в Египет и там от имени Бога Израилева повелеть фараону отпустить Его народ. Должны были произойти чудеса и знамения, прежде чем согласие будет вырвано из неподатливого сердца египетского царя, и десять тяжких язв должны были быть посланы на жителей Дельты,

которые вместе с фараоном притесняли израильтян. В то же время Бог явил Себя под новым именем, которое отныне должно было стать именем национального Бога Израиля. На склонах Хорива имя Яхве впервые стало известно человеку.^[165]

Моисей был встречен Аароном "на горе Божией", и братья вместе вернулись в Египет, решив освободить Израиль от рабства и привести его к той священной горе, на которой было открыто имя его национального Бога. В отличие от Синухита, Моисей взял с собой жену-мадианитянку и детей, которых она ему родила. В этот момент в повествование был вставлен фрагмент рассказа, который плохо гармонирует с ним или с общим духом ветхозаветной истории. Антропоморфизирующая легенда о том, что "Господь" встретил Моисея и убил бы его, если бы Сепфора не успокоила разгневанное Божество, обрезав своего сына, относится к фольклору народа, все еще пребывавшего в состоянии грубого варварства, и является частью истории, которая навязывала необходимость обрезания еврейским поклонникам Яхве. Минутный критик может найти противоречие между утверждением, что у Сепфоры был только один сын для обрезания, и тем фактом, что именно "сыновья" Моисея сопровождали его в Египет (Исход, iv. 20). Такая словесная критика, однако, не нужна; историку достаточно того, что эта история - всего лишь фрагмент, почти невразумительный в своем нынешнем виде и совершенно не согласующийся с исторической обстановкой, в которой он находится.

Моисей и Аарон пришли ко двору фараона и попросили, чтобы израильтянам было позволено отправиться на три дня в пустыню и устроить праздник своему Богу. Боги азиатских кочевников на окраинах Дельты были богами пустыни, которых египтяне отождествляли с Сетом, врагом Гора, божеством возделанной земли.^[166] Фараон отказал в просьбе. Заблудившись в пустыне, царские рабы потерялись бы навсегда и никогда бы не вернулись к линии укреплений, которые охраняли восточную границу Египта и в то же время препятствовали бегству тех, кто в них обитал. Бог евреев не был богом, которого фараон - сам потомок и воплощение Бога-Солнца - мог бы признать; они были слугами египетского царя, и никого другого.

За посольством представителей Израиля последовали более суровые меры подавления. Оно свидетельствовало о нарастании духа бунтарства, о желании вернуться к прежней свободной жизни в пустыне и навсегда избавиться от египетских тягот. Забастовки не были неизвестны среди свободных рабочих Фив; но забастовка среди царских рабов была более серьезным делом и, казалось, доказывала, что бедавийский дух независимости и неповиновения все еще активен среди поселенцев в Гошене.^[167] Израильтяне по-прежнему занимались строительством городов и крепостей, и теперь им было велено найти для себя *тибн* или измельченную солому, которую они смешивали с глиной для кирпичей, и в то же время доставить такое же количество кирпичей, как и раньше. *Тибн* использовался, как и сейчас, для более плотного скрепления глины, но он не является необходимым, и многие древние кирпичи Египта, особенно те, которые использовались в Верхнем Египте, изготавливались без него. Однако в Дельте, с ее более влажным климатом, *тибн* был более необходим, и египетские надсмотрщики, соответственно, требовали его или какой-нибудь его заменитель.^[168] Таким образом, положение израильтян стало невыносимым; их рассеяли по земле, искали "жнивье вместо соломы" и нещадно избивали в традиционной египетской манере, если не была доставлена полная партия кирпичей. Жнивье" соответствовало сухим стеблям дурры, которые до сих пор иногда используются для подобных целей, и добывалось из зарослей сухого тростника, устилавшего болота в восточной дельте.

Моисей и Аарон снова предстали перед фараоном, на этот раз готовые добиваться исполнения своего прошения знаменами и чудесами. Западному человеку может показаться странным, что у них был такой свободный доступ к государю. Но это полностью

соответствует традициям египетского двора, которые сохранились вплоть до правления покойного хедива. Правитель страны был доступен для всех, кто хотел обратиться к нему с жалобой или прошением. *Бакшиш* мог понадобиться, чтобы прорваться сквозь очарованный круг чиновников, которыми он был окружен; но как только он был прорван, он был обязан дать аудиенцию любому, кто бы ни пришел к нему. Кроме того, Моисей и Аарон были делегатами и представителями своего народа и как таковые имели право быть услышанными. Система, которую они представляли, по-прежнему в полной силе в современном Египте. Каждый класс общества, каждая религия, каждая профессия, каждая национальность имеет своего признанного представителя или "шех", который стоит между ним и правительством и действует от его имени во всех политических и юридических вопросах. Он является таким же представителем, как посол или консул - представителем аккредитовавшей его нации, и права и привилегии, принадлежащие послу, принадлежат и "шаху". Фараон не мог исключить Моисея и Аарона из своего присутствия, даже если люди, которых они представляли, были государственными рабами.

Еврейским чудотворцам противостояли маги Египта. Амон-Ра не мог без борьбы уступить Богу "нечистого" чужеземца. Чудеса, творимые представителями израильского народа, были не под силу его слугам, а магические способности египетских жрецов были известны с начала времен. Египтяне очень верили в магию - вера, которая сохранилась и в современном Египте. Были составлены книги, которые сводили эту магию к науке и позволяли тем, кто изучал ее формулы и методы, изменять порядок природы и творить любые чудеса по своему желанию.^[169] Превратить жезл в змею или змею в жезл было сравнительно легким делом, и его до сих пор могут совершать жонглеры Каира. Столь же легко было превратить воду реки в кровь или даже размножить лягушек на влажной земле. И только когда чума вшей коснулась их самих, сила магов дала сбой, и они признали себя побежденными более сильным божеством, чем те, которыми они владели. Их магия не могла снять чуму, обрушившуюся на них; их собственные одежды были осквернены, несмотря на все их чары и амулеты, и они стали более нечистыми, чем сам "нечистый" иностранец.

Рассказ о десяти язвах Египта свидетельствует о близком знакомстве с особенностями и спецификой долины Нила. Все эти язвы до сих пор повторяются там; некоторые из них, можно сказать, никогда не покидали эту страну. И все же каждый год во время наводнения вода в реке становится похожей на кровь. Когда Нил только начинает подниматься, в конце июня, красный мергель, принесенный с гор Абиссинии, окрашивает его в темный цвет, который блестит, как кровь, в свете заходящего солнца.^[170] Кроме того, каждый год наводнение приносит с собой мириады лягушек, которые кишат по берегам реки и каналов и наполняют ночной воздух непрерывным кваканьем. Вши, опять же, являются вечной чумой среди бедных местных жителей, а каждую весну мухи по-прежнему роятся в домах и на открытом воздухе, раздражая посетителей Египта почти до предела. Мухи и вши, лягушки и кроваво-красная вода - все это такая же часть современного Египта, как и Египта эпохи Моисея. От них страдали и туземцы, и чужеземцы, и то, что чума мух не добралась до Гошена, должно быть, казалось египтянам чудом из чудес.

Те, кто сталкивался с мухами в Египте, могут посочувствовать фараону, когда он поспешно созвал вождей Израиля и велел им принести жертву Богу, который показал себя настоящим "повелителем мух". Последовавшая за этим чума - мор на скот^[171] - встречается реже, хотя время от времени она все еще уничтожает скот и лошадей в Египте. Однако сейчас на азиатской границе введен строгий карантин для животных, и, следовательно, прошло уже несколько лет с момента последней вспышки чумы крупного рогатого скота. Но чума нарывов и пятен все еще эндемична, и жители страны редко полностью избегают ее. Чума

грома и града также нередко; совсем недавно, весной 1895 года, сильный шторм пронесся по долине Нила и уничтожил три тысячи акров возделываемых земель. Саранча также время от времени переносится юго-восточным ветром с берегов Красного моря и пожирает растущие посевы, а темнота, которая может наступить, является лишь усиленной формой темноты, вызванной ветрами *хамасин* и песчаными бурями весной. Даже смерть первенцев имеет свою параллель в эпидемии холеры. За один год (1895-1896) Египет наших дней пережил большинство бедствий, о которых мы читаем в книге Исход. Кроваво-красная вода, лягушки и вши, мухи и нарывы, град и тьма, бич холеры - все это посетило землю.

Таким образом, в самих язвах не было ничего сверхъестественного или противоестественного. Все они были характерны для Египта, и только для него. Они были знамениями и чудесами не потому, что вводили новые и неизвестные силы в жизнь египтян, а потому, что болезни и язвы, уже известные стране, усиливались в действии и сжимались в короткий промежуток времени. Маги видели в них "перст" Бога Евреев, поскольку они приходили и уходили по приказу еврейского вождя, и вся магия Египта была бессильна перед ними. Амон-Ра нашел более могущественного, чем он сам, а в книгах Тота не было ни заклинаний, ни мистических заклинаний, которые могли бы помочь против бедствий, поражавших как жреца, так и мирянина. Фараон не мог больше сопротивляться воплям своего народа. Египет погибал, а его собственный сын умер от чумы. Лучше пусть его города останутся недостроенными, чем некому будет заполнить их, когда они будут построены. В обрушившихся на них язвах его подданные увидели руку разгневанного еврейского Божества, жаждущего жертв, которые Его народ не смог принести Ему в пустыне, и сам скептически настроенный фараон в конце концов обратился в их веру. Опасаясь, как бы его не постигло еще более страшное зло, он отдал приказ разрешить израильтянам пройти через крепости, отделявшие Гошен от пустыни за его пределами, и царские рабы получили свободу передвижения.

Как долго Египет страдал от чумы за чумой, трудно определить. Впечатление от повествования таково, что они быстро следовали одна за другой, и, следовательно, этот период не был очень продолжительным. Правда, Нил становится "красным" в июле, а пшеница созревает весной; но, с другой стороны, саранча, как нам говорят, съедает "все, что оставил град". Во всяком случае, очевидно, что еврейский писатель хотел заставить нас поверить, что между первым визитом израильских представителей к фараону и бегством в пустыню прошло меньше года. Все закончилось еще до конца марта - "первого месяца" еврейского года.

Египетские памятники дают нам иную версию причин, заставивших Менептаха согласиться на исход своих азиатских крепостных. В свете стелы, обнаруженной профессором Петри в Фивах, мы теперь можем понять изуродованную надпись, в которой фараон записывает на стенах Карнака свою победу над варварами в пятый год своего правления. Нижний Египет и его цивилизация никогда не были так близки к гибели. Ливийцы Северной Африки объединились с населением греческих морей, и варвары захватили Дельту, разрушая ее города, истребляя население и унося добычу. Пока ливийский царь Марайу опустошал восточные берега Нила, его северные союзники - сардинцы и ахейцы, ликийцы и сикулийцы - высадились на берегах Дельты и двинулись на юг, пока не присоединились к нему.

Похоже, что они нашли союзников и в самом Египте. Менептах рассказывает, что он пытался спасти то, что осталось от его владений, возведя укрепления перед Мемфисом и Гелиополем, "городом Тум". Ведь Египту угрожали не только на западе и на севере. На востоке, в земле Гошен, тоже были враги, пастушеские кочевники из Азии, которым было позволено жить там на протяжении многих поколений. Их "шатры", по словам фараона, были разбиты "перед

городом Пи-Байлос", современным Бельбеем, на западной оконечности области, в которой поселились израильтяне. Цари Нижнего Египта оказались заперты и изолированы в своих городах-крепостях, "отрезанные от всего врагом, без наемников, которых они могли бы противопоставить ему".

Но Менептах был "коронован, чтобы сохранить жизнь" своих подданных. В месяце Эпифи, нашем июле, состоялась великая битва, которая уничтожила полчища захватчиков и спасла жителей Египта. На поле боя было убито шесть тысяч триста шестьдесят пять ливийцев и 2370 северных варваров, а 9376 пленников попали в руки завоевателя. Неудивительно, что египетские поэты слагали пеаны в честь победы, а один из этих триумфальных гимнов был выгравирован на стеле храма, который Менептах воздвиг в Фивах в честь Амона-Ра.

Именно в этом последнем гимне, как уже было сказано, встречается название "израильтяне". Они включены в число врагов, над которыми фараон одержал победу; но, в отличие от других его врагов, у них не было земли, которую они могли бы назвать своей. У них не было постоянного места жительства, не было населенного пункта, который бы назывался их именем. Но египетский поэт знал, что они пришли из Южной Палестины; уничтожение их мужского "семени" привело к овдовению женщин "Хара".

Поэтому именно давление ливийского вторжения заставило Менептаха отдать на милость своих рабов-израильтян. С ливийцами и их союзниками на востоке и севере и враждебным населением в земле Гошен он был вынужден укрепить Мемфис и Гелиополь и уступить тем требованиям свободы, которым он был не в силах противостоять. К десяти язвам, о которых мы знаем из книги Исход, добавилась еще более страшная язва ливийского нашествия. В своей надписи Менептах говорит не только о врагах-варварах, которые преследовали границу и опустошали морские порты, но и о "мятежниках", разрушавших страну изнутри, и в этих мятежниках, чьи палатки были разбиты "перед Пи-Байлосом", мы должны видеть израильтян Ветхого Завета. Как бы ни были они подавлены и не склонны к войне, они все же были источником опасности, и, подобно Мухаммеду Али в присутствии бедавинов, фараон счел необходимым согласиться на их требования.

Победа Менептаха была одержана в середине лета. Именно весной произошел исход израильтян. Вместе с потомками Иакова отправилось "смешанное множество", возможно, осколки той волны ливийского нашествия, которая прокатилась по Дельте. Во всяком случае, не только израильтяне устремились в Азию. Были и другие царские рабы, например, Апуриу, которые занимались вытесыванием камня, добываемого на восточном берегу Нила. Сходство между их именем и именем евреев могло привести к путанице между каменщиками фараона и перевозчиками его камня.

Существовала египетская легенда об исходе израильтян, которая была воплощена в истории Манефо, у которого ее цитирует Иосиф.^[173] Фараон Аменофис, как говорили, пожелал увидеть богов, как это сделал его предшественник Орос (или Ху-н-Атен). По совету провидца Аменофиса, сына Пааписа, он очистил землю от прокаженных и "нечистых", отделив их от остальных египтян в количестве восьмидесяти тысяч человек, и приговорил их к работе в каменоломнях на восточном берегу Нила, подобно "апуриям из памятников". Но среди них было несколько жрецов, которые находились под особым покровительством богов. Когда провидец узнал о святотатстве, совершенном над их лицами, он предсказал, что нечистый народ найдет себе союзников и с их помощью будет править Египтом тринадцать лет. Не решившись рассказать царю о своем пророчестве, он изложил его в письменном виде, а затем покончил с собой. Через некоторое время работники каменоломен умоляли фараона отправить их в Аварис, старую крепость гиксосов, которая лежала на азиатской границе

Египта, пустая и необитаемая. Просьба была удовлетворена, но не успели они обосноваться в новой обители, как подняли восстание и выбрали своим вождем Осарсифа, жреца Он. Он дал им новые законы, запретив, в частности, почитать священных животных, и поручил им отстроить стены Авариса. Он также послал к гиксосам в Иерусалим с просьбой о помощи. В Аварис был отправлен отряд в двести тысяч человек, а затем последовало вторжение в Египет. Аменофис бежал в Эфиопию с быком Аписом и другими священными животными, приказав спрятать изображения богов. Его сын Сетос, которого также называли Рамесс, в честь его деда Рамесса Великого, и которому в то время было всего пять лет, был отдан на попечение друга. Аменофис оставался в Эфиопии тринадцать лет, пока Осарсиф, принявший имя Моисей, и его союзники-гиксосы творили бесчисленные злодеяния. Храмы и города были разрушены, жрецы и священные животные убиты. Но, наконец, сужденный срок закончился, Аменофис вернулся во главе армии, и враг был полностью повержен и преследован до границ Сирии.

В этой легенде смешались правда и вымысел. Иностранец, особенно азиатский, был заклеен египтянами как "нечистый", и в прокаженных людях, заточенных в каменоломнях восточной пустыни, мы должны, следовательно, видеть просто чужую расу. Осарсиф получил свое имя от Иосифа, причем последнее имя рассматривается (как в Псалме lxxxi. 6) как соединение Йо или Яхве, которое отождествляется с египетским Осирисом. Аменофис,^[174] сын Пааписа, это Аменофис (или, скорее, Аменотес), сын Хапи, который воздвиг колоссальные статуи Мемнона и его спутницы в Фивах во время правления Аменофиса III, и фараон Аменофис, сын Рамзеса и отец Сетоса, это Менептах, сын Рамзеса II и отец Сетоса II.

Возвращение Аменофиса из Эфиопии вытекало из своего рода мессианского пророчества, найденного уже в папирусе эпохи Тотмеса III. Здесь мы читаем, что "придет царь с юга, Амени, провозглашающий истину по имени. Он будет сыном женщины из Нубии и родится в..... Он примет корону Верхнего Египта и поднимет красную корону Нижнего Египта. Он соединит двойную корону..... Люди возраста сына человеческого возрадуются и утвердят имя его на веки вечные. Они будут далеки от зла, а нечестивые смирят уста свои от страха перед ним. Азиаты падут перед его ударами, а ливийцы - перед его пламенем. Нечестивые будут ждать его суда, мятежники - его силы. Царская змея на его челе умиротворит восставших. Будет построена стена, даже стена князя, чтобы азиаты больше не могли войти в Египет"

С этим принцем из древнего пророчества, который должен спасти Египет от азиатских и ливийских врагов, народная традиция легко отождествила Менептаха, уничтожившего ливийцев и азиатов, и объединила его имя с именем Амени в соединение Аменофис. Во всяком случае, египетская легенда свидетельствует о том, что Менептах был фараоном Исхода и что бегство израильтян было связано с вторжением ливийцев в долину Нила.^[176]

Сами израильтяне связывали бегство с учреждением праздника Пасхи. Но праздник Пасхи, по-видимому, представлял собой комбинацию двух более древних праздников. Один из них отмечался семидневным употреблением пресного хлеба, другой - принесением в жертву ягненка, кровью которого смазывали косяки и перекладки дома, а самого ягненка зажаривали и ели в полночь с горькими травами. Праздник опресноков следовал сразу за праздником Пасхи, который длился с десятого по четырнадцатый день первого месяца священного еврейского года.

Доктор Клей Трамбулл показал, что Пасха была всего лишь адаптацией старого обряда, который он называет "Заветом у порога". Это был обряд, который восходил к самой ранней

эпохе человечества, и следы которого мы находим во многих частях света. Даже в современном Египте строительство нового дома или судна не завершается без заклания овцы, кровь которой падает на порог дома или на палубу и борт судна. Кровь была знаком жертвоприношения, посредством которого хозяин дома вступал в договор с чужеземцем или даже с его богом. Там, где она появлялась, божество возмездия проходило мимо, помня о договоре и помня, что в доме находится друг, а не враг. Порог становился алтарем, и те, кто переступал его, становились членами семьи и разделяли с ней ее права и религию. Когда невеста переступала порог своего нового дома, она оставляла позади все свои старые связи и отношения и становилась членом новой семьи.

Цитируя слова доктора Клея Трамбулла, можно сказать: "Задолго до ночи Исхода "заветное приветствие гостю, который должен был стать одним из членов семьи, или жениху или невесте, вступающим в брак, выражалось в излиянии крови на пороге двери и окрашивании самого дверного проема кровью завета. И вот, "накануне бегства из Гошена Иегова объявил, что посетит Египет в назначенную ночь и что те, кто будет приветствовать Его, должны приготовить порог завета, или пасхальную жертву, в доказательство такого приема; ибо если семья не приготовила для Него такого приема, Он должен считать порог Своим врагом"

Вера в то, что только жертвоприношение может защитить дом от гнева Небес, была широко распространена по всему миру. Бесчисленные следы ее можно найти в фольклоре Европы. Народная легенда знает о мостах и замках, которые отказывались стоять до тех пор, пока человеческая жертва не была погребена под их фундаментом, и даже святой Колумба, как считается, не мог построить свой собор на Ионе, пока его спутник Оран не был заживо замурован под его фундаментными камнями. Из Ветхого Завета мы узнаем, что эта вера была сильна и среди израильтян. Когда Иель из Бет-Эля отстраивал разрушенный Иерихон, нам говорят, что "основание его он положил в Авираме, первенце своем, а ворота его поставил в младшем сыне своем Сегубе" (1 Царств xvi. 34). Божество имело право на первенца; и если это право не признавалось жертвоприношением либо самого первенца, либо его заместителя, то не могло быть и речи о завете между семьей и ее богами. Новое здание подразумевало новое место жительства для семьи и богов, которым она поклонялась; а если между ними не было завета, боги приходили как враги, а не как друзья.

Поэтому в празднике Пасхи не было ничего нового. Связанный с ним обряд и идеи, связанные с ним, должны были быть давно знакомы израильтянам. Новым было приспособление обряда к новому завету, который Яхве собирался заключить со Своим народом. Он стал "Пасхой Господней" в память об избавлении из Египта, когда Яхве порастил египетских первенцев, но "обошел дома сынов Израилевых". Подобно старому весеннему празднику опресноков, она получила новое значение и стала воспоминанием о первом событии в национальной жизни Израиля. Аналогичное значение имело и изменение, внесенное в календарь. Еврейский год начинался осенью с сентября; но наряду с западносемитским календарем в Палестине использовался и другой календарь, вавилонский, по которому год начинался с нисана или марта. Именно этот вавилонский календарь и был введен в ритуальных целях. В то время как гражданский год по-прежнему начинался осенью, было предписано, чтобы священный год начинался весной. Священный год определялся ежегодными праздниками, и первым из них отныне должна была быть Пасха. Начало нового года отныне определялось пасхальной луной.

Именно в полночь ангел смерти прошел над землей Египта. Чума не пощадила ни богатых, ни бедных. Первенцы фараона умирали, как первенцы пленников в темнице. Тщетно пытались выяснить, кто из сыновей Менептаха мог быть этим первенцем. Но Менептах жил много лет после свержения ливийцев, а значит, и после исхода израильтян, и, возможно, только в

конце его правления его преемник Сети II стал наследным принцем. За это время мог умереть не один старший брат. Кроме того, на трон фараонов не мог сесть никто, кроме сына принцессы из царской солнечной расы. У царствующего царя могли быть старшие сыновья, рожденные ему от чужеземных принцесс, но его преемник не мог быть выбран из их числа. Право на престол имел только тот, кто мог проследить свое происхождение от бога Солнца, который был, короче говоря, прямым потомком фараонов.

Под ужасом чумы и под покровом темноты израильтяне и их спутники, "смешанное множество", ушли из земли Гошен. Они взяли с собой свои стада и отары, а также ценную добычу, которую смогли легко унести из домов своих перепуганных хозяев. Они "одолжили", по эвфемистическому выражению летописца, "драгоценности из серебра и драгоценности из золота, и одежды", "и разорили египтян". Неудивительно, что впоследствии фараон решил преследовать отступающие полчища.

Сначала они направились из Раамсеса в Суккот. Суккот - это Тукут в египетских текстах, район, в котором находился Пифом и который простирался от земли Гошен до линии укреплений, окружавших Египет на востоке. Он упоминается в письме, отправленном Менептаху через три года после Исхода израильтян, которое мы уже имели случай процитировать.^[179] После бегства израильтян этот район остался необитаемым, и прошло совсем немного времени, прежде чем он снова перешел к некоторым из их эдомитских сородичей, которым нужны были пастбища для их стад.

Местонахождение города Раамсес до сих пор остается неопределенным. В иероглифических текстах он называется Пи-Рамсес, "Дом Рамзеса", и, как и Зоан, он лежал рядом с каналом Па-шет-Хор. Длинное описание его дает писец Паэбпаса, служивший в Зару, на восточной границе Египта, в начале правления Менептаха. Он рассказывает нам (согласно переводу Бругша)^[180], как "прибыл в город Рамсеса и нашел его превосходным, ибо ничто не может сравниться с ним на фиванской земле и почве..... Каналы его богаты рыбой, озера кишат птицами, луга зеленеют овощами, чечевице нет конца; на орошаемых полях растут дыни, вкус которых подобен меду. Его амбары полны пшеницы и дурры и достигают высоты небес..... Канал, Па-шет-Хор, производит соль, озеро-регион Па-Гирнатрон. Их морские корабли входят в гавань, изобилие и изобилие в ней". И далее писец описывает ежегодные празднества жителей в честь их основателя Рамсеса II.

В Тукуте или Суккоте находились крепости, которые защищали Дельту от вторжений азиатов и в то же время не позволяли тем, кто находился в Египте, вырваться из него без разрешения правительства. Одна из них называлась "Хетем", или "Крепость Тукута", другая - "Хетем Рамсеса II". Оба, похоже, упоминаются в отчете, отправленном преемнику Менептаха, Сети II. Здесь мы читаем: "Я отправился из зала царского дворца (в Зоане) в 9-й день месяца Эпифи, вечером, за двумя (беглыми) рабами. Я прибыл в хетем Тукут 10-го числа месяца Эпифи. Мне сообщили, что люди решили идти на юг. 12-го числа я достиг кхетема. Там мне сообщили, что конюхи, прибывшие из окрестностей, [доложили], что беглецы уже перешли стену к северу от Мигдола царя Сети Менептаха"

Беглые рабы должны были идти той же дорогой, что и израильтяне до них. Израильтяне избегали ближайшего и более привычного пути в Палестину, который проходил вдоль берега Средиземного моря и проходил через Газу. Филистимляне уже угрожали южному побережью Ханаана, а Газа была гарнизонирована египетскими войсками. Недисциплинированная и не склонная к войне толпа, следовавшая за Моисеем, была бы разрублена на части, если бы

они решились проложить себе путь через них, или же вернулась бы в Египет. Поэтому они повернули на юг, в пустыню, и пошли "путем пустыни Ям-Суф".

Из Суккота, как нам говорят, они отправились в Этам "на краю пустыни". Бругш первым заметил, что в Etham мы имеем еврейскую транскрипцию египетского Khetem. Вопрос лишь в том, какой из многочисленных Хетему или "крепостей", защищавших азиатскую границу Египта, мог быть этот конкретный Этам. Мы слышим о "Хетеме Рамсеса II, который находится в районе Зару", в том самом месте, где одна из дорог в Азию проходила через великую линию укреплений, а в цитированном выше отчете говорится о другом Хетеме - Тхукте. Однако в ветхозаветном повествовании речь идет именно о втором хетеме, упомянутом в отчете. Этот второй хетем лежал между Суккотом и линиями укреплений, поэтому его можно назвать "на краю пустыни", которая начиналась с восточной стороны Шура или крепостной стены. По сути, это была крепость, охранявшая одну из дорог из Египта в том месте, где она пересекалась с линиями. К югу от нее находился Мигдол, или башня царя Менептаха.

Возможно, это тот самый Мигдол, о котором в книге Исход говорится, что он находился недалеко от следующего места стоянки израильтян. Из крепости Этам они повернули к "морю" и там разбили свои шатры "перед Пи-хахиротом, между Мигдолом и морем, против Ваал-зефона". Ваал-зефон, "Ваал севера", - это название финикийского храма, о котором говорится в египетском папирусе;^[182] и вместо Пи-хахирот в Септуагинте и коптской версии написано "хутор", что напоминает нам об аху или "поместье" фараона в районе Тукут, на котором впоследствии было разрешено селиться эдомитским пастухам.

Но что такое "море", на берегу которого расположились израильтяне? Его идентификация была предметом многочисленных споров, однако этот факт перестает нас удивлять, когда мы узнаем, что сами древнееврейские писатели не были уверены в этом. Хотя в повествовании об Исходе "море", которое пересекли израильтяне, тщательно отделено от "Ям-Суфа" или "Тростникового моря", к которому они впоследствии пришли, в Ветхом Завете есть и другие отрывки, особенно поэтического характера, в которых эти два моря смешиваются вместе. Таким образом, перед нами предстают две непримиримые системы географии, которые до сих пор делали географию Исхода неразрешимой проблемой.

В повествовании, однако, все ясно и точно. Было решено, что дети Израиля, вместо того чтобы следовать северной дорогой в Палестину, должны идти по той, что ведет в "пустыню Ям-Суф". Но между ними и этой пустыней лежала египетская крепостная стена, которая простиралась от болот на севере до Суэцкого залива или его продолжения на юге. Только когда они обогнули южный конец стены, перейдя "море", они вошли в "пустыню за стеной", где бродили три дня, не находя воды (Исх. xv. 22). Позже они пришли в пальмовую рощу Елим, а затем в Ям-Суф (Числ. xxxiii. 10).

Ям-Суф был хорошо известен древнееврейской географии и соответствовал современному Акабскому заливу. Именно на Ям-суфе, в Елафе и Езион-гебере, "в земле Эдомской", Соломон построил свои корабли (1 Цар. xx. 26); а после взятия Арада на крайнем юге Ханаана израильтяне отправились "от горы Хор путем Ям-суфа, чтобы обойти землю Эдомскую" (Чис. xxi. 4). Элим - это другая форма Элафа, руины которого находятся недалеко от Акабы, а город Суф лежал "против пустыни" на равнинах Моава (Втор. i. 1). На самом деле Ям-Суф, который в Авторизованной версии ошибочно переведен как "Красное море", был Акабским заливом. Родственный Суэцкий залив евреи называли "Египетским морем" (Ис. xi. 15) - очень подходящее название, поскольку с обеих сторон он был окружен египетской территорией. Со времен III династии и до правления Птолемея Мафкат, Синайский полуостров, входил в число провинций Египта.

В перечне мест пребывания израильтян, приведенном в Числ. xxxiii, проводится тщательное различие между Ям-Суфом (стих 10) и "морем", через середину которого беглецы от фараона благополучно прошли в пустыню. Это "море" омывало южную оконечность Шура или "крепостной стены", линия которой приблизительно соответствовала Суэцкому каналу. Если доктор Навиль прав, то во времена Исхода она должна была простираться гораздо дальше на север, чем в настоящее время; Горькие озера, по сути, обозначают ее северную границу. Но на пути этой гипотезы стоят серьезные трудности. Канал, который во времена Сети I уже соединял Пелусийский рукав Нила с Суэцким заливом, проходил на юг до современного города Суэц, где до сих пор можно проследить его устье. Кроме того, всего в пяти милях к северу от Суэца до сих пор можно увидеть фрагменты стелы, на которой Дарий отмечал, что вновь открыл старый канал фараонов. Если бы залив действительно простирался так далеко на север, как Исмаилия и Горькие озера, такое южное продление канала было бы трудно понять.

Как бы то ни было, поэты и более поздние авторы Ветхого Завета стали забывать, что подразумевалось под словом "море". Его путали с Ям-Суфом, а место Исхода, соответственно, было перенесено из Суэцкого залива в залив Акаба. Доктор Уинклер недавно попытался показать, что кроме Музри или Египта, ассирийские надписи знают еще один Музри или "пограничную область" на северо-западе Аравии. Если так, то этот второй Музри или Египет может помочь объяснить путаницу между двумя морями.

Именно в песне триумфа по поводу уничтожения египтян путаница впервые дает о себе знать. Здесь (Исх. xv. 4) "море" и "Ям-Суф" используются как эквиваленты, а содержание песни подытоживается в конце утверждением, что "Моисей вывел Израиля из Ям-Суфа". Но в других местах Пятикнижия география точна, и только когда мы переходим к речам в книге Иисуса Навина, два моря снова смешиваются вместе.^[183] Та же географическая ошибка повторяется в двух поздних псалмах, а также в отрывке из книги Неемии.^[184] Древнееврейская география к этому времени была забыта; с потерей Эдома и его морских портов точное знание о двух рукавах Красного моря исчезло из памяти евреев. Но в историческом повествовании Пятикнижия все по-прежнему четко и ясно.

Едва израильтяне покинули Гошен, как фараон раскаялся в своем разрешении на их уход. Отступающая толпа, обремененная женщинами и детьми, отарами и стадами, а также добычей, отнятой у египтян, все еще стояла лагерем в пределах укреплений, у самого южного Мигдола, или "башни", и на берегу "морья". К югу простиралась безводная пустыня; позади стояли враждебные силы Египта. Ситуация казалась безнадежной; "пустыня", как сказал фараон, "закрыла их", и, казалось, нет спасения от египетских войск, которые теперь были посланы в погоню за ними.

Но Израиль был спасен, так сказать, чудом. Всю ночь небо было черным от туч, а сильный восточный ветер гнал мелководье "морья" к западному берегу. Беглецы поспешно прошли по его высохшему руслу и перед рассветом достигли восточного берега. Египетские войска преследовали их, но было уже слишком поздно. Колеса колесниц погрузились в мягкий песок, и не успели они продвинуться далеко, как ветер стих и воды вновь нахлынули на них. Колесницы и войска фараона были уничтожены нахлынувшим потоком.

Классическая история знала о подобных событиях. Диодор (xvi. 46) рассказывает, что когда персидский Артаксеркс повел свои войска против Египта, часть его армии погибла, поглощенная "заливами" Сирбонского озера на Средиземном море. Войска Александра, кроме того, едва избежали быть поглощенными водами Памфилийского залива, через

которого они проходили зимой, и их спасение было превознесено позднейшими авторами в чудо.^[185]

Фараона не было среди шестисот колесниц, преследовавших летящих израильтян в "море". Как и в великой битве с ливийцами, Менептах, выходя на поле боя лично, тем не менее старался избегать реальной опасности и делегировать свои полномочия другим, когда возникала перспектива сражения. Он прожил несколько лет после ливийской победы, а значит, и после исхода израильтян; и хотя его гробница в Бибан-эль-Молук в Фивах так и не была достроена, он был похоронен в ней в зрелом возрасте. В дигре^[187], вероятно, сочиненном во время его смерти, говорится о том, что царь умер в преклонном возрасте.

Когда между ними и Египтом расступились воды "моря", израильтяне почувствовали, что они наконец-то стали свободными людьми. Крепостная стена Египта осталась позади; они уже были в пустыне, где жили их азиатские сородичи, и могли двигаться, куда пожелают. Но была одна дорога, по которой они не могли идти. Если страх "увидеть войну" удерживал их от северного пути в Палестину, то еще больше он удерживал их от дороги, которая вела в египетскую провинцию Мафкат. Здесь, на западной стороне Синайского полуострова, находились медные и малахитовые рудники, на которых работали египетские каторжники и которые были сильно гарнизоны египетскими войсками. Приблизиться к ним означало бы вновь подвергнуться опасности, от которой беглецы только что спаслись.^[188]

Дорога была хорошо известна. На протяжении веков по ней ходили египетские войска и шахтеры, гражданские чиновники и каторжники, над которыми они осуществляли надзор. Поэтому не было никаких трудностей в том, чтобы избежать ее и вместо этого погрузиться в пустыню, которая вела к их сородичам в Эдоме и к той земле Ханаанской, которая была их конечной целью.

Старые заблуждения умирают с трудом, и среди изучающих Ветхий Завет до сих пор распространено мнение, что Синайский полуостров был местом странствий израильтян. Оно возникло из-за желания раннехристианских анкоритов на Синайском полуострове найти места, где написано Пятикнижие, в их собственном районе, и поддерживается географической путаницей между "морем", которое пересекли израильтяне, и Ям-Суфом. Но эта вера не только не согласуется с фактами египетской истории, она также не согласуется с повествованием самого Пятикнижия. Она переносит амаликитян или бедавинов из пустыни к югу от Иуды на западную сторону Синайского полуострова и совершает тот же подвиг для пустыни Паран.^[189] Он заставляет Иофора, первосвященника Мадиама, пересечь Акабский залив и пробираться через бесплодные ущелья и враждебные племена, чтобы навестить своего зятя, и ставит под сомнение прямое свидетельство еврейской литературы о том, что гора Синай находилась среди гор Сеира.^[190]

Пустыню, в которую попали израильтяне, называют то Шуром, то Этамом. Шур был семитским эквивалентом египетской Анбу или "стены", а Этам получил свое название от одной из Хетему или "крепостей", которые охраняли подступы к долине Нила. Это была пустыня, простиравшаяся до берегов Акабского залива, и древнееврейские племена, соответственно, шли по ней. Нам говорят, что они пошли "путем пустыни Ям-Суф", следуя по дороге Хаджа, по которой до сих пор идут паломники из Египта в Мекку. Но караван двигался медленно, и в течение трех дней они не могли найти воды. Если бы они повернули на юг Синайского полуострова, то через несколько часов пути оказались бы у Колодцев Моисея, которые сейчас являются местом пикника для посетителей Суэца, а дорога к египетским рудникам была снабжена цистернами и колодцами. Но это означало бы всего лишь обменять Египет на одну из его провинций с сильными гарнизонами.

Как долго странники пересекали пустыню, мы не знаем; не знаем мы и того, где находился Марах, чьи "горькие" воды освежили их после трех дней скудости. Но в конце концов они достигли оазиса Элим, который в книге Чисел (xxxiii. 10) связывается с Ям-Суфом. Элим, на самом деле, является лишь вариантом формы Элат,^[191] а Элат - это Аила классической географии, современной преемницей которой является Акаба. Когда израильтяне покинули Элим, прошел целый месяц с момента их выхода из Египта (Исх. xvi. 1).

Между Элимом или Ям-Суфом^[192] и горой Синай лежала пустыня Сина. Синай и Син получили свои названия от Сина, вавилонского бога луны, поклонение которому уже давно было перенесено вавилонскими завоевателями на Запад. Более чем за две тысячи лет до Исхода вавилонский завоеватель Нарам-Син, "возлюбленный Сина", пронес свое оружие до Синайского полуострова, и надписи Южной Аравии показывают, что там также поклонялись вавилонскому божеству.^[193] Представляется вероятным, что на склонах горы Синай стоял храм, посвященный его служению.

Было предпринято множество попыток идентифицировать гору, которую израильтяне считали местом первого произнесения Закона. Большинство из них основано на убеждении, что искать ее следует на Синайском полуострове. Соперничающие претензии Джебель эль-Эджме, Джебель Умм-Алави, Джебель Зебир-Катарина, Джебель Сербал и Джебель Муса с нетерпением обсуждаются. Только Джебель Муса может претендовать на поддержку традиции, хотя она не восходит к третьему или четвертому веку нашей эры, когда христианские отшельники впервые поселились в его окрестностях. Синай Св. Павла и Иосифа все еще находился в Аравии римской географии, царстве, столицей которого была Петра.

Однако в географии Ветхого Завета гора Синай находилась в Эдоме. Об этом прямо говорится в Песне Деборы, одном из древнейших произведений древнееврейской литературы. Здесь мы читаем (Суд. ст. 4, 5): "Господи, когда Ты вышел из Сеира, когда Ты вышел из поля Эдома, земля содрогнулась, и небеса упали, и облака сбросили воду. Горы растаяли от лица Господа, даже Синай от лица Господа Бога Израилева". Аналогичное свидетельство дает благословение Моисея (Втор. xxxiii. 2): "Господь пришел от Синая и поднялся к ним от Сеира; Он воссиял от горы Паран"; выражение, которое в другой форме встречается у Аввакума (iii. 3): "Бог пришел от Темана, и Святой - от горы Паран". Темань означал Южный Эдом, а Паран - пустыню, примыкавшую к Эдому с запада и Иудее с юга, посреди которой находилось святилище Кадеш-Барнеа.^[194] В "Благословении Моисея" параллелизм еврейской поэзии требует, чтобы Синай и Сеир были равнозначными терминами.

Значит, мы должны искать настоящий Синай еврейской истории на границах Эдома и в пустыне Паран. Но бесполезно искать более точную локализацию, пока не будут исследованы горы Сеир и старое царство Эдом. Тогда, если вообще возможно, будет обнаружен Синай Пятикнижия. По-видимому, он был частью хребта, известного как "Хорив", "горы пустыни", и до эпохи Илии он все еще почитался как "гора Божья" (1 Царств xix. 8).^[195]

Прежде чем израильтяне достигли священной горы, им пришлось сделать не один привал в "пустыне греха". В маршруте книги Чисел указаны названия трех - Дофка, Алуш и Рефидим, но в повествовании упоминается только последний. Рефидим, "лагерь", стал местом первого конфликта, с которым пришлось столкнуться израильтянам. Здесь на них напали

амаликитяне, племена бедавинов, которые до сих пор считают пустыню своей собственностью, и чья рука направлена против всех, кто проходит через нее. Нападение было отбито, но не без потерь, и воспоминания о нем никогда не изгладятся из памяти еврейского народа. Отныне между Амаликом и Израилем "из рода в род" должна была идти война, пока не будут уничтожены бедавинские мародеры пустыни. Песнь Деборы (Суд. ст. 14) рассказывает о том, как продолжалась эта борьба после переселения в Ханаан, и первый израильский царь сделал все возможное, чтобы искоренить этих вредителей еврейского пограничья. Саул истребил их, как сказано, от Хавилы до Шура (1 Цар. xv. 7), от "песчаной" пустыни Аравии Петра до великой стены Египта. И древнееврейский писатель прямо добавляет, что это были те же амаликитяне, что и те, что подстерегали Израиль "на пути, когда он выходил из Египта". На Синайском полуострове амаликитян не было; пустыня, в которой они обитали, примыкала к Эдому и была известна древним вавилонянам как "земля Мелухха". Поэтому эдомитяне и амаликитяне смешивались друг с другом, а Амалек считался генеалогами внуком Исава.

За битвой при Рефидиме последовал визит тестя Моисея, Иофора, "священника Мадиямского". Этот визит был естественным, ведь настоящий Синай находился на границе Мадиама. Именно в то время, когда Моисей кормил стадо Иофора, он впервые пришел к нему и получил поручение от Яхве. Таким образом, здесь, на "горе Божьей", он находился в пределах града от своего старого дома.

Визит Иофора ознаменовал первый шаг в организации Израиля. Под его руководством и советом были назначены судьи разных рангов, к которым можно было обращаться с незначительными делами, и каждый из них был наделен определенной властью. Функции "судьи" были административными и исполнительными, а также юридическими; что подразумевалось под этим термином, мы можем узнать из книги Судей, а также от шофетимов или судей, которые в свое время заменяли царей в Тире. Они близко соответствовали высшим чиновникам в турецких провинциях, которые обладают неопределенной и в некоторых отношениях абсолютной властью, подчиняясь только чиновнику, стоящему непосредственно над ними. Судьи", учрежденные Моисеем по совету Иофора, получили свои титулы от численного состава своей юрисдикции. Они были судьями "тысяч", "сотен", "пятидесяти" и "десятков". Община была разделена на идеальные единицы, большего и меньшего размера, в основе которых лежала десятичная система. Возможно, вся эта система имеет мадианитское происхождение; во всяком случае, в ассирийских текстах мы также слышим о "начальнике пятидесяти" и "начальнике десяти".

Моисей оставался верховным "судьей" и законодателем своего народа. Только к нему обращались со всеми "великими делами", от него исходили все законы и постановления, правила и предписания, которым они должны были подчиняться. Вождь, который благополучно вывел их из "дома рабства", теперь стал их признанным главой и законодателем. Моисей "был царем в Ешуруне", осуществляя всю власть в Израиле, которая в более поздние времена принадлежала царю.

Едва ли политическая организация новой общины была завершена, как израильские племена достигли почитаемого святилища на Синае и расположились лагерем перед "горой Божьей". Первая цель их путешествия была достигнута, и исполнилось обещание Яхве, что они должны "служить Богу" на горе, где Он явился их вождю. Здесь, на Синае, была обнародована предыдущая часть Моисеева законодательства. Впоследствии она была дополнена законом в Кадеш-Барнеа, втором месте отдыха колен, где у Эн-Мишпата, "источника суда", они готовились в безопасности сердца пустыни к будущему вторжению в Ханаан.

Именно среди ужасов грозы Яхве объявил народу Израиля Свои законы. Пока тьма покоилась на вершине горы, нарушаемая лишь вспышками молний и раскатами грома, "Десять слов" были донесены до человека. В их центре стояла та суровая, бескомпромиссная декларация монотеизма, которая отныне обозначала религию Израиля. Они начинались с заповеди о том, что у Израиля не должно быть "других богов пред Господом". Яхве вывел их из Египта, и поэтому они должны служить только Яхве. Последующие заповеди были отчасти общими, отчасти относились только к израильтянам. Запрет делать "подобие чего-либо на небе вверху, или на земле внизу, или в воде под землею" определял характер Бога, перед которым нельзя было поклоняться никому другому. У Него не было формы или атрибутов, которые можно было бы изобразить с помощью искусства; только боги язычников могли создавать изображения или картины. Египет был страной идолов, и, покидая Египет, Яхве потребовал, чтобы идолы также были оставлены. В простой жизни пустыни не было места искусству: здесь человек оставался наедине со своим Творцом, Который открывал Себя в свете горящего куста или громе бури, а не в формах сотворенных Им существ. Вторая заповедь была частью учения, которое должны были принести странствия по пустыне; и если Израиль хотел остаться "особым народом", посвященным служению Яхве и защищенным от поглощения окружавшими его народами, необходимо было оградить его законом пуританской строгости, запрещающим внедрение искусства в любой форме. Искусство в мире Исхода было слишком тесно переплетено с религиями Египта, Ханаана и Вавилонии, чтобы быть чем-то иным, кроме как запретным. Последующая история Израиля доказала, насколько мудрым и необходимым был этот запрет. За искусством, украсившим храм и дворец Соломона, последовало возведение алтарей языческим божествам, и даже в пустыне золотому тельцу поклонялись в виду самого Синая.

Третья и четвертая заповеди, как и вторая, носили скорее израильский, чем общий характер. Третья запрещала произносить имя Яхве всуе; имя национального Бога Израиля, которое было открыто таким особым образом, было слишком священным, чтобы о нем можно было говорить легкомысленно. Имя Яхве, по сути, было равнозначно Самому Яхве, и легкомысленное отношение к имени означало легкомысленное отношение к Тому, чьей сущностью оно являлось. Обязанность соблюдать субботу была частью культуры, которую Западная Азия получила от Вавилонии. Среди вавилонян суббота соблюдалась с ранних времен, и этот институт, по-видимому, восходит к досемитскому периоду. Во всяком случае, на шумерском языке она обозначалась термином, который клинописная табличка объясняет как "день отдыха для сердца", а ассирийское название Sabattu или "Суббота" было даже выведено местными этимологами из двух шумерских слов *sa*, "сердце", и *bat*, "отдыхать".¹ В Вавилонии и Ассирии, как и в Израиле, суббота соблюдалась каждый седьмой день, возможно, в соответствии с астрономической системой, которая посвящала семь дней недели семи планетам вавилонской науки. Однако эти семидневные недели были основаны на лунных месяцах вавилонского года, а суббота или день отдыха приходились на 7, 14, 21 и 28 число каждого месяца. Кроме того, существовала еще одна суббота - 19-я, в конце седьмой недели от первого дня предыдущего месяца. В эти субботные дни запрещалось выполнять любую работу. Царь, как было установлено, "не должен есть плоть, приготовленную на углях или в дыму, не должен менять одежду своего тела, не должен носить белые одежды, не должен приносить жертвы, не должен ездить на колеснице, не должен издавать царских указов". Даже прорицателю не разрешалось "бормотать заклинания в тайном месте". Не разрешалось также принимать лекарства.

Вместе с другими элементами вавилонской культуры институт субботы попал на Запад. Но на Синае он получил новое и особое применение. Она не только должна была соблюдаться каждый седьмой день недели, независимо от начала месяца, но и стала знаком и знаком

завета между Израилем и его национальным Богом. В книге Исход, правда, причина соблюдения этого дня заключается в том, что Яхве отдыхал в седьмой день от Своих дел по сотворению мира - причина, которую вряд ли примет геолог, - но во Второзаконии (ст. 15) он более уместно приводится в прямую связь с избавлением из Египта: "Помни, что ты был рабом в земле Египетской, и что Господь, Бог твой, вывел тебя оттуда рукою сильною и рукою простертою; посему Господь, Бог твой, заповедал тебе соблюдать день субботний".

Санкция пятой заповеди также относится только к Израилю: детям предписывалось почитать своих родителей, чтобы их дни были долгими в земле, которую Яхве обещал им дать. Но последние пять заповедей имеют общее применение, и, соответственно, не приводится никаких причин для их соблюдения, вытекающих из случайностей древнееврейской истории. Они относятся ко всему человечеству, во все времена и во всех частях света. Убийство, прелюбодеяние, воровство, лжесвидетельство и любостяжание - все эти преступления повсеместно запрещены правовым или моральным кодексом. Но странно, что ложь и обман не включены в их число; в этом отношении так называемое отрицательное признание, которое душа умершего египтянина была призвана сделать в следующем мире, было более полным.^[198] Ложь, однако, которая не включает в себя ложное свидетельство, склонна быть попустительской среди народов Востока.

За десятью заповедями последовал ряд других законов, многие из которых, вероятно, были повторением уже действовавших законов или правил. Например, закон о возмездии (Исх. ххi. 23-25) так же стар, как и человеческое общество; так же как и закон о том, что убийство должно наказываться смертью (ххi. 12). Закон, который наказывал хозяина за убийство раба, если тот умирал на месте, но позволял ему оставаться безнаказанным, если раб задерживался на день или два (ххi. 20, 21), имел свою параллель в древней Вавилонии, а смертная казнь, взимаемая с вола, который загрыз человека (ххi. 28-32), - это наследие тех времен, когда бессловесные животные и даже неодушевленные предметы считались ответственными за нанесенные ими увечья.^[199] Постановления, касающиеся "поля или виноградника" или "стоячей кукурузы" на поле (ххii. 5, 6), относятся к земле Гошен или Ханаан, а не к жизни в пустыне, а посвящение первенцев Богу (ххii. 29, 30) - одна из древнейших статей семитской веры.

К Египту или Ханаану в равной степени относятся предписания отпускать землю под пар каждый седьмой год (ххiii. 11) и праздновать три великих праздника в году (ххiii. 14-19). Все это были праздники земледельца, а не пастуха-кочевника. Год начинался с весеннего праздника опресноков, затем летом наступал праздник жатвы, и, наконец, осенью - "в конце" старого гражданского года - праздник сбора плодов.

Таковы были некоторые из законов, провозглашенных под сенью священной горы, когда Израиль впервые расположился лагерем перед горой Синай. Они заканчивались призывом идти на Ханаан. Яхве объявил, что пошлет Своего ангела перед Своим народом, чтобы тот вел его по пути, подобно *суккалли* или "ангелам" вавилонских богов. Яхве будет сражаться за них, а они должны будут изгнать древних жителей земли и занять их место. Они ни в коем случае не должны были смешиваться с ними или поклоняться их богам; как сами идолопоклонники, так и идола, которым они поклонялись, должны были быть уничтожены. Границами их нового дома должны были стать "от Ям-Суфа до моря Филистимского и от пустыни до реки" - обещание, которое исполнилось в царстве Давида.^[200] Оно тоже простиралось до "реки" Евфрат и включало землю Эдома с его двумя портами на Ям-Суфе. Море филистимлян" - это новое название Средиземного моря, свидетельствующее о морской славе, которую уже приобрели эти пираты с севера.^[201]

Законы, провозглашенные на Синае, стали первым кодексом Израиля. Они основывались на завете, заключенном между Яхве и Его народом, первый пункт которого гласил, что они не должны поклоняться никаким другим богам, кроме Него. Книга, в которой они были записаны Моисеем, называлась Книгой Завета, и ее слова читались вслух собравшемуся народу (Исх. xxiv. 7). Следует помнить, что среди собравшихся были не только израильтяне, но и "смешанное множество" (Числ. xi. 4).

Моисей снова взошел на священную гору, чтобы узнать "образец" скинии, в которой отныне должен был поклоняться Яхве. Она должна была представлять собой шатер, передвигающийся вместе с народом и содержащий все предметы израильского почитания. Главным из них был ковчег завета, над которым возвышалась крышка и два херувима, между которыми восседал Яхве, являя Себя своим поклонникам. В Вавилонии также были свои ковчеги, крышки и херувимы, а Навуходоносор говорит о "сиденье оракулов" в великом храме Вавилона, "где в праздник Загмуку, в начале года, на 8-й и 11-й день восседают бог Бел, а боги неба и земли благоговейно внимают ему, стоя перед ним со склоненными головами".^[203] Херувимы, действительно, были вавилонского происхождения, и их присутствие в скинии кажется несколько несовместимым с запретом на создание резных изображений. Но израильтяне были наследниками древней культуры Западной Азии, и скиния и ее убранство воплощали знакомые формы архитектуры и более древние религиозные представления.

В Египте боги тоже имели свои святилища, хотя обычно это были лодки, которые в дни праздников плавали по священным озерам. Однако ковчеги, как и в Вавилонии, были небезызвестны и содержали изображения богов. Иногда, однако, в Вавилонии и Ассирии ковчег, как и израильский, не имел изображения внутри: например, каменный сундук, найденный г-ном Ормуздом Рассамом во внутреннем святилище маленького храма Балават, содержал две таблицы из алебаstra, на которых были выгравированы летописи царя Ассур-назир-пала. Туземные рабочие, обнаружившие их, естественно, увидели в них две каменные скрижали, которые были аналогичным образом помещены Моисеем в ковчег (Втор. х. 5).^[203]

Параллель между храмами и ритуалами Израиля и Вавилонии действительно близка. Сам храм имел одинаковую квадратную или прямоугольную форму. Внешне он напоминал огромную коробку. Внутри находились передний двор и площадка, а сзади - Святое Святых с алтарем и ковчегом. Однако в вавилонском храме была одна отличительная черта, которой не было в еврейской скинии. Это была большая башня, возвышавшаяся над небом, верхняя ступень которой, казалось, приближалась к богам. В отсутствие башни еврейская скиния совпадала с ханаанскими храмами.

Израильские алтари нашли свой аналог в Вавилонии. Так же, как и стол для хлебов, который стоял в святилищах халдейских божеств. Жертвоприношения и жертвоприношения также были похожи. В Вавилонии было ежедневное жертвоприношение. "трапеза" и жертвы за грех; те же животные, которые приносились в жертву Яхве, приносились и Бэлу; вавилонский поклонник добивался благосклонности своих богов с помощью тех же птиц и тех же плодов поля. Кроме того, масло использовалось для помазания, и в этом ритуал Вавилонии и Израиля отличался от ритуала Египта, где масло не использовалось.^[204]

Контраст между Египтом и Израилем в деталях религиозного служения был столь же велик, как и согласие в этом отношении между Израилем и Вавилонией. Дети Израиля никогда не забывали о своем азиатском происхождении; на протяжении всего своего долгого пребывания в Гошене они сохраняли свою старую культуру и привычки мышления так же крепко, как и свой язык. Между ними и египтянами, напротив, с самого начала существовал

антагонизм. И этот антагонизм был усилен их законодателем, который, естественно, стремился отвлечь их мысли от "плотских горшков Египта" и не допустить их погружения в египетские идолопоклонства. Даже египетская легенда об Исходе свидетельствует об этом.

В одной детали, однако, мы находим аналогию с Египтом. Профессор Хоммель^[205] указал, что нагрудный знак первосвященника, таинственные Урим и Туммим с двенадцатью выгравированными камнями, изображены на груди египетского жреца. Так, Секер-Хабау, первосвященник Мемфиса в эпоху девятнадцатой династии, носит на груди своего рода двойную сеть с четырьмя рядами драгоценных камней, вставленных в нее, каждый ряд состоит из трех камней, попеременно в форме крестов и дисков.^[206] Еврейский нагрудник использовался как оракул, как и льняной эфод, который носили под ним, хотя как по нему предсказывали будущее, мы не знаем. Но в минуты опасности было принято обращаться к нему; и тот факт, что "когда Саул вопрошал Господа, Господь не отвечал ему ни снами, ни уримом, ни пророками", приводится как доказательство того, что он был оставлен своим Богом (1 Цар. xxviii. 6). Как и сам законодатель, он был глашатаем Яхве, и поэтому носил название "нагрудник суда".

Архитекторами скинии и ее украшений из драгоценных металлов были Веселиил из Иуды и Ахолиав из Дана.^[207] Современная критика считает их частью сложного вымысла, предметом которого была скиния. Но этот вымысел был бы слишком сложным, слишком подробным, чтобы его можно было представить. Более того, мы имеем упоминания о скинии или "шатре собрания" в более поздней истории Израиля; и объявить их интерполяциями или продуктами работы того же пера, которое изобрело саму скинию, - это, возможно, легкий способ спасти теорию, но не научный. Насколько точным является описание скинии, насколько оно не было окрашено представлениями более поздней эпохи, - это, конечно, вопрос, который можно задать. Те, кто утверждает, что Пятикнижие по существу восходит к эпохе Моисея, должны, тем не менее, признать, что оно претерпело множество изменений и модификаций, прежде чем обрело свою нынешнюю форму. Но, за исключением редких случаев, невозможно указать эти изменения с той уверенностью, которой требует историк, и поэтому мы должны довольствоваться вероятностью того, что в описании скинии мы имеем пересмотренную версию старой истории.

Спрашивают, как материалы, использованные при строительстве скинии, могли быть получены в пустыне, откуда взялись серебро и золото, бронза и драгоценные камни, богатые вышивки и ткани, окрашенные тирийской краской? Те, кто задает такие вопросы, забыли, что израильтяне не были дикими бедавинами и что они были нагружены добычей из Египта. Как и захватчики, напавшие на Египет в царствование Рамсеса III, они несли с собой при отступлении сокровища своих покойных хозяев. И нам специально говорят, что золото было получено из браслетов, серег и колец, которые были предложены народом и переплавлены.

Именно во время второго отсутствия Моисея, когда перед его мысленным взором раскрывались замысел и форма скинии, его последователи показали, как мало они понимают дух и характер закона, который он пытался им дать. Они считали, что он покинул их, а вместе с его уходом ушло и его религиозное учение. Израильская религия не была медленным развитием: подобно зороастризму, буддизму или христианству, она подразумевает наличие индивидуального основателя, который придал ей отпечаток своей собственной личности. Современные теории, пытающиеся объяснить ее как процесс эволюции, исходят из ложного предположения и, как следствие, приходят к ложным выводам. Ни одна из великих мировых религий не была продуктом эволюции, разве что в косвенном смысле; все они отмечены печатью индивидуализма, и обязаны своим существованием гению или вдохновению отдельного человека. Религии Вавилонии и Египта,

насколько нам известно, были результатами медленного развития; но мозаизм и зороастризм, буддизм и христианство получили не только свои названия, но и свою сущность от отдельных основателей, которые их создали. Мы не можем понять религию Израиля без Закона на ее фоне, и мы не можем понять Закон без личности его Законодателя.

Заявление о том, что Израиль не должен служить никаким другим богам перед Яхве, зависело или не зависело от Моисея, которому Яхве открыл Себя. А Моисей словно растворился среди облаков, окутавших вершину священной горы. Их вождь и его Бог покинули их, и народу требовался другой. Священник Аарон был готов занять место утраченного законодателя и дать им новое божество и новую веру. В конце концов, это была всего лишь древняя вера, вера родственных народов, окружавших их, их собственная вера, более того, во времена, предшествовавшие Исходу. Из их золотых серег был сделан телец, и в нем священник и народ увидели бога, который вывел их из Египта. Аарон провозгласил праздник в честь божества, поклонение которому совершалось с теми же бесстыдными обрядами, что и культ семитского населения Вавилонии, Ханаана и Аравии.

Но в разгар праздника Моисей неожиданно появился вновь. Сыновья Левия сплотились вокруг своего соплеменника и вместе с ним обрушились на восставших против его законов. Некоторые из них были убиты, остальных устрасили, а золотой телец был размолот в порошок.^[208] Аарон был прощен, возможно, потому, что тоже перешел на сторону Моисея, возможно, потому, что был слишком влиятельным или слишком нужным, чтобы его можно было убрать.^[209] Но в гневе на отступничество своего народа Моисей разбил о землю две каменные скрижали, на которых были написаны слова Божьи, и их необходимо было заменить. Поэтому Моисей снова покинул стан и уединился для общения с Яхве на вершине Синай. Были вытесаны две новые каменные скрижали, и с ними он поднялся на гору.

Мы не должны представлять себе тяжелые каменные стелы, какие цари и князья Египта с удовольствием устанавливали в своих гробницах и храмах, или "большую плиту", которую Исаия велел высечь (Ис. viii. 1). Они скорее напоминали небольшие алебастровые плиты, найденные в ковчеге ассирийского храма в Балавате, размером всего двенадцать с половиной дюймов в длину, восемь в ширину и два с половиной дюйма в толщину, и, тем не менее, содержащие длинный и ценный текст. На самом деле это каменные скрижали, вырезанные в подражание глиняным табличкам, которые служили книгами в азиатском мире Исхода, и, как и последние, они, вероятно, были написаны клинописью. О том, что эти знаки использовались для "языка Ханаана", мы знаем по двум печатям эпохи переписки Тель-эль-Амарны, которые сейчас хранятся у М. де Клерка и на которых записаны имена двух сидонцев.^[210] Вероятно, первый черновик Десяти заповедей также был написан клинописью.

Книга Исход заканчивается завершением закона, провозглашенного с горы Синай, и строительством скинии. Отныне Яхве должен был являть Себя Своему народу не среди облаков на горе в пустыне, а в святилище, которое они воздвигли в Его честь. Первый этап в воспитании Израиля был завершен; израильтяне стали народом с национальным Богом и национальным святилищем. Отныне святилище должно было стать центром их религиозной веры, местом, где провозглашался закон и суд Божий, и к которому племена должны были прибегать, чтобы просить у Него совета. Скиния, хотя и кочевая, как и сами племена, заняла место "горы Божьей", и с закона Левит начинается новая книга Пятикнижия.

Мы не должны полагать, что это законодательство дошло до нас из эпохи Моисея без дополнений и изменений. Такое убеждение противоречило бы истории других религиозных сводов законов, да и вообще исторической вероятности. Как изречения древнееврейских пророков изменялись или расширялись в зависимости от обстоятельств сменяющих друг

друга эпох, к которым они относились, так и Моисеево законодательство должно было подвергнуться пересмотру и расширению. Законы и правила, которые подходили для жизни в пустыне, нуждались в адаптации к изменившимся условиям жизни в Ханаане; племена, только что вышедшие из рабства в Египте, требовали иного руководства, чем народ завоевателей; и детали законодательства, адаптированного к периоду Моисея, были бы совершенно непригодны для периода Судей и тем более Царей. Что касается изменений и модификаций, которые неизбежно должны претерпевать все институты в этом мире, то Моисеево законодательство имело свойство расти. Но менялась форма и детали, а не суть законодательства. Дух и представления законодателя слишком прочно запечатлелись в нем, чтобы когда-нибудь быть стертыми. Повторение одного и того же закона в различных формах и путаное расположение многих из них, действительно, может свидетельствовать о том, что к его созданию приложили руку другие, но по сути и происхождению они остаются его. Книга Левит, как бы она ни была модернизирована, все же восходит к эпохе Моисея.

Даже в эпоху Моисея многие из ее предписаний не были новыми. Мы находим их параллели в Вавилонии и Ханаане, и они, несомненно, уже давно были в числе неписаных установлений Израиля. Но Моисей дал им новую санкцию и новую адаптацию. У израильтян должны были быть священники, как и у окружающих их народов; но именно Моисей определил священнический характер сыновей Аарона и посвятил свое собственное племя на служение Яхве. Если Яхве был национальным Богом Израиля, то Он также был в особом смысле племенным Богом Левия.

Мы еще слишком мало знаем о деталях вавилонского ритуала, чтобы сравнивать его с религиозными институтами Израиля. Однако мы знаем, что в нем были представлены мирные жертвы и жертвы за преступления, предусмотренные Моисеевым законом, что даже жертвы за падаль нашли в нем свой аналог, и что торжественные посты и дни искупления соблюдались в Вавилонии и Ассирии так же, как и среди израильтян. В Вавилонии также проводилось различие между чистыми и нечистыми животными, и, как и в Израиле (Лев. xxi. 17-23), никто из увечных или больных не допускался к служению богам. Очищение водой, кроме того, играло в вавилонском ритуале ту же роль, что и в ритуале израильтян, а для поддержания службы в храмах взималась десятина.

Подобные правила преобладали и в Ханаане, о чем мы можем узнать из финикийских жертвенных тарифов, найденных в Карфагене и Марселе. Оба документа изуродованы, но недостающие фрагменты одного из них в значительной степени могут быть восполнены из другого. Текст, полученный таким образом, выглядит следующим образом:-

В храме Ваала должен соблюдаться следующий тариф приношений, который был предписан во времена судьи... - Ваала, сына Бод-Танита, сына Бод-Ашмуна, и во времена Халзи-Баала, судьи, сына Бод-Ашмуна, сына Халзи-Баала, и их товарищей. За быка в жертву полную, будь то жертва молитвенная или жертва благодарственная, священники должны получить по десяти сиклей серебра за каждого зверя, а если это жертва полная, то священники должны получить сверх того триста сиклей веса плоти. А за молитвенное приношение они получают кроме мелких суставов (?) и жаркого (?), но кожа, и окорока, и ноги, и остальная плоть должны принадлежать приносящему. За быка, у которого есть рога, но который еще не обломан и не сделан для служения, или за барана, как за полную жертву, будь то молитвенная жертва или полная благодарственная жертва, священники должны получить по пяти сиклей серебра за каждое животное, а если это будет полная жертва, то они должны получить сверх того сто пятьдесят сиклей веса плоти; а за молитвенную жертву мелкие суставы (?) и жаркое, а кожа, и окорока, и ноги, и остальная плоть должны принадлежать приносящему. За овцу или козу в жертву полную, будь то жертва молитвенная или жертва

благодарственная, священники получают один сикль серебра и два *зара* за каждого зверя; а при жертве молитвенной они должны иметь сверх того мелкие суставы (?) и жаркое (?), но кожа, и окорока, и ноги, и остальная плоть должны принадлежать приносящему. За ягненка, или козленка, или олененка в полную жертву, будь то молитвенная жертва или полная благодарственная жертва, священники получают три четверти сикля серебра и два *зара* за каждого зверя; а в случае молитвенной жертвы они должны иметь кроме этого мелкие суставы (?) и жаркое (?), но кожа, и окорока, и ноги, и остальная плоть должны принадлежать приносящему. За птицу, дикую или прирученную, в жертву полную, будь то *шецеф* или *хазут*, священники получают три четверти сикля серебра и два *зара* за каждую птицу, и [кроме того] некоторое количество плоти. За птицу, или за приношение первенца животного, или за трапезу, или за приношение с елеем священники должны получить по десяти золотых за каждого..... За всякое молитвенное приношение, приносимое богам, жрецы должны получать мелкие суставы (?) и жаркое (?); а за молитвенное приношение ... за пирог и за молоко и жир, и за всякое приношение, приносимое без крови..... За всякую жертву, приносимую бедным человеком скотом или птицей, священники не должны брать ничего..... Запрещается всякое прокаженное, или чесоточное, или худое, и никто из приносящих не должен вкушать крови мертвых. Тариф на каждое приношение должен быть согласно тому, что предписано в этом издании..... Что касается всякого приношения, которое не предписано в этой таблице и которое не совершается по правилам, изданным во времена ... - Баала, сына Бод-Танита, и Бод-Ашмуна, сына Халзи-Баала, и их товарищей, то каждый священник, который примет приношение, не входящее в число предписанных в этой таблице, должен быть наказан..... Что же касается имущества приносящего, который не исполнил долг за свое приношение, то [оно должно быть отнято у него]".

Общее сходство между этими правилами и правилами левитского закона очевидно. В обоих случаях мы имеем дело с одинаковыми жертвами и приношениями: бык, овца и козел, ягненок и ребенок, птицы и лепешки, мука и масло. Священникам полагались серебряные сикльеры, как и серебряные сикльеры святилища, взимаемые в определенных случаях с израильтян (Лев. ст. 15, xxvii. 25), а кровь и жир должны были приноситься в жертву богам. О нуждах бедняков помнили, как и в левитском законе (Лев. ст. 7, xii. 8, xiv. 21), и все "прокаженное, или чесоточное, или худое" запрещалось приносить к жертвеннику. Первенцы могли быть востребованы Ваалом так же, как и Яхве, и жертвователю не разрешалось вкушать кровь убитого зверя (ср. Лев. vii. 26, 27). Полные жертвы" по финикийским тарифам означают, что вся жертва отдавалась богам, и соответствуют жертвоприношениям всесожжения по Моисееву кодексу. К сожалению, мы не можем точно определить значение слов, обозначающих части животного, которые причитались жрецам, и, следовательно, не можем быть уверены, или нет, что они соответствуют груди и плечу мирной жертвы, которые по левитскому законодательству полагались сыновьям Аарона (Лев. vii. 33, 34).

Верно, что тарифы Карфагена и Марселя относятся к позднему периоду. Но в них воплощены правила и обычаи, которые были общими для семитского мира Западной Азии, как мы можем понять из сравнения их с ритуалом Вавилонии, и которые, следовательно, должны были быть - по крайней мере, по существу - очень древними. Из этого факта следуют два вывода. С одной стороны, левитское законодательство не могло быть изобретением эпохи экилитов, как полагают некоторые авантюрные критики; с другой стороны, оно основано на обычаях и идеях, которые, должно быть, были распространены в Израиле задолго до рождения Моисея. Еврейский законодатель лишь развивал, изменял и определял существующие обряды; Левитский кодекс - это не новое творение, а свод религиозных и ритуальных законов, который был сформирован сознательно и с индивидуальными усилиями

на основе более древних обычаев и привычек мышления. Несомненно, есть законы и правила, которые были непосредственным творением законодателя; время от времени возникали новые случаи, для которых требовалось специальное законодательство, и примером тому служат случаи Надава и Авиху (Лев. х. 1-3), сына Шеломиф и египтянки (Лев. xxiv. 10-16) и дочерей Зелофеада (Чис. xxvii. 1-11). Предполагать, что подобные дела возникли на основе законов, которые они иллюстрировали, а не наоборот, - это необоснованное предположение, которое опровергается историей современного европейского права.^[212]

Вопрос о том, были ли День искупления, Праздник труб в первый день каждого седьмого месяца и Юбилейный год также новыми творениями Законодателя, может быть поставлен под сомнение. Особое законодательство, связанное с ними, а также их связь с Исходом из Египта, безусловно, были свойственны Левитскому кодексу, но то же самое можно сказать и о трех более древних праздниках семитского календаря. Они тоже были проиллюстрированы событиями израильской истории, и для их соблюдения были установлены новые правила. День искупления, однако, имел свой аналог в Вавилонии и Ассирии. Там также в периоды опасности или бедствий предписывались дни унижения и поста, возносились молитвы и жертвы богам, чтобы они простили грехи народа. Когда в начале правления Эсар-Хаддона Ассирии угрожало нашествие киммерийцев, жрецы провозгласили "религиозные таинства и священные дни" на "сто дней и сто ночей", а бога солнца просили снять грехи с его поклонников.^[213] И снова, после подавления вавилонского восстания, Ассур-бани-пал говорит нам, что "по повелению пророков я очистил их святилища и убрал их улицы, которые были осквернены. Их гневных богов и разгневанных богинь я утихомирил молитвами и покаянными песнопениями. Их ежедневные жертвоприношения, которые были прекращены, я восстановил в мире и установил, как было прежде". Праздник труб напоминает нам о том, что в Вавилонии первый день каждого месяца считался субботой, а вавилонская аналогия еще больше проявляется в случае с праздником Пятидесятницы, который отмечается "на следующий день после седьмой субботы", после принесения первых плодов. Эта "седьмая суббота" - вавилонская суббота, 19-го числа месяца, через сорок девять дней после первой субботы предыдущего месяца. Юбилейный год был вавилонским учреждением глубокой древности. Из классических писателей^[214] мы узнаем, что раз в год в июле в Вавилоне проводился праздник Сакеа, когда раб менялся местами со своим хозяином и в течение пяти дней жил и был одет как свободный человек. Теперь мы можем перенести историю этого института в эпоху третьей династии Ура. Гудеа, верховный жрец Лагаса, 2700 г. до н. э., сообщает в своих надписях, что, закончив строительство храма Э-нинну, он устроил праздник; и "в течение семи дней не требовалось никакого повиновения; женщина-рабыня стала равной своей госпоже, а мужчина-раб - равным своему господину; подданный стал равным начальнику; и все дурное было удалено из храма".

Юбилейный год, очевидно, был всего лишь адаптацией и усовершенствованием одного из древнейших институтов вавилонской культуры. Утверждать, что вместе с другими священными днями Левитского кодекса он был заимствован из Вавилонии в эпоху изгнания, значит утверждать то, что не только не может быть доказано, но и в высшей степени невероятно. В эпоху изгнания Вавилония стала для евреев вторым Египтом, и религиозная партия среди них с отвращением относилась ко всему вавилонскому. Праздники, посвященные "Бэлу и Нево", обряды, связанные с поклонением вавилонским богам, были последним, что мог перенять или адаптировать благочестивый еврей. Более того, теперь мы знаем, что культура, которая была перенесена из Халдеи на запад задолго до периода Исхода, включала в себя богов и священные обряды вавилонян. Такая характерная черта, как

"праздник Сакеи", или дни молитв и унижений ради "снятия греха", не была забыта, когда Ану и Молох, Ашторет и Нин-ип прокладывали свой путь в Ханаан.

В Левитском кодексе есть отрывки, которые очень отчетливо напоминают Египет. Так, брак с сестрой, будь то родная или сводная сестра, запрещен (Лев. xviii. 9). Это было одно из "дел земли Египетской" (Лев. xviii. 3), которое было освящено там как гражданским, так и религиозным законом и оставалось в силе вплоть до римского завоевания. Также запрещалось наносить татуировки на плоть, брить голову или рвать плоть мертвым (Лев. xix. 27, 28, xxi. 5), и все эти обычаи до сих пор распространены в долине Нила. Но в целом примечательно, насколько полностью игнорируется Египет. Моисеево законодательство, кажется, намеренно закрывает глаза на все египетское и, где только возможно, принимает постановления, которые молчаливо противоречат или отменяют верования и обычаи Египта. Даже доктрина воскресения, как давно заметил епископ Уорбертон, тщательно скрывается от глаз. Нет ни одного упоминания о нем, ни одного признака того, что послушание законам Яхве принесет израильтянину пользу в каком-либо другом мире, кроме этого. При любой теории о возрасте и авторстве Левитского закона такое молчание поразительно. Действительно, если закон относится к эпохе вавилонского изгнания, то молчание будет более чем примечательным, поскольку учение о будущей жизни и силе бога Меродаха воскрешать мертвых было прочно утверждено среди вавилонян на протяжении многих веков. Вера в воскресение или, во всяком случае, в жизнь за пределами могилы не могла не проявиться в атмосфере изгнания. Однако для тех, у кого за спиной был египетский дом рабства и кто опасался, как бы племена в пустыне снова не возжелали плотских горшков и зеленых пастбищ Дельты, молчание было вполне объяснимо. Это учение было тесно связано с египетским идолопоклонством, с Осирисом и Анубисом, с оценщиками мертвых, и с изображенным на египетских памятниках многобожием.

Левитское законодательство сопровождалось переписью народа. Вопрос о том, какое доверие мы должны оказывать переданным цифрам, вызывает много споров. С одной стороны, было показано, что предполагаемая ими огромная толпа не могла передвигаться по пустыне, как это представляется, и что многие предписания Левитского кодекса не могли быть выполнены при численности кочевников более двух миллионов человек.^[216] С другой стороны, 600 000 мужчин старше двадцати лет, которые были "способны идти на войну", указываются снова и снова, и это же число подразумевается во всех расчетах, которые делаются в отношении численности Израиля. Это также сумма чисел, присвоенных воинам отдельных колен. На протяжении всей истории шифры согласуются друг с другом. Если число преувеличено, то это преувеличение, которого последовательно придерживались. Мы должны либо принять его, либо поверить, что оно относится к искусственной системе, созданной с преднамеренным умыслом. Но то же самое можно сказать и о хронологии первых патриархов, и о хронологии царей Израиля и Иуды, и в обоих случаях мы знаем, что система ошибочна. В случае с хронологией первых патриархов, действительно, существует по крайней мере три конкурирующие системы, все одинаково полные и самосогласованные, в то время как хронология царей включает в себя такие безнадежные анахронизмы, что историки уже давно отвергли ее. Трудности, связанные с переписью израильтян в пустыне, схожи по характеру с анахронизмами хронологии царей, и те же причины, которые заставляют нас отвергать одну из них, должны в равной степени побудить нас отвергнуть и другую.

Тем не менее, хронология царей не является полностью ошибочной. Длительность правления нескольких царей обычно правильная. Ошибается только система, в которую она была вписана. Вероятно, так же обстоит дело и с нумерацией колен Израилевых. Возможно,

8580 левитов и 22 273 первенца являются подлинными, а увеличение населения на 3550 человек (Исх. xxxviii. 26; Числ. i. 46) через несколько месяцев после бегства из Египта и его уменьшение на 1820 человек в конце странствий (Числ. xxvi. 51) опираются на фактическую основу. Даже традиционное число в 600 000 человек может иметь больше оснований, чем то, что оно кратно вавилонскому *сосс* и *нер*.^[217] Возможно, первоначально оно представляло собой всю массу беглецов из Египта.

Во всяком случае, некоторый свет на этот вопрос может пролить сравнение цифр, приведенных в Пятикнижии, с цифрами ливийцев и их союзников, зафиксированными в надписи Менептаха. Из ливийцев было убито 6365 человек и 230 (в том числе 12 женщин) взято в плен; из их союзников 2370 человек пали на поле боя, 9146 попали в плен, а у Максия было отнято не менее 9111 бронзовых мечей. Из истории битвы мы узнаем, что мало кто из врагов спасся, если вообще кто-либо спасся. Таким образом, общая численность сражающихся не превышала 25 000 человек. И все же это было одно из самых грозных войск, вторгшихся в Египет, и его мужское население не было уничтожено тиранией египетского царя. С другой стороны, население в 2 000 000 человек в земле Гошен немыслимо, а в восточной Дельте вряд ли нашлось бы место для 600 000 трудоспособных каменщиков. Канал Свит-Уотер рыли всего 25 000 феллахов, хотя на канале Махмудии трудились 250 000, а для рытья Суэцкого канала в течение нескольких лет ежемесячно присылали 20 000 новых рабочих. Более того, даже в пустыне египтянам требовалось значительное количество войск для охраны крепостных или каторжников, которые работали на них. Например, в Хаммамате в правление Рамсеса IV 2000 рабынь храмовников, которые занимались перевозкой камня, сопровождали 5000 солдат, 800 наемников и 200 офицеров; а провизию для этого большого количества людей везли через пустыню в десяти повозках, каждую из которых тянули шесть пар волов и нагружали хлебом, мясом и лепешками.^[218] Для 600 000 израильтян не хватило бы и всей египетской армии. Согласно Манефо, гиксосы, когда их изгнали из Египта, насчитывали в общей сложности не более 240 000 человек.

Поэтому мы не можем рассматривать дошедшие до нас цифры как точные. Обитатели израильского стана, постоянно находившиеся под личным наблюдением Моисея и постоянно собиравшиеся перед скинией, не могли быть очень многочисленной группой людей. Если бы численность воюющего населения была хоть сколько-нибудь похожа на указанную, не было бы необходимости избегать "пути в землю Филистимскую", чтобы народ не "видел войны", или сомневаться в исходе битвы при Рефидиме с племенами Бедавина.

На следующий год после бегства из Египта Синай, "гора Божья", остался позади. Служение, которого требовал Яхве, было совершено, законодательство, открытое там, было завершено, скиния и ковчег были сделаны. Отныне у Израиля был другой религиозный центр, нежели священная гора в пустыне, которая теперь выполнила свою роль в религиозном обучении колен. Ханаан, а не пустыня, был сужденным домом для потомков Иакова, и в Ханаан их должны были сопровождать ковчег и скиния.

Соответственно, направляющий облачный столб переместился из пустыни Синай в пустыню Паран (Числ. x. 12). Это согласуется с остальной ветхозаветной географией. В благословении Моисея (Втор. xxxiii. 2) говорится, что когда Бог пришел с Синая, "Он воссиял с горы Паран", а в книге Аввакума (iii. 3) гора Паран занимает место самого Синая. На самом деле Паран - это пустыня, которая была не только южной границей Ханаана, но и западной границей Эдома. Таким образом, реальная гора Синай в еврейской географии находилась на границе Эдома; а поскольку Паран был домом Измаила (Быт. xxi. 21), неудивительно, что Исав взял в жены одну из дочерей Измаила (Быт. xxxvi. 3).

Однако не успели мы покинуть Синай, как мадианитянин Ховав, зять Моисея, предложил вернуться в свою землю. Синай примыкал к Мадиаму, если вообще не входил в территорию мадианитян, и поэтому мадианитянскому вождю было необходимо покинуть израильский лагерь. Но его знание местности было слишком ценным, чтобы его потерять, и Моисей убедил его остаться с израильскими племенами и указать им места, где они должны были разбить лагерь. Впоследствии кениты вели свое происхождение от него (Иуд. i. 16, iv. 11), а скалистое гнездо кенитов было видно с высот Моава, возможно, в самой Петре (Числ. xxiv. 21).

Последующие географические детали запутаны. В маршрутном листе (Numb. xxxiii. 15, 16) лагерь сразу переносится из пустыни Синая в Киброт-Хаттааву. Однако в повествовании нам говорят, что сначала люди прошли "три дня пути", затем отдохнули в Табере, которая, по-видимому, отождествляется с Киброт-Хаттаавой; оттуда они отправились в Хазерот, а затем поставили свои шатры "в пустыне Паран". С другой стороны, книга Второзакония (ix. 22) различает Таберу и Киброт-Хаттааву, а также помещает между ними Массу, которая, согласно Исх. xvii. 7, был посещен до Синая. Если следовать официальной записи, то следует предположить, что инцидент, связанный с Таберой, был вставлен не в то место, или же Табера и Киброт-хаттаава, как Масса и Мерива, - одно и то же. В любом случае, все эти лагеря должны были располагаться на окраине пустыни Паран. Хазерот, "загоны", было общим названием для лагерей Бедавина в пустыне к югу от Иуды, и Хазерот, упомянутый здесь, несомненно, тот, о котором мы читаем в Втор. i. 1. Он находился недалеко от Парана на границах равнин Моава.

Говорят, что Табера получила свое название от огня, в котором сгорели некоторые жители, а Киброт-Хаттаава - от "могил" ропотников, умерших от избытка перепелов. Подобные перелеты перепелов до сих пор происходят в египетской дельте ранней весной, когда небо иногда омрачают мириады птиц. Хазерот запомнился восстанием Аарона и Мириам против своего брата Моисея и наказанием, которое в результате пришлось вынести пророчице Мириам. Авторитет Моисея оспаривался из-за того, что он женился на эфиопке. Это единственный отрывок в Пятикнижии, где упоминается эта "кушитская" жена; в других местах мы слышим только о мадианитянке Сепфоре. Но это указывает на традиционные воспоминания о тех днях, когда Моисей был еще Мессу, египетским принцем, и когда он, как и другой Мессу, его современник, мог быть египетским правителем Эфиопии.^[219] Возражения против эфиопской жены не встретили возражений со стороны Аарона, чей внук носил египетское имя Финеас, Пи-нехаси, "негр". Но Яхве заявил, что кушитское родство Моисея не является препятствием для того, чтобы он был истинным слугой Бога Израиля и божественно назначенным вождем племен. Яхве открыл ему Свою волю открыто, как бы лицом к лицу, а не в видениях и снах, как другим пророкам.

В самом сердце пустыни Паран находилось почтенное святилище Кадеш-Барнеа. За много веков до этого армия Хедор-Лаомера пронеслась через него, истребив его амаликитян и испив воды Эн-Мишпата, "источника суда", где шехи пустыни давали законы своему народу. Его местоположение было вновь обнаружено в наши дни доктором Джоном Роулэндсом и доктором Клеем Трамбуллом.^[220] Источник чистой воды, наполняющий оазис жизнью и зеленью, до сих пор называется "Айн-Кадис", "Источник Кадеша". Он вытекает у подножия известняковой скалы, в которой в ранние времена была вырублена двухкамерная гробница, в котловине амфитеатра холмов. Эти холмы образуют горную глыбу, занимающую центральную часть пустыни, посередине между Эль-Аришем и горой Хор, и более чем в сорока милях к югу от Себайты, предполагаемого места расположения Хормы.

Кадешу, "святылищу", суждено было стать вторым местом отдыха и сценой израильского законодательства. Здесь была завершена работа, оставшаяся незавершенной на Синае. Воля Яхве, впервые провозглашенная на вершине горы, теперь должна была быть более полно раскрыта в мягком окружении оазиса в долине. Синай и Кадеш-Барнеа были двумя школами пустыни, в которых проходил обучение Израиль.

Но у Кадеш-Барнеа были и другие преимущества. Он находился на большой дороге из пустыни в Ханаан, контролировал подступы к последней стране, и, тем не менее, в пределах его скалистых барьеров израильтяне были в безопасности от нападения. Поэтому именно здесь, в Кадеш-Барнеа, были сделаны первые приготовления к вторжению в Палестину. Двенадцать разведчиков были посланы в Египет, чтобы исследовать землю и принести отчет о ее обороноспособности. Они дошли до Хеврона,^[221] где, согласно народной этимологии, долина Эшколь получила свое название от виноградной грозди, которую они там срезали.^[222] Но отчет, с которым они вернулись, был неутешительным. Аморреи были высоки и сильны; рядом с ними сыны Израиля казались кузнечиками, а города, в которых они жили, были "очень велики" и обнесены стенами, как бы до небес. Глупо было пустынным племенам мечтать о штурме этих городов; для этого потребовалась бы дисциплинированная армия фараона с колесницами, лошадьми и машинами для взлома стен. Мы не сможем выступить против народа, - заявили они, - ибо он сильнее нас".

На этом все обещания Моисея закончились. Земля обетованная была в поле зрения, а они были исключены из нее навсегда. "Давайте сделаем другого капитана", - кричали они, - "и вернемся в Египет". Вождь, который привел их так далеко, потерпел неудачу на самом пороге их цели. Гиксосы, покинув Египет, нашли убежище в Ханаане, но бесплодные пустоши пустыни - это все, на что могли рассчитывать израильтяне. Неудивительно, что в стане израильтян вспыхнуло восстание, а сторонникам Моисея угрожали побить камнями.

Но опыт вскоре показал, что израильские племена пока не могут сравниться с народом, чьи владения они хотели захватить. Несмотря на донесения соглядатаев, они взобрались на утес, образующий северную границу оазиса, и попытались силой пробиться за пределы Ханаана. Но их враги оказались сильнее. Когда Сети I напал на пограничную крепость Ханаана, расположенную неподалеку от Хеврона, он обнаружил, что ее защищают шасу или бедавины, так и израильтяне теперь оказались лицом к лицу не только с ханаанеями, но и с их союзниками амаликитянами или бедавинами. Нападавшие были полностью разгромлены и "отброшены даже до Хормы".

Хорма более известен как Сефат (Суд. i. 17), и его местоположение следует искать к югу от Телль-Арада. Это был один из городов Палестины, который, как утверждает Тотмес III, был захвачен, и он лежал к южному концу Мертвого моря, на пути к Хазезону Фамарь (Быт. xiv. 7). Упоминание о нем дает понять, что вторжение израильтян в Ханаан было серьезной попыткой. Захватчики шли по той же военной дороге, что и Хедор-Лаомер, и проникли вплоть до горной страны, которая впоследствии стала Иудеей. Но дальше им продвинуться не удалось, и их разбитые останки, должно быть, с трудом вернулись в крепость Кадеш. Первая попытка завоевать Палестину провалилась.^[223]

Эта катастрофа никогда не была забыта. Прошло несколько лет, прежде чем израильтяне вновь попытались пересечь ханаанскую границу, а когда они это сделали, то уже с другой стороны. Должно было вырасти новое поколение, чтобы они смогли возобновить атаку; более того, вероятно, что большинство бойцов погибло во время предыдущей экспедиции. Когда, наконец, Израиль вновь почувствовал в себе силы идти на Ханаан, уже владел землей

к востоку от Иордана, но его великий "капитан" и законодатель был мертв. Израильская история нашла своего лидера в завоевании Палестины не в Моисее, а в Иисусе Навине.

История периода, последовавшего за катастрофой, не оставила ничего достойного упоминания. Основные события жизни в пустыне уместились в первые несколько месяцев странствий. Но именно в этот более поздний период возникли проблемы с соплеменниками Моисея, левитами. Это снова был вопрос власти. Демократический дух израильтян возмущался претензиями на высшую власть; и как Аарон и Мириам оспаривали власть Моисея, так теперь левиты оспаривали власть Аарона. Это был спор, который, если верить современной критике, продолжался и в последующей еврейской истории, когда он закончился, как и в пустыне, триумфом первосвященника.

Аарон и его сыновья, как и Моисей, с самого начала были левитами и как таковые, несомненно, не претендовали на высшую святость и власть. Но обстоятельства поставили их во главе своего колена; и когда это колено стало служителем святилища, Аарон и его потомки неизбежно заняли главное место в его служении. Они были в особом смысле хранителями ковчега и, таким образом, одни имели право входить в Святое Святых, где Яхве являл Себя над херувимами. Пока существовало только одно святилище, легко было поддерживать различие между священником из дома Аарона и обычным левитом. Но с завоеванием Ханаана все изменилось. Святилища множились по всей земле; старые возвышенности становились местами поклонения Яхве, и возникали соперничающие центры религиозной власти, как, например, центр Ваал-берита в Сихеме или центр искусно созданных изображений в Дане (Суд. xviii. 14 и др.). Местные храмы или скинии заняли место одного, освященного присутствием ковчега, и линия Аарона отошла на второй план. В эпоху национальных бед и распада, предшествовавшую воцарению Саула, характер самого первосвященнического рода во многом способствовал утрате его власти и влияния. Илай, его представитель в Шилохе, был стар и немощен, а его сыновья пошли наперекор Моисееву закону, который требовал, чтобы часть жертвы Яхве сжигалась на алтаре до того, как священники получат свою долю, и таким образом они сделали "жертву Господню" "отвратительной". Захват ковчега филистимлянами и резня священников в Нобе по приказу Саула завершили распад первосвященнической власти; а когда при Соломоне был построен Иерусалимский храм, служителями в нем была назначена новая ветвь рода Аарона, и его потомки стали не более чем наследственными придворными капелланами. Сомневались даже, существовал ли при царях какой-либо первосвященник, правильно называемый так; если и существовал, то он был лишен власти и положения, которые давал ему левитский закон.

Однако вывод, который иногда делают современные критики, о том, что поскольку священники храма Соломона больше не были первосвященниками Пятикнижия, то, следовательно, таких первосвященников вообще не было, противоречит свидетельствам археологии. Монументальные находки открыли тот факт, что среди семитских родственников израильтян, а также в Халдее первосвященник предшествовал царю. Не говоря уже о *патесисах* или первосвященниках вавилонских городов, которые осуществляли царскую власть в пределах своих территорий, подобно папам в пределах Романьи, самые ранние правители как Ассирии, так и Сабы или Шебы в Южной Аравии были первосвященниками. Ассирийские цари следовали за первосвященниками бога Ассура, а макарибы, или "первосвященники" Сабы, появились раньше царей. Израиль также пережил подобный опыт. Израильские цари появились на сцене древнееврейской истории сравнительно поздно, а Саулу предшествовал первосвященник Илий.

В книге Второзакония, правда, мы не находим того различия между "священниками, сынами Аарона" и остальными левитами, которое проводится в левитском законе. Здесь все священники одинаково называются левитами; не "священники, сыновья Аарона", а "священники-левиты", которые назначены исполнять высшие обязанности в святилище. Насколько эта фразеология обусловлена разным пониманием Моисеева закона или насколько она свидетельствует о более древнем использовании языка - вопрос, который нас не касается; важно отметить, что разница в выражениях носит лингвистический, а не исторический характер. Исторически все священники были левитами, хотя с самого начала некоторые из них должны были занимать более высокое положение, чем другие, и на них возлагались более священные функции. Левитский закон проводит различие, которое книга Второзакония проводит не так тщательно. На самом деле, в случае с ретроспективой Второзакония в этом не было такой необходимости.

Скиния была построена, службы в ней организованы, разряды и обязанности служителей определены. Теперь, разочаровавшись в своих надеждах на вторжение в Ханаан с юга, израильтяне спокойно обосновались в Кадеше, в самом сердце пустыни Зин, и постепенно превратились в сильную и сплоченную общину. Именно здесь, у вод Эн-Мишпата, было завершено законодательство Моисея, и недисциплинированная орда беглых крепостных из Египта превратилась в грозную группу воинов, объединенных общей религией и культом и постоянно укрепляющих уверенность в своих силах.^[224]

Как долго израильтяне оставались в своей пустыне, мы не знаем. Наступило время, когда они снова возобновили свои скитания, или, во всяком случае, часть из них должна была это сделать. В книге "Путеводитель" (Числ. xxxiii) приводится длинный список их стоянок, прежде чем они снова оказались в оазисе Кадеш. Одним из мест, где они отдыхали, была гора Шафер, другим - Мосерот, о котором мы слышим в книге Второзакония (х. 6). Мосерот находился на территории хоритского племени Бени-Яакан,^[225] и именно от Беерота или "колодца" Бени-Яакана - Хашмоны, как он называется в "Маршруте", - они проделали свой путь к нему.

В Мосере или Мосероте, согласно Второзаконию, Аарон умер, и его сменил на этом посту его сын Елеазар. Это утверждение, однако, нелегко согласовать с тем, что мы находим в книге Чисел. Там говорится, что смерть первосвященника произошла на вершине горы Хор после ухода из Кадеша.^[226] Тот факт, что Гудгод также назывался Хор-хагидгад, "гора расщелин", мог послужить причиной переноса.

Но следует помнить, что Кадеш был всего лишь штаб-квартирой Израиля во время томительных лет ожидания в пустыне. Скупые сведения о неудачном вторжении в Южную Палестину показывают, что там оставался только лагерь в целом. Подобно современным бедавинам, часть племен совершала дальние походы, и "Маршрутный лист" может относиться скорее к их лагерям, чем к стационарному пребыванию части народа. Кадеш был своего рода центром, из которого можно было отправлять части основной массы для обхода границ Сеира и Эдома или для стоянки у подножия Эцион-гебера на Ям-Суфе.

В книге Чисел (xxi. 14, 15) есть цитата из "Книги войн Господних", одного из древних документов, на которых основана история Израиля в пустыне. Вступительные слова невразумительны сами по себе, что свидетельствует о древности отрывка; все, что можно из них понять, - это то, что они относятся не только к борьбе Израиля с аморреями у "ручьев Арнона", но и к предыдущей войне, которую израильтяне вели "в Суфе", у залива Акаба.^[227] Здесь израильтяне оказались бы на границах Эдома, если бы не находились в самом Эдоме; поэтому примечательно, что египетский фараон Рамсес III, чье правление совпало с

периодом странствий израильтян по пустыне, заявляет, что он "поразил племена Шасу (или Бедавин) в Сеире и разграбил их шатры" (*ohélu*). Рамсес III был единственным фараоном Египта, который осмелился напасть на эдомитских бедавинов в их горных крепостях; в то время как Ханаан и плоскогорье к востоку от Иордана были египетскими провинциями, жители горы Сеир сохранили свою независимость. Поэтому синхронность этой египетской экспедиции против не только эдомитян, но и "бедавинов Сеира" и войны, в которую был вовлечен Израиль "в Суфе", по крайней мере, заслуживает внимания. Возможно, частью подготовки израильтян в пустыне к будущему завоеванию Ханаана была помощь, которую они оказали своим сородичам из Эдома в борьбе со старыми наставниками еврейских племен.

Как бы то ни было, из трех вождей, выведших Израиль из дома рабства, только Моисей пережил долгое пребывание в Кадеше. Мириам умерла там; смерть Аарона, если верить Второзаконию, также произошла до окончательного ухода из великого святилища в пустыне. В любом случае, это произошло в виду Кадеша и до начала похода, который должен был привести израильские племена в Землю Обетованную. Настало время, когда Израиль вновь почувствовал себя достаточно сильным, чтобы предпринять попытку завоевания; на этот раз не по дороге через горы юга, по которой Хедор-Лаомер шел в Кадеш, а с плоскогорья к востоку от Иордана, где уже обосновались родственные народы Моава и Аммона. Здесь же израильтяне создали свои первые постоянные поселения на земле, которую они выделили для себя.

Ханаанское население к востоку от Иордана было немногочисленным и слабым по сравнению с западным. Оно было еще более ослаблено иноземными завоеваниями. Между падением Египетской империи и вторжением израильтян аморреи под предводительством Сигона образовали царство и заняли территорию Моава к югу от Арнона. Как и в эпоху восемнадцатой династии, так и при царях девятнадцатой династии власть Египта распространялась на территорию, которая в одной из табличек Тель-эль-Амарны называется "полем Башана". Так называемый Сахрет Эйюб, или "Камень Иова", немного севернее Телль-Аштереха, к востоку от Иордана, был обнаружен доктором Шумахером как памятник Рамсеса II.^[228] На нем выгравирована фигура фараона с его именем рядом, а также фигура божества, носящего корону Осириса и представленного с полным лицом, а его ханаанейское имя написано иероглифами.^[229] В Луксоре^[230] Рамсес называет Моав в числе своих завоеваний, и мы можем предположить, что до времени Исхода власть Египта была восстановлена во всей стране к востоку от Иордана. Но ливийское нашествие пошатнуло силы Египта, и задолго до конца правления девятнадцатой династии его владения в Палестине отошли к нему навсегда. Именно к этому периоду Пятикнижие относит царство Ога в Башане и завоевания Сигона в Моаве, и библейские и монументальные свидетельства полностью совпадают.

Моисей попросил у эдомитского царя разрешения пройти через его владения. Песнь Моисея (Исх. xv. 15) все еще говорит об *алуфимах*, или "князьях" Эдома, которые первоначально управляли этой страной; но пока израильтяне оставались в пустыне, "князья" уступили место выборной монархии. Возможно, к этому привел распад египетской державы; возможно, вторжение Рамсеса III на гору Сеир привело к тому же результату в Эдоме, что и нашествие филистимлян на израильтян, и заставило их избрать царя. В любом случае, первым царем Эдома, как мы читаем, был "Бела, сын Беора". Однако Бела - это всего лишь уменьшительная

форма имени Валаам, и в первом эдомском царе мы должны видеть Валаама, сына Беора. Какое отношение он имел к пророку из Петора, мы рассмотрим позже.^[231]

Неудивительно, что эдомитский царь отказал в просьбе, с которой к нему обратились. Впустить в свои пределы такую большую группу эмигрантов, как израильтяне, многие из которых были вооружены, могло быть так же опасно, как проход крестоносцев через Восточную империю оказался опасен для Константинополя. Израильтяне не были достаточно сильны, чтобы силой проложить себе путь через враждебную страну, и поэтому с большой неохотой они снова повернули на юг, к Акабскому заливу, а оттуда двинулись на север, к востоку от Эдома. Их путь привел их в юго-восточную часть Моава.

Народ, как нам рассказывают, горько жаловался на длину "пути". В этом не было ничего странного. Земля обетованная, постоянно находившаяся в поле зрения, казалось, всегда удалялась, как только к ней приближались. Они тщетно пытались войти в нее с юга; филистимляне держали гарнизон в городах на побережье Средиземного моря; и вот, когда был предпринят третий и последний способ приблизиться, их братья из Эдома преградили путь. Путь, который они были вынуждены избрать, вел их через пустыню, которую ассирийский царь Эсар-Хаддон описывает как землю засухи, населенную лишь "змеями и скорпионами, которые наполняли землю, как саранча". Это были "огненные змеи", которые кусали израильтян и увеличивали их страдания. Память об их страданиях сохранилась до эпохи Езекии. Медный серафим или "огненный змей", изготовленный по приказу Моисея и установленный на вершине столба, религиозно хранился в главном святилище народа. Перед ним возжигали благовония, так как он служил средством защиты народа от огненного яда змей. Но идолопоклонство, объектом которого он был, привело к его разрушению. Реликвия, которую пощадили предыдущие цари и священники Иуды, была уничтожена Езекией, который наконец понял, что это всего лишь "кусочек меди". Правда, высказываются сомнения в том, что он действительно был памятником жизни в пустыне; но историку трудно понять, как современный критик может быть лучше осведомлен в этом вопросе, чем современники Езекии.^[233]

Залмона, Пунон и Обот были следующими этапами на пути после горы Хор. Затем наступил Ийе-ха-Абарим, "развалины Евреев", - возможно, это название содержало напоминание о поселении израильтян в этой стране.^[234] Ийе-ха-Абарим находился на равнине к востоку от Моава, под сенью горного массива Аварим. Затем был пересечен поток Зеред, и эмигранты оказались в Моаве. Следующим местом отдыха стали берега Арнона.

Народ почти ничего не помнил о тоскливых годах, проведенных в пустыне. Сохранилось лишь несколько случаев, нарушивших монотонность их пустынной жизни. Но здесь, на пороге Ханаана и завоевания, национальное самосознание пробудилось к новой жизни. Передавалась песня, которую пели, когда на какой-то станции в пустыне пробивали землю и находили воду. Весна, о колодец!" - говорилось в ней; "Пойте ей. О колодец, который был вырыт князьями, который был пробит знатными людьми, по указанию законодателя, своими шестами! Подобные песни, по словам профессора Гольдзихера, пели в давние времена арабские родственники израильтян, когда они тоже рыли колодцы в пустыне и освежающая вода бурлила снизу.^[235]

Теперь Арнон был границей между Моавом и новым царством Сигона Аморрея. Сихон отказал израильтянам в разрешении пройти через его территорию по "царской дороге" и попытался остановить их продвижение. Но племена уже не были тем

недисциплинированным сбродом, который бежал от ханаанцев из Сефата, и результатом борьбы стало полное поражение аморейских войск. Район между Арноном и Иаббоком, захваченный Сигоном у "бывшего царя Моава", был занят израильтянами, которые, соответственно, утвердились на полпути между Моавом и Аммоном. Именно по случаю этого завоевания древнееврейский историк сохранил фрагмент триумфальной песни аморитов, которая праздновала взятие Ар, столицы Моава, и которую теперь израильтяне воплотили в аналогичной триумфальной песне в честь своей победы над Сигоном.

Аммон был слишком силен для нападения (Числ. xxi. 24), но "Моисей послал разведать Язер," недалеко от Раввы, будущую столицу аммонитян, и падение аморейского города Язер принесло с собой завоевание Галаада. Колена Рувима и Гада были поселены во вновь приобретенных районах, однако при условии, что они признают свое родство с остальными коленами и будут помогать последним в случае необходимости (Числ. xxxii. 29-32; Суд. ст. 15-17). Гилеад был завоеван Махиром, ветвью колена Манассии (Числ. xxxii. 39; Втор. iii. 15; Суд. ст. 14), и впоследствии завоевание было продолжено вооруженными отрядами под предводительством вождей, таких как Иаир и Нобах, которые заняли отдаленные районы за свой счет.^[236]

Хавот-Иаир, или "селения Иаира", находились в "каменистой" области Аргоб, Трахонит греческой географии, которая простиралась на север до арамейских царств Гешур и Мааха. Она составляла часть "поля Васана", которым в эпоху Моисея правил Ог "из остатка Рефаимов". Как и Сихон, он называется аморитом, а две его столицы находились в Эдрее и Аштарот-Карнаиме.^[237] Его власть была признана от Хаурана на юге до горы Хермон на севере, и он, должно быть, был одним из местных князей, возникших на развалинах Египетской империи. Но его власть была недолгой. Он не смог выдержать натиска захватчиков из пустыни, и его владения стали израильской территорией. По-видимому, в его царство входила и восточная часть Аммона, поскольку в последующие века огромный саркофаг из черного базальта, сохранившийся в Равве Аммонской, был назван его "железным ложем" (Втор. iii. 11).

Эти завоевания израильтян, несомненно, занимали значительный промежуток времени. Некоторые из них, действительно, были сделаны после Моисеева времени и являлись лишь продолжением завоеваний, сделанных в то время. Но свержение Ога должно было быстро последовать за свержением Сигона. Года или двух хватило бы, чтобы израильские отряды захватили районы к северо-востоку от Арнона.

Нет ничего удивительного в том, что моавитяне пожелали избавиться от столь опасных соседей. Но их царь, Балак, сын Сепфора,^[238] не знал, как поступить. Силы моавитян не шли ни в какое сравнение со свирепыми племенами пустыни, которые свергли Сигона и сожгли его города. Тогда было отправлено посольство к провидцу Валааму, сыну Беора, который жил в Петоре на Евфрате, в "земле сынов Аммовых". Место, где находился Петор, было найдено по ассирийским памятникам. Он находился на западном берегу Евфрата, немного севернее его слияния с Саджуром, и, следовательно, всего в нескольких милях к югу от хеттской столицы Кархемиша, ныне Джераблус. Бени-Аммо, должно быть, претендовали на то же происхождение, что и Бени-Амми или аммониты, и это название, вероятно, можно найти в названии страны Аммия или Амми, которая упоминается в табличках Тель-эль-Амарны.^[239]

Слава о Валааме, должно быть, была широко распространена. Однако позволительно спросить, не было ли единственной целью посольства то, что провидец должен был "проклясть" потомков Иакова. Проклятие обычно означало нечто более существенное, чем просто форму слов; и, как мы уже видели, первый эдомитский царь, указанный в отрывке из

хроник Эдома, носит то же имя и имеет того же отца, что и Валаам. Неужели Валаам в конце концов стал избранным царем Эдома и пал в битве против израильтян вместе со своими союзниками - мадианитянскими вождями?^[240] Материалов для ответа пока нет.

История Валаама, похоже, сама по себе является эпизодом. Повествование и пророчества составляют единое целое, которое невозможно разорвать на части. Это первый в Ветхом Завете пример письменного пророчества, и то, что пророком должен был быть языческий прорицатель, само по себе знаменательно. Ничто не может быть более ярким и реалистичным, чем картина, которая предстает перед нами. Мы видим, как послы Валака уговаривают полусопротивляющегося пророка сопровождать их; читаем о странных чудесах, сопровождавших путешествие, о воздвигнутых жертвенниках и жертвах, которые приносились в надежде, что его чары одержат верх над израильскими. Его водили с высоты на высоту, откуда он мог смотреть вниз на далекие войска врага, и на каждом из них, по вавилонской моде, было воздвигнуто семь жертвенников. Но все было безрезультатно. Бог Иакова отказался отступить от Своей цели из-за быков и баранов, которых Ему предлагали, и проклятия арамейского провидца превратились в благословения. Когда Валаам впал в пророческий транс, увидев "видение Всемогущего, но глаза его были открыты", в его уста были вложены слова, предсказывающие будущую славу Израиля. Из Иакова должна выйти звезда, из Израиля - скипетр, который поразит углы Моава и истребит всех сынов Сифа.^[241] Эдом тоже должен, наконец, перейти во владение младшего брата, а амаликитяне в пустыне погибнуть навеки.

Возраст этого эпизода часто оспаривается. Многое зависит от того, относятся ли упоминания в последнем пророчестве о кенитах и других народах к оригинальному документу или являются позднейшими вставками. Ассирийцы не проникали в пустыню к югу от Иудеи, где жили кениты, до времен Тиглата-Пилесера III и Саргона в восьмом веке до н. э. Амалекитяне были уничтожены Саулом; Моав и Эдом завоеваны Давидом. Но заключительный стих пророчества в настоящее время трудно объяснить. Когда именно корабли пришли с Кипра и "поразили" Ассирию и Евреев, так что и они погибли навеки? В эпоху Исхода пираты греческих морей объединили свои силы с ливийцами для вторжения в Египет, а филистимляне и их союзники отплыли с Крита и других островов Средиземноморья и обосновались на побережье Палестины. Здесь ли жили евреи, которым предстояло погибнуть навеки? Во всяком случае, стоит отметить, что именно филистимляне были особенно известны среди израильтян как "евреи". Во времена табличек Тель-эль-Амарны мы уже слышим об ассирийских интригах на далеком Западе. Вавилонский царь спрашивает фараона, почему ассирийцам, его "вассалам", было позволено прийти в Ханаан и вступить в отношения с египетским двором.^[242] В более поздний период, пока Израилем правили судьи, не один ассирийский монарх действительно добрался до побережья Средиземного моря.^[243]

Как исторические главы книги Исаии, включая содержащиеся в них пророчества, были воплощены в книге Царств, так и история Валаама и Валака была воплощена в книге Чисел. Нет никаких оснований отрицать их существенную подлинность. Письменные пророчества уже были известны и в Египте, и в Вавилонии,^[244] и почти невозможно представить, чтобы еврейский фабрикант пророчеств сделал языческого прорицателя глашатаем Яхве. Более того, ни в повествовании, ни в самих пророчествах нет ничего, что противоречило бы дате, к которой они относятся, если только не утверждать, что завоевание Моава и Эдома израильтянами не могло быть предсказано в то время. Но, если не принимать во внимание теологические соображения, которые не входят в компетенцию историка, не требовалось особой политической прозорливости, чтобы сделать вывод, что народ, начавший с разрушения власти Сигона, должен был закончить завоеванием окружающих его народов. В

самом деле, из перечисления городов, занятых Рувимом и Гадам (Числ. xxxii. 34-38), следует, что в свое время у моавитского царя оставалось мало территории, если вообще оставалась.

В посольстве к Валааму "старейшины Мадиямские" объединены со старейшинами Моава. Собственно, именно к "старейшинам Мадиямским", а не к старейшинам Моава, впервые обращается Балак (Числ. xxi. 4). Более того, именно мадианитяне, а не моавитяне, соблазнили Израиль на грех "в деле Ваал-Пеора" и были истреблены в последовавшей за этим войне, хотя "народ начал блудодействовать" с "дочерьми Моава" (Числ. xxv. 1). Таким образом, очевидно, что Моав в то время был занят мадианитянами, так же как восточная часть израильской территории была занята ими в более поздние времена, пока ее не освободил Гедеон. Тогда они нахлынули с юга вместе с амаликитянами Бедавином и Кадмонимом с юго-востока и под властью своих пяти шахов захватили землю Израиля. Моав теперь постигла та же участь, возможно, из-за его ослабленного состояния после неудачной войны с Сигоном. Во всяком случае, вполне вероятно, что моавитяне в конечном итоге должны были отблагодарить своих эдомитских соседей за избавление от захватчиков, поскольку в списке эдомитских царей говорится, что четвертый из них, Хадад, сын Бедада, "поразил Мадиама на поле Моава" (Быт. xxxvi. 35). Возраст Хадада и Гедеона не могли быть далеки друг от друга, поэтому успех Гедеона мог быть одним из результатов, последовавших за поражением мадианитян в Моаве. Однако потери, понесенные мадианитянами в борьбе с вторгшимися израильянами, должны были ослабить их власть над территориями моавитского царя. Грозная туча, наводившая ужас на Балака, прошла мимо него к его мадиамским врагам.

Завоевание моавитских городов принесло с собой междоусобные браки между израильянами и их жителями, а также принятие местных форм веры. Яхве был покинут ради Ваал-Пеора, моавитского Ваала с горы Пеор, но Он не сразу отомстил за себя. В стане начался мор, и народ увидел в этом перст Божий. По приказу Моисея "все головы народа" были "повешены пред Господом перед лицом солнца", а Финеес, сын первосвященника, ревнуя о правах Яхве, заколол израильянина и его мадианитянскую жену, осмелившихся показаться перед святилищем Господним. Прошло то время, когда Моисей оправдывал женитьбу на мадианитянке; теперь Израиль стал особым народом, посвященным Яхве, который не позволит "никакому другому богу" занять Его место. Жена-мадианитянка была знаком и свидетельством того, что Яхве Израиля был оставлен ради мадианитянского Ваала.

До сих пор, казалось бы, Израиль и Мадиям жили в дружеских отношениях. Оба они были пустынными племенами, оба были связаны между собой старыми традициями и общением и претендовали на происхождение от общего предка. Но теперь речь шла о соперничающих божествах и формах веры. На карту было поставлено само существование Закона, провозглашенного с Сина и Кадеша; и если Израиль и его религия не должны были быть поглощены окружающим их языческим миром, для колена Левия - хранителей святилища - настало время пробудиться. Моисей и Финеес видели опасность, и быстрое наказание обрушилось на отступников внутри самого Израиля. Насколько грозной, однако, была опасность, можно судить по тому, что "все начальники народа" были преданы смерти.

Далее настал черед Мадиама. Мадиямские племена были свергнуты, а пять их шахов убиты, один из которых, Рекем, дал свое имя городу, более известному как Петра. Валаам, сын Беора, тоже был убит мечом. Мадиямские деревни и крепости были сожжены дотла, а пленники и добыча были приведены в израильский лагерь. Здесь они были разделены между народом, а Яхве и Его священники получили свою долю. Из 16 000 пленников тридцать два раба были отданы Господу. Отныне стало правилом, что добыча, взятая на войне, должна делиться на две равные части: половина - воинам, остальное - всему народу; и если воины

должны были отдавать левитам только одну долю из пятисот, то священническая дань, взимаемая с остальной части "общины", составляла один к пятидесяти. Это правило было усилено Давидом после победы над амаликитянами, когда его спутники потребовали всю добычу (1 Цар. xxx. 24, 25), во всяком случае, в том, что касается равного деления ее между воинами и теми, кто остался дома.

Мадиянитяне были изгнаны из Моава и его пределов. Их поражение означало триумф священнического племени в Израиле. Война велась не только против Мадиама, но и против союзников и родственников Мадиама в самом Израиле. Старые отношения между Израилем и Мадиамом были разорваны на границах Земли обетованной; верховенство Яхве в Израиле было вновь утверждено, и Израиль стал более чем когда-либо Его особым народом. Прежде чем они войдут в Ханаан, необходимо было разрубить последние звенья, связывавшие их с дикими племенами пустыни.

Работа Моисея была завершена. Он вывел Израиль из дома рабства, дал ему законы и сделал его народом в пустыне, а также подготовил его к завоеванию Ханаана. Земля, текущая молоком и медом, которую семитские поселенцы в Египте, похоже, всегда рассматривали как дом-убежище, куда они должны были в конце концов вернуться, теперь была в их власти. Египетские войска больше не держали гарнизонов, а население было ослаблено кишечными проблемами, долгой войной между Египтом и хеттами, и, прежде всего, вторжением филистимлян и других пиратов из греческих морей. Большая часть возделанной территории по восточную сторону Иордана уже находилась в руках израильтян; нужно было только пересечь реку и завладеть "землей обетованной". Израиль никогда не забывал, что именно отсюда пришли его предки, и по преданию, тела патриархов до сих пор лежат в скале-гробнице Махпела. Даже сейчас колена Ефрема и Манассии носят с собой мумию Иосифа, от которого они вели свое происхождение, готовые положить ее везде, где им удастся закрепиться и построить для себя центральное святилище.

Действие последнего закона Моисея происходит на равнинах Моава, на только что завоеванной Израилем территории и почти в пределах видимости от гор Ханаана. Дополнительных законов и постановлений, которые необходимо было принять, было немного. Рувим и Гад были поселены в районах, которые впоследствии носили их имена, причем рувиниты пасли свои стада, как кочевники-бедавины, в северных вади Моава, а Гад занимал большую часть аморейского царства Сигона. Часть колена Манассии также обосновалась в районах Гилеада и Васана, которые оно завоевало мечом.

К этому же периоду относится учреждение шести городов-убежищ, а также сорока восьми городов левитов. Однако современная критика не желает признавать Моисеево авторство. Но священные города, в которых мог укрыться убийца, были древним институтом как в Сирии, так и в Малой Азии. Мы находим их и в регионе хеттов. Такие *асилы*, как их называли греки, просуществовали вплоть до классического периода и сыграли значительную роль в местной истории Малой Азии. Где бы мы ни находили Кадеш или Иераполь, там мы можем ожидать найти и убежище, в котором боги и их служители защищали бы непреднамеренного проливателя крови от мести человека. Это было средство пресечения *вендетты* или кровной мести, что полностью соответствовало первобытному праву.^[245]

Таким образом, основывая города-убежища, израильтяне лишь продолжали традиции прошлого. И два, по крайней мере, города, которые впоследствии были выделены для этой цели, были святилищами и, следовательно, "асилами" задолго до того, как дети Иакова вошли в Палестину. Это были Кадеш в Галилее и Хеврон (Иос. xx. 7). Название Кадеша

говорит о его священном характере, а святилище в Хевроне было знаменито на протяжении веков.

Учреждение левитских городов, опять же, было результатом нового положения, отведенного колену Левия как священникам и представителям национального Бога. Победа над мадианитянами и их союзниками-израильтянами окончательно определила место этого колена в Израиле. Яхве одержал победу над всеми другими богами, а те, кто поклонялся другому богу, были преданы мечу. Это была работа Левия, тех, кто был избран в служители Яхве или добровольно посвятил себя служению святилищу. В день раздела Мадямской добычи было признано, что Левий не был коленом в том смысле, в каком им были другие колена; он представлял священников и служителей Яхве, кем бы и где бы они ни были. И как при разделе добычи была проявлена должная забота о Яхве и Его священниках, так и при разделе земли необходимо было проявить такую же заботу о них. Жрецы Египта имели свои земли, из доходов которых содержались храмы, и Египет был не единственной страной восточного мира, в которой преобладала подобная практика. В самом деле, пока Ханаан был египетской провинцией, фараоны строили в нем храмы, которые, несомненно, содержались так же, как и храмы самого Египта. Кроме того, доходы сирийских городов передавались египетским храмам; например, Тотмес III, например, сразу после завоевания Сирии передал три ее города (Анаугас, Иннуам и Харанкал) Амону из Фив.^[246] Этот обычай сохранился и в поздние времена; персидский царь выделил три города Магнезию, Миос и Лампсак на содержание Фемистоклеса,^[247] а налоги фаюма в Египте составляли "булавочные деньги" царицы Арсинои Филадельфийской.^[248]

Поздние века неправильно поняли постановления, касающиеся левитских городов, и, введенные в заблуждение верой в то, что колено Левия было образовано так же, как и другие колена Израиля, вообразили, что они были предназначены для мест, где должны были жить только левиты и никто другой. Это заблуждение окрасило существующий текст Числ. xxxv. 2-8, но нам достаточно обратиться к списку городов, приведенному в Иис. xxi, чтобы увидеть, насколько оно необоснованно. На самом деле левиты, как служители национального Бога, жили везде, где было святилище Яхве; во времена Судей мы находим левита даже в частном доме Михея на горе Ефрем, откуда его забрали данайские налетчики вместе с образом его Бога (Суд. xviii.). Не было намерения запереть левитов в определенных городах отдельно от остального народа; напротив, они должны были быть "рассеяны" по всему Израилю, являясь повсюду священниками и представителями национального Бога.

Книга Второзаконие - это завещание Моисея. Даже самая скептическая критика признает, что так считалось уже в эпоху Иосии, во всяком случае, в отношении основной части книги. В то же время самые ярые сторонники Моисеева авторства Пятикнижия также признают, что оно не могло полностью исходить из его рук. Рассказ о его смерти, завершающий книгу, не мог быть написан самим великим законодателем. Здесь, как и в других местах, историк должен решить, где повествование может относиться к эпохе Моисея, а где переносит нас в атмосферу более позднего периода.

Оригинальное Второзаконие филологической критики начинается с двенадцатой главы, без вступления и даже без пояснений. Второзаконие еврейской традиции является достойным завершением Пятикнижия. Моисей, изможденный годами и трудами, в последний раз обращается к своему народу. Вот-вот они перейдут Иордан и войдут в Ханаан; здесь, на пороге Земли Обетованной, его задача выполнена, и он должен оставить дело завоевания другим, более молодым рукам. Он был законодателем Израиля, Иисус Навин должен стать его военачальником.

Сначала мы пересказываем основные события странствий по пустыне со дня заключения завета в Хориве, горе Божьей.^[249] Они перемежаются с античными заметками, которые могут относиться, а могут и не относиться к эпохе Моисея, а также с призывами к послушанию Закону. Затем следует ряд постановлений, которые составляют собственно Второзаконие. Эти постановления неизбежно повторяют уже пройденный путь предыдущего законодательства; в некоторых моментах они даже, кажется, противоречат ему. Но противоречия скорее кажущиеся, чем реальные, как, например, причины, по которым соблюдается суббота. Иногда они дополняют левитские законы, иногда дополняют их; в других случаях одно и то же предписание повторяется с другой точки зрения.^[250]

Особой характеристикой Второзакония является его нежность и забота о животных, а также о бедных: "страннике, отце и вдове". Даже египтянин не должен быть "отвратителем" (Втор. ххiii. 7), а все еврейские рабы должны быть отпущены на свободу каждый седьмой год. Наряду с этим, однако, мы находим свирепость, которая отличала семитов во время войны. Если враг жил вдали, все мужчины побежденного города подлежали безжалостному истреблению, а детей и женщин щадили, чтобы они стали рабами и наложницами завоевателей. Но даже такое милосердие было запрещено в случае с ханаанскими городами; здесь резня должна была быть всеобщей, чтобы израильтяне не брали жен из завоеванного населения и не отступали от поклонения Яхве. Похожим духом свирепости дышат ассирийские надписи, где цари хвастаются множеством побежденных, которых они пытали и убивали в честь своего бога Ассура. Из древних народов Востока только египтяне, кажется, понимали, что мы подразумеваем под гуманностью на войне.

Левит, как и бедняк, отдан на попечение и поддержку народа. У него нет своей земли или собственности, тем более "левитского города": только Господь "есть его наследие", и, следовательно, те, кто помнит левита, одновременно помнят и Господа, Которому он служит. Определена часть приношения, которая должна причитаться левитам, и им должна выплачиваться десятина со всех продуктов земли. В книге Второзакония не проводится различия между левитами и священниками, "сынами Аарона", и поэтому законы, касающиеся левитов, одинаково применимы ко всем священникам.

Еще одной особенностью Второзакония является его настойчивое стремление к центральному святилищу. Именно в это центральное святилище богобоязненному израильтянину было велено "восходить" три раза в год в каждый из великих праздников и приносить там в жертву Господу своих первенцев. Однако это центральное святилище не исключало существования местных алтарей или святилищ. Левит живет в семьях других племен по всей земле (xii. 19, xiv. 27) и решает судебные дела, где бы они ни происходили, вместе с судьями (xvi. 18, xvii. 9, xix. 17, xxi. 6). Также не было необходимости, чтобы заклание животного и выливание его крови перед Яхве происходило в одном главном храме народа. Туда нужно было приносить только те жертвы, которые были специально заветованы национальному Богу. Они были посвящены Яхве как Богу всего народа, и поэтому именно в это святилище, где Яхве поклонялся весь народ, они должны были быть принесены. В своем индивидуальном или местном качестве израильтянин был волен приносить жертвы там, где ему заблагорассудится. Ибо, следует помнить, сам факт пролития жизненной крови делал смерть животного жертвой Господу, а последующий пир на его плоти - пиром в присутствии Господа.

Настаивание на центральном святилище подразумевало такое же настаивание на абсолютном верховенстве Яхве в Израиле. Идолопоклонники и подстрекатели к идолопоклонству должны были быть отсечены без жалости; даже пророк, говоривший от имени другого бога, и чьи слова сбывались, должен был быть побит камнями до смерти.

Исполнение предсказания гарантировало его истинность только в том случае, если пророк был посланником Яхве. Яхве не хотел, чтобы рядом с Ним поклонялись другим богам, и Второзаконие запрещает все подобные обычаи, связанные с язычеством соседних народов. Израильтянам было запрещено наносить на себя татуировки, как сирийским поклонникам Хадада, наносить шрамы на свою плоть, как египтяне, оплакивающие умерших, и тем более приносить в жертву своих первенцев на огне, как ханаанеи, окружавшие их. Было сделано все возможное, чтобы оградить их от контактов с соседями; их царю было запрещено "умножать" коней и жен, поскольку одно привело бы к сношениям с Египтом, а другое - к введению в Израиль поклонения и изображений чужеземных божеств. Священные деревья, которые с незапамятных времен были посажены возле алтарей богов, а некоторые из них и самими патриархами, должны были быть уничтожены, как и конический столб богини Ашеры и вертикальная колонна, символизирующая бога-солнце.

Немногие аспекты жизни евреев остались незатронутыми постановлениями Второзакония. Брак и развод, убийство и другие преступления, учреждение городов-убежищ, соблюдение великих праздников, избрание и обязанности царя, санитарные законы, включая различие между чистым и нечистым мясом, рабство, торговля и ростовщичество - все это в равной степени является предметом Второзакония. И все законодательство отмечено духом сострадания к бедным и страждущим, во всяком случае, если они принадлежат к дому Израиля или им было позволено разделить некоторые из его привилегий. Кредитору предписано вернуть бедняку до наступления ночи одежду, которую он взял в залог, а хозяину - выплатить в конце дня жалованье "наемному рабу, бедному и нуждающемуся, из братьев твоих или из пришельцев твоих, которые в земле твоей, в воротах твоих". Даже любопытный запрет смешивать подобное и неподобное, как в случае с одеждой из шерсти и льна (xxii. 11), кажется, является сокращением принципа, запрещающего связывать вола и осла.

Законодательство, касающееся царя, пожалуй, несколько поразительно, особенно если вспомнить протест, высказанный Самуилом против избрания одного из них (1 Цар. vii. 6-18). Однако Самуил не был полностью бескорыстен в этом вопросе; было очевидно, что, как только завоевание Ханаана будет завершено, национальное единство невозможно без монарха, который мог бы представлять народ и вести его на войну. Еще до Самуила Авимелех основал царство в Центральной Палестине, а традиция говорит о Моисее как о "царе в Ешуруне" (Втор. xxxiii. 5). Израильтянам, если им суждено было сформировать нацию, суждено было последовать примеру своих соседей; даже в диких местах горы Сеир "князья" Эдома сменялись царями. Идея царской власти была настолько привычной для эпохи Моисея, что трудно представить себе какое-либо законодательство, которое бы ее не предусматривало. Приняло ли бы это законодательство точно такую же форму, как та, что мы находим во Второзаконии, - другой вопрос.

Заповеди, предписанные Моисеем, было велено написать на оштукатуренной поверхности "больших камней". Имеется ли в виду все Второзаконие, более чем сомнительно. Но то, что главные постановления кодекса должны быть таким образом помещены перед глазами народа, соответствовало обычаям эпохи. Акты и события царствования Августа, выгравированные на мраморных плитах Анцира, являются поздним примером такого же использования; великая надпись Дария на скале Бехистуна также сохранила для нас историю основания персидской империи. Покрывать камень или скалу штукатуркой, которую затем окрашивали в белый цвет и писали на ней, было обычной практикой в Египте. Однако это, по-видимому, подразумевает, что надпись могла быть нанесена кистью, и, таким образом, исключает использование клинописных знаков. В то же время эти иероглифы могли быть вырезаны как в штукатурке, так и в камне, и возможно, что штукатурка должна

была заменить глину, когда требовалось покрыть большую поверхность. Как бы то ни было, памятник было приказано воздвигнуть на горе Эбал, рядом с алтарем из неотесанных камней.

На Эбале, а также на противоположной высоте Геризим было предписано совершить странную церемонию. Пока половина колен стояла на одной горе, а другая половина - на другой, левиты должны были проклинать с Эбала всех, кто не подчиняется закону, и благословлять с Геризима тех, кто ему повинуется.^[252] К сожалению, как и следовало ожидать, проклятия значительно преобладали над благословениями. Впоследствии в книге Иисуса Навина мы слышим, что церемония была проведена должным образом, за исключением того, что Иисус Навин читал слова проклятия и благословения вместо "священников и левитов". Критики сомневаются в историческом характере этого события, но оно не согласуется ни с одним известным фактом, и трудно найти причину для его беспричинной выдумки.

Последняя часть книги Второзакония завершает жизнь Моисея. Она включает в себя заключительный завет, заключенный между ним от имени Яхве и народом Израиля, к которому прилагаются различные бедствия, ожидающие его нарушения. Он также сообщает нам, что закон, содержащийся во Второзаконии, был действительно написан законодателем и передан священникам, сынам Левия, с предписанием читать его каждый седьмой год (xxxі. 9-11). Таким образом, подобно "свидетелю" Евангелия от Иоанна, составитель Пятикнижия в его нынешнем виде хочет добавить свое свидетельство к убеждению, что Моисеев закон был написан самим Моисеем.

В книгу также включены две песни, приписываемые Моисею. Они, по-видимому, отражают проклятия и благословения, произнесенные соответственно на Эбале и Геризиме. В одной из них описываются страдания, которые забвение Яхве должно было принести Израилю; в другой - будущее счастье и слава нескольких колен. Главные среди них - Левий и дом Иосифа; "драгоценности" земли обетованной предназначены для Ефрема и Манассии, чьи воины будут гнать врагов Яхве на край земли. Левий будет законодателем и наставником Израиля, а Вениамин - "возлюбленным Господа", который будет "жить между плеч его" в Шилохе. Иуда, напротив, стоит на втором плане; о нем почти ничего не говорится, кроме молитвы об избавлении от врагов. А Симеон вообще обойден вниманием. Совершенно очевидно, что эта вторая песнь или "благословение" должна быть ранней. Она не может быть более поздней, чем первые дни завоевания Ханаана, когда Ефрем и Манассия были еще самыми сильными коленами и когда скиния Яхве была воздвигнута в Шилохе. Племена все еще были едины между собой; они все еще признавали общего Бога и общее поклонение, и их еще не постигли злые дни, описанные в книге Судей. Тон песни - это тон триумфа и успеха; израильтяне, должно быть, все еще находились в первой стадии побед, а дом Иосифа все еще был их вождем в войне. Но история знает только два периода, когда так было: один - после завоевания аморейских царств к востоку от Иордана, другой - когда во главе армии Израиля стоял Иисус Навин из Ефрема. Еврейская древность решила, что песня относится именно к первому периоду.^[253]

Смерть Моисея была установлена на вершине одной из гор Аварим - горы Евреев - в земле Моав напротив храма Ваал-Пеора. С одной стороны он смотрел вниз на место своей последней победы над противниками его закона, на место, где были убиты мадианитяне и их израильские единомышленники; с другой стороны лежала Земля обетованная, к границам которой он вел свой народ. Вершина Писгаха, на которой он стоял, в давние времена была посвящена поклонению Нево, вавилонскому богу пророчества и литературы, толкователю

воли Меродаха, верховного божества Вавилона. Не случайно пророк и законодатель Израиля, толкователь воли Яхве, должен был умереть на той же горной вершине.

Высокие места, которые родственные семитские народы посвящали богам, становятся в истории Израиля местами гибели его великих людей. Аарон умирает на вершине горы Хор, и даже сегодня гробница пророка Самуила указана на возвышенной вершине Мизпах. Но ни одна гробница не обозначила место, где умер Моисей; единственный среди героев древнееврейской истории, он был похоронен в чужой стране, и место его погребения было неизвестно. Законодатель Израиля, тот, кто сделал Израиль нацией и с кого началась история Израиля, исчез из виду. Факт странный, как бы мы ни пытались его объяснить. Может быть, Моав был завоеван Израилем более полно, чем можно предположить из повествования Пятикнижия, а со смертью Моисея владычество Израиля ушло?^[254] В таком случае Моав был бы мало заинтересован в сохранении памяти о месте последнего упокоения своего завоевателя, и вскоре наступило бы время, когда это место было бы забыто.

ГЛАВА IV ЗАВОЕВАНИЕ ХАНААНА

Иисус Навин не завоеватель Ханаана - завоевание постепенное - переход через Иордан - Иерихон, Ай и гиеониты - битва при Меккеде - Лахиш и Хазор - кениззиты в Хевроне и Кирьяф-Сефере - Сихем - смерть Иисуса Навина.

Еврейская традиция приписывает завоевание Ханаана Иисусу Навину, сыну Нуна. Но когда мы переходим к изучению книги Иисуса Навина или книги Судей, то обнаруживаем, что масштабы его деятельности были сильно преувеличены воображением последующих эпох. Ефремовский вождь успешно основал Израиль на западном берегу Иордана, получил в постоянное владение гору Ефрем и разгромил ханаанских князей на юге и севере. Но завоевание Ханаана было более длительным делом, которое не было завершено до времен Давида и Соломона.

Первая глава книги Судей в общих чертах рассказывает нам о том, какой была карта Палестины после расселения израильских племен. На юге горная страна принадлежала эдомитскому колену Халева, а также более строгому израильскому колену Иуды. Но так удерживалась только "гора". Хотя "Господь был с Иудой", он "не мог изгнать жителей долины, потому что у них были железные колесницы". Однако дальше к югу Иуда и Симеон вместе сумели стать хозяевами Негеба или пустынной равнины вплоть до Сефата, где смешанное население, частично израильтяне, частично эдомиты и частично кениты, заняло место старых жителей.

Иерусалим оставался в руках иевусеев до тех пор, пока его не захватил Давид. Правда, мы читаем (Суд. i. 8), что "сыны Иудины воевали с Иерусалимом, и взяли его, и поразили острием меча". Но если так, то вскоре он должен был быть снова укреплен своими прежними владельцами, поскольку нам прямо сказано (Суд. i. 21), что сыны Вениамина не изгнали иевусеев, населявших Иерусалим; но иевусеи "живут с сынами Иуды в Иерусалиме до сего дня". Современные критики имеют привычку отвергать предполагаемое взятие города как неисторическое, но вполне возможно, что Иерусалим действительно пострадал от

внезапного набега. Взятие города не приписывается Иисусу Навину - ведь, хотя он и победил его царя и его союзников, он, похоже, не предпринял никаких усилий, чтобы уменьшить сам город, - и говорится, что оно было осуществлено Иудой после смерти Иисуса Навина. Это могло произойти в любое время в период правления Судей. Таблички Тель-эль-Амарны показывают нам, как легко города Ханаана могли быть взяты и возвращены в ходе местных распрей, а тот факт, что Иерусалим некоторое время находился в руках евреев, кажется, является неотъемлемой частью истории завоевания Безека.

Даже великое святилище Бет-Эль, которому суждено было стать владением как Вениамина, так и Эфраима,^[256] не перешло в руки "дома Иосифова" после смерти Иисуса Навина, хотя "разрушенная куча" Аи, которая находилась рядом с ним, была одним из первых завоеваний израильтян. Все главные города на территории Манассии - Мегиддо и Таанак, Дор и Беф-Шеан - оставались ханаанскими, и самое большое, что мог сделать Израиль в дни своего могущества, - это взимать с них дань. Гезер не подчинялся власти Эфраима вплоть до того момента, когда он был отдан Соломону египетским фараоном; а великие города Завулон и Неффалима, как и Манассии, так и не стали израильскими, но платили дань Евреям всякий раз, когда последние были "сильны". Ашеру не удалось закрепить за собой территорию, которая была ему отведена, где Моисей в своей песне обещал, что его ноги должны быть обмазаны маслом, а сандалии - из железа и бронзы. Финикийцы продолжали удерживать побережье еще долго после того, как израильские племена были уведены в ассирийский плен, и даже в горах, выходящих на побережье, ашериты были вынуждены жить и теряться среди более древних ханаанцев (Суд. i. 32). Сыны Дановы" оказались в еще худшем положении; аморреи загнали их в горы и "не позволили им спуститься в долину". Когда, наконец, их враги были приведены в подчинение "домом Иосифа", было уже слишком поздно; колено Даново влилось в колено Иудино или нашло убежище в городе Лаиш на крайнем севере.

Поэтому Иисус Навин не был завоевателем Ханаана в точном смысле этого слова. Районы к востоку от Иордана были заняты израильтянами еще до смерти Моисея, а к северу от Моава оккупация была достаточно полной. В самом Ханаане территория, завоеванная Иисусом Навином, практически ограничивалась переходом через Иордан и гористой местностью в центре. Немногие из ханаанских городов были захвачены им; за исключением Иерихона и Лахиша, а также, возможно, Хазора, ни один из них не имел первостепенного значения. Но ему удалось сделать то, что тщетно пытались сделать в прежние времена: он привел свой народ в Палестину и закрепил его там так прочно, что будущее завоевание всей страны стало лишь вопросом времени.

Именно у Иерихона, "города пальм", был форсирован переход в Ханаан. Армия Израиля перешла Иордан по сухим ногам, потому что "воды, спускавшиеся сверху, стояли и поднялись на кучу очень далеко от города Адама, что у Заретана; а те, которые спускались к морю равнины, даже к Соленому морю, не выдержали и отступили". Подобное явление зафиксировано в Средние века. М. Клермон-Ганно указал на отрывок из книги арабского историка Новайри, в котором рассказывается о строительстве в 1266 году н. э. султаном Египта Бейбарсом I моста через Иордан, когда в результате оползня русло реки на некоторое время осталось сухим. Мост был построен на пяти арках между течением Куравы и Тель-Дамиехом, возможно, ветхозаветным Адамом. Но не успели его достроить, как "часть опор дала трещину". Султан был сильно раздосадован, обвинил строителей и отправил их обратно, чтобы исправить повреждение. Задача оказалась очень сложной из-за подъема воды и силы течения. Но в ночь перед рассветом 17-го числа месяца Раби Первого года хиджры 666 года (то есть 8 декабря 1267 года н.э.) вода в реке перестала течь, так что в ее

русле не осталось ни одного камня. Люди поспешили разжечь многочисленные костры и крессеты и воспользовались случаем. Они устранили дефекты в опорах, укрепили их и произвели ремонт, который иначе был бы невозможен. Затем они отправили конных людей, чтобы выяснить природу произошедшего. Всадники прищипорили коней и обнаружили, что возвышенный курган (*Кабар*), с которого открывался вид на реку с запада, обрушился на нее и запрудил ее. *Кабар* похож на холм, но на самом деле им не является, так как вода быстро разрушает его, превращая в грязь. Вода задержалась и растеклась по долине выше плотины. Посланцы вернулись с этим объяснением, и вода была задержана с полуночи до 4-го часа дня. Затем вода нахлынула на плотину и разрушила ее. Вода стекала в тело, равное по глубине длине копья, но не произвела никакого впечатления на здание благодаря своей прочности."

Мегалитический "круг" в Гилгале ознаменовал переход через Иордан. Там был разбит лагерь, а популярная этимология объясняет название обрезанием, которое "отбросило поношение Египта". Иерихон, город "лунного бога" Ярекаха, несмотря на крепкие стены, был захвачен и взят. Все его жители были преданы мечу, и только Рахав была пощажена, чтобы стать основательницей семьи в Израиле, потому что она укрыла израильских шпионов. Город был сровнен с землей и отстроен только при Ахаве.

Мы до сих пор можем проследить местоположение Иерихона в ложбине глубокой долины, через которую Иордан впадает в Мертвое море. Его руины лежат вокруг Айн-эс-Султана, источника теплой воды, бьющего в древний бассейн, заросший камышом и кустарником, среди которого порхают птицы и наблюдают за рыбами в воде внизу. Над ним возвышается огромная гора Карантел, а черная почва, образующая дно котловины, покрыта небольшими искусственными насыпями и густо усеяна разложившимися остатками тропической растительности. В самую холодную погоду в Иерихоне тепло, летом же влажная жара удушлива, а комары бесчисленны. Сейчас он отдан на откуп праздным бедавинам, но в прежние времена, когда страна была заполнена трудолюбивым населением, она была "садом Господним". Ни одно место в Палестине не было более плодородным, к тому же здесь находился брод, ведущий через Иордан с востока.

Разрушение Иерихона открыло Иисусу Навину путь в Ханаан. Нагруженные добычей, израильтяне двинулись на запад, в горы и через перевал Михмаш к Бет-Элю. Сам Бет-Эль был слишком силен, чтобы его можно было атаковать. Но соседнему городу, чье позднее название Аи, "разрушенная куча", надолго запечатлело его судьбу, повезло меньше. Израильтяне взяли его из засады, и с ним было совершено то же безжалостное обращение, что и с Иерихоном. Все жители были истреблены, "только скот и добычу Израиль взял себе в добычу".

Завоевание Аи, однако, не было легким. Ханаанеи храбро оборонялись, и поначалу захватчики потерпели поражение. Причина была обнаружена в лагере израильтян. Один из евреев, Ахан или Ахар, спрятал под своим шатром часть добычи из Иерихона, которую следовало либо уничтожить, либо посвятить Яхве. "Хорошая вавилонская одежда", двести сиклей серебра и похожий на язык клин из золота весом в пятьдесят сиклей - вот предметы, которые он возжелал и спрятал. Но был отдан приказ отдать все металлические предметы в скинию, а все остальное сжечь в огне. Ахан был приговорен к побиению камнями до смерти, а вместе с ним и вся его семья, а также волы, ослы и овцы. Затем тела были сожжены, а в память об этом событии на них навалили груды камней.

Упоминание о "хорошей вавилонской одежде" возвращает нас в то время, когда Ассирия еще не вытеснила Вавилонию на западе. На протяжении веков Вавилония была родиной

ткачей и вышивальщиц, чьи ткани славились на весь Восток. Клинописные таблички содержат длинные списки предметов одежды, каждый из которых имеет свое название; и, как мы узнаем из переписки Тель-эль-Амарны, купцы Вавилонии находили готовый рынок для своих товаров в городах Ханаана. Эпоха Исхода знаменует собой период, когда прежнее мирное общение с Вавилонией подошло к концу; чужеземные народы преградили путь через Евфрат, а сам Вавилон вот-вот должен был попасть в руки ассирийского завоевателя. Отныне именно Ассирия, а не Вавилония, чье имя знали или боялись в Палестине, и писатель более позднего времени говорил бы о товарах Ассирии, а не вавилонян.^[259]

Разрушение Аи дало Иисусу Навину возможность закрепиться в горах Ефрема. Затем последовал союз с гибеонитами, заключенный, как нам говорят, хитростью. Современная критика с ненужным скептицизмом усматривает в этом повествовании всего лишь народную легенду, объясняющую тот факт, что четыре города, составлявшие западную половину будущей территории Вениамина, были обложены данью, а не разрушены. Но истребление хананеев было относительным, а не абсолютным; их полное уничтожение, как и уничтожение бриттов саксонскими захватчиками, было мечтой более позднего времени. Как мы уже видели, захват Ханаана евреями происходил медленно и постепенно, и в наиболее важных городах до конца оставалось старое население. Даже храм Соломона был построен на гумне иевусея, а головы пленников, которые возвышаются над названиями мест, захваченных Шишаком на юге Палестины, скорее аморейские, чем еврейские. Аморейское население все еще преобладало там; и современные феллахи, как отмечает М. Клермон-Ганно, являются прямыми потомками старых рас.^[260]

Гибеон, Хефира, Беерот и Кирьят-Иеарим - не единственные города, о которых мы слышим, что они были сделаны данниками. Так было с Мегиддо и Таанахом, Бет-Шеаном, Дором и Иблеафом (Суд. i. 27), а также с главными городами на территориях Завулона и Неффалима (Суд. i. 30, 33); с другой стороны, колено Иссахара стало данником своих соседей-хананеев (Быт. xlix. 15).^[261] Взимать дань с богатого и трудолюбивого населения выгоднее, чем истреблять его, как это сделал Магомет; а близкое соседство с центральными святилищами Израиля, сначала в Шилохе, затем в Иерусалиме и Беф-Эле, давало особую причину, по которой гибеонцев следовало сделать "тесаками дров и водоносами для дома Божия".

Большая часть будущей территории Вениамина теперь находилась в руках израильтян. Разрушение Иерихона обеспечило брод через Иордан и связь с израильскими поселенцами на восточном берегу реки. Однако следует помнить, что колено Вениамина, отличного от колена Ефрема, еще не существовало. Его территория составляла южную часть горы Ефрема, и в военных и политических целях эти два колена представляли собой единое целое. Так продолжалось до эпохи Деборы и Варака, когда власть Ефрема, "за спиной" Вениамина, как говорят, простиралась вплоть до пустыни амаликитян к югу от Иуды (Суд. ст. 14). Имя Вениамин, по сути, означает "южанин"; это колено лежало к югу от Ефрема; а второе имя, под которым оно было известно, - Бен-Они, "онит", - указывало на то, что оно было поселено вокруг великого святилища Бет-Он. И так действительно было, когда племя подтвердило свое самостоятельное существование и окончательно отделилось от Эфраима. Тогда Бет-Он или Бет-Эль был включен в его границы (Иос. xviii. 22). Однако первоначально Бет-Эль принадлежал Ефрему и был завоеван ефремитянами (Суд. i. 22-26).

Завоевание Веф-Эля произошло только после смерти Иисуса Навина, и до тех пор, пока он оставался независимым, он должен был постоянно угрожать израильским поселенцам на горе Ефрем. С его захватом вся опасность миновала, и гора Ефрем - сердце Палестины - наконец-то стала надежным владением "дома Иосифова". Отсюда, как из неприступной крепости, они могли совершать вылазки на плодородные земли к западу и нападать на

стоящие там города. Могущественный город Гезер в конце концов был вынужден платить им дань (Иис. xvi. 10), а территория, которая была отведена Дану, стала данником "дома Иосифова" (Суд. i. 35).

Но все это было уже после того, как Иисус Навин скончался. Помимо перехода через Иордан и укрепления на горе Ефрема, Иисус Навин совершил успешный рейд в горы Негеба в Иудее, которые были столь губельны для первых израильских захватчиков Ханаана. Разрушение Аи возбудило опасения Адони-зедека Иерусалимского, и в союзе, заключенном между Гибеоном и захватчиками, он увидел опасность для своего государства. Гибеон находился всего в нескольких милях к северу от Иерусалима, и таблички Тель-эль-Амарны показали нам, что соседство двух ханаанских городов было вполне достаточной причиной для войны между ними. Когда были написаны таблички, Эбед-Тоб был царем Иерусалима, и его письма к фараону наполнены умоляющими призывами о помощи против его врагов. Частично это были соседние "губернаторы", частично - хабири или "конфедераты", которые, судя по всему, были иностранного происхождения и уже захватили несколько его городов. Таким образом, ситуация была очень похожа на ту, что сложилась в поздние дни Адони-зедека: место египетских "губернаторов" занял Гибеон, а хабиров представляли израильтяне. Но у Адони-зедека не было сюзерена в Египте, к которому он мог бы обратиться за помощью. Поэтому он был вынужден обратиться к окружавшим его ханаанейским князьям и заключить с ними союз против вторгшихся из пустыни полчищ. Хохам из Хеврона, Пирам из Иармута, Яфия из Лахиша и Дебир из Эглона откликнулись на его призыв, и объединенные силы двинулись на Гибеон и осадили город.^[262] Гибеонцы сразу же послали гонцов к Иисусу Навину, который вышел из лагеря в Гилгале и внезапно обрушился на осаждающую армию. Ханаанеи были полностью разбиты и бежали в сторону Бет-Хорона и Маккеда, а град усугубил их положение. Пять царей были обнаружены спрятавшимися в пещере в Маккеде и приведены к Иисусу Навину, который безжалостно предал их всех смерти. Тела были погребены в пещере, а в ее устье были положены огромные камни, которые, как утверждает составитель книги Иисуса Навина, оставались там до его дней (Иис. x. 27).

За поражением ханаанской армии последовало взятие Маккеды и Либны, что открыло дорогу на Лахиш. Место Лахиша было вновь открыто профессором Флиндерсом Петри в 1890 году в Телль-эль-Хеси, в шестнадцати милях к востоку от Газы. Большой курган, покрывающий его руины, был раскопан частично им, частично доктором Блиссом, а огромная стена, окружавшая его во времена амореев и перед которой расположились израильтяне, была исследована и измерена.^[263]

Город стоял на естественном возвышении высотой около сорока футов. Недалеко от него протекает единственный в округе источник воды, который, набухая от зимних дождей, превращается в поток Хеси. Этот поток протекал мимо восточной части города и уничтожил часть остатков сменявших друг друга городов, которые возвышались на этом месте, один над руинами другого. Фрагменты керамики, которую использовали аморейские защитники города во времена Иисуса Навина, сегодня можно увидеть в помещении Фонда исследования Палестины.

Стены Лахиша, как и стены египетских городов, были построены из сырцового кирпича и достигали почти тридцати футов в толщину. По сути, он долгое время был одной из главных крепостей Южной Палестины. Среди табличек Тель-эль-Амарны есть письма двух ее правителей - Зимрида и Ябниэля, первый из которых был убит и упоминается на другой табличке, найденной доктором Блиссом среди руин самого Лахиша. Поэтому его захват израильтянами стал серьезным ударом для ханаанцев в южной части страны. Но, хотя Хорам, царь Гезера, пришел на помощь, все было бесполезно; сильная крепость в конце концов

пала перед захватчиками, и "все души", которые были в ней, были истреблены.^[264] По крайней мере столетие ее место лежало заброшенным и необитаемым; исследователи нашли в почве, скопившейся над руинами аморейского города, лишь пепел от костров кочевников Бедавина.

Эглон, ныне, вероятно, Телль-Эджлан, близкий к Телль-эль-Хеси, естественно, разделил судьбу соседнего города. По мнению составителя книги Иисуса Навина, падение Хеврона и Дебира последовало сразу за падением Эглона. Но это не может быть верным. Дебир, как мы узнаем впоследствии, был взят позднее Офилом (Иис. xv. 16, 17; Суд. i. 12, 13), а не Иисусом Навином, и ошибка, по-видимому, связана с тем, что Дебир - это имя царя Эглона. Именно царь, а не город с таким названием пал перед оружием Иисуса Навина.

Кроме того, трудно согласовать утверждение о том, что Хеврон был взят Иисусом Навином после поражения пяти царей, с рассказом о его взятии Халевом, который подробно приводится в других местах (Иис. xv. 13, 14; Суд. i. 9, 10). Здесь, как и в других частях книги Иисуса Навина, мы обнаруживаем тенденцию приписывать постепенное овладение Ханааном одному моменту времени и приписывать все последовательные завоевания, сделанные в нем израильтянами, полководцу, который первым перевел их через Иордан. Отдельный герой вобрал в себя все победы, одержанные его народом, и прошлое было укорочено в ретроспективе позднейшего историка. Как в Книге Царств убийство Сеннахериба следует сразу за его бегством из Иудеи за двадцать лет до этого, так и в Книге Иисуса Навина завоевание Ханаана укладывается в одну эпоху, в период жизни самого героя. Как Моисей был законодателем Израиля и его освободителем из дома рабства, так и потомство видело в его преемнике завоевателя Ханаана.

Примечательно, однако, что ни Иерусалим, ни Гезер не были взяты после битвы при Маккеде. Оба города, несомненно, были слишком сильны, чтобы на них нападать; и хотя Гезер впоследствии был вынужден стать вассалом Ефрема, Иерусалиму суждено было пасть перед иудейским, а не ефремовским вождем.

Битва при Маккеде стала темой национальной песни. Она, как и причитания Давида над Саулом и Ионафаном, была воплощена в книге Иашара, фрагмент которой цитирует составитель книги Иисуса Навина. "Солнце, будь спокойно на Гибеоне, и ты, луна, в долине Ахалона!" - воскликнул Иисус Навин перед глазами Израиля, когда Господь изгнал перед ними аморреев: "И солнце было неподвижно, и луна оставалась, пока народ не отомстил врагам своим". Так гласят слова поэмы, и прозаический историк, похоже, воспринял их буквально.

Союз с Гибеоном и разрушение Лахиша открыли путь на юг. На западе морское побережье находилось в руках филистимлян, которых израильтяне сочли бы более грозными врагами, чем разобщенных и слабых ханаанеев. Пять филистимских городов, совсем недавно вырванных из рук египтян, остались нетронутыми, а израильские налетчики направились в Негеб на юго-восток, где им удалось проникнуть до Арада и Сефата. Таким образом, они достигли того самого места, где потерпела неудачу первая попытка вторжения в Ханаан и откуда разочарованные племена были изгнаны обратно в пустыню. Зефат находился недалеко от Кадеш-Барнеа, так что иудейский историк описывает Иисуса Навина как поражающего врагов "от Кадеш-Барнеа даже до Газы" (Иис. x. 41).

Правда, его победы в этой части Ханаана подвергаются сомнению. Подробных сведений о них нет, и только в списке "царей", низвергнутых "Иисусом Навином и сынами Израилевыми" на западном берегу Иордана, фигурируют имена Арада и Сефафа, или Хормы (Иос. xii. 14). Более того, в книге Судей (i. 17) говорится, что Сефат был разрушен Иудой и Симеоном после

смерти вождя ефремитян (ст. 1), и память об этом разрушении сохранилась в изменении названия на Хорма. Однако следует отметить, что Иисус Навин "поразил" только царей Арада и Сефата, а не города, которыми они правили. Поход в Негеб был всего лишь набегом, который израильский вождь мог безнаказанно совершить благодаря владению Лахишем и горной страной к северо-западу от него. Действительно, такие набеги на плодородные земли к югу были естественны, если не неизбежны.

О них не сохранилось подробного рассказа, поскольку они не были связаны с каким-либо ярким и важным событием, вроде взятия и разрушения ханаанского города. Четыре военных подвига, с которыми история связывает имя Иисуса Навина, были связаны с разрушением ханаанской крепости и давали израильтянам власть над окружающей страной. Это были кампании, которые привели к постоянному владению территорией, а не просто набегам или бесплодным победам. Взятие Иерихона обеспечило проход через Иордан, взятие Аи закрепило Ефрема и Вениамина в горах центральной Палестины, разрушение Лахиша открыло связь с южной пустыней, в которой израильтяне получили закон Кадеша-Барнеа, а свержение царя Хазора дало им опору на севере. Союз с гибеонитами был не менее важен, поскольку обеспечивал друзей и союзников в самом сердце вражеской страны, а его первыми плодами стали победа при Маккеде и разрушение Лахиша. Иерихон, Аи, Лахиш, Хазор и Гибеон - эти имена гарантировали Иисусу Навину право называться покорителем Ханаана.

Победа в Хазоре, похоже, была последней. Хазор стоял недалеко от Кадеша Галилейского, ныне представленного руинами Кедеса, к северу от Цфата и на западной стороне болот Хулах, ветхозаветного озера Мером.^[265] В эпоху писем Тель-эль-Амарны он все еще управлялся местными царями, и в одном из них египетский офицер жалуется, что царь объединился с Сидоном в интригах с Бедавином.^[266] Когда израильтяне вошли в Палестину, это был ведущий город северной части страны. В то время как Мегиддо был столицей центра страны, Хазор был столицей севера. Его царь, Иавин, стал во главе великой конфедерации, которая простиралась от Сидона до Дора на морском побережье и от склонов Ермона до Галилейского моря во внутренних районах. Среди конфедератов история запомнила имена Иовава, царя Мадона, а также царей Шимрона и Ахшафа. Ахшаф - это финикийский Экдиппа, ныне Зиб, на берегу моря, который Тотмес III называет Аксапом. Но в Септуагинте Мадон написан как Марон, хотя чтение еврейского текста подтверждается современным названием Хурбет Мадин, "руины Мадина". Кроме того, Шимрон - это Симон в Септуагинте, и эта форма названия находит поддержку в Симонии Иосифа, Симонии в Талмуде, ныне Семуние, в шестнадцати милях от Хурбет Мадина. Г-н Томкинс отождествляет его с Шманау из Тотмеса III.^{[[267]]}

Но, опять же, чтение еврейского текста, вероятно, является более правильным. В так называемом официальном списке побед Иисуса Навина (Иис. xii. 20) это имя фигурирует как Шимронмерон, и это напоминает нам о Самси-муруне ("Бог Солнца - владыка"), который в ассирийских надписях называется городом в этом же районе. Именно от "Менахема, царя Самси-муруна" Сеннахериб получал дань во время своего похода против Езекии, и возможно, что Шимрон - это сокращенная форма Шем[эш-ме]рона или Сам[си-му]руна.

И снова критика высказывает сомнения в правдивости этого повествования. Мы слышим о другом Иавине Хазорском, более позднем, во времена Деборы и Барака, а также о другой великой победе, одержанной Израилем над войсками Иавина. Утверждается, что если бы Хазор был сожжен дотла Иисусом Навином, а все его жители преданы мечу, он вряд ли смог бы так скоро восстать из пепла и занять лидирующее положение на севере. Если бы

завоевание Иисуса Навина было таким полным, как его представляют, страна стала бы израильской, а не ханаанской.

Но из этого не следует, что раз в Хазоре был один царь по имени Иавин, то не должно было быть и другого с таким же именем. Подобные повторения имен были обычным делом в других странах мира, и трудно понять, почему правителям Хазора не должна быть предоставлена подобная привилегия. Восстание города из руин и возвращение ему бывшего могущества - опять же не уникальное событие. Многое зависит от его положения и характера жителей. Из египетских летописей мы узнаем, что города Ханаана были привычны к захватам и временному разрушению. Но вскоре они восстанавливались, прежнее население стекалось обратно, а разрушенные стены снова ремонтировались.

Правда, завоевание страны Иисусом Навином не могло быть таким основательным, как описывает повествование. Но это мы уже знаем из первой главы книги Судей (ст. 30-33). Восточные выражения и образ мыслей нельзя точной терминологией современного Запада, и восточный писатель говорит абсолютно там, где мы должны говорить относительно. Когда говорится, что "вся земля стремилась к Соломону, чтобы услышать мудрость его" (1 Цар. х. 24), универсальность высказывания должна быть очень сильно ограничена, и так же, когда говорится, что "Иисус Навин взял всю землю ту" (Иис. xi. 16), выражение допускает столь же либеральную скидку. На самом деле, в самом повествовании содержится собственное исправление. За словами: "Все города царей тех... взял Иисус Навин, и поразили их острием меча, и совершенно истребили их" (стих 12), сразу же следует условная фраза: "Только те города, которые были построены *на колесах*, Израиль не сжег ни одного из них: Один только Хазор сжег Иисус Навин".

Между историей похода Иисуса Навина и историей восстания при Бараке нет никакого сходства. Во времена древнееврейского судьи армией Иавина командовал Сисера, а не сам Иавин. Решающая битва произошла на берегах Кишона, а не на берегу озера Хулах, расположенного в нескольких милях к северу, и город Хазор не был ни взят, ни разрушен. Кадеш Галилейский и другие районы уже были в руках израильтян и, следовательно, должны были быть заняты ими в какой-то более ранний период. Краткое повествование в книге Иисуса Навина говорит нам о том, когда произошла оккупация.

Иавин созвал своих союзников и вассалов, чтобы противостоять походу израильтян на север. Ханаанеи стояли в обороне, и израильтяне, таким образом, должны были стать атакующей стороной. О том, что они не перешли Иордан с равнин Васана, можно судить по списку царей, побежденных Иисусом Навином.^[268] Среди них цари Таанаха и Мегиддо, Кадеша Неффалимова и Иокнеама, Дора, Гилгала и Тирцаха.^[269] Тирза была первым этапом к северу от Сихема; крепость Мегиддо выходила на равнину Изреель. Таким образом, общая опасность заставила бы царей центра и севера Ханаана сражаться вместе, и конфедерация охватила бы примерно ту же территорию, что и та, что противостояла Баракку на берегах Кишона. Но вместо того чтобы наступать на врага с севера, как это было в случае с Баракком, Иисус Навин должен был подойти с юга.

Именно на берегу озера Мером израильтяне внезапно напали на лагерь ханаанеев. Ханаанеи были застигнуты врасплох и разбежались во все стороны. Некоторые пробирались через узкое ущелье Иордана в сторону Мицпы Гилеадской;^[270] большую часть преследовали до Сидона, где, наконец, нашли убежище за крепкими стенами города. Колесницы их кавалерии, бесполезные для горцев, были сожжены, а лошади искалечены. Бегство армии оставило Хазор без защиты, поэтому израильтяне отступили от преследования и взяли город штурмом. Его дома были сожжены, добыча унесена, а "каждый человек" был поражен

острием меча, "и никто не мог дышать". Безжалостная жестокость Иисуса Навина находит близкую параллель в жестокости ассирийских царей.

Жизнь Иисуса Навина подходила к концу. Он был уже старым человеком; говорят, что на момент смерти ему было 110 лет - именно столько времени египтянин желал, чтобы его друзья жили. Он привел свой народ в Землю обетованную, показал ему, как брать города и побеждать противников, и прочно усадил Израиль в горной части Ханаана. Перед его смертью колена временно закрепились на территориях, названных впоследствии их именами. Мы не обязаны верить, что разделение земли было произведено с математической точностью, которая стала возможной во времена составителя книги Иисуса Навина, но отрицать, что оно вообще было произведено, - просто злоупотребление критикой. В период Судей мы находим большинство колен фактически поселенными в тех самых районах, которые, как нам говорят, были им отданы, и тот факт, что в одном или двух случаях - например, Дан и Симеон - колено так и не завладело большей частью территории, которая, как говорят, была ему отведена, показывает, что история разделения не могла быть основана на более позднем географическом положении колен. Доктрина развития может не иметь ограничений в области органической природы, но история должна учитывать индивидуальные действия и произвольные постановления великих людей. Предположение о том, что племенное деление Палестины было результатом процесса развития, имеет мало оснований и не объясняет географического положения, традиционно отводимого такому колену, как Дан.

Однако было одно колено, к истории которого теория развития в какой-то степени применима. Это было колено Иуды. Это колено лишь отчасти имело израильское происхождение. Его самая важная семья, семья Халева и Отниэля, принадлежала к эдомитскому племени Кеназ, а другое эдомитское племя, Иерахмеил, занимало южную часть территории Иудеи (1 Хрон. ii. 25-33, 42). Даже "семейства книжников, живших в Иавезе", были кенитами из Мадиама (1 Chron. ii. 55).^[271] До времен царей израильтяне из колена Иуды свободно смешивались со своими соседями; сам Давид происходил от Руфи Моавитянки, а Бат-Шеба, мать его преемника, была женой хеттеянина. Как уже было замечено, пленники, чьи фигуры стоят над названиями завоеваний Шишака в Иудее, имеют черты аморитян, а не иудеев. В Песне Деборы колено Иуды, как и колена Дана и Симеона, неизвестно. Именно Ефрем и Вениамин составляют авангард израильтян против амаликитян южной пустыни. А освободителями южного Израиля от двух его первых угнетателей были Отниэль Кенизетский и Эхуд Вениамитянин.

Колено Иуды как компактное и определенное целое впервые появляется в более поздний период и, в отличие от других колен Израиля, представляет собой скорее географическое, чем этнографическое единство.^[272] Евреи смешивались в нем с эдомитянами, а также с другими коленами - Даном, Симеоном и Левию. Его города были израильскими лишь отчасти; даже будущая столица, Иерусалим, сохранила иевусеев, а храм был построен на земле, купленной у язычника.

Тем не менее, тот факт, что и племя, и территория до последнего носили имя Иуды, говорит о том, что в этом смешении национальностей еврейский элемент оставался более сильным и преобладающим. Правда, что Хеврон, первый центр и столица Иудеи, был завоеван не евреем, а кенизцем Халевом, и что его брат Отниэль был первым "судьей"; но правда и то, что заселение страны происходило в основном за счет слияния еврейского и эдомитского элементов. Гедор, Сохо, Заноах, Кейла и Эштемоеа восходят к отцу-кенизитцу и матери-иудейке (1 Chron. iii. 18, 19), а сам Хеврон вскоре перестал быть кенизитским и стал еврейским.

Калев Кениззиец был одним из разведчиков, посланных из Кадеш-Барнеа, когда израильтяне предприняли свою первую и неудачную попытку вторгнуться в Ханаан. Следовательно, он принадлежал к поколению, вырвавшемуся из египетского рабства, из которого он и Иисус Навин, как говорят, были единственными выжившими во время перехода через Иордан. Хеврон был главным пунктом и целью исследования соглядатаев, и именно из его окрестностей был привезен виноград, свидетельствующий о плодородии земли. Поэтому вполне естественно, что Хеврон снова стал целью Халева, и пока ефремитянский полководец укреплялся на севере, Халев повел своих последователей на его штурм. Разрушение Лахиша открыло путь, и крутая тропа, ведущая по известняковым холмам из Лахиша в Хеврон, осталась без защиты.

Современные авторы видят в имени Халев просто племенное обозначение, обозначающее "халевитов" или "людей-псов". Но клинописные надписи показывают нам, что Калев или Пес был именем отдельного человека, а также объясняют, как он стал таковым. В табличках Тель-эль-Амарны, как и в более поздних ассирийских письмах, слово *Kalbu* или "Пес" используется в значении "офицер" или "гонец"; царский офицер был его "верным псом", и этот термин был почетным.^[273] Оно не передавало ни одной из тех идей презрения или оскорбления, с которыми оно впоследствии ассоциировалось в семитском сознании и которые, возможно, имели свое происхождение в Аравии. Возможно, Калев был "офицером" фараона до того, как стал еврейским шпионом.

Захват Хеврона, как говорят, произошел через пять лет после перехода через Иордан (Иис. xiv. 10). Во всяком случае, это произошло до смерти Иисуса Навина (несмотря на Иуд. i. 1, 10). Однако именно после этого события были предприняты дальнейшие завоевания кениззитов.

Где-то недалеко от Хеврона, но выше в "горах", находился ханаанский город Дебир. Дебир означал "святилище"; именно здесь, как и в Вавилонии и Ассирии, в одной из камер храма хранилась большая библиотека книг. Как и вавилонские города, Дебир имел несколько названий. Он также назывался Кирьят-Санна, "город обучения", из-за школ, которые собирались вокруг его библиотеки,^[274] а в Ветхом Завете он также известен как Кирьят-Сефер или "Книжный город". Однако в *"Путешествиях Мохара"*, сатирическом рассказе о приключениях туриста в Палестине, написанном египтянином в царствование Рамсеса II, он называется Бет-Софер, "дом писца", и объединен с Кирхат-Анабом. Поэтому очевидно, что масоретская пунктуация *Sepher* - "книга" - ошибочна и должна быть исправлена на *Sopher* или "писец". Более сомнительно, что Кирьят, "город", также должен быть исправлен на Бет, "дом" или "храм". *Бет* был бы более подходящим термином в случае города, в котором находилось святилище, и, возможно, слово Кирьят произошло от соседнего города [Кирьят] Анав, который в Иис. xv. 50 называется просто Анав. Но возможно также, что египетский писатель ошибся и поменял местами слова "город" и "дом", а истинные названия двух городов - Киржаф-Софер и Бет-Анав.^[275]

Как бы то ни было, Калев обещал свою дочь Ахсу в качестве награды победителю Дебира. Награду получил его "младший брат" Отниэль, а ханаанский город был настолько полностью разрушен, что его местоположение до сих пор неизвестно. Его библиотека погибла в руинах, хотя глиняные таблички, которыми она, несомненно, была заполнена, все еще лежат под землей, ожидая первооткрывателя, который с их помощью восстановит древнюю историю южного Ханаана. Хеврону повезло больше. Город был спасен после захвата и стал главной резиденцией кениззитов, а впоследствии, когда кенизиты влились в Иудею, и столицей самой Иудеи.

Еврейское племя Иуды не спешило следовать примеру своих эдомитских товарищей. Говорят, что "сыны Иуды" сначала довольствовались жизнью с мадианитянами-кенитами в окрестностях Иерихона, а когда кениты вернулись в пустыню Кадеш-Барнеа, поселились там вместе с ними (Суд. i. 16). Но были и другие иудеи, которые остались в Ханаане и там создали себе вотчину. Иуда и Симеон, как нам говорят, "поднялись" вместе в отведенную им страну и в конце концов сумели занять большую ее часть. Выражение любопытно и, похоже, подразумевает, что захватчики отправились из пустыни Кадеш-Барнеа, хотя, возможно, имеется в виду Лахиш и его окрестности. В любом случае Адони-безек, "владыка Безека", был побежден и взят в плен, ему отрубили большие пальцы рук и ног, как и семидесяти вассальным князьям, которые "набирали мясо" под его столом. Добавим, что его привезли в Иерусалим, где он и умер.

То, что он был доставлен туда евреями, не вызывает сомнений. Однако составитель книги Судей, похоже, так и думал, поскольку далее он говорит: "И сражались сыны Иуды^[276] с Иерусалимом, и взяли его, и поразили его острием меча, и подожгли город". Трудно согласовать это с совершенно определенным утверждением в книге Иисуса Навина (хв. 63): "Что касается Иевусеев, жителей Иерусалима, то сыны Иудины не могли изгнать их; но Иевусеи живут с сынами Иудиными в Иерусалиме до сего дня"; или со столь же определенным утверждением в первой главе книги Судей (стих 21): "Сыны Вениамина не изгнали Иевусеев, населявших Иерусалим; но Иевусеи живут с сынами Вениамина в Иерусалиме до сего дня". Последний отрывок относится к тому периоду, когда Иуда еще не стал единым целым, и когда, как в Песни Деборы, Вениамин все еще считался южной границей колен Израиля; первый же отрывок переносит нас в то время, когда Вениамин был вытеснен Иудой, а Израиль готовился принять царя. Именно в этот период левит с горы Ефрема, возвращаясь из Вифлеема, не остановился в Иевусе, потому что это был "город иевусеев" (Суд. хix. 10, 11); более поздний период охватывает время, когда Иерусалим был взят Давидом, и когда иудейский царь, не истребляя его жителей и не поджигая его, позволил иевусеям в нем сохранить свою собственность (2 Цар. ххiv. 18-24) и сделал его столицей своей империи. Несомненно, Иерусалим мог быть захвачен "сынами Иуды" и, тем не менее, продолжать существовать. Из табличек Тель-эль-Амарны мы можем узнать, что такой случай действительно имел место в конце восемнадцатой египетской династии, и одним из городов южного Ханаана, захваченных Рамсесом II, был Шалама или Салем. Но если это так, то не могло быть никакой резни населения и сожжения города; отрывки Ветхого Завета, в которых иевусеи описываются как непрерывно живущие в своем городе, слишком ясны и определены, чтобы допустить такое предположение. Напротив, иевусеи жили в мире и согласии как с иудеями, так и с вениамитянами; и если бы не слова левита (Суд. хix. 11) о том, что Иерусалим все еще "город чужой", мы могли бы поверить, что судьба, постигшая его во времена Давида, была предвидена в более раннем веке. Но ни Вениамин, ни Иуда не смогли "изгнать иевусеев, населявших" великий город-крепость в Южной Палестине.

Возвышение Иуды началось после свержения Адони-безека: "После этого, - читаем мы, - сыны Иуды пошли сражаться с хананеями, которые жили на горе, и в Негебе южном, и на равнине". Все это было давно, после смерти Иисуса Навина и Халева. Последние, кто остался в живых после первой попытки проникнуть в эту часть Ханаана, скончались, прежде чем она, наконец, перешла - хотя бы частично - в руки израильтян. Первые мечты о завоевании уже давно уступили место трезвой и разочаровывающей реальности. Ханаан оказался для Израиля более трудной добычей, чем Британия для саксов. Лишь в горах и нескольких изолированных городах захватчикам удалось удержать свои позиции. В других местах стены и колесницы ханаанеев сдерживали их, а крепости филистимлян и финикийцев преграждали им путь к побережью. Сыны Израиля были вынуждены жить "среди Хананеев,

Хеттеев, Аморреев, Ферезеев, Евеев и Иевусеев", и не было причин удивляться тому, что "они брали дочерей их в жены, и отдавали дочерей своих за сыновей своих, и служили богам их" (Суд. iii. 5, 6).

Перед смертью Иисуса Навина скиния была установлена в Шилохе, на склонах горы Ефрема, в самом сердце недавно завоеванной земли. То, что центральное святилище должно было находиться под защитой Ефрема, свидетельствовало о том, что "дом Иосифа" был главным среди колен Израиля. Еще одним знаком стало захоронение мумии Иосифа в Сихеме. Здесь же, в Сихеме, находились две горы - Эбал и Геризим, на которых было предписано произносить проклятия и благословения Закона. История не сохранила никаких сведений о завоевании этого места, и имя царя Сихема даже не встречается в списке царей, побежденных Иисусом Навином. Но город, должно быть, пал в ранний период вторжения, а повествование в книге Иисуса Навина viii. 33 подразумевает, что его взятие последовало сразу за разрушением Аи.

Из молчания истории мы можем заключить, что не было ни осады, ни резни, чтобы произвести впечатление на память потомков. Этот вывод подтверждается тем, что мы знаем о последующей истории Сихема. Во времена Гедеона и Авимелеха его население все еще наполовину состояло из аморитов (Суд. ix. 28). Как и в Иерусалиме, старые жители не могли быть уничтожены или изгнаны. Как и гибеониты, они должны были примириться с захватчиками или мирно смешаться с ними в течение многих лет.

Однако с самого начала Сихем должен был стать столицей Ефрема. Здесь находилась гробница основателя "дома Иосифова", здесь были две священные горы Закона, и здесь же Иисус Навин собрал народ, чтобы услышать свои последние слова. Подобно Моисею на Синае и в Кадеш-Барнеа, Иисус Навин заключил завет с народом... и установил им устав и постановление в Сихеме. И написал Иисус Навин слова сии в книге закона Божия, и взял большой камень, и поставил его там под теребинтом, который был в святилище Господнем". Таким образом, здесь находилось местное святилище Ефрема, отдельное от центрального в Шилохе, и в его пределах стоял священный теребинец. Критика не находит причин сомневаться в том, что "большой камень", о котором говорится в тексте, действительно был установлен, как "Бет-Эль", под сенью дерева, и трудно понять, почему она должна более скептически относиться к дальнейшему утверждению, что завет, в память о котором установлен камень, был записан Иисусом Навином "в книге Закона Божия".

В то время как Сихем был местным святилищем Ефрема, колена к востоку от Иордана освятили свой собственный "большой жертвенник" на берегу реки. Этот жертвенник послужил поводом для спора между двумя ветвями дома Израилева, который едва не привел к войне. Но опасность была предотвращена благодаря посредничеству священников; и хотя колена к востоку и западу от Иордана неизбежно имели разные интересы, это еще долго не приводило к открытой вражде или даже к забвению их общего происхождения и общего Бога. Дебора упрекает Рувим и Гилеад за то, что они стояли в стороне, пока Завулон и Неффалим рисковали жизнью в поле, а сын Гедеона владел своим царством на восточной стороне Иордана.

Иисус Навин был похоронен в Тимнат-Серах или Тимнат-Херес^[278] на горе Ефремовой, на участке земли, который стал собственностью его самого и его семьи. Израильтяне более позднего времени вспоминали о нем с благодарностью и почтением: он был героем, которому удалось сделать то, что не удалось Моисею, и привести свой народ в Землю Обетованную. Но история судит несколько иначе. Он не был законодателем или вождем людей, как Моисей, и даже с военной точки зрения завоевание аморрейских царств Сигона

и Ога было большим достижением, чем закрепление в горах центральной Палестины. Иисус Навин не был завоевателем Ханаана, как его представляло благочестивое воображение более позднего времени: он лишь открыл путь к нему. Он научил израильтян, как победить хананеев, и ему удалось разрушить несколько их городов. Но это было все; а массовые резни, которыми он ознаменовал свое продвижение, бессмысленное уничтожение всего, что нельзя было унести в качестве трофеев, и варварское истребление элементов культуры нашли себе равных только в кровопролитных походах некоторых ассирийских царей и саксонском вторжении в Британию.

ГЛАВА V ЭПОХА СУДЕЙ

Состояние Израиля - уничтожение вениамитян - история Михея и завоевание Дана - Чушан-ришафаим и Рамсес III - должность судьи - Еглон из Моава - филистимляне - Дебора и Варак - Сисера и хетты - песня Деборы - Гедеон - царство Авимелеха - Иефта - жертва дочери - поражение и истребление ефремитов - Самсон - исторический характер книги Судей.

Израиль наконец-то пробился в Землю Обетованную. Гора Ефрем в его руках, и он уже укрепился в других частях Палестины. Иисус Навин, вождь, научивший его, как перейти Иордан и победить князей Ханаана, мертв. Эпоха странствий закончилась, началась эпоха расселения.

Но эпоха заселения была бурной. Ханаанеи были покорены лишь частично; сами израильтяне представляли собой не более чем сборище набеговых групп. Кроме того, они принесли с собой кочевые привычки пустыни и были мало склонны восстанавливать города, которые они так безжалостно разрушили. Почти со всех сторон их окружали враги, лучше организованные, лучше вооруженные или более многочисленные, чем они сами, которым время от времени удавалось захватить их поля и подчинить их себе. Племена, мечтавшие о завоевании Ханаана, вместо этого становились добычей других.

Это был период анархии и вечных войн. Не имея главы и сплоченности, кажется странным, что они не погибли окончательно или не были поглощены более древним населением земли. Тому, что нация выжила, есть только одно объяснение. У него была общая вера, общее святилище и общий свод священных законов. Как в Европе после падения Римской империи церковь сохранила структуру общества и в конце концов вывела порядок из хаоса, так и в древнем Израиле нация была обязана своим дальнейшим существованием закону, данному Моисеем. Только железные оковы писаного закона с его организованным священством и санкциями, а главное - знание о его существовании, могли предотвратить стремительный процесс политической и социальной дезинтеграции. Если бы религия Израиля была лишь результатом эволюции, о которой мечтают некоторые современные авторы, а закон Моисея - изобретением более поздней эпохи, то не было бы Израиля, в котором могла бы развиваться религия или быть составлен свод законов. Внешнее единство племен в Египте и пустыне было разрушено поселением в Ханаане, и все, что осталось, - это внутреннее и религиозное единство, которое было навязано им гением отдельного законодателя. Место политического главы и лидера заняли организованный культ и тщательно разработанный свод законов, которые он завещал народу. Внешне Израиль действительно перестал быть нацией и

превратился в разрозненное и анархичное сборище мародерствующих племен; но элементы, которые могли бы вновь связать их воедино, все еще существовали: вера в единого национального Бога, обряды, которым Он поклонялся, священство и святилище, где хранились традиции Закона.

То, что это не выдуманная картина, доказывает Песнь Деборы. Самые скептически настроенные критики признают, что Песнь Деборы относится к эпохе, к которой ее относят, и, следовательно, отражает представления израильтян вскоре после переселения в Ханаан. Ни одно произведение экзильского периода не может быть более бескомпромиссным в своем монотеизме и утверждении, что только Яхве является Богом Израиля. Кроме того, Песнь Песней предполагает, что колена Израиля, пусть и разобщенные, все же связаны общей верой в единого национального Бога. Но и это еще не все. В Израиле, даже среди северных колен, по-прежнему есть "законодатели", подобные Моисею, и писцы, владеющие пером (Суд. ст. 14). Письменность, таким образом, все еще известна и практикуется даже среди народа, настолько угнетенного своими врагами, что "дороги были не заняты", а феллахи в деревнях перестали существовать. Законы также все еще издавались в продолжение законов Моисея, а народ Израиля - это "народ Господа".

Но была и другая сторона картины. В то время как Завулон и Неффалим рисковали "жизнью до смерти" "за Яхве", были племена и города, которые забыли о своем долге перед Богом и братьями и "не пришли на помощь Господу". Так было с жителями Мероза; так же поступили Рувим и Галаад, Дан и Ашер. Описание, данное составителем Книги Судей о состоянии колен после смерти Иисуса Навина, не может быть далеким от истины. Они были посажены среди врагов, которые оказались слишком сильны, чтобы их можно было уничтожить или изгнать. Со всех сторон их окружали "Филистимляне, и все Хананеи, и Сидоняне, и Хеттеи, обитавшие на горе Ливан от горы Ваал-Гермон до входа в Хамат" "И жили сыны Израилевы среди них, и брали дочерей их в жены, и отдавали дочерей своих за сыновей своих, и служили богам их. И делали сыны Израилевы зло в очах Господних, и забыли Господа Бога своего, и служили Ваалам и Ашеру" Еще более выразительны слова, которыми заканчивается Книга Судей: "В те дни не было царя в Израиле; каждый делал то, что было справедливо в его собственных глазах". Это была эпоха индивидуального беззакония; группы общества были развязаны, и никто не был достаточно силен, чтобы руководить и контролировать. За пределами влияния представителей Моисеева закона не было ни обуздания, ни порядка.

Зафиксированы два случая, которые бросают яркий свет на нравы и характер эпохи, последовавшей за поселением в Ханаане. В одном из них мы слышим о левите с горы Ефремовой, "который взял себе наложницу из Вифлеема в Иудее". Финеес, внук Аарона, сменил своего отца Елеазара на посту первосвященника в Шилохе (Иуд. хх. 28), где был поставлен "ковчег завета". Наложница оказалась неверной левиту и в конце концов сбежала в дом своего отца в Вифлееме. Левит последовал за ней и уговорил ее вернуться с ним в его дом. Однако отец женщины, весьма довольный примирением, продолжал оказывать гостю гостеприимство, и только во второй половине пятого дня левиту удалось уйти. Вскоре наступил вечер, и, отвергнув совет раба переночевать в Иерусалиме, сославшись на то, что это "город чужой", он вместе со своей наложницей отправился в Гибей, принадлежавшую Вениамину. Однако лучше бы он искал гостеприимства у "чужеземца", а не у своих людей, потому что, несмотря на то что у него было много еды и для себя, и для своих ослов, его оставили ночевать на улице. Но в последний момент один старик, не уроженец Гибей, пришел с работы в поле и, увидев левита на улице, позвал его и его спутников в дом. Пока они ели и пили, вокруг дома собралась толпа и потребовала вывести к ним этого человека,

чтобы они могли "узнать его". Это было повторение сцены, разыгравшейся в Содоме, когда ангелы посетили дом Лота, с той лишь разницей, что действующими лицами были израильтяне, а не ханаанеи, которых евреи были призваны уничтожить за их грехи. Тщетно "хозяин дома" уговаривал своих сограждан не поступать "так нечестиво", предлагая им свою дочь, а также наложницу своего гостя вместо самого гостя. Однако в конце концов они удовлетворились несчастной наложницей, над которой "издевались" всю ночь, а затем оставили мертвой на пороге дома. Первое, что увидел "ее господин", открыв утром дверь, был труп женщины. Он положил его на своего осла и отнес в свой дом, где разделил на двенадцать частей, которые разослал "по всем берегам Израиля". Ужас от этого поступка или, возможно, от видимых доказательств, которыми он был объявлен, возбудил израильтян, и они потребовали наказания виновных. Преступление было совершено против левита, братьев которого можно было найти везде, где селились израильтяне, и который имел на своей стороне священство центрального святилища в Шилохе. Кроме того, он был левитом горы Ефремовой, и, соответственно, ему было обеспечено сочувствие могущественного колена Ефремова. Вениамитяне, однако, отказались отдать своего соплеменника в руки правосудия, и в результате началась межплеменная война. Не успели племена завоевать половину обещанной им страны, как уже воюют между собой.

Вениамитяне сначала добились успеха, и их противники были разбиты с большим количеством жертв в двух последовательных сражениях. Затем они попали в засаду: основная часть их войска ушла вслед за отступающим врагом на север, а в тылу у них из "лугов Гивеи" поднялась засада и подожгла город. Отступающий враг повернул назад, а вениамитяне, оказавшиеся как бы между двух огней, были изрублены почти до единого человека. Только шестьсот человек спаслись "в пустыню к скале Риммона", где они продержались четыре месяца. Тем временем "люди Израиля" обращались с братьями Вениамитянами как с ханаанскими изгоями, поражая их "острием меча, от людей каждого города до зверей и всего, что находили; и все города, в которые приходили, поджигали".

Вениамин был почти истреблен. Уцелело лишь несколько человек. Но в самом начале войны они попали под тот же запрет, что и хананеи, и была дана торжественная клятва, что ни одна израильтянка не должна вступать с ними в брак. Когда мир был восстановлен и виновное племя практически уничтожено, запрет был обойден с помощью уловки, которая, какой бы бессодержательной она ни казалась современному европейцу, полностью соответствовала представлениям древнего Востока. Иавис-Гилеад отказался участвовать в войне с Вениамином, и победители решили отомстить за него. Город был захвачен врасплох, и все мужчины в нем были хладнокровно истреблены, равно как и "все женщины, лежавшие с мужчиной". Около четырехсот незамужних девиц были уведены в Шилох и там насильно выданы замуж за оставшихся в живых вениамитян. Но и этого было недостаточно, и впоследствии вениамитян призвали прятаться в виноградниках близ Шилоха и там ловить и делать женами местных девиц, которые выходили танцевать на ежегодный "праздник Господень". Место это, как нам говорят, находилось к северу от Веф-Эля, "на восточной стороне дороги, идущей от Веф-Эля к Сихему, и на юге от Лебоны".

Недавние критики видят в этой истории всего лишь народную легенду, призванную объяснить тот факт, что среди вениамитян практиковались браки по расчету. С таким же успехом можно утверждать, что история о пороховом заговоре - это легенда, выросшая из обычаев 5 ноября. У критиков нет даже обоснования того, что браки по расчету были распространены среди израильтян. На самом деле, это единственный случай, который мы встречаем в Старом Завете - случай настолько исключительный, что его невозможно объяснить, если только он не возник при особых обстоятельствах. Это точно не было

выживанием более раннего обычая, общего для остальных колен, и нет никаких следов того, что он был распространен в самом колене Вениамина. На самом деле мы тщетно ищем какие-либо другие примеры этого обычая как среди израильтян, так и среди хананеев, или даже среди вениамитян в любой другой период их истории.

Правда, рассказ о войне между Вениамином и его братскими коленами прошел через увеличительные линзы позднейшей истории. Преувеличенное число сражающихся и убитых, как и использование универсальных "все" и "каждый" там, где подразумевалось частичное "некоторые", полностью соответствуют восточным привычкам выражения. Современный житель Востока слишком хорошо знаком с подобными преувеличениями в языке, и при изучении восточной истории необходимо всегда делать на них поправку. Кроме того, в описании войны ее реальный характер был несколько затушеван. Вениамин слишком часто рассматривается как отдельное образование, обособленное и отрезанное от остального Израиля, а не как колено, которое когда-то собралось вокруг святилища в Веф-Оне и продолжало формировать "южную" границу дома Иосифа. Война с Вениамином, по сути, была похожа на войну с Иависом-Гилеадом - это была ссора не с коленом, а с определенными израильскими городами. Возможно даже, что в этой ссоре Иавис-Гилеад с самого начала ассоциировался с Гибеей и другими городами Вениамина. Во всяком случае, мы находим его таким союзником в эпоху Саула. Первым делом Саула как царя было спасение Иависа-Гилеада от аммонитян, и именно люди Иависа-Гилеада сняли тела Саула и Ионафана со стен Бет-Шана и с почестями похоронили их.^[282]

Второй инцидент, который рассказывает нам о нравах Израиля в годы, последовавшие за вторжением в Палестину, записан языком, который был мало изменен составителем Книги Судей, если вообще изменен. В ней нет жуткого ужаса истории о наложнице левита, но она в равной степени показывает, насколько далека от истины идиллическая картина, которую иногда рисуют о первых израильских завоевателях Ханаана. Центральным персонажем этой истории снова является левит. Ефремец по имени Михей, как нам рассказывают, украл у своей матери одиннадцать сотен сиклей серебра, но, напуганный ее проклятиями в адрес вора, признался в содеянном и вернул деньги. После этого мать сообщила ему, что эти сокровища были посвящены ею Яхве от его имени, чтобы из них можно было сделать для него высеченное и расплавленное изображение. Двести сиклей были взяты, а серебро пошло на изготовление изображений. Они были установлены в доме Михея вместе с "ефодом и терафимом", а один из его сыновей был посвящен в священники. Однако это было признано противоречащим закону, и когда странствующий левит из Вифлеема, "из рода Иудина", пришел в поисках работы, его приветствовал Михей, спросивший, не будет ли он его священником. Его жалованье за эту должность должно было составлять десять сиклей серебра в год, а также "одежда" и пища. Условия были приняты, и Михей посвятил его в священники. Положения Моисеева закона были выполнены, и ефремец самодовольно заметил: "Теперь я знаю, что Господь сделает мне добро, если у меня будет левит священником моим".

Однако его самоуспокоение было недолгим. Данаиты, не сумев закрепиться на юге Ханаана, выслали пять соглядатаев из своего стана под Киржаф-Иеримом^[283], которые по пути на север были гостеприимно приняты в доме Михея. Здесь они нашли левита, с которым, судя по всему, были знакомы ранее, и попросили его узнать "у Бога", будет ли их путешествие благополучным или нет. Ответ священника был благоприятным: "Пред Яхве путь ваш, по которому вы идете".

Вдали, к северу от других еврейских поселений, разведчики обнаружили финикийский город Лаиш, уже упоминавшийся в географических списках египетского завоевателя Тотмеса III.

Его жители жили в мирной безопасности, "по примеру зидонян", никто им не мешал, и не было врага, которого они могли бы бояться. Соглядатаи сразу увидели, что город не готов к внезапному нападению вооруженных людей; короче говоря, "Бог отдал его в их руки". Поэтому они вернулись в Махане-Дан, стан Дана, и сообщили о том, что видели. После этого данитяне решили захватить для себя удел на севере, и шестьсот человек, "опоясанные оружием войны", вместе со своими семьями и скотом отправились в Лаиш.^[284] По дороге соглядатаи привели их в дом Михея, у которого они отобрали изображения, ефод и терафим, а также его священника. Тот сначала протестовал, но когда ему сказали, что он будет священником "колена", его "сердце обрадовалось", и "он взял ефод и терафим и изображение и пошел среди народа". Михей и его друзья, обнаружив ограбление, погнались за данайцами, но, обнаружив, что они слишком сильны для него, он счел благоразумным вернуться домой.

Данаиты продолжили свой поход и без особого труда захватили неохранный Лаиш, расправились с его жителями и сожгли дома в огне. На развалинах они построили новый город, Дан будущей израильской истории. Здесь было воздвигнуто изображение Михи, и поклонение ему продолжалось "все время, пока дом Божий был в Шилохе". Левит, возглавлявший святилище, стал родоначальником длинного рода священников, которые продолжали быть "священниками колена Данова до дня пленения земли".⁽ Составитель Книги Судей добавляет, что его звали Ионафан, внук Моисея, имя которого в большинстве еврейских рукописей заменено на Манассия.^[286] Это утверждение фиксирует дату завоевания Лаиша и показывает, что, как и война с Вениамином, она произошла всего через два поколения после смерти великого законодателя.

Картина, представленная нам в этом повествовании, резко контрастирует с идеалом, к которому стремилось законодательство Пятикнижия. Золотой телец возродился в усиленном виде, и рядовой израильтянин, включая левита, который был внуком Моисея, считает само собой разумеющимся, что Яхве должен поклоняться в виде двуединого идола. Более того, , наряду с нарисованными и расплавленными изображениями, которые должны были представлять Бога Израиля вопреки второй заповеди, мы находим также изображения домашних богов или терафимов, чей культ составлял часть культа, воздаваемого национальному божеству. Этот культ, по сути, сохранился до последних дней Северного царства; он практиковался в доме Давида (1 Цар. xix. 13) и даже рассматривается пророком Самарии как неотъемлемая часть установленной религии государства (Ос. iii. 4). Священнические полномочия левита, однако, ничуть не страдали от идолопоклоннического характера культа, которым он руководил. Как и Давид в более поздние времена (1 Цар. xxiii. 2, 4, 9, xxx. 8; 2 Цар. v. 19, 23), когда люди из Дана спрашивали через него, будет ли их путешествие успешным, он мог ответить им именем Господа.

Но это еще не все. Михей, ефремовец, посвящает своего собственного сына в священники, в то время как левит скитается по земле, ищет работу и просит хлеба. Нет никакого надела, который принадлежал бы ему по праву; нет левитского города, где он мог бы найти приют и поле; нет центрального святилища, где требовались бы его услуги. Сказано, что он "из рода Иудина", а не потомок Левия, хотя составитель подразумевает, что это выражение не следует понимать в буквальном смысле. И священство, которое он основал в Дана, продолжало соперничать со священством "сынов Аарона" на протяжении почти пяти веков национальной жизни Израиля.

Критики пришли к выводу, что пятикнижие не могло существовать в то время, когда город Лаиш был взят коленом Дана. Однако из этого вывода отнюдь не следует. Совершенно точно, что он не был сделан составителем Книги Судей, сохранившим для нас это

повествование; в конце концов, он, скорее всего, понимал идеи и чувства израильтян более раннего поколения, чем европейский критик девятнадцатого века. Фактически, он дал нам объяснение противоречия между законом Моисея и практикой ранних израильтян, которое не только удовлетворяет всем условиям проблемы, но и в целом более вероятно, чем грубое и готовое решение современной критики. Израиль в Ханаане в первые муки вторжения был совсем другим Израилем, чем тот, который жил в пустыне под непосредственным контролем и надзором Законодателя. Он был дезорганизован, он был незаконен, он был разбит на части, которые со всех сторон были окружены чужим населением, чья превосходная культура и богатство, когда их не удавалось захватить или уничтожить, неизбежно оказывали глубокое влияние на более грубые племена мародеров из пустыни. Израильтяне неизбежно попадали под это влияние; они вступали в браки с туземцами, перенимали их богов и религиозные идеи.

Доказательством того, что это верное объяснение пренебрежения или забвения Моисеева закона, характерного для эпохи Судей, служит тот факт, что это пренебрежение или забвение не было всеобщим. На протяжении всей эпохи Судей у Израиля было центральное святилище, хотя, похоже, его мало кто посещал, и в этом центральном святилище поклонялись Яхве "сыновья Аарона", которые хранили память о законе, принятом в пустыне. В Шилохе не было ни изображений, ни расплавленных, ни фигур терафимов, ни идолопоклоннических обрядов. Вместо изображения там был ковчег завета, в котором не было ничего, кроме скрижалей закона.^[287] Шилох был единственным местом в Израиле, где можно было соблюдать законы Пятикнижия, и только в Шилохе мы видим, что они были таковыми.

Но влияние Шилоха не распространялось далеко. Он даже не стал центральным святилищем Ефрема. Одной истории Михея достаточно, чтобы доказать это. Каким бы эфраимцем он ни был, Шилох и его священство не существовали для него; его боги и его священники были частью его собственного дома. Столь же убедительной является история Гедеона.

Эфод, за которым Израиль "блудил", был посвящен не в Шилохе, а в Офре, в нескольких милях к северу; и у Ваал-берита в ефремитском городе Сихем было больше поклонников, чем у Яхве в Шилохе. Как в эпоху Маккавеев дух иудаизма сохранялся среди небольшого остатка народа, в неизвестности провинциального городка, так и во времена Судей дух Закона сохранялся среди гор Ефрема в окружении незначительного числа священников.

Младенцу Израилю пришлось бороться не только с ханаанеями, но и с собственной внутренней дезорганизацией и раздорами. Иностранные вторжения быстро последовали за поселением в Палестине. Из табличек Тель-эль-Амарны мы узнали, что еще до Исхода цари Месопотамии с тоской смотрели на Ханаан. Западным семитам Месопотамия была известна как Нахараим, или Арам Нахараим, "Арам двух рек", Евфрата и Тигра, и это название было заимствовано египтянами в его арамейской форме Нахараин или Нахрина.^[288] Ведущим государством Месопотамии на протяжении нескольких веков был Митанни, расположенный на восточном берегу Евфрата, недалеко от Кархемиша, и правители Митанни стали хозяевами не только района между Евфратом и Тигром, но и страны на запад до Оронта. В эпоху восемнадцатой египетской династии Митанни была самым могущественным из азиатских царств, а сами фараоны не гнушались соединять свою солнечную кровь с кровью царской семьи.

Время от времени, как свидетельствует переписка из Тель-эль-Амарны, князья Митанни вмешивались в дела Палестины. Риб-Хадад, правитель Финикии, заявляет, что "издревле" цари Митанни были враждебны предкам фараона, а его письма полны жалоб на то, что

амориты к северу от Палестины восстали против Египта при помощи Митанни и Вавилонии. Эбед-Тоб из Иерусалима, который использует имя Нахрина или Нахараин, как и авторы Ветхого Завета, рассказывает о борьбе, происходившей на водах Средиземного моря, когда Нахрина и Вавилония владели Ханааном. "Когда корабли, - говорит он, - были на море, рука могучего царя (бога Иерусалима) одолела Нахриму и Вавилонию; но теперь хабиры одолели города царя" (Египта в Южной Палестине).^[289]

Это был не последний случай, когда Митанни и Египет оказались по разные стороны. Рамсес II утверждает, что разбил войска Митанни, а название той же страны фигурирует среди завоеваний Рамсеса III из двадцатой династии.^[290] Она вместе с хеттской столицей Кархемишем входит в число царств, над которыми одержал победу последний из фараонов-завоевателей. В великой борьбе, которую Египту пришлось вести с филистимлянами и другими пиратскими ордами из греческих морей, северные захватчики везли с собой контингенты из различных народов Северной Сирии, через земли которых они проходили. Хетты и амореи, жители Кархемиша и Арвада, даже жители Элиши или Кипра присоединились к захватчикам Египта, и среди пленных вождей врага, запечатленных на стенах Мединет-Хабу, есть цари хеттов и амореев. Царь Митанни, однако, отсутствует; хотя он и был врагом фараона, он никогда не осмеливался войти в Египет, и поэтому его имя не фигурирует среди завоеванных вождей. Все, что мог сделать фараон, - это включить название своего царства в число тех, чьи силы он поверг.^[291]

Правление Рамсеса III приводит нас к тому моменту, когда израильтяне под предводительством Иисуса Навина собирались войти в Ханаан. Египет уничтожил вторгшихся в него врагов и перенес войну возмездия в Палестину и Сирию. Израильтяне еще не перешли Иордан. Среди мест в Южной Палестине, покоренных Рамсесом, - Бет-Анот (Иос. xv. 59), Кармил Иудейский, Хеврон, Ир-Шемеш, Хадашах (Иос. xv. 37), Шалам или Иерусалим, районы Мертвого моря и Иордана, даже Корха в земле Моава.^[292] Здесь еще нет следов Израиля, а Хеврон еще не стал добычей кениззита.

Хронология, однако, позволяет с уверенностью утверждать, что хотя израильтяне и не вошли в Палестину во время египетской кампании в этой стране, прошло не так уж много времени, прежде чем они действительно сделали это. Кампания Рамсеса III, по сути, подготовила почву для вторжения израильтян, ослабив силы ханаанеев. В любом случае, победа над северными народами и их союзниками, отмечаемая в храме Мединет-Хабу, должна была произойти всего за несколько лет до завоевания израильтянами южного Ханаана.^[293]

Царь Митанни был причислен к врагам Египта; тем не менее он не присоединился к вторгшимся ордам в их нападении на долину Нила. Может быть, он задерживался в том, что когда-то было египетской провинцией, в той земле Ханаана, которую до него желали его предки? Египетская империя пала, на карту было поставлено само существование Египта, и наконец-то представился благоприятный случай, когда Нахараим могла стать хозяйкой Западной Азии. Вавилония, как и Египет, была бессильна, Ассирия еще не набрала силу, а хетты преградили старую дорогу, которая вела из Халдеи на Запад.

Армии Чушан-ришатаима^[294] Нахараима, соответственно, пробились через Сирию к южным границам Палестины. Они больше не были связаны с вавилонянами, как во времена Эбед-Тоба; на короткое время Нахараим стал верховным правителем на восточном побережье Средиземного моря. В течение восьми лет и ханаанеи, и их израильские и кенизские захватчики были вынуждены подчиняться его власти. Завоевательная деятельность была остановлена сильной рукой иноземной державы.

О том, как скоро после поселения израильтян в Ханаане произошло вторжение Чушан-ришафаима, говорит тот факт, что Отниэль, кениззиец, брат Халева и завоеватель Кириаф-Сефера, был тем героем, который "освободил" Израиль от иноземного ига. Как произошло избавление, мы не знаем: то ли в результате смерти царя Нахараима, то ли в результате восстания хананеев и сирийцев, то ли оно пришло только к израильским племенам, а не к ханаанским городам. Несомненно то, что и "притеснение", и избавление последовали сразу после захвата Палестины израильтянами. Халев принадлежал к тому же поколению, что и Моисей и Иисус Навин, и хотя Офниэль был его "младшим братом", он тоже должен быть причислен к этому поколению. Иисус Навин вряд ли успел умереть до того, как Израиль перешел под иго Нахараима.

Господство Нахараима простиралось до самых южных границ Палестины. Израиль "освободил" не ефремовец, а вождь эдомитян в Хевроне, где еще не утвердилось колено Иуды. Этот факт примечателен: первый из "судей" был кенизцем эдомитского происхождения, и иго, которое он сбросил, в равной степени давило на израильтян и ханаанеев. В самом акте завоевания и истребления ханаанеев Израиль был вынужден сочувствовать им и объединяться с ними против общего врага.

Знак, давший Отниэлю право быть *шофэтом* или 'судьей', был двояким. На него сошел дух Яхве, и он освободил Израиль от угнетателя. Таким образом, Шофет был отмечен Яхве для своей должности, и его успех в войне был видимым знаком того, что он был призван быть лидером своего народа. Эта должность была специфически ханаанским институтом. Когда царская власть была упразднена в Тире во времена Навуходоносора, царей заменили "судьи", а в Карфагене "суфеты" или "судьи" были главными магистратами государства.^[295] Существовал ли этот институт где-либо еще в семитском мире, мы не знаем. Но он был исконно ханаанским, и, подчиняясь правлению судей, израильтяне одновременно подчинялись и ханаанскому влиянию. Это был шаг назад, шаг к поглощению окружающего населения, и поэтому не без оснований период Судей является синонимом периода, когда религия и нравы Ханаана были доминирующими среди израильских племен. Пятикнижие признает священника, законодателя и царя; судья - это порождение эпохи, когда Ваалим, казалось, одержал верх над Яхве.

То, что первый из судей должен был быть эдомитянином по происхождению, является поразительным комментарием к тому, что можно назвать кафоличностью доэксильского Израиля. Не раса, а участие в поклонении и благосклонность Яхве давали право быть включенным в "избранный народ". Прародительницей Давида была моавитянка, а Второзаконие гласит, что дети эдомитянки или даже египтянки "войдут в собрание Господне в третьем поколении" (Втор. xxiii. 7, 8).^[296] "Смешанное множество" сопровождало израильтян в их бегстве из Египта, а кениты, с которыми Моисей был в союзе, как и кенизцы, приняли участие в завоевании Ханаана. Хеврон, будущая столица Иудеи и левитский город, был владением кениззитов, а Иудея более позднего времени сама представляла собой смесь израильских и эдомитских элементов.

Насколько далеко простирался авторитет Отниэля, сказать трудно. Но тот факт, что враг, чье иго он сломал, был захватчиком с севера, делает вероятным, что его власть была признана как на горе Ефремовой, так и среди северных племен. То, что оно было признано и на восточной стороне Иордана, не имеет доказательств. Хотя Песнь Деборы показывает, что солидарность Израиля была признана, она также показывает, что это чувство общего Бога и общей истории имело лишь незначительное политическое влияние. Восточные племена жили отдельно от западных, и судьи, о которых мы слышим как о восходящих среди них,

обладали чисто местной властью. Так, между Иеффаем и ефремовичами шла междоусобная война.

Правление Отниэля не могло быть долгим. Если бы он принадлежал к поколению, которое было свидетелем исхода из Египта, то во время войны с Чушан-ришафаимом он был бы уже стариком. Едва он умер, как Израиль снова оказался под игом угнетателя. Моав оправился от поражения от рук аморреев и израильтян, рувиниты превратились в простых бедавинских скваттеров в вади Арнона,^[297] и Эглон, моавитский царь, теперь готовился овладеть южным Ханааном. Был захвачен Иерихон, вернее, "город пальм", который стал преемником ханаанского Иерихона, и, таким образом, брод через Иордан был обеспечен. За Эглоном следовали отряды амаликитян-бедавинов, жаждущих добычи, подобно сутекам, которых в эпоху переписки в Тель-эль-Амарне нанимали враждующие князья Ханаана в своих ссорах друг с другом. Он также был в союзе с аммонитянами, из чего мы можем сделать вывод, что израильтяне к северу от Арнона, между Моавом и Аммоном, были либо изгнаны, либо подчинены.

Взятие Иерихона открыло Еглону дорогу к горе Ефремовой, как и несколько лет назад Иисусу Навину. Но с израильтянами обошлись более милосердно, чем Иисус Навин обошелся с ханаанеями. Возможно, они жили в не укрепленных городах, а не в деревнях, и их культура была недостаточно высока, чтобы прельстить врага перспективой богатой добычи. Во всяком случае, мы не слышим о резне или сожженных городах; израильтяне обложены данью, и только.

Восемнадцать лет они служили Еглону. Затем Эхуд, вениамитянин, который, как и многие из его племени, был левшой,^[298] был избран для того, чтобы ежегодно возить дань завоевателю. Эглон расположился лагерем в Гилгале, на том самом месте, где так долго стоял лагерь израильтян, и принял посланцев в верхнем этаже своего дома, под самой крышей. Когда посланцы были отведены, Эхуд, дошедший до священного "круга" из освященных камней,^[299] повернул назад под предлогом, что у него есть тайное послание для царя, требующее максимального уединения. Воспользовавшись одиночеством, Эхуд схватил меч левой рукой и вонзил его в тело Эглона, а затем, заперев за собой дверь комнаты, скрылся через веранду с колоннами. Прежде чем убийство было обнаружено, он добрался до Сейрата и собрал вокруг себя израильтян с горы Эфраим. Броды через Иордан были заняты, и летучие моавитяне перебили на них всех до единого человека.

Похоже, что моавитский "гнет" не распространялся дальше горы Ефремовой. Эфраим и Вениамин были коленами, которые пострадали от него, и именно над ними Эхуд был судьей. Его власть, похоже, не была признана ни на севере, ни на юге.

На юге, правда, были другие враги, с которыми нужно было бороться, и был другой герой, восставший против них. Эдомиты и иудейские поселенцы столкнулись с теми грозными морскими разбойниками, которые когда-то смели всю мощь Египта, а теперь обосновались на южном побережье Палестины. Филистимляне, которых египтяне называли Пулиста, а ассирийцы - Паласта и Пилиста, были такими же новоприбывшими, как и израильтяне. Они пришли из Кафтора, который современные исследователи склонны отождествлять с островом Крете, и вместе со своими сородичами Заккалом приняли участие во вторжении в Египет северных варваров в начале правления Рамсеса III.^[300] Впервые их имя упоминается в египетских анналах. Но Заккал, которые впоследствии поселились на ханаанском побережье к северу от них и которых они напоминали по одежде и чертам лица, упоминаются среди захватчиков, с которыми пришлось сражаться Менептаху II, и поэтому возможно, что филистимляне также были включены в состав войска, нападение которого на Египет, по-

видимому, было связано с еврейским Исходом. Во всяком случае, в тот самый момент, когда израильтяне готовились войти в Ханаан, филистимляне уже овладели пятью городами, охранявшими его южную границу. Дата завоевания может быть определена в пределах нескольких лет. Рамсес III рассказывает, что варвары пронеслись через Сирию, где разбили свой лагерь в "земле аморреев" к северу от Ханаана. Затем они обрушились на Египет частично по суше, частично по морю. Возможно, именно в это время пять городов Газа, Ашкелон, Ашдод, Экрон и Гат были захвачены филистимлянами; если это так, то Газа, должно быть, снова стала египетской после разгрома вторгшихся орд, поскольку Рамсес III включает ее в число завоеваний своей кампании в южной Палестине. Но она не могла долго оставаться в его руках. Ключ Сирии, пограничный город, который так долго держали в гарнизонах египетские войска, наконец перестал быть египетским и стал филистимским. Отныне Египет был отрезан от Азии; "путь филистимлян" охраняли сами филистимляне.^[301]

Фактической оккупации "Филистии", несомненно, предшествовали пиратские набеги на побережье. На это, собственно, и указывает утверждение в книге Исход, что израильтянских беглецов не вели "путем филистимлян", чтобы они не "увидели войну". С момента первого нападения северных варваров на Египет в царствование Менептаха II и до окончательного расселения филистимлян на сирийском побережье после азиатского похода Рамсеса III завоевание ханаанского побережья шло медленно. Все то время, пока израильтяне находились в пустыне, филистимляне из Кафтора создавали для себя новое царство. Они были одним из "шершней", которых Яхве послал перед Израилем в Землю обетованную. Когда Иуда и Симеон в конце концов овладели южным Ханааном, они обнаружили, что филистимляне слишком прочно обосновались там, чтобы их можно было вытеснить.^[302]

Филистимляне черпали свою силу не только в своих обнесенных стенами городах в Палестине. Они находились в пределах легкой досягаемости от своих родственников в Крете, и свежие партии эмигрантов, несомненно, время от времени доставлялись к ним на критских кораблях. Греческая традиция знает о времени, когда Минос, критский царь, владел морем, и говорят, что море между Газой и Египтом называлось "Ионическим". В царствование Езекии мы узнаем от ассирийского царя Саргона, что когда жители Ашдода свергли своего князя, узурпатор, которого они посадили на трон, все еще был "греком" (*явани*).

Черты лица филистимлян известны нам по египетским скульптурам. Они представляют собой заметный контраст с чертами его семитских соседей. По сути, это черты типичного грека: прямой нос, высокий лоб и тонкие губы. Как и Заккал, он носит на голове любопытную складчатую шапочку, которая застегивается вокруг подбородка ремешком. Кроме шапочки, а иногда и кожаного кирасы, его одежда состояла из килта или, возможно, пары кальсон, похожих на те, что изображены на предметах микенского периода, а вооружен он был небольшим круглым щитом с двумя рукоятками, копьем и коротким, но широким мечом из бронзы. Килт и оружие были такими же, как у шардана или сардинцев.^[304]

Таким образом, филистимляне были пришельцами на земле Ханаана. Их соседи-евреи клеймили их как "необрезанных", а в Септуагинте они называются аллофилами или "чужеземцами". Но со временем они смешались с авимами, которых вытеснили.^[305] Аморитяне-анакимы выжили в Газе, Гате и Ашдодде (Иос. xi. 22), а Голиаф из Гата считался одним из их потомков. Кроме того, филистимляне заимствовали множество слов из семитского лексикона, если вообще не перешли на "язык Ханаана". Их пять "владык" носили семитский титул "*сирен*", а верховный бог Газы назывался семитским именем Марна или "Господь". Дагон, чей храм стоял в Газе, был вавилонским богом, чье имя и поклонение были перенесены на Запад в ранние времена.^[306]

Израильтяне вскоре обнаружили, что филистимляне - опасные соседи. Из пяти своих опорных пунктов на юге они вышли грабить и уничтожать. Первыми пострадали Иуда и Симеон, а те части наследия Дана, которые не были присоединены к Ефрему или Вениамину, перешли в руки филистимлян.^[307] Но центральные и северные колена не спаслись. Из неопубликованного египетского папируса, хранящегося у М. Голенищева, мы узнаем, что Дор, расположенный к югу от горы Кармель, был занят Заккалом, родственником филистимлянам, так что все побережье от Газы до Кармеля, можно сказать, стало филистимским. Отсюда их набеги проникали в глубь страны, и опустошали селения Ефрема и Манассии, Завулона и Неффалима.

По крайней мере, именно такой вывод можно сделать из сравнения Песни Деборы с утверждением, что Шамгар бен Анаф, Шамгар, сын Анафа, "избавил Израиль", убив шестьсот филистимлян козлом вола. Шамгар, как мы узнаем из Песни, жил совсем недавно до самой Деборы, и именно в его дни, как мы читаем далее, израильские крестьяне были почти истреблены своими врагами. Нашествие филистимлян во времена Самуила было лишь повторением предыдущих набегов.

Имя Шамгара свидетельствует о сохранении вавилонского влияния в Ханаане. Это вавилонский Сумгир, а Анат - вавилонская богиня Анат, супруга Ану, бога неба. В одной из табличек Тель-эль-Амарны упоминаются два сирийца, которые носят имена Бен-Ана и Анат.^[308] Означает ли это сохранение вавилонских имен сохранение также вавилонской письменности и языка? Во всяком случае, поклонение вавилонским божествам все еще сохранялось, и в честь одного из них был назван израильтянин и "судья".

Дебора в паре с Шамгаром - неизвестная в других местах Иаиль. Возможно, чтение испорчено, и к имени жены кенита прибавилось другое имя. Но также возможно, что это связано с маргинальным глоссом, вкравшимся в текст.

Как бы то ни было, возраст Шамгара совпадает с возрастом пророчицы Деборы. "Во дни Шамгара, - говорит она, - дороги были незаняты... пока не появилась я, Дебора, мать Израиля". Израильтяне страдали не только от набегов филистимлян. На севере племенам пришлось столкнуться с конфедерацией ханаанских государств. Это была последняя попытка Ханаана остановить постепенное продвижение Израиля, и исход борьбы решился на равнине Мегиддо, как это было в давние времена египетских нашествий и завоеваний.

Мегиддо и Таанах все еще оставались ханаанскими крепостями, как и Бет-Шеан в долине Иордана,^[309] и израильтяне горы Ефремовой были отрезаны от своих собратьев на севере. Здесь Иавин, царь Хазора, был доминирующим ханаанским князем, за которым следовали другие "цари Ханаана". Двадцать лет, говорят нам, "он сильно угнетал сынов Израилевых", "ибо у него было девятьсот колесниц железных". Сохранились два рассказа об этом "угнетении" и войне, положившей ему конец: один - прозаический, который составитель книги Судей сделал частью своего повествования, а другой содержится в победной песне, сложенной Деборой после победы над врагом.

Критики нашли расхождения между этими двумя рассказами и утверждают, что там, где они расходятся, прозаическая версия неисторична. В последнем случае вождем ханаанеев является царь Хазора, а Сисера - его полководец, который "жил в Харошете язычников", тогда как в песне Хазор не упоминается, а Сисера предстает как ханаанейский царь. Более того, утверждается, что, согласно Песни песней (ст. 12), Варах, по-видимому, принадлежал к колену Иссахара, в то время как в прозаическом повествовании говорится, что он был родом из Кадеша Неффалимова, и далее утверждается, что Хазор уже был взят и разрушен во времена Иисуса Навина.

Автор книги Судей, однако, не заметил расхождений, которые обнаружил современный европейский критик, и, соответственно, поставил прозаическое повествование рядом с Песнью Песней без примечаний и комментариев. Поскольку царь Хазора не принимал личного участия в битве на берегу Кишона, в Песни Песней не было повода упоминать о нем, а в том, что командующим его армией должен был быть один из его царственных союзников, нет ничего необычного. В Песни Песней Варак явно отличается от "князей Иссахаровых",^[311] и вопрос о разрушении Хазора Иисусом Навином уже рассматривался. Необоснованно предполагать, что введение Иавина в повествование и ссылка на Харошефа - выдумки народной легенды или заинтересованных историков.

Пророчица Дебора, жена Лapidота, "судила Израиль" во время войны. Ее имя означает "пчела", и связь между ним искали в том, что жрицы Аполлона в Дельфах, Деметры, Артемиды и Кибелы назывались "пчелами", а верховный жрец Артемиды в Эфесе носил титул "царь-пчела". С таким же успехом можно искать связь между именем ее мужа и "святильниками" в святилище. Дебора "судила Израиль", потому что была пророчицей, потому что истолковывала волю Яхве, чей дух дышал в ней. Суды", которые она произносила, были, соответственно, судами Самого Яхве, и пребывание в ней Его духа было знаком ее притязаний на должность "судьи". Мы слышим о других пророчицах в Израиле, помимо Деборы; например, о Хульде, с которой советовались царь и священники в царствование Иосии. Положение, занимаемое пророчицей, не позволило израильским женщинам опуститься до того унижительного состояния, в котором находились женщины некоторых арабских и других семитских племен. На самом деле женщины играли ведущую роль в древнееврейской истории. Уже давно было замечено, что мать во многом определяла характер сменявших друг друга царей Иудеи, а Аталия Самарийская заняла видное место в истории северного царства. Пророчество не терпело различий; оно приходило к богатым и бедным, к ученым и простым, к мужчинам и женщинам, и на кого бы ни падал дух пророчества, он делал его пригодным для того, чтобы быть лидером и советником своего народа. Дебора была отмечена Самим Яхве, чтобы стать судьей Израиля.

По нашим сведениям, она жила под пальмой Деборы, между Рамой и Бет-Элем на горе Ефремовой. Таким образом, она предположительно была ефремитянкой по происхождению, хотя из этого не обязательно следует вывод, и пальма, названная в ее честь, оставалась ориентиром на большой дороге вплоть до того времени, когда было написано повествование в книге Судей. Было еще одно дерево, теребинт, а не пальма, которое стояло в священных пределах самого Бет-Эля и также носило имя Деборы, но эта Дебора, как говорят, была кормилицей Ревекки, чья могила была указана под ветвями дерева.^[313] Авторы Ветхого Завета тщательно различали эти два дерева; современной критике было позволено спутать их.

С женской проницательностью и энтузиазмом Дебора поняла, что пришло время, когда дороги перестанут быть пустынными, а северные колена Израиля будут освобождены от рабства ханаанеям, и она также поняла, кому суждено повести израильские войска к победе. Это был Варак из Кадеша в Неффалиме, ближайший сосед Иавина и Сисеры. Как и карфагенянин Варка, он носил имя "Молния", что вполне символизировало месть, которую он был рожден обрушить на врагов Израиля.^[314] Но Варак сначала уклонялся от этой затеи, и только когда пророчица согласилась пойти с ним в Кадеш, он собрал своих соплеменников и занял вершину горы Фавор. Здесь, под защитой лесов, покрывавших ее склоны, он тренировал и умножал свои силы, пока не почувствовал себя достаточно сильным, чтобы напасть на врага. Затем он спустился на равнину Мегиддо, где навстречу ему из Харошефа шло войско ханаанейское. Это было старое поле битвы в Ханаане; именно здесь во времена

египетских завоевателей решалась судьба страны, и ханаанейские князья под предводительством хеттов из Кадеша на Оронте были полностью низвергнуты.

В лагере на возвышенной вершине Фавора Варак занимался не только подготовкой своих людей. Им было дано время, чтобы обеспечить себя оружием. Дебора заявляет, что в дни угнетения щита или копья не было "среди сорока тысяч израильтян". Это заявление получает объяснение из того, что нам рассказывают о политике филистимлян в более позднее время. Обложив израильтян данью во времена Самуила, они изгнали из земли Израиля всех кузнецов, чтобы "Евреи" не могли делать себе "мечи и копья" (1 Цар. xiii. 19). Разрешалось делать только сельскохозяйственные орудия (стих 20). Похоже, что подобной политики придерживались филистимляне и ханаанеи в более раннюю эпоху Деборы, хотя, вероятно, с меньшим успехом. Во всяком случае, кенит Гебер, или странствующий "кузнец", все еще ставил свою палатку на израильской территории, а его жена Иаиль () скорее симпатизировала израильтянам, чем их ханаанским владыкам.

Когда египетский царь Тотмес III встретился с объединившимися царями Ханаана на равнине Мегиддо, их возглавлял хеттский правитель Кадеша на Оронте. Не исключено, что Бараку пришлось встретиться с подобным объединением сил. Сисера - не семитское имя, но, как отметил мистер Томкинс, оно находит поразительные аналогии в таких хеттских именах, как Хата-сар, Хилип-сар и Пи-сири. Хеттская власть в Кадеше на Оронте еще не угасла. Она еще существовала во времена Давида, когда составляла одну из границ Израильского царства.^[316] В эпоху писем Тель-эль-Амарны мы находим хеттов, интригующих в Палестине вместе с Митанни или Нахараимом, и вряд ли они были бы менее склонны возобновить свое старое влияние в этой стране, когда Египта больше не нужно было бояться. Сисера мог быть не только командующим ханаанейскими войсками, но и хеттским князем, номинально союзником Иавина, но на самом деле его сюзереном. По нашим сведениям, он жил в "Харошете язычников", неизвестном месте. Возможно, оно находилось в "Галилее язычников" (Ис. ix. 1), но, возможно, и дальше на север, среди язычников-хеттов Кадеша.^[317]

Битва произошла на берегу Кишона и закончилась полной победой израильтян. Девятьсот железных колесниц Сисеры ничего ему не помогли; "звезды в своих курсах" сражались против него. Он бежал пешком в шатер Хевера Кенита, жена которого Иаиль приняла его как гостя, а затем убила, пробив колышком шатра его висок, пока он спал. Когда Варак пустился в погоню, Иаиль показала ему труп его врага.

Триумфальная песнь, которую Дебора и Варак пели в день победы, - один из древнейших фрагментов древнееврейской поэзии. Его древность и архаичность языка объясняются многочисленными искажениями текста. Некоторые отрывки в нем совершенно невразумительны в своем нынешнем виде, а предлагаемые для них предположительные поправки редко устраивают разве что их авторов.^[318] Но в целом пеан - это не только великолепный реликт древнееврейской песни, полный огня и ярких образов, это еще и документ, представляющий высочайшую ценность для историка. Он дает нам картину жизни и мышления израильтян в эпоху Судей, не тронутую руками компиляторов и историков, и мало кто оказался достаточно смелым, чтобы усомниться в его подлинности. Это убедительное доказательство того, что традиционный взгляд на израильскую историю более верен, чем тот, который современная критика подменила бы им, и что "развитие" израильской религии, о котором мы так много слышим, - всего лишь плод воображения. Вера в Яхве, представленная в Песне, столь же бескомпромиссна, как и вера в поздний иудаизм; Яхве - Бог Израиля, который сражался за Свой народ, и рядом с Ним нет другого бога. Монотеизм Деборы - это монотеизм Пятикнижия. Эта песня также не является меньшим свидетельством истинности истории, которую мы имеем в Пятикнижии и книге Иисуса

Навина. Она повествует о том, что Яхве открылся Израилю на горе Синай, отличает колена одно от другого и закрепляет за ними территории, носящие их имена.

Песнь началась со слов, которые, как мы видим из Втор. xxxiii. 2, Пс. lxxviii. 7, были общим достоянием древнееврейской поэзии.

'Для отмщения Израилю',
когда народ принес себя в жертву,
Хвалите вы Яхве!
Слушайте, цари, слушайте, князья,
Я буду петь Яхве, даже я,
Я буду петь Яхве, Богу Израиля.
О Яхве, когда ты вышел из Сеира,
когда ты вышел из поля Эдома,
Земля содрогнулась, и небеса сбросили воду.^[319]
Горы растаяли от лица Яхве,
Даже сам Синай от лица Яхве, Бога Израиля.
Во дни Шамгара бен-Аната,
[Во дни Иаэля]^[320] дороги были пустынные,
и путники ходили по окольным тропам.
Крестьяне не справлялись, в Израиле не справлялись,
пока не появилась я, Дебора,
Я стала матерью в Израиле.
Тогда была война (в) воротах (?):^[321]
Не было видно ни щита, ни копья,
среди сорока тысяч Израиля.
Сердце мое (говорит) к законоучителям Израиля,
которые отдали себя в жертву из народа:
Хвалите вы Яхве!
Вы, которые ездите на белых ослах,
Вы, сидящие на одеждах,

И идущие по дороге, кричите!
Выше голоса [шумных] у мест черпания воды",
Там^[322] будут воспевать праведные деяния Яхве,
Даже праведные деяния Яхве по отношению к его крестьянам в Израиле,
(Говоря): "Тогда к воротам спустился народ Яхве".
Проснись, проснись, Дебора,
Проснись, проснись, песнь вознеси!^[323]
Встань, Барак,
И захвати пленников твоих,^[324]
О сын Авиноама!
Затем к вельможам спустился народ Яхве (?),^[325]
Они спустились ко мне среди героев.
Из Эфраима (вышли они), чьи корни^[326] (находятся) в Амалеке,
За тобою, о Вениамин, среди родов твоих.
Из Махира произошли законоучители,
а из Завулона - те, кто владеет посохом писца.
И князья Иссахара были с Деборой,
ибо Иссахар был как Варак;
В долине (Кишона) они были на ногах,
Среди вади Рувима велики были искания сердца.
Зачем ты блуждал среди овец
Чтобы слышать блеяние стада?
Ибо в вади Рувима велики были искания сердца.
Гилеад живет за Иорданом;
А Дан, почему он скитается на кораблях?
Ашер остался на берегу моря,
и пребывает в убежищах своих.
Завулон - народ, который рисковал жизнью своей до смерти,
И Иссахар - на высотах равнины.
Цари пришли и сражались,
И сражались цари Ханаанские

У Таанаха на водах Мегиддо;
И не взяли они серебра.
С неба сражались звезды,
В своих курсах они сражались с Сисерой.^[327]
Поток Кишона сметал их;
Поток резни - это поток Кишона.
Ты поверг сильных, о душа моя!^[328]
Тогда ударили копыта коня по земле.
через шараханья его коней.
Прокляните вы Мероз, сказал ангел Яхве,
Прокляните горько жителей его
за то, что они не пришли на помощь Яхве,
На помощь Яхве среди героев.
Благословенна Иаиль над женщинами,
жена Хевера Кенита,
Над женщинами в шатре да будет она благословенна!
Он попросил воды, она дала молока,
В блюде господском она принесла масло:
Руку свою она приложила к булавке шатра
А правую руку - к молоту рабочего,
И молотом она поразила Сисеру, раздробила ему голову,
И ударила и пронзила виски его.
К ногам ее он склонился, он упал, он лежал,
У ног ее он склонился, он упал;
Где он склонился, там и умер.
За окном смотрела и плакала
Мать Сисеры за решеткой:
"Почему колесница его так долго едет?
Почему задерживаются колеса его машин?"
Мудрейшая из ожидавших ее женщин ответила ей,
Да, она ответила сама себе:

"Разве они не нашли и не разделили добычу,
По девице или по две каждому мужчине,
И многоцветные одежды Сисеры,
И многоцветных одежд с рукоделием,
Две одежды из разноцветных иголок на шею губителя".
Так да погибнут все враги твои, о Яхве;
А любящие Его да будут как восход солнца в силе Его!

О Бараке и Деборе мы больше ничего не слышим. Следующий судья и освободитель, который появляется на полотне, - это Авиезрит из Манассии, выходец из северных пределов Ефрема между Офрой и Сихемом. Его отцом был Иоас, глава, казалось бы, всего клана. Но сам он носит двойное имя. Впервые он предстает перед нами как Гедеон, "разрубивший" идола своего отца. В более поздней истории его зовут Иерувбаал. Говорят, что это имя было дано ему за то, что он разрушил жертвенник Ваала, и толкуется как "Пусть Ваал взыщет с него". Но другие ветхозаветные примеры толкования собственных имен могут заставить нас засомневаться в этом. Все они - просто игра слов, просто "народные этимологии", не претендующие на то, чтобы считаться историей. Будь то филология древнееврейского писателя или современного критика, ее выводы не относятся к области историка.

Иеруббаал означает "Ваал будет спорить", а не "Ваал будет ходатайствовать против него", и поэтому в действительности имеет значение, прямо противоположное тому, которое приписывается ему в повествовании. Это имя, похоже, полностью совпадает с именем Риб-Хадада, правителя Финикии в эпоху табличек Тель-эль-Амарны. Иоас, отец Иерувбаала, был поклонником Ваала, и поэтому нет ничего странного в том, что он назвал сына в честь своего бога. Будущий судья был известен последующему поколению только как Иерувбаал,^[331] а его преемник в царстве Манассии даже в свое время назывался "Авимелех, сын Иерувбаала".⁽¹⁾ Есть предположение, что Иерувбаал и Гедеон были двумя разными личностями, которых традиция объединила вместе,^[333] но двойные имена такого рода не были неизвестны в восточной древности. Сам Соломон также носил имя Иедидия (2 Цар. xii. 25), а Гедеон, "разрубающий", был неподходящим эпитетом для победителя мадианитян. Была веская причина, по которой благочестивый израильтянин более позднего поколения не хотел признавать, что один из его национальных героев носил имя, соединенное с именем Ваала.^[334]

Племена пустыни, амаликитяне, мадианитяне и те самые Бенек-Кедем или "Дети Востока", которых египетский папирус двенадцатой династии помещает по соседству с Эдомом,^[335] обрушились на земли оседлых феллахов, как их потомки бедавины делают это и сейчас, когда турецких солдат не хватает, чтобы удержать их на расстоянии. Из года в год банды налетчиков проникали на возделанные поля, убивая крестьян и унося их урожай. Сначала пострадал Гилеад, но евреи были слабы и разобщены, и вскоре разбойники пустыни, ободрившись, перешли Иордан и распространили свои набеги вплоть до западных границ Израиля. Они истребили весь урожай земли, пока не дошли до Газы, и не оставили для Израиля ни овец, ни волов, ни ослов".

Наконец Господь послал пророка к народу и ангела к Гедеону, Авиезриту. Гедеон молотил пшеницу у виноградника возле священного теребинта Офры. Здесь, под сенью дерева, находился жертвенник Ваала, а рядом с ним - каменный конус, символизировавший богиню

Ашеру. Ангел призвал Гедеона подняться и освободить Израиль, и в знак того, что он действительно ангел Яхве, он коснулся своим посохом плоти и пресных лепешек, которые Гедеон принес ему в жертву, так что огонь поднялся из скалы и поглотил их. На молотильном поле Гедеон построил жертвенник Яхве, подобный тому более величественному святилищу, которое Давид воздвиг в более поздние времена на молотильном поле из камня, принадлежавшем Арауну Иевусею.

Недавняя критика обнаружила в истории Иерувваала два разных и взаимно противоречивых повествования, которые снова разделились между различными авторами. Некоторые критики добавляют к ним третью версию истории, которая, как предполагается, упоминается в Ис. х. 26, хотя другие утверждают, что ссылка в книге Исаии относится к первому из двух повествований. Нельзя отрицать, что история войны с мадианитянами в ее нынешнем виде запутана и что из нее трудно составить ясную и внятную картину хода событий. То, что составитель книги Судей должен был использовать более одного повествования, если таковое существовало, вполне естественно, и добросовестный историк обязан был бы это сделать. Но тщательно отличать повествования одно от другого, а тем более анализировать их на еще более мелкие фрагменты - это сизифов труд. Это еще более невозможно, чем отличить Райс от Безант в *"Золотой бабочке"* или *"Беседке Селии"*. Историк должен оставить все подобные литературные мелочи собирателям списков слов и довольствоваться сравнением и анализом фактов, зафиксированных в истории.^[336]

Жертвенник, воздвигнутый Гедеоном, был посвящен Яхве-шалому, "Яхве мира", и он все еще стоял в Офре, когда было написано повествование о нем.^[337] Его название показывает, что он вряд ли мог быть построен до того, как Гедеон вернулся с миром из мадианитской войны. Сначала нужно было многое сделать.

Первой задачей Гедеона было уничтожить символ Ашеры и жертвенник Ваала. Откровение, данное ему, было сделано во имя Яхве, и только во имя Яхве он собирался привести своих соотечественников к победе. Правда, между Яхве и Ваалом тогдашний израильский житель видел лишь небольшую разницу. К Яхве обращались как к Ваалу или "Господу", а местные алтари, посвященные Ему, в большинстве случаев занимали место старых алтарей ханаанейского Ваала. Смешение между израильянами и ханаанеями, кроме того, повлекло за собой смешение религий. Вместе с титулом Яхве принял и атрибуты Ваала, во всяком случае, в народной массе. Иоас и жители деревни, требовавшие, чтобы Гедеон был предан смерти за разрушение жертвенника Ваала, несомненно, считали себя ревнителями Бога Израиля. Только символ Ашеры был признаком чужеземного культа.

Возможно, ответ Иоаша на обвинение, выдвинутое против его сына, был окрашен теологией более позднего историка. Он скорее дышит духом эпохи, когда антагонизм между Яхве и Ваалом обострился, чем духом того, кто сам был поклонником Ваала и Ашеры, а его сын в час победы сделал идола из добычи врага. Ваал, которому поклонялись жители деревни Авиезер, считался самим Яхве, и поэтому преступление, совершенное Гедеоном против него, было преступлением против национального Бога, а значит, каралось смертью. Выставление его в качестве другого бога, противостоящего Богу Израиля, переносит нас в эпоху Илии, когда подданные Ахава были вынуждены выбирать между Яхве, который вывел их из Египта, и финикийским Ваалом. Это относится к тому же периоду, что и этимологическая игра с именем Иерувбаала.

Была особая причина, по которой Иерувбаал должен был явиться, чтобы избавить своих соотечественников от мадианитян. Налетчики Бедавина убили его братьев в предыдущей схватке у горы Фавор (viii. 18-21). Таким образом, Иерувбаал должен был отомстить за

кровную месть. Он был последним и, предположительно, самым младшим в своей семье, и поэтому на него легла обязанность отомстить за смерть братьев. Более того, из слов мадиамских вождей следует, что Иоас и его сыновья были не только главами своего рода, но и пользовались своего рода царской властью в Офре и ее окрестностях. История Авимелеха, похоже, подразумевает, что семья Авиезера унаследовала власть и даже имя ханаанских "царей" Сихема, и что последующая неблагодарность жителей Сихема к дому Иерувваала была вызвана ревностью к предпочтению, которое он оказывал Офре. В Сихеме было много ханаанейского элемента, которого не хватало в Офре, где население было чисто израильским. Если Иоас был царем смешанного населения, признанного и ханаанеями, и израильтянами, мы можем понять, почему рядом с алтарем Ваала стоял символ ханаанейской богини. Сам факт, что святилище Офры принадлежало ему (ст. 25), указывает на то, что он обладал царскими прерогативами. Даже в Иерусалиме храм Соломона был как бы часовней царей.^[339]

Было высказано предположение, что Ваал, чей алтарь стоял на земле Иоаша в Офре, был Ваал-беритом или "Ваалом завета", которому поклонялись в Сихеме,^[340] и что "завет", над которым председательствовал этот бог, был заключен между ханаанеями Сихема и их еврейским хозяином. Несомненно, эти два элемента населения по-разному интерпретировали бы это имя. Для евреев "Ваал завета" был Яхве, для ханаанеев - местный бог солнца. Но ничто не доказывает, что атрибуты ваалов Офры и Сихема были одинаковыми или что им поклонялись в одной и той же форме. Более того, тот факт, что алтарь, воздвигнутый Иерувбаалом в Офре, был посвящен "Яхве мира", говорит скорее об обратном. В Сихеме был свой Ваал-берит, а в Офре, возможно, свой Ваал-шалом. В то время как один из них отмечал завет, заключенный между двумя частями населения, другой должен был означать его "мирное" урегулирование. Для ханаанеев это был завет, для евреев - мир.

Борьба у горы Фавор, в которой пали братья Иерувваала, положила плодородную долину Иезреель к ногам бедавинских грабителей. Равнина Мегиддо теперь находилась в руках израильтян. Битва на берегах Кишона навсегда сломила власть ханаанеев и их "железных колесниц", и теперь они были подчинены Манассии.^[341] Ханаанский горожанин и израильский крестьянин жили теперь в мирном смешении, и набеги налетчиков из пустыни обрушивались на обоих одинаково. Мы больше не слышим о попытках старшего населения сбросить иго иудеев; оно страдает от нашествия мадианитян наравне со своими иудейскими хозяевами, и семья Иоаса управляет им так же, как и самими израильтянами. Иерувбаал - освободитель как ханаанеев, так и израильтян.

Из Офры он посылает гонцов в Манассию, а также в колена Ашера, Завулону и Неффалима, и их воины собираются по его призыву. Таким образом, он действует как царь, и ему повинуются как царю. Хотя он, возможно, и не носил царского титула, он был больше, чем просто "судья". Возможно, Варак принял имя и прерогативы ханаанских царей, которых он покорил, и передал их семье Еби-езера. Во всяком случае, власть Иоаша, должно быть, простиралась дальше Сихема и Офры; весь Манассия подчинился призыву его сына, и даже более отдаленные северные племена пришли по его приказу. Покорение ханаанеев потребовало главы государства, а их союз с завоевателями предполагал создание организованной общины под властью общего царя.

Однако именно с тремя сотнями избранных последователей Иерувбаал совершил свое первое нападение на врага. Воодушевленный сном, он ночью напал на их лагерь, и его последователи, разбив кувшины, которые они несли с собой, и размахивая факелами в левых руках, вызвали такую панику среди недисциплинированных орд пустыни, что те разбежались во все стороны.^[342] Разгром врага был завершен остальной израильской армией, которая

преследовала мадианитян на восток к Иордану. Часть из них под командованием шахов Ореба и Зеиба направилась к броду у Бет-Бары, где, однако, была перебита эфраимлянами, а их вожди убиты у "скалы Ореба" и "виноградника Зеиба".

Тем временем Иерувбаал был уже на восточной стороне Иордана, с горячностью следуя за отрядом мадианитян под командованием двух других их шахов, Зебы и Залмунны. Его путь пролегал мимо Суккота и Пенуэла, но их израильские жители отказали своим братьям из Манассии во всякой помощи и даже в хлебе. Очевидно, что между Гилеадом и западными коленами теперь существовало разнообразие интересов и чувств, и что полукочевые израильтяне на восточном берегу Иордана больше сочувствовали язычникам пустыни, чем правителю организованного государства по ту сторону реки. Возможно, они опасались, что в следующий раз его оружие будет обращено против них самих, и им тоже придется стать частью царства Манассии.

Но если они надеялись, что мадианитяне избавят их от всех опасений на этот счет, то были обречены на разочарование. И снова "меч Яхве и Гедеона" одержал победу, и Зебах и Залмунна были убиты. Требования кровной мести были удовлетворены, и Иерувбаал вернулся в свой старый дом. Старейшины Суккота и люди Пенуэла были отомщены. Первых бичевали терновником в пустыне, остальных предали смерти, а их башню, охранявшую подступы к пустыне, сравняли с землей.

Однако теперь Иеруввалу пришлось столкнуться с более грозными противниками. Дом Иосифа был разделен против него самого, и ефремовцы возмущались его поведением, когда он действовал независимо от старшего колена.^[344] В первые дни захвата Палестины именно Ефрем играл ведущую роль; Иисус Навин, который первым открыл путь в Ханаан, был ефремовцем, а гора Ефрем была первым опорным пунктом Израиля на западной стороне Иордана. Во времена Варака Ефрем все еще оставался доминирующим коленом, по крайней мере, такое впечатление складывается из Песни Деборы; но он начал жить скорее своей прошлой славой, чем своими нынешними достижениями. Вениамитяне окончательно отделились от него и стали отдельным коленом, а Иссахар, Завулон и Неффалим продолжили войну против Иавина и Сисира. Манассия, однако, еще не появился на политической сцене; его место занял Махир, чья территория лежала в Гилеаде, а не к западу от Иордана. Но между эпохой Барака и эпохой Иерувваала произошли перемены. Ханаанские города, которые победа на берегах Кишона положила к ногам северных колен, перешли во владение младшей ветви дома Иосифа, и Иссахару пришлось довольствоваться тем, что Сихем также стал частью его территории.^[345] Манассия вырос за счет своих соседей. Возможно, что клан Аби-эзритов в Офре своим завоеванием Сихема подготовил почву для возвышения Манассии; если это так, то доминирующее положение, которое они занимали в колоне, становится понятным. Офра должна была стать первым домом и местом сбора племени. Договор с Сихемом, объединивший этот город с Офрой, мог стать началом прихода Манассии к власти.

Но Ефрем не мог смириться с растущим превосходством младшего колена. Манассия разбогател за счет дани, взимаемой с ханаанейских подданных; он объединился с более древними жителями земли и перенял их привычки и культуру, а вместе с ними и их идолопоклонство. Горцы Ефрема, напротив, сохранили в себе грубость и добродетель первых захватчиков Палестины. Они по-прежнему были воинственны и выносливы; они держали крепость израильских владений в Ханаане, а Шилох с его священством Аарона, традициями Моисеева закона и более чистым поклонением Яхве находился в их среде. Иерувваал был вынужден пойти на уступки. Он указал на то, что уничтожение основной массы мадианитян у бродов Иордана было большим достижением, чем его собственное

успешное преследование оставшихся отрядов. Он убил Зеву и Залмунну в отместку за смерть своих братьев; убийство Ореба и Зевы было совершено ради всего Израиля. Не лучше ли сбор винограда Ефрема, чем сбор винограда Авиезера?

Иерувваал был пригоден для правления, поскольку обладал не только военными, но и государственными способностями. Его умение управлять государством проявилось не только в ответе ефремитянам, но и в отказе принять царский титул. Как нам сообщают, на него надавили "мужи Израиля", то есть северные колена. Носил ли его отец этот титул на самом деле, мы сказать не можем, хотя из последующей истории Авимелеха, а также из слов Зевы и Залмунны (viii. 18) следует, что он должен был это сделать. Но, во всяком случае, он пользовался властью царя, как и его сын Иерувбаал, в самом начале мадиамской войны, и, возможно, среди ханаанеев Сихема он также носил имя царя. Однако Иерувбаал, если рассматривать этот отрывок как исторический, отверг корону, предложенную ему израильянами, заявив, что их царем является только Яхве.

В том, что этот отрывок является историческим, сомневаться не приходится. Слова Иерувваала были созвучны чувствам того времени среди более строгих приверженцев Яхве, как мы узнаем из речи Самуила, когда народ потребовал от него царя. Насколько иными были чувства составителя книги Судей, можно понять из слов, которыми она заканчивается. Более того, отказ Иерувваала от царского титула был политическим. Он уже понимал, что у него есть могущественные враги в Ефреме, которые смотрят на его успех и претензии на власть с подозрением и враждебностью, и он также знал, что именно в Ефреме и среди священства Шилоха вера в теократическое правление Израиля была наиболее сильной. Как в Ассирии, в Мадиае и в Савской области, так и в Израиле первосвященник предшествовал царю; только когда необходимость в едином главе и вожде на войне стала слишком острой, чтобы сопротивляться, национальный Бог освободил место для национального царя.^[346]

Финикийская традиция помнит, что Иерувбаал был священником Яхве, а не царем.^[347] Именно как священник он потребовал от народа золотые серьги, которые они завоевали у мадианитян, чтобы сделать из них изображение своего Бога. Еврейский текст заменил изображение сопровождавшим его эфодом.^[348] Но эфод был льняной одеждой священника, которую он носил во время служения и с помощью которой прорицал будущее.^[349] Не облачение, а изображение, в служении которому использовалось облачение, установил Иерувваал в Офре, и после этого "весь Израиль стал блудить". Как и его отец, Иерувваал не видел идолопоклонства там, где идол представлял Яхве Израиля. Религиозные верования и обычаи Ханаана глубоко проникли в душу Израиля; только в Шилохе не было изображения его Бога.

Первосвященник среди израильян, царь среди своих ханаанских подданных, Иерувваал долго жил в доме своего отца в Офре. Он вел себя как царь, хотя и не принимал царского титула. Как и у Соломона, у него было "много жен", и, подобно Соломону, он построил святилище при своем доме.^[350] Бедавинские губители больше не приходили: теперь над северными коленами Израиля властвовала сильная рука, пресекавшая все тенденции к объединению и создававшая организованную общину.

Но царство Иерувваала содержало в себе те семена распада, которые привели к падению стольких восточных монархий. Они зарождаются не в народе, а в семье правителя. Многоженство несет в себе проклятие, и едва король умирает, как дети его многочисленных жен начинают убивать и воевать друг с другом. Еще при жизни царя во дворце кипят интриги харимов, которые перерастают в открытую войну, как только он уходит из жизни. Семья Иерувбаала не стала исключением из правил. Авимелех, сын своей наложницы, хананеянки

из Сихема,^[351] сговорился с родственниками своей матери в Сихеме и, взяв семьдесят сиклей серебра из храма Ваал-берифа, нанял вместе с ними отряд наемников, которые обрушились на других сыновей Иерувваала в Офре и убили их всех, кроме одного. Из семидесяти братьев Авимелеха один, самый младший Иофам, спрятался и спасся. Остальные были зарезаны, как волы на каменной глыбе. Затем Авимелех вернулся в Сихем и там под священным теребинтом, стоявшим у освященного "столба" или Бет-Эля города, был помазан в цари. В церемонии участвовал гарнизон сихемской крепости Милло.

Иофаму принесли весть об узурпации Авимелеха. Он покинул свое укрытие и, стоя на вершине горы Геризим, упрекнул жителей Сихема в неблагодарности по отношению к Иерувваалу. Свои слова он облек в одну из тех притч, родиной которых является Восток. "Вышли деревья, - сказал он им однажды, - чтобы помазать себе царя; и сказали они маслине: царствуй над нами. Но маслина сказала им: неужели я должна оставить свой жир, которым я воздаю честь Богу и человеку, и пойти царствовать над деревьями? И сказали деревья смоковнице: приди и царствуй над нами. Но смоковница сказала им: неужели я должна оставить свою сладость и свой добрый плод и идти начальствовать над деревьями? Тогда сказали деревья виноградной лозе: приди и властвуй над нами. И сказала им виноградная лоза: неужели я должна оставить свое вино, которое радует Бога и человека, и пойти царствовать над деревьями? Тогда все деревья сказали брамблю: приди и властвуй над нами. И сказал брамин деревьям: если вы по истине помазали меня царем над вами, то придите и положите упование ваше на тень мою; а если нет, то пусть выйдет огонь из брамина и пожрет кедры ливанские".

Мораль этой притчи была настолько очевидна, что не нуждалась в объяснении Иофам. Он дерзнул приблизиться к своим врагам и, как только закончил говорить, скрылся в безопасном месте. Беер, "колодец", где он нашел убежище, возможно, был местом с таким названием на крайнем севере Неффалима.^[352] Здесь, по крайней мере, он был бы защищен от преследования.

Узурпация Авимелеха была восстанием старого ханаанского населения против своих израильских хозяев. Оно ознаменовало успешное восстание коренного населения. Офра должна освободить место для Сихема, и "люди Хамора, отца Сихема", занимают место детей Иакова. Однако избавление от мадианитян, совершенное Иерувваалом, было достигнуто в равной степени как для ханаанейской части населения, так и для самих израильтян. Убийство его сыновей и уничтожение его семьи было плохим возмездием за все, что он сделал для них. Иофам с полным основанием пророчествовал, что их собственный бог Ваал-Берит отомстит за нарушенный "завет" и что Авимелех и его сихемские заговорщики падут от руки друг друга.

Не прошло и трех лет, как пророчество исполнилось. Бог Сихема "послал злого духа между Авимелехом и сихемцами", которые начали заговор против его правления. Авимелех удалился из города и жил в неизвестном Аруме, а гарнизон и управление Сихемом были переданы под командование некоего Завула.^[353] Возможно, царь уже начал подозревать своих подданных; возможно, его уход в другой город вызвал их ревность. Как бы то ни было, сикемиты открыто поставили под сомнение его власть. Банды разбойников покинули город и устремились в соседние горы, где грабили всех, кто проходил по этой дороге. Вскоре к ним присоединилась еще одна банда разбойников под предводительством Гаала, сына Иоваала.^[354] При нем недовольство Авимелехом достигло предела, и Гаал предложил горожанам восстать против Авимелеха и Завула. Завул же, заявив, что он на их стороне, послал гонцов к Авимелеху и призвал его выступить в поход на Сихем, пока не поздно. Авимелех послушался, и войска Гаала были разбиты за городом и загнаны обратно в его

ворота. После этого Авимелех сделал вид, что удаляется в Аруму, а горожане, соответственно, снова вышли на работу в поле. Но на самом деле царские войска лежали в засаде, разделившись на три роты, две из которых напали на феллахов в поле и расправились с ними, а третья, с самим Авимелехом во главе, ворвалась в город через открытые ворота. Весь день на улицах шла битва; затем оставшиеся в живых бежали в "склеп" храма Баал-Берит, который примыкал к Милло, или форту.^[355] По приказу Авимелеха с соседней горы Залмон был принесен хворост, навален над входом в склеп и подожжен. Все находившиеся внутри, мужчины и женщины, числом около тысячи, погибли в пламени. Сам Сихем был сровнен с землей, а его место засеяно солью. На какое-то время старый ханаанский город исчез с лица земли Палестины.

Сужденная кара обрушилась на Сихем; вскоре она обрушилась и на его разрушителя. Город Феваз участвовал в восстании Сихема, и следующим шагом Авимелеха стала его осада. Сам город не оказал особого сопротивления, но в нем находилась "крепкая башня", в которую защитники бежали в поисках убежища. Авимелех снова прибегнул к огню. Но пока дрова подкладывали к воротам башни, женщина с парапета сверху бросила ему на голову сломанный жернов и разбила череп. Король почувствовал, что умирает, и попросил своего оруженосца пронзить его тело мечом, чтобы не говорили, что он был убит рукой женщины. Но просьба была тщетной, и будущие поколения помнили, что последний царь Сихема, убийца своих братьев, бесславно погиб от руки женщины.^[356] С Авимелехом власть дома Иоаса, похоже, закончилась. Мы больше не слышим ни об Иофаме, ни о других попытках основать монархию среди северных племен. Первая попытка организовать Израиль в государство имела мало успеха. Вновь возобладали старые элементы беспорядка и разобщенности. Племена все больше и больше отдалялись друг от друга, а взаимная ревность приводила к междоусобным войнам. Влияние Ефрема и святилища в Шилохе с каждым днем становилось все меньше, и в то же время ослабевало влияние северных колен. Израильяне на восточном берегу Иордана стали забывать, что у них есть братья на западном берегу; Рувим затерялся среди бедавинов Моава, а Гилеад и Ефрем вступили в межбратскую войну. Тем временем на юге поднимается новое племя. Иуда поглотил Симеона и хевронских кенизцев; немногие остатки Дана, оставшиеся в окрестностях Зораха, стали иудеями только по имени, а кенизцы, иерахмелиты и другие иноземные поселенцы в Негебе последовали примеру кенизцев. Общий враг и общая опасность заставили их объединиться.

Этим врагом были филистимляне. В первые дни поселения евреев в Ханаане филистимляне уже совершали набеги вглубь страны, которые были пресечены, если не подавлены, Шамгаром бен-Анатом. Некоторое время они оставались спокойными в своих пяти городах на побережье. Но свежие переселенцы из Креты и других эгейских земель привнесли новую кровь и воинственную энергию. И вновь их вооруженные отряды отправились грабить и уничтожать. На этот раз они уже не довольствовались простыми набегами; теперь их целью было завоевание. Едва ханаанеи были покорены после долгих поколений борьбы, как израильяне были призваны встретить нового врага. Причем врага, не изнеженного веками роскоши и культуры, не привыкшего к чужому правлению и не разделенного внутри себя, а выносливого народа пиратов, вся жизнь которых прошла в борьбе и захвате чужих владений.

Первый удар филистимлян приняла на себя Иудея. Но прошло совсем немного времени, и войска филистимлян двинулись на север и даже проникли в горы Ефрема.^[357] Обо всем этом, однако, записи утеряны. Составитель книги Судей не смог найти ее в отрывочных летописях прошлого и был вынужден заполнить промежуток между падением царства Манассии и господством филистимлян в Палестине упоминаниями о судьях и событиях, чье место в еврейской истории было неопределенным.

Именно здесь, соответственно, мы имеем имена так называемых младших судей, о которых было известно не больше, чем об именах. Двое из них, Тола, сын Пуаха, и Элон, принадлежали к Иссахару и Завулону; и несколько необычно, что в то время как книга Чисел делает Толу и Пуаха главами семей в Иссахаре, Элон становится главой семьи в Завулоне.^[358] О Толе нам говорят, что он жил и умер в Шамире на горе Ефремовой, которая в то время, следовательно, должна была находиться в руках Иссахара, и что он судил Израиль двадцать три года. Рассказ об Элоне столь же лаконичен; он судил Израиль десять лет и был похоронен в Аиялоне в Завулоне. Другим судьей в Завулоне был Ибзан из Вифлеема,^[359] который был судьей только семь лет, но о котором записано, что у него было тридцать сыновей и тридцать дочерей. Аналогичные сведения были переданы и о другом из этих мелких судей, Абдоне, сыне Гиллеля. Говорят, что у него было сорок сыновей и тридцать внуков, которые ездили на семидесяти жеребятых. Абдон был судьей восемь лет и "был похоронен в Пирафоне, в земле Ефремовой, на горе Амаликитян". Это утверждение, по-видимому, отодвигает дату Абдона на ранний период, когда Вениамин еще не отделился от "дома Иосифова", а "земля Ефремова", соответственно, простиралась на юг, в область амаликитян. По возрасту она совпадает с Песнью Деборы.

В Галааде тоже были свои судьи, хотя сохранились имена только двух из них. Один из них - Иаир, который правил двадцать два года и у которого "было тридцать сыновей, ехавших на тридцати колесницах, и было у них тридцать городов, которые назывались селениями Иаира". В Пятикнижии мы еще кое-что узнаем об этом Иаире. Он взял селения, названные по его имени, и, должно быть, жил вскоре после завоевания израильтянами Васана.^[360] Таким образом, он относится к самому раннему периоду истории израильтян в Ханаане и, возможно, был современником самого Иисуса Навина.

Второй судья оставил после себя более знаменитую историю. Это был Иефтах, который освободил Гилеад от рабства аммонитян. Имя его отца было сомнительным, мать - блудницей, и "старейшины" Гилеада изгнали его из дома, который он считал своим отцом.^[361] Он бежал в пустынную землю Тов,^[362] и там, собрав вокруг себя банду разбойников, жил на разбойничьи трофеи. Вскоре он, подобно Давиду в более поздние времена, стал известен своим мастерством и отвагой в ратных делах. Восемнадцать лет длилось господство аммонитян, и галадитяне вздохнули о независимости. Но долго не могли найти защитника. Наконец слава о разбойничьем капитане в Тове достигла ушей старейшин израильтян, и они умоляли его прийти к ним на помощь. Иефтай насмеялся над их поведением, но в конце концов патриотические чувства взяли верх, и он согласился повести своих последователей против национального врага, если гилеадцы пообещают сделать его своим "главой". Представителям народа ничего не оставалось, как согласиться на его условия, и началась борьба за независимость. Она закончилась освобождением израильтян; аммонитяне были вновь изгнаны с земли, которая когда-то принадлежала им, и Гилеад стал свободным.^[363]

Ликование по поводу победы, однако, было омрачено необдуманной клятвой израильского вождя. Перед тем как отправиться в поход на аммонитян, Иефтах поклялся принести во всесожжение Яхве того, кто первым выйдет из его дома в Мизпе, чтобы встретить его, если он вернется "с миром". Это была его собственная дочь, его единственное дитя, которое вышло встретить его и отпраздновать его победу с бубнами и танцами. Дух галаадцев был очень далек от того, который научил Авраама новому и лучшему пути; в них была сильна ханаанская вера в то, что их первенец может быть востребован их Богом; и никто не сомневался, что Яхве сам выбрал жертву и вывел ее из дома, чтобы приветствовать завоевателя. Клятва должна была быть исполнена; Яхве потребовал то, что было самым близким и дорогим для вождя

галадитов в обмен на победу, которую он ему даровал. Все, что мог сделать Иефтах, - это удовлетворить просьбу дочери, чтобы она два месяца скиталась в горах со своими товарищами, оплакивая "свою девственность", прежде чем наступит день жертвоприношения.

Память о жертвоприношении никогда не забывалась. В Израиле, как нам рассказывают, вошло в обычай, что израильские девы из года в год "оплакивали" в течение четырех дней дочь Иефтиха Гилеадского. Утверждается, что именно этот обычай и послужил основой для данной истории, и что оплакивали не дочь еврейского судьи, а какую-то горную богиню, которая соотносилась с финикийским богом Адонисом. Как девы Финикии раз в год оплакивали смерть Адониса, так и девы Гилеада оплакивали безвременную кончину богини-девственницы. Но эта теория является частью той реконструкции древнеизраильской истории, одним из постулатов которой является то, что обычай никогда не возникал из исторического инцидента. Историк же, напротив, находит в этой истории доказательства ее истинности. В других местах нет никаких следов существования такой богини, как требует история, или годовщины оплакивания в ее честь, а рассказ о клятве и ее исполнении полностью соответствует верованиям и обычаям того времени. Он полностью противоречит духу позднего Израиля, а также чувствам тех, кто неукоснительно соблюдал Моисеев закон. Если история была выдумкой, то она должна была возникнуть либо в те времена, когда человеческие жертвоприношения еще практиковались, либо в более поздний период, когда к ним относились с отвращением. В любом случае его изобретение было бы немыслимо. В более ранний период не было бы причин выдумывать то, что происходило на самом деле; в более поздний период характер судьи и избавителя Израиля никогда не был бы без нужды очернен. Более того, вера в то, что первая вещь, встреченная при выходе или входе в дом, несчастливая и посвящена богам, - это вера, которая, вероятно, так же стара, как и человечество. Оно до сих пор сохранилось в нашем фольклоре и свидетельствует о том времени, когда тот, кто первым покидал защиту очага и порога, мог быть востребован силами потустороннего мира.

Срок пребывания Иефти на посту правителя Гилеада составлял всего шесть лет. Похоже, он был уже в преклонных годах, когда его призвали выступить против аммонитян. Но его правление ознаменовалось войной с Ефремом. Постоянно усиливающиеся разногласия между племенами на восточном и западном берегах Иордана открыто дошли до высшей точки, и старшая и младшая ветви дома Иосифа вступили в смертельную схватку. Ефрем, похоже, все еще претендовал на преобладание и утверждал свое право вмешиваться в дела своих восточных братьев. "Вы, гилеадитяне, - говорили они, - беглецы Ефрема среди ефремитян и среди манасситов". Но "беглецы" вскоре доказали, что они сильнее из двух. Ефремитяне вторглись в Галаад, но были вынуждены отступить. Не успели они дойти до Иордана, как Иефтах захватил переправы через него, и отступление ефремитов было отрезано. Произошла страшная резня; кто говорил "*сибболет*" на "*шибболет*", "река-канал", тот, как известно, принадлежал к западному берегу, и его сразу же предавали смерти. В общей сложности погибло 42 000 мужчин Ефрема, и сила племени была сломлена. Иефтах, однако, не стал развивать свой успех; это навлекло бы на него враждебность других западных племен, и он, по-видимому, вернулся в Гилеад. Там он умер и был похоронен в одном из его городов, название которого не указано в источниках, использованных составителем книги Судей.^[364]

Дату Иефтиха установить невозможно. То, что автор книги Судей не знал об этом, следует из того, что он заставил Иефтима следовать сразу за Иаиром. Но ясно, что он считал, что это произошло ближе к концу периода Судей. Это также согласуется с тем фактом, что это

соответствовало падению могущества Ефрема. Во времена Иерувваала ефремляне были еще достаточно сильны, чтобы вызывать уважение у покорителя мадианитян; когда свет вновь проливается на историю центрального Израиля, мы видим, что филистимляне овладели проходами, ведущими к горе Ефремовой, и угрожают самому Шилоху. Уничтожение эфраимских войск у бродов Иордана лучше всего объясняет успех филистимлян.

С периодом господства филистимлян история Судей подходит к концу. Это господство заставило Израиль прийти к убеждению, что они должны либо подчиниться организованной власти царя, либо вообще перестать быть народом. Израильское царство зародилось в борьбе с филистимлянами; и хотя первый царь погиб в этом конфликте, его преемнику удалось основать империю.

Войны с филистимлянами продолжались много лет. Они начались с набегов на израильскую территорию, непосредственно примыкавшую к филистимской. Возможно, завоевание равнины у подножия Иудейских гор впервые пробудило их враждебность к Иудее; во всяком случае, оно привело их в соприкосновение с племенем-завоевателем. Несколько лет продолжалась бесплодная война; затем планы филистимлян стали более определенными, и они нацелились не на что иное, как на завоевание всего Ханаана. Морские разбойники постепенно превратились в нацию воинов.

Самсон, герой народной традиции, относится к ранней части филистимских войн. Последние остатки колена Данова в окрестностях Зораха и Эштаола еще не поглощены Иудой; филистимляне, напротив, завладели всей равниной. Между ними и израильтянами существует постоянная связь, частично дружественная, частично враждебная; в одно время эти два народа вступают в брак, посещают друг друга и торгуют друг с другом, в другое время они ведут партизанскую войну.

В последние годы стало модным превращать Самсона в героя мифа.^[365] Правда, его имя происходит от *Шемеша*, "солнца", и нельзя отрицать, что истории, связанные с ним, пришли скорее из народной традиции, чем из письменных источников. Его волосы, в которых заключалась его сила, напоминают лицо бога солнца, выгравированное на платформе финикийского храма Раклех на горе Хермон, где пылающие лучи солнца занимают место человеческих волос. Но следует помнить, что Самсон представлен как назарей - чисто израильский институт, между которым и солнечным мифом нет никакой связи, - и что его сила зависела от соблюдения обета, посвятившего его Яхве как назарея со дня рождения. С потерей волос обет был нарушен, посвящение закончилось; сила была дана Яхве, и Яхве забрал ее. Между этим и огненными локонами бога солнца не так уж много связи.

Однако характер Самсона - это характер героя народной традиции. Его полное пренебрежение моральными принципами, его тяга к чужеземным женщинам, его загадки, его приемы обмана и убийства врагов - все это относится скорее к сказкам, которые рассказывают восточные люди у дверей кафе или у костра, чем к трезвой истории. Когда мы слышим, что Рамат-Лехи был назван так из-за "челюстной кости" осла, которую Самсон "выбросил", убив ею тысячу человек, или что Кн-Хаккоре получил свое название от воды, которая текла из кости, утоляя жажду героя, мы оказываемся присутствии тех этимологических каламбуров, к которым историк не имеет никакого отношения.^[366]

Составитель книги Судей превратил этого героя народной истории, этого любовника филистимлянок, в судью Израиля. Однако он был всего лишь датским чемпионом, единственным героем датской традиции, которым, правда, у племени было мало оснований гордиться. Даже в Иудее его достижения не снискали ему чести. Когда филистимляне попытались схватить его после того, как он сжег их кукурузу, "три тысячи человек Иуды"

взошли к его убежищу "на вершине скалы Этам" и выдали его врагам. Коварство филистимской блудницы лишило его сил и глаз, и он закончил свои дни закованным рабом в Газе, перемалывая пшеницу для своих филистимских господ. Однако слава его смерти в глазах соплеменников искупила остаток его жизни. Призванный поспорить со своими хозяевами в храме Дагона, когда они пировали в честь своего бога, он зацепился за две центральные колонны, на которых держалось здание, и обрушил их на собравшуюся толпу. Самсон и филистимляне были погребены под его руинами. И "так, - добавляет летописец, - мертвых, которых он умертвил при смерти своей, было больше, чем тех, которых он умертвил при жизни своей".

В истории о Самсоне мы в первый и последний раз слышим в книге Судей о "людях Иуды". Это первый раз, когда они появляются в истории. В Иудее не было судей, поскольку Отниил был кениззитом, и на протяжении всей эпохи судей ее история остается пустой. Ничто не может яснее показать, насколько современным было это племя по сравнению с другими коленами Израиля и насколько незначительной была власть, которой оно обладало. Первоначальный Иуда имел свой дом в Вифлееме, зажатом между иевусейским Иерусалимом и эдомитским Хевроном, и только после того, как он поглотил и объединился с другими обитателями своей будущей территории, родилась Иуда, о которой пойдет речь в истории. Возможно, что объединение произошло или, во всяком случае, завершилось в результате филистимских войн; во всяком случае, мы не находим никаких следов более раннего периода. Даже Лахиш был завоеванием эфраимлян, и во времена Деборы он, должно быть, все еще числился среди городов Эфраима.^[367]

У Эфраима еще должен был быть судья, последний из рода. Хотя Самсону в этом титуле должно быть отказано, его следует отдать провидцу Самуилу. В Самуиле встретились судьи и пророки Израиля, и дух Яхве, отметивший судью, теперь перешел к пророку.

Но история Самуила не содержится в книге Судей. Мы должны искать ее в новой книге, которая описывает основание Израильского царства. Книги Самуила получили свое название от имени пророка, которое появляется на их первой странице. Однако они начинаются со связки "И" и, таким образом, предполагают наличие более раннего тома. На самом деле они являются продолжением книги Судей. Работал ли над этими двумя книгами один и тот же составитель, мы сказать не можем; этот вопрос следует оставить филологическим критикам, которые уже давно выяснили его характер и дату, а также точно определили границы его работы.

Однако есть один факт, связанный с составлением книги Судей, который историк не может не отметить. Повествования, вошедшие в нее, отличаются друг от друга по тону и характеру. Религиозная точка зрения историй об Иефтине или Михее полностью отличается от религиозной точки зрения историй о Вараке или Иеруввале. Между рассказом о низвержении ханаанеев на Кишоне и историями о Самсоне существует контраст между письменной историей и фольклором. Каждое повествование сохраняет свою индивидуальность, свою точку зрения, свое отражение эпохи и местности, к которой оно принадлежит.

То тут, то там отчетливо прослеживается перо историка, собравшего и объединившего эти фрагменты прошлой истории Израиля. Речи иногда напоминают речи Фукидида и имеют окраску более поздней эпохи. Кроме того, рамки повествования принадлежат самому автору; по сути, он показывает себя не только компилятором, но и историком. Но при всем этом собранные им рассказы различаются по характеру и тону так же сильно, как и события, о которых они повествуют.

Что может быть более убедительным доказательством того, насколько точно он воспроизвел свои материалы? В большинстве случаев они даже не прошли через ассимилирующую среду его собственного разума; вместо того чтобы использовать свои привилегии историка, он передал их нам неизменными и немодифицированными. И все же во многих случаях они должны были потрясти как его религиозное, так и патриотическое чувство. Кем бы он ни был, автор книги Судей обладал исторической сдержанностью и честностью, редкой даже среди современных европейских писателей. Он передал нам древние летописи своей страны в том виде, в каком он их нашел.

По большей части это были письменные источники. Завулоновы писцы упоминаются в Песне Деборы, а известия о "младших" судьях носят тот же летописный характер, что и известия о первых царях Египта во фрагментах Маррефа. Ханаанеи из Сихема, от которых произошел Авимелех, были знакомы с искусством письма уже несчетное количество веков, а в ханаанских городах, обложенных данью Манассией и соседними племенами, находились архивные палаты и библиотеки, где хранилась древняя литература страны. Только на будущей территории Иудеи мы слышим о разрушении Киржаф-Сефера, "города книг", и именно в этой части страны история эпохи Судей остается незаполненной. Между Отниэлем, разрушившим Кирхат-Сефер, и Давидом, завоевавшим и украсившим Иерусалим, не сохранилось ни одного имени судьи или героя. Самсон принадлежал к слабым остаткам колена Данова, и рассказ о его деяниях - единственное повествование в книге Судей, которое свидетельствует о том, что оно было создано в фольклоре, а не в письменной истории.

ГЛАВА VI УСТАНОВЛЕНИЕ МОНАРХИИ

Влияние Шилоха - Самуил и филистимляне - Дублирование повествований в Книгах Самуила - Пророк и провидец - Монастыри дервишей - Взятие ковчега и разрушение Шилоха - Саул становится царем - Ссоры с Самуилом - Избавление Израиля от филистимлян - Нападение на Амалекитяне - Давид - два рассказа о его приходе к власти - ревность Саула - бегство Давида - убийство священников в Нобе - странствия Давида - он продает свои услуги царю Гата - обязанности наемника - битва при Гильбоа и положение Давида - он становится царем Иуды - война с Еш-Давид восстает против филистимлян и становится царем Израиля - Взятие Иерусалима, который становится столицей - Результаты этого - Завоевание филистимлян, Моава, Аммона, Зобаха, Убийство Урии и рождение Соломона - Влияние Нафана - Полигамия и ее последствия в семье Давида - Бунт Авессалома - Оф Савва - Глупость и неблагодарность Давида - Потомки Саула, принесенные в жертву из-за засухи - Чума и покупка места для храма - Служители Давида и последние наставления - его характер - хронология - Соломон предает Иоава и других смерти - его религиозная политика - королева Савская - торговля и постройки - Хирам из Тира - дворец и храм, построенный в Тадморе - зоологический и ботанический сады - недовольство в Израиле - обнищание страны - Иеровоам - вкусы и характер Соломона.

Когда родился Самуил, поселение евреев в Палестине уже давно стало делом прошлого. Мало-помалу Ханаан перешел во владение израильских племен. Старое население сначала

было истреблено, затем обложено данью и смешалось с пришлым. Сами племена сильно изменились. Одни исчезли, другие выросли за их счет. Ефрем, который с первых дней завоевания был самым могущественным среди них, теперь находился в состоянии упадка, а на юге поднималась новая сила в виде смешанного колена Иуды. Несколько ханаанских городов во внутренних районах страны все еще оставались независимыми, например Гезер и Иерусалим, а также все города на побережье Финикии.

Племена страдали от недостатка сплоченности. Попытка основать монархию в Манассии провалилась; она была слишком локальной и ограниченной и лишь вызвала ревность колен, которые находились за ее пределами. Она лишь высветила раздоры и разногласия, существовавшие внутри самого Израиля. Узы, соединявшие колена, постоянно ослабевали, и "дом Иосифа" был разделен на враждебные фракции. Вениамин был уничтожен своими братьями-израильтянами под предводительством Ефрема, а Ефрем подвергся такому же обращению со стороны своих братьев из Гилеада. Завоевание Ханаана принесло с собой старый ханаанский дух разобщенности и раздора; зрелище, которое представляют нам письма из Тель-эль-Амарны: город против города, - воспроизведено в Израиле периода Судей. Общее братство, которое еще ощущалось в эпоху Деборы, постепенно забывается. Племена больше не приходят друг другу на помощь; вместо этого они воюют друг с другом. Власть судей становилась все более ограниченной, их юрисдикция - все более узкой. Племена к востоку от Иордана начинают вести обособленную жизнь и едва ли признают, что племена к западу - их родственники. Присоединение ханаанского элемента ослабило воспоминания об общем происхождении и в то же время привнесло в Израиль дух эгоистической обособленности. Причины, которые привели к завоеванию Ханаана израильтянами, теперь действовали среди его завоевателей, и казалось, что судьба ханаанцев должна была стать судьбой и израильтян.

Святынище в Шилохе еще существовало, но оно утратило свое влияние. Оно стало не более чем местным святилищем Ефрема,^[368] и по мере того как власть Ефрема ослабевала, ослабевало и влияние Шилоха. В других местах возникли соперничающие святилища и соперничающие формы поклонения. Высокие места, на которых ханаанеи поклонялись Ваалиму и Аштарот, по-прежнему оставались священными, и хотя официально Ваалом Израиля был Яхве, основная масса народа поклонялась местному Ваалу той местности, в которой жила. О Яхве почти не вспоминали, даже по имени: его место заняли ваалимы и аштароты Ханаана. Манассия "блудил" после золотого изображения, воздвигнутого Иерувваалом в Офре, или после ханаанского Ваала-берита в Сихеме; священство, соперничающее со священством Шилоха, служило перед идолами Михея в Дане; а Иефтах принес в жертву свою дочь в соответствии с ханаанскими верованиями. Закон Моисеев был забыт; каждый человек делал то, что было правильным в его собственных глазах.

Современная критика спрашивает, как возможно, чтобы все это было, если письменный Закон действительно существовал. Но в этом вопросе забывают учесть обстоятельства того времени. Грамотой владел лишь определенный класс - писцы; Израиль был разделен; общение было затруднено, и Закон, предполагавший наличие лагеря кочевников, постоянно находящегося под наблюдением своего законодателя, не был приспособлен к изменившимся условиям, в которых оказались израильтяне. Кроме того, следует помнить, что израильтяне в большинстве своем были крестьянами, жившими в разбросанных деревнях; жители городов были ханаанцами либо по расе, либо по браку. Одни были слишком невежественны, другие - слишком чужды, чтобы на них мог повлиять Моисеев кодекс.

Тем не менее, кодекс был сохранен в Шилохе. Здесь было священство Аароново, и те немногие сведения, которыми мы располагаем о проводимых там богослужениях,

показывают, что они соответствовали Закону Моисееву. За пределами Шилоха, среди тех, кто все еще оставался верен вере своих отцов, Закон помнили и, предположительно, соблюдали. Об этом свидетельствует Песнь Деборы. Бог Израиля, во имя которого Варак и Дебора пошли против язычников, - это Яхве из Пятикнижия, а не Ваал из Ханаана. История Израиля в эпоху Судей - это, как в религиозном, так и в политическом плане, история вырождения, а не развития.

На самом деле религия и политика не могут быть отделены друг от друга в истории древнего Востока, и в первую очередь в истории евреев. Одно предполагает другое, и политический упадок нации - верный признак ее религиозного регресса. Те же причины, которые разрушили его политическое единство, разрушили и религиозное единство. Знание и поклонение Яхве сохранились в Эфраиме, потому что только в Эфраиме сохранился старый идеал и дух Израиля. Ефрем был как бы сердцем и ядром Израиля; он возглавил наступление на Палестину, и его кровь была чище, чем у других колен. Он оставался истинным израильтянином, в нем было меньше примеси чужой крови.

После Иисуса Навина и Офниэля история большинства судей связана с историей Ефрема. Эхуд - вениамитянин, эфраимский "южанин"; Шамгар упоминается в Песне Деборы;^[369] сама Дебора жила недалеко от "Бет-Эля на горе Эфраим"; между Ефремом и Иеруввалом, правившим на ефремитской границе, существовала задушенная вражда, перешедшая в открытую войну при Иефте; Тола был похоронен в "Шамире на горе Ефремовой"; Абдон был ефремитом, а Ибзан и Элон - выходцами из соседних племен. Иаир Манассит и Самсон из "стана Данова" - единственные исключения из правила. Что это может означать, кроме того, что летописи, пережившие бурную эпоху Судей, были сохранены в горах Ефрема? Книжники раннего Израиля не ограничивались Завулоном, и, как в Вавилонии или Египте, так и в Палестине, храм был местом расположения библиотеки. В святилище в Шилохе письменные источники страны должны были найти безопасное пристанище вместе со скрижалями Закона и другими памятниками Моисеева века.^[370]

Время жизни Самуила отделило эпоху Судей от эпохи Царей. Она ознаменовала переход от периода анархии и разобщенности к периоду порядка и организованного единства под единым началом. Но никогда еще судьба Израиля не казалась такой отчаянной. Разобщенный, с прежним лидером, Ефремом, искалеченным и наполовину истребленным в результате гражданской войны, он стал добычей чужеземного врага. Филистимляне больше не довольствовались набегами. Теперь они занимали захваченные ими районы и строили крепости для защиты проходов, ведущих в самое сердце израильской территории.^[371] Их господство простиралось от одного конца Палестины до другого, что дало название стране, которое она никогда впоследствии не теряла. Племена были низведены до состояния крепостного права; они перестали быть свободными людьми, которые могли с оружием в руках выходить на борьбу с врагами, и были вынуждены, как и в последующие дни халдейского господства, ограничиться обработкой земли. Бродячие кузнецы, кенитские цыгане были изгнаны из земли; израильтянин был лишен всего боевого оружия и вынужден был отправляться в ближайший филистимский пост, если хотел просто заточить свои сельскохозяйственные орудия. Сыновья Иакова почти перестали быть народом.

Главные победы филистимлян были одержаны еще в юности Самуила, и по мере его взросления филистимлянское иго становилось все тяжелее и тяжелее. В общей неразберихе он был единственной выдающейся фигурой в Израиле. К нему народ обращался за советом и помощью, в нем видели пророка Яхве. Но Самуил был человеком мира, а не войны. Он не мог повести свой народ на битву или остановить растущий поток успехов филистимлян. Для этой работы нужны были другие люди, а их не находилось. Возможно, наступил момент, когда

Самуил сам не захотел, чтобы они нашлись, и власть, которой он обладал, перешла к другому. По крайней мере, именно такое впечатление производит его противодействие требованию народа иметь царя.

Кроме того, Самуил обладал чем-то большим, чем личное влияние. Он был последним представителем древнего святилища в Шилохе. Он был посвящен в него еще до своего рождения; он вырос в нем среди последних потомков прежних первосвященников; он видел, как ковчег, взятый из него, попал в руки филистимлян; он также был свидетелем, вероятно, разрушения самого храма. Все древние традиции Моисеева культа собрались вокруг него; он был живым звеном в цепи, связывавшей религиозное прошлое Израиля с его настоящим. В его лице доктрины и практики, сохранившиеся в Шилохе, были переданы в новую эпоху царей.

Еврейский историк, собравший воедино книги Самуила, уже не был стеснен, как составитель книги Судей, недостатком материалов. Его затруднения возникли по другой причине. Представшие перед ним документы, относящиеся к истории пророка, становлению монархии и приключениям Давида, были многочисленны, и одно и то же событие иногда записывалось в разных формах. Он был призван гармонизировать и объединить их вместе и, несомненно, испытывал при этом те же трудности, что и современные ассириологи, пытающиеся согласовать различные сведения об истории Вавилонии в XIII веке до н. э. В том, что последние могут быть согласованы, если только мы будем знать немного больше, мы не сомневаемся; но в настоящее время хронологические несоответствия кажутся непримиримыми. Все, что можно сделать, - это поставить их рядом.

Составитель книг Самуила обращался со своими материалами точно так же. В результате картина древнееврейского пророка, которая предстает перед нами, не всегда однородна по своим краскам. Иногда он священник, иногда судья всего Израиля, иногда просто местный провидец, само имя которого, похоже, было неизвестно Саулу.^[372] На протяжении большей части повествования филистимляне представлены как неодолимые хозяева страны; однажды, однако, мы слышим, что захваченные ими города были возвращены Израилу.^[373] Но из этого не следует, что, поскольку краски картины не однородны, более полное знание истории не покажет, что они гармонично сочетаются друг с другом. Европейские критики склонны забывать, что на Востоке, и особенно на древнем Востоке, условия жизни и общества, несовместимые в Европе, могут существовать бок о бок. Иоанн, отшельник из Ликополиса в Верхнем Египте, тем не менее не раз вершил судьбы Римской империи. А в пограничной войне в Ханаане города переходили из одной стороны в другую с такой быстротой, которую современному историку трудно осознать.

Вопрос о том, был ли Самуил левитом или ефремлянином по происхождению, вызывает споры. Его отец происходил из селения Рамафаим-Зофим на горе Ефремовой и вел свой род от некоего Зуфа, который называется "ефрафитянином". "Ефрафитянин" означает "человек из Ефрема" (как в 1 Царств xi. 26). Но оно также означает уроженца Ефрафы или Вифлеема в Иудее (Руфь i. 2, 1 Цар. xvii. 12) и, следовательно, может означать любое другое место с тем же названием. О том, что были и другие места с таким названием, свидетельствует само название Ефрема "две Ефры",^[375] и поэтому мы могли бы видеть в "ефрафитянине" просто уроженца одного из них. Летописец (1 Chron. vi. 26, 27, 33-38) определенно считает Самуила левитом и прослеживает его генеалогию до Кохата. Правда, в эпоху Самуила священники, несмотря на Моисеев закон, не всегда принадлежали к роду Леви - тот факт, что сыновья Давида были "священниками", является достаточным доказательством этого,^[376] - но трудно поверить, что такое нарушение левитской традиции было бы допущено в Шилохе. Также маловероятно, что генеалогия, приведенная Летописцем, была выдумкой. Самуил был

особым образом одарен Яхве. Его мать Ханна не родила своему мужу Элкану детей и, соответственно, подверглась насмешкам второй и более удачливой жены. Раз в год вся семья "поднималась" в Шилох, "чтобы поклониться и принести жертву Господу Воинств". В один из таких случаев Ханна со слезами просила Яхве, чтобы Он даровал ей сына, обещая посвятить его служению святилищу, если он родится. На вавилонской табличке, датированной пятым годом правления Камбиса, записано подобное посвящение вавилонской матерью трех своих сыновей на служение богу солнца в Сиппаре.^[377] В этом случае, однако, сыновья не покидали дом матери, пока не выросли, когда они вошли в храм, где частью их обязанностей было посещение ежедневной службы.

Молитва Ханны была удовлетворена, и у нее родился сын. Имя, которое он получил, не имеет никакого отношения к обстоятельствам его рождения, несмотря на этимологию, предложенную в 1 Цар. i. 20, пока мы смотрим только на его еврейское написание. Но если это написание было заимствовано из клинописного оригинала, все становится ясно. Samû-il на ассирийском языке означает "Бог слышит", и, таким образом, между этим именем и историей рождения пророка возникает вполне уместная связь. Этот факт заслуживает внимания, поскольку позволяет предположить, что история Самуила была впервые написана клинописью Вавилонии; и что клинопись использовалась в Израиле вплоть до падения Шилоха.^[378]

Как только ребенок отлучался от груди, его приносили в святилище вместе с другими дарами. Они состояли из еды и вина, а также трех быков, один из которых был заклан во время посвящения. Священник, руководивший службами в храме, был стар и немощен, и управление святилищем перешло в руки двух его сыновей, Хофни и Финееса. Его самого звали Илай. Но он предстает перед нами без вступления; мы ничего не знаем о его родословной и происхождении, и даже Летописец не нашел записей о его генеалогии. Однако то, что он был прямым потомком Аарона, не вызывает сомнений. Об этом ясно говорится не только в предсказании о разрушении, которое должно постигнуть дом Илия (1 Цар. iii. 14), но и в начальных словах пророчества о "человеке Божьем" (1 Цар. ii. 27, 28).^[379] Само имя Финеас, данное сыну Илия, связывает его с линией Аарона и долгим рабством израильтян в Египте. Финеас - не древнееврейское, а египетское Pi-Nehasi "негр", и в Израиле эпохи Самуила оно не могло иметь никакого смысла и значения, кроме как старое семейное имя.

Самуил был облачен в льняной ефод, священное одеяние и символ священника, и "служил Яхве перед Илием". Однажды ночью, перед тем как погас "светильник Божий", горевший перед ковчегом завета,^[380] "слово Господне" пришло к мальчику во сне. Оно трижды взывало к нему, и тогда пришло откровение о наказании, которое Яхве собирался навлечь на дом первосвященника.^[381] Его сыновья были неверны своей должности; мало того, что они спали "с женщинами, которые собирались у дверей скинии собрания", они заставляли людей отвращаться от жертвы Господней, и немощный старец не сдерживал их. Закон предписывал, что жир жертвы принадлежит Яхве и что до его сожжения на жертвеннике ни священник, ни жертвователь не могут получить ничего от жертвы. Если закон не был соблюден, жертва становилась бесполезной; Яхве лишался Своей доли, и никакое благословение не могло последовать за жертвой. Но сыновья Илая упорно пресекали строгие предписания закона. Перед тем как сжечь жир, их слуга подошел и ударил трехзубой вилкой по плоти, положенной в котел, требуя, чтобы она досталась ему сырой. Таким образом, священники Бога уродовали приносимые Ему жертвы и вынуждали Его поклонников обманывать Его. Израильтяне стали реже приносить свои ежегодные жертвы в Шилох, и циничная жадность священников ускорила падение религии Израиля.^[382]

Илай уже был предупрежден "человеком Божиим" о грядущем возмездии Яхве. Пророк, которому суждено было сыграть столь важную роль в истории Израиля, теперь почти впервые появляется на сцене. Дебора, конечно, была пророчицей, и пророк обличал идолопоклонство своих соплеменников в период мадиамского угнетения; но дух Яхве, который в более поздние времена проявился в форме пророчества, до этого скорее вдохновлял тех, на кого он падал, стать вождями в войне и "судьями" своего народа. Теперь же оно приняло новую форму. Из несчастья и смятения, вызванных набегами филистимлян, возникла первая великая вспышка еврейского пророчества. Те, кто все еще верил, что Израиль - избранный народ Яхве и что только он один является Богом над всей землей, были глубоко взволнованы триумфом необрезанных. Произошла вспышка религиозного энтузиазма, временами переходящего в фанатизм, который вновь и вновь возникал на Востоке. Провидец занял место "судьи". Бодрствующие видения, которые он видел, открывали будущее и объявляли ему и народу волю Яхве. Оружие плоти потерпело неудачу; осталось только "открытое видение", где события будущего были представлены заранее, и люди учились, как избежать катастрофы.

Вокруг провидца собирались группы учеников, очень похожих на современных дервишей. Они тоже принимали часть пророческого духа и порой под влиянием сильных эмоций выходили из тела в экстатическое состояние. Однако, как и современные дервиши, они находились под полным контролем провидца. По одному его слову их экстаз прекращался, и они вновь становились обычными жителями мира. Но дух, который двигался в них, легко передавался религиозным или возбудимым натурам. Посланники, посланные Саулом арестовать Давида в Раме, сами были задержаны духом пророчества, пропитавшим дом Самуила, а когда сам Саул в гневе последовал за ним, он тоже был внезапно побежден тем же божественным влиянием. Дух Божий был и на нем; и он продолжал пророчествовать, доколе не пришел в Наиот (монастырь) в Раме. И снял с себя одежды, и пророчествовал пред Самуилом подобным образом, и лежал нагой всю ту ночь".

Но это экстатическое возбуждение не было сущностью еврейского пророчества, и последнее вскоре от него избавилось. Дервишский элемент, правда, оставался почти до последнего; Илия - тому подтверждение, и даже Осия и Исайя временами прибегают к символическому действию. Но оно стало подчиненным и чисто символическим, в то время как сам провидец стал пророком. Сложившееся вокруг него представление было уже не о провидце видений, открывателе будущего, а об истолкователе воли Божьей для человека. В его пророчествах могло быть предсказание, но оно было случайным и зависело от условий, которые были четко выражены. Если люди раскаивались в своих грехах, то Божий гнев отворачивался от них; если же, напротив, они упорствовали в своих злых путях, то на них обрушивались бедствия и разрушения. Послание Яхве было условным; оно не содержало откровения о неизбежном будущем.

В этом отношении древнееврейский пророк был уникален. Его имя *nâbî* встречается в вавилонском языке, где оно имеет форму *nabium* или *nabu*, "говорящий". Это было имя вавилонского бога-пророка Небо, толкователя воли Бел-Меродаха, верховного божества города. Небо объявлял человечеству желания и повеления Меродаха; он также был покровителем литературы, возможно, изобретателем самой письменности. Название горы, на которой умер Моисей, свидетельствует о том, что поклонение Нево было перенесено на Запад в старые времена вавилонского владычества в Ханаане, и нам не нужно удивляться, что слово *nâbî* со всем, что оно подразумевает, было перенесено на Запад в то же самое время. Но только после эпохи Самуила оно успешно вошло в древнееврейский язык. Самуил все еще был *роэхом* или "провидцем", хотя вавилонское слово в форме глагола (*hithnabbê*)

уже применялось к его экстатическим спутникам, которые пророчествовали вокруг него.^[384] Но это слово отвечало потребности. Поскольку древнееврейский пророк все больше переставал быть провидцем, возникла необходимость найти для него новое название, которое бы точнее выражало его истинную природу, и слово *nâbî* уже было под рукой. Соответственно, "провидец" отошел на второй план, а его место занял "пророк".

Мы можем проследить начало этого великого религиозного движения в эпоху Самуила. Самуила часто называют "основателем пророческих школ", и в определенной степени это правда. Но это не были школы в том смысле, что это были заведения, где его современники могли получить образование в области древней литературы своей страны и быть подготовленными к принятию на себя пророческого служения. Школы такого рода должны были появиться позже в истории Израиля. Они даже не были похожи на ранние христианские монастыри Египта, где монахи жили вместе под началом главы, иногда в одном здании, иногда в отдельных кельях. Ранние ученики Самуила были странствующими группами энтузиастов, на религиозные экстазы которых он оказывал возбуждающее и контролирующее влияние. Это были люди, выражаясь библейским языком, которые были "опьянены духом" Божиим.^[385]

Потеря ковчега и разрушение Шилоха, должно быть, ускорили движение, начало которому положили филистимские беды. И следует помнить, что "пророки", к которым причисляли Саула, не все были дервишского типа. Среди них должны были быть люди, подобные самому Самуилу, истинные предшественники пророков последующей древнееврейской истории. В последующем поколении мы находим таких людей, как Гад и Натан, которые перестали быть провидцами и стали проповедниками Израиля, хранителями совести самого царя и летописцами его царствования.^[386] Литературные традиции Шилоха перешли к ним через руки Самуила.

Пророческое движение сделало нечто большее, чем просто сохранило веру в Яхве как Бога Израиля. В то же время оно сохраняло чувство национального единства. Пророки", окружавшие Самуила, были собраны из всех классов и со всех частей израильской территории. О том, что Самуил был "утвержден как пророк Яхве", как нам говорят, знал "весь Израиль", "от Дана до Беер-Шебы". О том, что это утверждение не является слишком общим, свидетельствует история Саула. Весь Израиль требовал царя, и он правил над всеми израильскими племенами. Поскольку своей властью он был обязан Самуилу, очевидно, что влияние Самуила также должно было распространяться от одного края израильских племен до другого. Везде, где филистимское господство позволяло это, авторитет провидца признавался и почитался.^[387]

Из этого следует, что почитание храма в Шилохе было столь же широко распространено. Теоретически, по крайней мере, израильтяне признавали наличие центрального святилища, где сыновья Аарона служили перед Яхве и соблюдались предписания Моисеева закона. На практике, правда, старые ханаанские капища с их местными Ваалимами и Аштарот узурпировали место Шилоха; частные часовни были устроены в домах отдельных людей, а священники служили в священном эфode перед искусственными изображениями. Но все это было естественным плодом "века невежества", и последующие поколения признали, что так оно и было. Более чистое поклонение Яхве не было "развитием" более раннего политеизма; это было просто возвращение к идеалу, память о котором хранилась в Шилохе.

И все же наступило время, когда казалось, что Яхве забыл о святилище, где Он установил Свое "имя вначале". Наказание, обрушившееся на дом Илая, не замедлило последовать. Иудея уже была в руках филистимлян, и теперь враги атаковали израильскую крепость на

горе Ефрем. Филистимский лагерь был разбит в Апхееке, недалеко от Рамы, места рождения Самуила.^[388] Последние остатки еврейской армии расположились напротив них в месте, названном впоследствии Эбен-Эзер, "Камень помощи". Но в данном случае он им не помог. Израильтяне потерпели поражение, потеряв около четырех тысяч человек, и в своем отчаянии "старейшины" посоветовали принести ковчег завета в лагерь. Яхве, как считалось, водрузил Себя над ним между крыльями херувимов, подобно вавилонскому Бел-Меродаху, который в праздник Нового года точно так же водрузил Себя над "крышкой милосердия" в своем храме в Вавилоне.^[389] Поэтому Он фактически среди них, зримо, как бы ведя их войска к победе и благословляя их Своим присутствием. В давние времена завоевания Ханаана ковчег несли перед станом Израиля; видимое присутствие "Яхве Саваофа" шло с ним, и враги были рассеяны перед ним, как мякина перед ветром.

Ковчег был принесен из места своего упокоения в Шилохе, и впервые со времен Моисея и Иисуса Навина хранитель Израиля предстал перед взором простых людей. Несмотря на опасения и нежелание Илая^[390], двое его сыновей понесли его на своих плечах в лагерь израильтян. Его появление было встречено радостным криком, который разнесся по всей долине в стан врага. Таким образом, филистимляне узнали, что Бог Евреев пришел лично, чтобы помочь своему народу в борьбе с врагами, как в былые времена он помогал им в борьбе с египтянами. Но прежним временам не суждено было повториться. Ковчег был перенесен с места своего упокоения по приказу старейшин, а не Яхве. Его святость была осквернена, тайна, окружавшая его, грубо разрушена. Только когда ковчег встал на свое место в Святом Святых, слава Господня почилла на нем, и Яхве воцарился между крыльями его золотых херувимов. Скиния и ковчег были неразделимы, как ларец и сокровище в нем; одно без другого было оставлено Господом.

Присутствие ковчега в стане израильтян ничего не дало. Израильтяне сражались с отчаянием, но без вождя они не могли сравниться с хорошо вооруженными и обученными филистимлянами. Их армия была разбита на куски; говорят, что тридцать тысяч из них остались лежать мертвыми на поле боя. Хуже всего, что среди убитых были два сына Илая; ковчег Яхве был захвачен язычниками, и путь к Шилоху был открыт.

Вениамитянин бежал от резни, чтобы передать дурную весть первосвященнику. Илаю было девяносто восемь^[391] лет; его глаза ослепли, и он сидел на скамье у входа в храм, полный тревоги за судьбу ковчега. Потрясение, вызванное этой новостью, оказалось сильнее, чем он мог вынести; услышав, что ковчег захвачен филистимлянами, он упал на спину, и шея его была сломана. Всего один день лишил Израиль ковчега и священников.

Едва Илай умер, как его невестка, жена Финееса, преждевременно родила ребенка. Он родился в злой день, в день, когда свет Израиля, казалось, погас навсегда. Всю свою жизнь он носил имя, которое не позволяло забыть о страшных обстоятельствах его рождения. Мать назвала его И-чабод, "слава ушла", "ибо ковчег Божий был взят".

У И-хабода был старший брат, Ахитуб, родившийся в более счастливые времена.^[393] Через него продолжился род священников-шилонитов, и первосвященство по-прежнему оставалось в доме Илая. Это был внук Ахитуба, Абиафар, который, будучи верным слугой Давида в его бедах, был изгнан и лишен священства при воцарении Соломона.^[394] Но Ахитуб, должно быть, был еще молод, когда филистимляне одержали победу, положившую всю Палестину к их ногам.

Разрушение храма в Шилохе должно было стать одним из первых результатов этой победы. У израильтян больше не было армии, и филистимские завоеватели могли спокойно пройти через проходы горы Ефрема. Они построили крепость на перевале у Михмаша, а старое

святилище Израиля сравнивали с землей. О его разрушении не было известно составителю книг Самуила; было бы странно, если бы в тот час бедствия и национальной катастрофы, когда хранилище древнееврейской литературы само было разрушено, нашелся летописец, который бы описал это событие. Но память о нем никогда не забывалась, и на него ссылаются и пророк Иеремия, и псалмопевец (Иер. vii. 12, xxvi. 6; Пс. lxxviii. 60).

Те из священников Шилоха, которые пережили катастрофу, были рассеяны по Израилю. Во времена Саула мы находим восемьдесят пять из них в Нобе, который, соответственно, называется "городом священников". Сам Самуил бежал в дом своих отцов в Раме. Там, как провидец и пророк, как представитель павшего святилища Израиля и как один из немногих литераторов той эпохи, он стал центром всего, что осталось от патриотизма и национального чувства в Израиле. Постепенно его влияние росло. Ахитуб, внук Илая, был молод, как и он сам, и разрушение Шилоха лишило его того авторитета, который давало его служение перед ковчегом завета.

Сам ковчег снова находился в пределах Израиля. Его перенесли в Ашдод и с триумфом установили в храме Дагона. Но триумф был недолгим. Ночью изображение Дагона дважды падало со своего пьедестала и ложилось на лицо перед ковчегом могущественного Бога. Во второй раз при падении оно разбилось вдребезги; когда утром жрецы вошли в святилище, они обнаружили, что голова и руки их бога валяются на пороге. Поэтому, - говорят нам, - ни жрецы Дагона, ни те, кто приходит в дом Дагона, не ступают на порог Дагона в Ашдоде по сей день"

Предполагается, что Дагон имел форму отчасти человека, отчасти рыбы. Но это предположение возникло из-за ложной этимологии имени, которая связывает его с древнееврейским *dāg*, "рыба". Из клинописных надписей мы знаем, что Дагон действительно был одним из примитивных божеств Вавилонии, которому поклонялись в те времена, когда семиты еще не стали хозяевами земли. Дагон был соединен с Ану, богом неба, и когда имя и поклонение Ану были перенесены на Запад, имя и поклонение Дагону были перенесены туда же. Саргон "начертал законы" Харрана "по желанию богов Ану и Дагона", а на финикийской печати из Ашмолинского музея в Оксфорде есть имя Баал-Дагона, а также изображения колоса кукурузы, крылатого солнечного диска, газели и нескольких звезд. Колос кукурузы символизирует тот факт, что у финикийцев Дагон, брат Эль и Бет-Эль, был богом земледелия и изобретателем хлебного зерна и плуга.^[396] Но это было связано с тем, что на языке Ханаана *даган* означал "кукуруза". Перейдя на Запад, бог приобрел новые атрибуты и стал сельскохозяйственным божеством, следящим за растущими посевами.^[397]

Сила Бога Израиля проявилась не только в унижении филистимского бога. В Ашдоде разразилась чума, сопровождаемая обычным симптомом - геморроидальными отеками. Жители города не замедлили распознать в этом гневную руку Яхве, и ковчег был отправлен к их соседям в Гат. Но и здесь его настигла чума, и Экрон, куда он был отправлен следом, пережил ее не лучше. В течение семи месяцев священный палладиум Израиля оставался в руках похитителей. Затем "жрецы и прорицатели" посоветовали отправить его обратно народу Яхве вместе с подношениями, чтобы смягчить гнев оскорбленного бога. Из золота были сделаны пять мышей и пять геморроев и положены в ларец у борта ковчега. Они представляли пять филистимских городов, а мыши были символами гневного Яхве, Бога Саваофа и битвы, который отомстил поклонникам мирного бога земледелия. Мыши, пожиравшие кукурузу, были естественными врагами Дагона.

Ковчег и ларец положили на повозку, а для его перевозки привязали двух дойных коров. У филистимлян все еще оставалось сомнение, действительно ли Бог, позволивший завоевать

свой народ и захватить его жилище, мог быть автором чумы, и поэтому они следили за тем, пойдут ли кони по дороге в сторону израильской территории или вернутся к своим коровам. Но все сомнения исчезли, когда кони пошли прямо на восток, в сторону Бет-Шемеша, повизгивая на ходу. Жители деревни были на полях, собирая урожай, когда увидели, что к ним приближается повозка, нагруженная драгоценным грузом. Наконец кони остановились у большого камня - камня Авеля "на поле Иисуса Навина, Вифлеемлянина". Тогда пришли левиты, взяли ковчег и приношения из повозки и положили их на камень, который стал святилищем и жертвенником. Дерево из повозки было расколото на дрова, а кони были отплачены за принесенный ими дар и принесены в жертву Господу.

Но чума преследовала ковчег даже на израильской земле. Жители Бет-Шемеша считали, что это произошло из-за того, что они заглянули в святилище Яхве, чтобы посмотреть, не осталось ли в нем его первоначальное содержимое, и в ужасе умоляли жителей Кирьяф-Иарима прийти и унести его. В Кирьят-Иеарим она была перенесена и помещена в доме Абинадава, сын которого Елеазар был посвящен в хранители. То, что он не был перенесен в Шилох, свидетельствует о том, что разрушение Шилоха уже произошло.

С переносом ковчега в Кириаф-Иеарим на историю Израиля опускается тьма. Патриотам-историкам почти нечего было записывать. Народ находился в рабстве у филистимлян, национальное святилище было разрушено, сам ковчег был спрятан в частном доме. Когда занавес вновь приподнимается, он сообщает об успехе местного народа над филистимским врагом. Самуил находится в Мизпехе, "сторожевой башне", которая, должно быть, примыкала к Раме, если это не название одного из двух ее кварталов.^[398] Здесь было последнее убежище тех немногих израильтян, которые все еще отказывались признать власть филистимлян, а окружающие горы служили домом и убежищем для банд преступников, которые все еще вели партизанскую войну с чужеземцами. Один из случаев этой войны запомнился надолго. Когда Самуил приносил агнца во всежжение Яхве, филистимляне обрушились на собравшийся народ. Но внезапно разразившаяся гроза испугала нападавших, и они бежали вниз по долине в сторону Бет-Кара, преследуемые жителями Мизпеха. В память об этой победе пророк установил Эбен-Эзер, "камень помощи", между Мицпе и Шеном.^[399]

Похоже, что при жизни Самуила на Мицпе и ее окрестности больше не нападали. По крайней мере, именно такой вывод следует сделать из обобщающего и оптимистичного языка еврейского историка.^[400] На какое-то время, действительно, весь район был освобожден от присутствия чужеземцев. Деревни к востоку от Экрона и Гата перестали платить дань завоевателю, хотя их независимость не могла продолжаться долго.^[401] "Округа" Самуила не выходила за пределы Мицпе, Гилгала и Беф-Эля, а его сыновья судили дела в Беер-Шебе.

Ахитуб, первосвященник, несомненно, находился в Нобе вместе с остальными левитами Шилоха, почти в пределах видимости от Мизпеха. Все, что удалось спасти из обломков храма в Шилохе, должно быть, находилось там вместе с ним. Мы знаем, что в Нобе впоследствии был положен перед Яхве меч Голиафа, и в Нобе, вероятно, был сохранен медный змей, установленный Моисеем в пустыне.^[402] Согласно Летописцу,^[403] скиния и медный жертвенник, сделанный Веселилом, находились в Гибее; как это произошло, он не говорит.^[404] Во всяком случае, если медный змей был сохранен, то нет причин, почему бы не сохранились и другие вещи. И книги Закона были бы одними из первых предметов, которые беглые священники взяли с собой. Нам говорят, что когда ковчег был внесен в храм Соломона, в нем все еще находились каменные скрижали, которые были положены в него Моисеем (1 Царств viii. 9); если они были сняты с него, когда его отнесли в лагерь израильтян, они тоже должны были стать частью храмовой утвари, которую спасли священники.

Таким образом, здесь, в небольшом районе колена Вениамина, часть которого была населена старыми уроженцами Гибсона, нашло свое последнее пристанище все, что осталось от израильской независимости, будь то религиозной или политической. Здесь национальный дух Израиля еще сохранялся среди священников и левитов, бежавших из Шилоха или живших в горах Ефрема. Не лишено значения и то, что здесь же находился дом гибеонитских холопов святилища;^[405] священники, левиты и нефинеи были собраны, как бы, в одном месте. Хотя храм пал, Моисеев закон и ритуал были закреплены в сердцах тех, кто служил в нем.

Разрушение Шилоха вернуло Бет-Элю его прежнюю, доизраильскую славу. Вновь его высокое место стало заполнено поклонниками, и те, кто раньше приносил свои дары и жертвы Яхве в Шилох, теперь приносили их "Богу в Виф-Эле".^[406] В Виф-Эле, соответственно, раз в год Самуил приносил жертвы и решал дела, которые были поставлены перед ним, или предсказывал будущее тем, кто советовался с ним как с провидцем. Именно на подобном собрании в Мизпехе израильтяне подверглись нападению филистимлян и одержали победу при Эбен-Эзере.

Но результаты победы были локальными и сиюминутными, и положение израильтян стало невыносимым. К тому же Самуил старел; его сыновья Иоиль и Авия были развращены,^[407] и его собственное влияние было скорее влиянием провидца, чем лидера в войне или управляющего в мире. Единственная надежда для Израиля заключалась в том, чтобы найти вождя, который смог бы собрать его раздробленные части в единое целое, организовать его силы и сломить филистимское иго. Нужен был новый Иерувбаал или Иефтах, но такой, который повел бы к победе не несколько колен, а весь Израиль.

Народ требовал царя. Их инстинкт был верен; никаким другим способом израильский народ не мог быть спасен. Демократия уже была испробована и потерпела неудачу: конец эпохи Судей - внутренняя анархия и разложение, разрушение центрального святилища и рабство иноземцам. Естественно, Самуил не желал передавать те полномочия, которыми он еще обладал, другому. Его сыновья, несомненно, не желали этого еще больше. Кроме того, он был воспитан в школе прошлого. Его детство прошло в Шилохе под влиянием идей, которые видели в теократии богоизбранное правительство Израиля.^[408] Сначала он сопротивлялся требованию народа. Но напрасно он протестовал против того, что они отвергают Яхве и себя, или указывал им на то, что установление царства означает потерю их личной независимости. Логика событий была слишком сильна для пророка, и он был вынужден уступить. Наступило время, когда выбор стоял между царем и исчезновением нации, и царя, соответственно, нужно было найти.

Самуил уступил, по-видимому, с благосклонностью. В таком деле слово главного провидца и пророка Израиля было законом, и он знал, что выбор находится в его собственных руках. И он сделал его мудро и патриотично. Саул, сын Киша, первый царь объединенного Израиля, оправдал свое избрание на корону. Он спас Израиль от гибели и на некоторое время сумел откатить волну филистимского господства. Его военные способности были неоспоримы, равно как и его мужество и преданность своему народу.^[409]

Но была и другая сторона его характера, которая, пожалуй, понравилась Сэмюэлю не меньше, чем его военные способности. Через всю его натуру проходила жилка глубокого религиозного рвения, которое временами переходило в мрачное уныние фанатика. При правильном подходе он был способен на высокий религиозный энтузиазм и следовал своему религиозному руководству с простотой ребенка. Но он не терпел оппозиции; и, как все люди с сильными эмоциями, его ненависть была столь же сильна, как и любовь. Он был рожден,

чтобы стать вождем своих соотечественников, а кем он будет - царем или дервишем - должно было решить будущее.

Естественно, он был вениамитянином, из того маленького уголка Палестины, который все еще оставался верен лучшим традициям Израиля. Поначалу казалось, что он станет послушным учеником Самуила, коронованным дополнением к группе дервишей-пророков, окружавших пророка. О его восшествии на израильский престол передается не один рассказ, и их не всегда легко согласовать. Однако ясно одно: Саул не стремился к избранию, и оно стало для него неожиданностью.

Но высокий рост выделял его среди товарищей; это был внешний знак превосходства, который Яхве установил для него. Его первая встреча с Самуилом была случайной. Отец послал его^[410] на поиски заблудившихся или украденных ослов, и, пока он тщетно занимался поисками, раб посоветовал ему обратиться к провидцу, жившему в соседнем городе. Город оказался Рамой, а провидец - Самуилом, который в тот день приносил торжественную жертву на высоком месте.^[411] Самуил пригласил его на пир, который последовал за жертвоприношением, и отвел ему самое главное место среди гостей; затем перед уходом он тайно помазал его голову елеем и объявил, что он избран быть "начальником над уделом Яхве". Затем пророк сказал ему, где находятся ослы, которых он ищет, и велел идти к священному кругу камней в Гилгале и там оставаться семь дней, пока не придет сам пророк.

Едва Саул покинул присутствие Самуила, как его встретила "компания пророков", спускавшаяся с музыкой и дикими криками с высокого места Гивеи.^[412] Саул еще не оправился от волнения, вызванного странной и неожиданной сценой, в которой он только что был действующим лицом, и не был в настроении сопротивляться заразе религиозного экстаза, который теперь охватил его. Он тоже, подобно зрителям на современном *зикре* на Востоке, присоединился к группе энтузиастов и присоединил свой голос к их голосам. И только когда он достиг высокого места, вспышка его религиозного безумия прошла.

Такова одна из версий истории основания израильской монархии. Саул был тайно помазан Самуилом и сразу же записался в одну из групп "пророчествующих", духовным руководителем которых был Самуил. По другой версии, его избрание царем произошло публично, на большом собрании, созванном Самуилом в Мизфее. Здесь жребий пал на Саула, который спрятался "среди вещей", и Самуил представил его народу, который воскликнул "Да здравствует царь!". Затем провидец "написал в книге" такие постановления об избрании и обязанностях царя, которые мы находим в книге Второзакония (xvii. 14-20), "и положил ее пред Господом". Как только собрание было распущено, Саул вернулся "в дом свой в Гивее"

Его избрание, однако, не было принято единогласно, хотя оно и было освящено Яхве. Были и такие, кто не видел в высоком энтузиасте ничего большего, чем сына старшины из Гивеи. Но достаточное количество его соплеменников были готовы собраться вокруг него, как только он позовет их на битву. А повод не заставил себя ждать. Иавис-Гилеад, старый союзник Вениамина, был осажден Нахашем, царем аммонитян. Город был слишком слаб, чтобы сопротивляться, и его жители предложили сдаться. Но Нахаш с семитской свирепостью ответил, что пощадит их жизни только при условии, что каждому из них будет вырван правый глаз. Им было дано семь дней, чтобы решить, примут ли они его условия или будут сражаться до смерти, и во время передышки старейшины города послали в Вениамин просить о помощи. Саул пахал, когда прибыли посланцы, и, восплавав гневом, разрубил своих волов на части, которые разослал по всему Израилю со словами: "Кто не пойдет после Саула и после

Самуила, тот так поступит с волами своими". Призыв по-прежнему шел от имени старого провидца.

Люди сходились со всех сторон, и Саул оказался во главе небольшой армии. Говорят, что, когда он пересчитал свои войска в Бездеке, "сынов Израилевых было триста тысяч, а Иудиных - тридцать тысяч". Возможно, такова была вся боевая сила Израиля перед окончанием правления Саула; она не могла представлять собой число тех, кто смог встать под его знамена в течение нескольких дней, которые еще оставались для освобождения Иависа. Как и в других местах Ветхого Завета, шифры в значительной степени преувеличены. Действительно, если учесть численность ассирийской армии, зафиксированную в надписях, в то время, когда она была самым грозным двигателем разрушения в Западной Азии, становится ясно, что число сражающихся в еврейской армии никогда не могло быть очень большим. Триста тридцать тысяч человек в армии Саула - это лишь пример того восточного преувеличения цифр и неспособности понять, что они на самом деле означают, которое так же распространено на Востоке в наши дни, как и в эпоху Самуила.^[415]

Иавеш был спасен, а аммонитяне рассеяны в бегстве. Эта победа стала доказательством военных способностей Саула и оправдала его выбор в качестве царя. Весть об этом разнеслась от одного конца Израиля до другого, и воины-победители потребовали смерти тех, кто оспаривал право их вождя на царствование. Но Саул отказался от этого требования; никакое кровопролитие не должно было омрачить славу этого дня; отныне все истинные израильтяне должны были единодушно признавать своего царя. Яхве избрал его в Мицпе; теперь нужно было, чтобы он отправился в священный загон Гилгал, первое место стоянки израильтян в Ханаане, и там был торжественно провозглашен собравшимся народом. Как Иисус Навин Ефремович отправился из Гилгала завоевывать Ханаан, так и Саул Вениамитянин, новый "начальник удела Господня", тоже отправился из Гилгала, чтобы восстановить свое упавшее состояние.

Прошел год, прежде чем Саул почувствовал себя достаточно сильным, чтобы напасть на филистимские гарнизоны. К тому времени он собрал вокруг себя три тысячи израильтян, все они были готовы сражаться и повиноваться своему вождю. Но вооружены они были только земледельческими орудиями или другими подручными средствами, какие только могли найти. Филистимляне запретили странствующим кузнецам входить на израильскую территорию, и, как нам говорят, только Саул и его сын Ионафан владели мечом и копьем. Из трех тысяч человек тысяча была с Ионафаном в Гибее; остальные были с Саулом на дороге, которая вела через горы от Михмаша к Веф-Элю. На холме над Гибеей, в самом сердце страны Саула, находилась филистимская крепость; другая крепость прикрывала перевал Михмаш и подступы к Ефрему.

Филистимляне, казалось, сделали восстание израильтян невозможным. Их крепости и гарнизоны командовали дорогами, как французские гарнизоны в Алжире, а завоеванному населению было запрещено пользоваться оружием. Саул, номинально являвшийся царем Израиля, на самом деле был всего лишь вождем банды разбойников, отчаянно державшихся в горных крепостях и пользовавшихся поддержкой священников и крестьянства. Победа над Нахашем подтвердила право Саула возглавлять их среди своих соотечественников; она ничего не сделала для освобождения от господства филистимлян.

Однако теперь Ионафан решил напасть на филистимский форпост в Гибее. Нападение было успешным; крепость была взята, а ее защитники преданы мечу.^[416] Это было открытое восстание против филистимского господства, и весть о нем быстро распространилась. Саул разослал гонцов по всему Израилю, заявляя об успехе для себя и монархии, и разбил лагерь

в Гилгале. Тем временем филистимская армия выступила в поход, чтобы подавить восстание. Еврейский летописец описывает его как состоящее из "тридцати тысяч колесниц и шести тысяч всадников, и народа, как песок на берегу моря, многочисленного", и оно разбило свой лагерь у Михмаша, немного севернее Гибее. Здесь они отрезали Саула от всех сообщений с севером и угрожали его тылу. Поэтому он покинул Гилгал и присоединился к своему сыну в Гибее. С ним оставалось только шестьсот человек; остальные бежали при приближении врага, который выслал из своего лагеря три отряда налетчиков, один из которых двинулся на юго-восток к Мертвому морю, а два других повернули: один на северо-запад, а другой на северо-восток.

Горный район, откуда Саул черпал свои силы, был охвачен паникой. Крестьяне бежали со своих опустошенных полей, и вся страна была предана огню и мечу. Чистокровные израильтяне и евреи смешанного происхождения были объединены общей бедой. Одни прятались в пещерах и лесах, даже в цистернах и зерновых ямах, а другие укрывались в Гаде и Галааде, на восточной стороне Иордана.^[418]

И снова Ионафан принес избавление Израилю. Между израильтянами в Гибее и филистимлянами в Михмаше лежало глубокое ущелье, которое обычно отождествляют с вادي Сувейнит.^[419] По обе стороны возвышались обрывистые скалы, которые эффективно отрезали враждебные силы одну от другой. Ионафан решил пробираться через это ущелье, сопровождаемый лишь своим оруженосцем и уповая на помощь Яхве Израильского. Среди бела дня оба героя взобрались на противоположный утес перед лицом филистимлян, которые приняли их за дезертиров из израильского лагеря. Но, добравшись до филистимской крепости, они внезапно обрушились на ее неподготовленных защитников и убили около двадцати из них "на расстоянии половины борозды от акра земли". Вслед за этим иудейские последователи филистимлян обратились против своих товарищей, и лагерь филистимлян превратился в сцену смятения и ужаса. Ионафан ничего не сказал отцу о своем подвиге, но Саул вскоре заметил, что в стане врага идет бой.

Среди израильтян, бежавших с Саулом, был первосвященник Ахимелех,^[420] правнук Илия, который присоединился к царю со священным эфодом. Ковчег также был перенесен для безопасности в лагерь израильтян и снова сопровождал армию Израиля против врагов. Перечислив своих людей и обнаружив, что Ионафан отсутствует, Саул позвал священника и велел ему узнать у Яхве, должны ли они идти к нему на помощь или нет. Но не успел он ответить на этот вопрос, как на противоположной стороне долины поднялась суматоха, не дававшая возможности колебаться. Стало ясно, что настал момент нанести удар по господству чужеземцев. Соответственно, ущелье было быстро преодолено, и израильский царь с шестьюстами последователями бросился в тыл врага. Филистимляне больше не сопротивлялись. Атакованные спереди преследовавшими их крестьянами, а сзади - воинами царя, они стремительно бежали вверх по перевалу к Беф-Элю.^[421] Победа была полной, и филистимляне были бы уничтожены, если бы религиозные убеждения Саула были менее горячими. Но когда инстинкт полководца победил фанатика, и он остановил священника в самом акте обращения к Яхве, тот спас свою совесть клятвой. Никто не должен был есть и пить, пока он не повергнет своих врагов, а тот, кто нарушит царский обет, должен был быть предан смерти.

Клятва была опрометчивой и несвоевременной, но она была зарегистрирована на небесах. Филистимляне были преследованы до Аиялона. Израильтяне были слишком слабы от недостатка пищи, чтобы преследовать их дальше. Один только Ионафан, которого не было в стане израильтян во время произнесения клятвы, съел немного меда, который, как он видел, падал с дерева. Его спутники смотрели на него с тоской, но не осмелились последовать его

примеру. Поэтому они с еще большей яростью набросились на добычу, которую потом нашли в филистимском стане. Овцы, волы и телята были зарезаны, когда они лежали на земле, "и люди ели их с кровью". Весть об этом нарушении одного из главных законов израильской религии повергла Саула в ужас. Он приказал подкатить к нему большой камень, и на этом импровизированном жертвеннике были закланы животные. Это был "первый жертвенник", как нам говорят, который Саул "построил Господу".

Но худшее было еще впереди. Саул решил преследовать филистимлян ночью, и, соответственно, снова обратился к оракулу Яхве. Однако ответа не последовало. Ни священник, ни эфод не помогли, и стало ясно, что в Израиле совершился грех. Когда бросили жребий, он пал на Ионафана, который признался, что, не зная обета своего отца, съел немного меда. Религиозный фанатик оказался в Сауле сильнее, чем отец, и он вынес приговор, согласно которому Ионафан должен умереть. Ионафан, по сути, был первенцем, чьей жертвы требовал Яхве в качестве цены за победу. К счастью, религиозные убеждения еврейских воинов оказались менее глубокими, чем у их царя. Победа досталась именно Ионафану, и в час его триумфа они не позволили ему умереть. Саул уступил, возможно, с готовностью; но филистимлянам было позволено разойтись по своим домам.^[422]

Настаивали ли на жертвоприношении Ионафана Ахимелех и священники? Во всяком случае, они не вмешивались, чтобы помешать этому, и жребий был брошен под их наблюдением. Несомненно то, что с этого времени между Саулом и священством все больше и больше нарастало отчуждение, которое закончилось тайным помазанием Давида в цари Израиля и расправой над священниками в Нобе. Мы больше не слышим об Ахимелехе и ковчеге в стане Саула.

Самуил, престарелый и почитаемый представитель священства шилонитов, был во многом причастен к этому растущему отчуждению. С самого начала он смотрел на Саула как на соперника, лишившего его былой власти. Даже после того, как Саул доказал свою пригодность к правлению спасением Иависа и был публично провозглашен царем народом в Гилгале, он не мог скрыть своего недовольства и враждебности. Разве он и его сыновья все еще не с ними? спросил он собравшихся израильтян; почему же они ко "всем своим грехам" добавили еще и это "нечестие", требуя себе царя? Под раскаты грома над головой он велел им осознать гнев Яхве на то, что они отвергли Его представителя, и закончил угрозой, что и они, и их царь будут "уничтожены".

Самуил недолго воплощал свою враждебность в делах. Согласно одному из авторитетов, используемых составителем книг Самуила, после избрания Саула прошло всего семь дней, когда пророк упрекнул его в присутствии войска и сказал, что Яхве избрал вместо него другого царя.^[424] Здесь, однако, спутали два события: утверждение Саула царем народом в Гилгале и его последующий лагерь в том же месте на втором году правления. К тому времени разрыв между старым судьей и новым "капитаном" Израиля все увеличивался и увеличивался. Саул, несмотря на свои религиозные убеждения и возбудимость, не показал себя послушным учеником и орудием Самуила, как можно было ожидать; он доказал, что обладает сильной и жестокой собственной волей, которую он был полностью готов реализовать, когда не находился под влиянием религиозного возбуждения. Саул лишь на время оказался "среди пророков". Он также не обладал тем тактом и уступчивостью, которые позволили бы Давиду при тех же обстоятельствах избежать открытой ссоры с престарелым провидцем. Саул был слишком серьезен, слишком убежден в том, что то, во что он верил, было истиной, чтобы понять компромисс, а тем более двуличие.

То, что инцидент в Гилгале является историческим, не подлежит сомнению. Неверно лишь время его возникновения. Он относится к тем опасным и трудным дням, когда филистимляне, казалось, одержали окончательную победу, а надежда Израиля заключалась в шестистах отчаянных людях, которые все еще следовали за Саулом. Саул тщетно ждал прихода Самуила и, наконец, устав от ожидания, принес всесожжение за безопасность и успех армии, которую Самуил согласился представить. Едва оно было принесено, как явился пророк. Тогда царю Израиля сообщили, что он отвергнут Господом и что на его место избран другой. Повод был выбран очень удачно: израильтяне уже были достаточно обескуражены и склонны верить, что их царь был еще менее успешен в борьбе с филистимлянами, чем Самуил и его сыновья. При Самуиле, во всяком случае, территория Вениамина не была опустошена, а ее жители вынуждены были прятаться в норах земли.

Самуил вернулся из Гилгала в "Гибеах Вениаминов". Победа при Михмаше, разочаровавшая его предсказания,^[425] изменила положение дел, и казалось, что трон Саула теперь прочно занят. Однако Самуил вновь предпринял попытку поколебать его, и это событие произошло опять в Гилгале. Власть Саула опиралась на его воинов, и поэтому самый верный способ нанести удар по ней был через воинов в стане Гилгала.

Это произошло после похода против амаликитян. Израильтяне прошли к Эль-Аришу и поразили бедавинов в пустыне "от Хавилы" в Северной Аравии до великой стены Египта.^[426] Они привели с собой огромное количество добычи, а также Агага, вождя бедавинов, "все мерзкое и отбросы", включая массу народа, который был "уничтожен полностью". Но этого было недостаточно. С амаликитянами следовало поступить так же, как Иисус Навин поступил с хананеями; они и все, что им принадлежало, были поставлены под запрет и приговорены к истреблению.^[427] Поэтому Самуил поспешно отправился в лагерь израильтян и там обвинил Саула в неповиновении повелениям Яхве. Доводы Саула о том, что скот и стада были спасены "народом", чтобы принести их в жертву Господу, не были приняты, и старый свирепый провидец сам "разрубил Агага на части перед Яхве". В то же время он сообщил израильскому царю, что царство отнято у него и отдано соседу, который лучше его. Это была последняя встреча царя и провидца. Самуил вернулся в свой дом в Раме, а Саул - в Гивею. Между Саулом и священством началась открытая война.

Нападение на амаликитян подразумевает, что филистимляне на время перестали быть грозными. Выписка из государственной хроники, приведенная в 1 Цар. xiv. 47-52, заставляет следовать другим войнам Саула. Среди этих войн мы слышим об одной против Моава, о другой против Эдома (или, скорее, Гешура) и о третьей против "царей Зова".^[428] Арамеи Зова, называемые в ассирийских текстах Цубите и расположенные к северу от Хаурана, начинали набирать силу и, как мы узнаем из истории Давида, собирались основать царство при Хададезде, простиравшееся до Евфрата и включавшее Дамаск. Но в настоящее время они все еще управлялись несколькими вождями.^[429]

Кампания против Зоаха ясно показывает, что власть Саула была признана в Гилеаде, а также на западном берегу Иордана. Поэтому неудивительно, что после смерти Саула его сын должен был поселиться там, вне досягаемости филистимлян, или что царство Ешваала должно было включать все северные племена. Постепенно, несмотря на противодействие Самуила, Саул добился всеобщего признания и власти. Впервые израильтяне были объединены в единое государство, а их враги держались на расстоянии. Организация царства шла рука об руку с военными успехами его царя. Наконец-то Израиль не только боялся за границей, но и внутри него царили мир и единство.

При всем этом Саул сохранил прежнюю простоту своей жизни и нравов. Он никогда не поддавался обычным соблазнам восточного деспота; у него не было харима, как у Давида или Соломона, не было дворцов, садов, поваров и праздных слуг.^[430] Народ не облагали налогом, чтобы обеспечить его роскошью, и не вытаскивали из домов для его построек и войн. В некоторых из этих королевских удовольствий он, несомненно, не мог предаваться: условия, в которых он царствовал, не позволяли этого. Но только по собственному свободному выбору он остался верен одной жене - Ахиноам, дочери Ахимааза, - и вместо дворца вершил суд в Гибее под сенью тамариска, с копьем в руке вместо скипетра.^[431]

Саул был прирожденным солдатом, и у него был солдатский глаз, чтобы определить тех, кто мог бы лучше всего служить ему на войне. Он включал в свою телохранилище всех, кто отличался силой или храбростью, и пограничная война с филистимлянами заставляла их постоянно работать. Среди молодых рекрутов был и Давид, младший из восьми сыновей Иессея, иудей из Вифлеема. Сохранилось два разных рассказа о том, как Давид был впервые представлен царю. Примирить их трудно; составитель книг Самуила довольствовался тем, что поставил их рядом, не пытаясь сделать это, а переводчики Септуагинты разрубили гордиев узел, опустив значительную часть одного из них. Трудность усугубляется тем, что во втором рассказе Давид становится победителем Голиафа Гафского, который, как сказано в другом месте (2 Цар. xxi. 19), был убит в царствование Давида Елхананом Вифлеемским.^[432]

Согласно этой второй истории, филистимляне вторглись в Иудею и разбили свой лагерь на склоне горы между Сокохом и Азекой. Саул расположился лагерем на холме напротив, а между двумя армиями находилась долина Элаха, на дне которой было сухое русло горного потока. Три старших брата Давида были в еврейском войске, а сам Давид остался дома присматривать за овцами своего отца. Однако время от времени он отправлялся с хлебом для братьев и молоком для "начальника тысячи их". В один из таких случаев филистимлянин, великан по имени Голиаф, вышел из вражеского лагеря, чтобы вызвать израильтян на единоборство. Он делал это изо дня в день, но никто из последователей Саула не решался принять вызов. Ведь Голиаф из Гафа был потомком древних анакимов и отличался гигантским ростом. Его рост, как говорили, составлял шесть локтей с пролетом, или почти десять футов,^[433] а древко его копья было подобно ткацкому станку, а наконечник весил шестьсот сиклей железа. Как и греки, он носил не только бронзовые шлем и плащ, но и поножи на ногах; между плечами у него висел бронзовый щит, а на боку - широкий меч.

Давид предложил принять вызов необрезанного великана, и, несмотря на насмешки братьев, его слова были повторены Саулу. Еще будучи пастухом, он доказал свою силу и смелость, убив льва и медведя; теперь он был готов сразиться с филистимлянином и искупить честь Израиля. Сначала израильский царь настоял на том, чтобы его вооружили, и он был экипирован в шлем, кирасу и меч, как и подобает еврею. Но молодой пастух чувствовал себя скованно и неловко в этой непривычной амуниции; к тому же он не знал, как обращаться с мечом. Поэтому он снял их с себя и смело подошел к филистимскому чемпиону со своей пастушьей пращей и пятью "гладкими камнями". Этими камнями он умел владеть, причем с такой силой, что один из них пробил лоб филистимлянина, и тот замертво упал на землю. Тогда его победитель отсек ему голову собственным мечом, а израильтяне с криками преследовали охваченного паникой врага до ворот Экрона.^[434] Саул тщетно допытывался у Абнера, главнокомандующего армией, чей сын этот юный чемпион Израиля; и только когда

Давид предстал перед царем с головой филистимлянина в руке, он узнал из его собственных уст, что это сын его "раба Иессея, Вифлеемлянина".

Давид попал впросак; Саул сразу же включил его в свою телохранительницу, и между ним и Ионафаном завязалась теплая дружба, которая прекратилась только со смертью Ионафана. Давид был свеж и красив, его манеры и такт покоряли сердца всех, с кем он находился рядом. Поэтому прошло совсем немного времени, прежде чем он стал сначала фаворитом, затем полководцем и в конце концов зятем израильского царя.

В другом рассказе о знакомстве Давида с Саулом на сцену вновь выходит Самуил. Соседом, лучшим, чем Саул, оказывается Давид, которого Самуил посылает в Вифлеем, чтобы тайно помазать. Он отправляется туда под предлогом желания принести жертву, на которую приглашает Иессея и его сыновей. Старейшины города принимают его со страхом и трепетом и спрашивают, с миром ли он пришел. Известно, что он враг царя, и его появление в городе Иуды не предвещает ничего хорошего. Перед ним проходят сыновья Иессея, но ни один из них не получает одобрения, и пророк спрашивает, нет ли еще одного. Тогда Иессей говорит ему, что есть еще младший, который находится в поле и пасет овец. Самуил велит послать за ним и, несмотря на свой страх перед Саулом и тайну своей миссии, помазывает юношу "посреди братьев его". Тогда дух Яхве приходит на Давида, и злой дух Яхве овладевает Саулом. Саул, конечно, все еще царствует, но мистическая сила, дарованная посвящением, которая давала ему право на это, отныне перешла к другому.

Злой дух" проявляет себя в приступах угрюмой депрессии, временами переходящей в безумие. Ум Савла, всегда возбудимый, теряет равновесие; его угнетает оседлая меланхолия, которая то и дело срывается на вспышки неуправляемого гнева. Его слуги решают, что злого духа можно унять только музыкой, и один из них рекомендует Давида, Вифлеемского пастуха, который не только доблестный "человек войны", но и искусный игрок на арфе. После этого Давида вызывают ко двору, где его игра на арфе исцеляет царя, который делает его своим оруженосцем.

Таковы два повествования о знакомстве Давида с Саулом. Очевидно, что они исключают друг друга. Красивый оруженосец царя, который успокаивает его мысли и изгоняет тоску музыкой, не может быть пастухом, который приносит братьям буханки домашнего хлеба и чье имя и происхождение неизвестны Саулу и Абнеру. И все же в каждом повествовании есть моменты, которые кажутся историческими. Правда, в более позднем отрывке смерть Голиафа приписывается некоему Эль-Ханану; но этот отрывок испорчен, и хотя Летописец, должно быть, имел перед собой столь же испорченный текст,^[435] возможно, что он прав, делая филистимлянина, убитого Эль-Хананом, братом Голиафа. В любом случае, тот факт, что меч Гафского великана был сохранен в Нобе и передан Давиду во время его бегства от Саула, показывает, что смерть Голиафа, должно быть, произошла во время правления Саула и что Давид был героем этого подвига. Священник прямо говорит, что это был "меч Голиафа Филистимского, которого ты убил в долине Ила". С другой стороны, Давид был известен как музыкант и даже, как говорят, изобрел музыкальные инструменты (Ам. vi. 5), а приступы депрессии у Саула тоже были историческими; и описание внешности Давида (1 Цар. xvi. 12) принадлежит тому, кто его видел. Возможно, игра на арфе перед царем последовала за зачислением Давида в телохранители Саула и была одним из средств, с помощью которых он завоевал сердце своего царственного господина.

Должны ли мы принять помазание Самуила как исторический инцидент, или же современные критики правы, утверждая, что эта история - выдумка, целью которой было добиться для основателя иудейской монархии такого же посвящения от рук великого

еврейского провидца, какое было даровано Саулу? То, что Давид действительно был помазан посланником Яхве, не вызывает сомнений. Кроме Псалма lxxxix. 20, дата которого сомнительна и который может относиться к коронации в Хевроне, из случайных упоминаний в исторических книгах Ветхого Завета ясно, что такое посвящение пророком или провидцем считалось необходимой прелюдией к узурпации трона. Так Иеху и Хазаил были подстрекаемы к захвату короны Самарии и Дамаска.^[436] Использование масла в религиозных ритуалах восходит к тем временам, когда вавилонская культура преобладала в Западной Азии, и религиозные тексты Вавилонии содержат множество упоминаний об этом. О том, что пророк был помазан для своего служения, мы знаем из истории Елисея.

С другой стороны, трудно представить, что брат Давида отнесся бы к нему с тем презрением, которое он высказал в долине Элаха (1 Цар. xvii. 28), если бы действительно был свидетелем его посвящения в цари, а будущая дружба Давида с Ионафаном, наследником престола, была бы более чем лицемерной. Возможно, период посвящения перенесен с того времени, когда Давид стал зятем Саула и другом и гостем Самуила (1 Цар. xix. 18-22), на более ранний период жизни Давида, к которому он неуместен.^[437]

Абнер, двоюродный брат Саула, оставался главнокомандующим израильской армии, Туртану или Тартану, как называли его ассирийцы. Давид, однако, стал генералом - "капитаном тысячи" - таков был точный титул. Беспорядочная война с филистимлянами все еще продолжалась, и новый генерал вскоре оправдал свое назначение. Но его успехи и популярность в армии вызвали ревность царя. Саул начал строить заговоры против его жизни и надеяться, что он падет в одной из стычек с врагом. Мераб, старшая дочь Саула, была обещана ему в жены, но ее отдали другому, и хотя вместо нее была предложена ее младшая сестра Михал, Саул оговорил, что Давид должен принести ему вместо приданого сто крайних плотей филистимлян. Это был египетский способ подсчета убитых, который до сих пор практикуется в Абиссинии; когда Менептах II победил ливийцев и их северных союзников, число павших врагов определялось частично по рукам, частично по крайней плоти, отрезанной у убитых. Сто крайних плотей, которые потребовал Саул, были удвоены Давидом, который после этого получил в жены Михаль.

В один из приступов безумия Саул уже покушался на жизнь Давида. Накануне он услышал, как женщины приветствовали Давида, когда тот возвращался с "резни филистимлян" под звуки музыки и припев: "Саул убил тысячи свои, а Давид десять тысяч своих". Царь размышлял над этими словами, пока в минуты безумия они не превозмогли все благоразумие и сдержанность. Когда он пришел в себя, они все еще звучали в его ушах, а притворная дружба к зятю скрывала убийство в его сердце.

Наконец он открыто заявил о своем желании избавиться от предполагаемого врага; и хотя в более спокойные часы он все еще боялся убить его собственной рукой, он предложил сделать это и Ионафану, и его приближенным. Давид, по правде говоря, становился грозным соперником. Его боготворила армия, он был популярен в народе и по браку принадлежал к царскому дому. Кроме того, он был иудеем, а колено Иуды начинало подниматься и осознавать свою силу. Кроме того, Самуил и священники враждовали с Саулом и благосклонно относились к Давиду.

Ионафан выдал тайну отца своему ничего не подозревающему другу и велел ему дожидаться решения, обратившись к лучшей натуре Саула. Обращение увенчалось успехом, и на какое-то время Саул отбросил свои подозрения, и между ним и его зятем вновь установилась

видимая, если не настоящая, гармония. Но очередной успех против филистимлян возродил злые страсти царя. На него снова нахлынула прежняя депрессия и уныние, а арфа Давида, вместо того чтобы рассеять их, превратила в безумие. Внезапно он метнул копье в игрока, тот отскочил в сторону и убежал. Время заступничества и прощения прошло. Давид больше не мог быть в безопасности в присутствии безумца, который стремился лишить его жизни. В дом Давида даже были посланы королевские стражники, и спастись ему удалось только с помощью жены. Ночью она спустила его через окно его комнаты, а на кровать вместо него положила изображение домашнего бога, накрытое простыней. Когда царские стражники пришли, чтобы забрать его, она притворилась, что он болен, и только когда они пришли во второй раз, то поняли, что их обманули. Саул упрекнул дочь в пособничестве побегу мужа, но было уже поздно: Давид добрался до дома Самуила в Рама. Здесь, однако, он еще не был защищен от преследования, и они с пророком укрылись в священной ограде Наиота, или монастыря. Там, в окружении дервишей-пророков, они почувствовали, что даже царь в безумии разочарованной ярости не осмелится нарушить их святыню.

То, что Самуил также был вынужден укрыться от гнева Саула, а Давид, сбежав из Гибей, сразу же направился к нему, говорит о том, что царь, по крайней мере, верил в причастность пророка к заговору против его трона. Кроме того, возникает предположение, что вера Саула была обоснованной и что Самуил сыграл по отношению к Давиду ту же роль, что Ахия впоследствии сыграл по отношению к Иеровоаму, а Илия - по отношению к Иеху. То, что Давид и Самуил были знакомы друг с другом, кажется очевидным; действительно, Гибей и Рама находились так близко друг от друга, что было бы странно, если бы политичный Давид не посетил старого провидца. Может быть, именно во время одного из таких визитов восходящий соперник Саула был помазан освященным елеем?

Давид оставался в безопасности в святилище. Посланные Саулом за ним гонцы попали под влияние этого места и присоединились к дервишам в их экстатических упражнениях; а когда за ними последовал и сам Саул, он тоже заразился религиозным возбуждением, охватившим его. Один из источников, которым пользовался составитель книг Самуила, приписывает этому случаю происхождение поговорки: "Неужели и Саул в числе пророков?"

Но, как и в случае с представлением Давида Саулу, о его бегстве снова имеется двойной рассказ. Эти два повествования одинаково заслуживают доверия с исторической точки зрения, однако их трудно совместить. Составитель попытался сделать это, предположив, что Давид "бежал" из монастыря Рама к Ионафану после возвращения Саула в Гибей. Но это лишь усложняет задачу согласования двух рассказов. Если принять их оба, то единственный способ примирить их - предположить, что между событиями, описанными в них, прошел значительный промежуток времени, что в монастыре Рама снова установился мир между Давидом и его тестем, и что Давид, таким образом, вернулся на свое привычное место при дворе. В этом случае утверждение составителя, что второе повествование следует сразу за первым, было бы ошибочным выводом.^[440]

Согласно второму рассказу, Давид пришел к Ионафану и заверил его, что Саул намерен лишить его жизни. Ионафан возразил, что это невозможно, хотя сам ранее предупреждал своего друга, что так оно и есть,^[441] на том основании, что его отец ничего от него не скрывает. Тогда было решено, что Ионафан должен узнать о намерениях Саула и через три дня открыть их Давиду, который тем временем должен спрятаться в поле. Ионафан должен был выпустить три стрелы и послать мальчика собрать их. Если он скажет мальчику, что они находятся с той стороны, где скрывался Давид, это будет означать, что все в порядке; если же, наоборот, он скажет, что они находятся за пределами поля, Давид будет знать, что его жизнь в опасности. На следующий день был праздник новолуния, когда Давид должен был

обедать с царем. Но его место было пусто; только Абнер сидел рядом с Саулом, чье место, как обычно, было "у стены". Саул ничего не сказал, решив, что Давид отсутствовал по церемониальным причинам; но когда на следующий день место снова оказалось пустым, он спросил Ионафана, что с ним случилось. Ионафан ответил, что, как и было условлено, он разрешил Давиду пойти в Вифлеем, чтобы принять участие в ежегодном семейном жертвоприношении. Но этот ответ не обманул отца. Саул разразился упреками, обвиняя Ионафана в мятеже и безрассудстве, в том, что он предпочел дружбу корысти и спас жизнь тому, кто воспользовался бы ею, чтобы лишить его короны. Ионафан ответил, и царь, обезумев от ярости, метнул копье в собственного сына, который вышел из-за стола и направился к месту, где был спрятан Давид. Там он подал сигнал, по которому Давид понял, что должен бежать, спасая свою жизнь, и, пока парень подбирал стрелы, друзья обнялись и расстались, возможно, в последний раз.

Давид бежал в Ноб. В нем поселились священники из Шилоха, и он полагал, что найдет там убежище. Но Ахимелех боялся Саула; он знал, что царь не питает добрых чувств к своему зятю, и ему было странно, что Давид остался один. Однако у Давида был готовый ответ на вопрос, почему с ним "никого не было". Саул поспешно отправил его с тайным поручением, а слугам, соответственно, приказал ждать его впереди. Спешка была такова, что он не взял с собой ни еды, ни оружия. У священника был только сноп хлеба, и он сначала сомневался, стоит ли давать его тем, кто не был левитом. Но Давид преодолел его сомнения, заверив, что его спутники "оберегали себя от женщин" в течение последних трех дней и что сосуды, которые они несли с собой, были чисты. В то же время он взял меч Голиафа, который был посвящен Яхве и лежал за эфодом, завернутый в ткань. Затем он продолжил свое бегство и не успокоился, пока не оказался при дворе старого врага Израиля, Ахиша, сына Маоха, царя Гатского.^[442]

Недавняя критика утверждает, что этот первый визит к Ахишу Гафскому - лишь дублирующая версия второго визита Давида к тому же князю, как и дублирующие друг друга рассказы о его знакомстве с Саулом и бегстве от израильского двора. Однако эти два визита явно относятся к разным периодам времени, а различное обращение с беглецом со стороны царя Гафа объясняется совершенно разными обстоятельствами, при которых он прибыл туда в обоих случаях. Одиноким и беззащитным изгнанником, спасающимся от своих соотечественников, был совсем другим человеком, чем предводитель многочисленного отряда безрассудных и хорошо вооруженных авантюристов, пришедших предложить свои услуги в качестве наемников на войне. Более серьезную трудность представляет тот факт, что Ахиш, сын Маоха или Мааха, все еще царствовал в Гафе в третий год Соломона (1 Цар. ii. 39). Но долгое правление (около пятидесяти лет), которое это предполагает, не является невозможным; например, Рамсес II в Египте находился на троне шестьдесят семь лет.

Давид недолго оставался в Гате. Филистимляне не могли забыть, что он был одним из их самых грозных противников, и среди них наверняка были те, кто хотел отомстить ему за кровную обиду. Беглого слугу Саула больше не боялись, но многие голоса взывали к его жизни. Какое-то время Ахиш был склонен защищать его в надежде использовать против своих соотечественников, но как долго продлится эта защита, было сомнительно. Давид притворился безумным, скребся по воротам и пускал слюну на свою нестриженую бороду. Филистимский царь оставил всякую надежду сделать его своим орудием и позволил ему покинуть двор. После этого Давид направился в дом своего детства и укрылся в известняковых пещерах Адуллама, в нескольких милях к юго-западу от Вифлеема.

Здесь он наконец-то оказался в безопасности. Он находился среди своих соплеменников, в хорошо знакомой ему местности и в таком месте, где преступник мог бросить вызов своим

преследователям. Кроме того, недалеко находился дом его семьи, и прошло совсем немного времени, прежде чем его братья и другие родственники присоединились к нему в его горной крепости. Шайка разбойников быстро росла и вскоре достигла четырехсот человек. Способности Давида как полководца были известны всему Израилю, и все разбойники и авантюристы Иудеи стекались под его знамена; среди них был и пророк Гад.

Давид вновь оказался во главе значительного войска. Ссора между ним и царем принимала характер гражданской войны. Это была война Иуды против Израиля, первое восстание новой силы, поднявшейся на юге против господства севера. Но эта власть была еще в зачаточном состоянии. Против обученных ветеранов царской армии, с престижем законной власти и ресурсами за спиной, бандиты Иудейских гор могли держаться лишь до тех пор, пока оставались среди известняковых пустошей своей собственной земли. Это было похоже на борьбу между сицилийскими разбойниками и регулярными войсками; симпатии крестьянства были на стороне разбойников, и пока они действовали в обороне, их жизнь была в безопасности.

Но горы Иуды были бесплодны, и Давиду и его людям приходилось время от времени спускаться в долины и на равнины и собирать там пожертвования на пропитание. Это были опасные моменты. Горожанам и владельцам земли нельзя было доверять, как и крестьянам; они недоброжелательно смотрели на вооруженных разбойников, которые захватывали то, что доставалось им не безвозмездно, и готовы были предать их Саулу. В городах и на равнинах царские войска имели преимущество, а на другой стороне всегда можно было нарваться на филистимлян, для которых каждый израильтянин был врагом.

Но пока Давид прятался в пещере Адуллама, Саул совершил поступок, который разрушил его царство и передал верность священства своему сопернику-иудею. Это была резня священников в Нобе. Читая рассказ о ней, мы словно имеем перед собой слова очевидца. Саул сидел под тамариском на холме в Гибее, держа копье в правой руке, а вокруг него стояли его офицеры. Внезапно он разразился упреками против них и против своего сына. Слушайте, вениамитяне, разве сын Иессея даст каждому из вас поля и виноградники и сделает вас всех военачальниками тысяч и военачальниками сотен, что все вы сговорились против меня, и нет ни одного, кто показал бы мне, что сын мой заключил союз с сыном Иессея, и нет ни одного из вас, кто пожалел бы меня, или показал бы мне, что сын мой возбудил против меня раба моего, чтобы затаиться, как в этот день? Тогда иноплеменник Доэг Эдомитянин, поставленный над рабами Саула, ответил и сказал, что он видел, как Давид пришел к священнику Ахимелеху в Ноб, и что священник посоветовался с Яхве, дал ему еды и меч Голиафа. Разгневанный царь тут же послал за Ахимелехом и его братом-священником и потребовал от него, почему он вступил в сговор с мятежником. Ответ Ахимелеха только усилил его гнев. Давид, сказал священник, был зятем царя и его самым верным слугой; как же он мог не помочь ему в дороге? Тогда Саул приказал предать священников смерти, но не нашлось ни одного израильтянина, способного совершить такое святотатственное злодеяние. Однако у эдомитянина не было никаких угрызений совести; он с готовностью обрушился на беззащитных священников, и восемьдесят пять из них были истреблены. Затем Саул обрушился на Ноб, "город священников", и поступил с ним, как с городом амаликитян, поразив острием меча "мужчин и женщин, детей и грудных детей, волов, ослов и овец". Только Абиафар, сын Ахимелеха, спасся и бежал к Давиду, унеся с собой эфод и оракулы Божьи. Пророчество о разрушении дома Илая исполнилось, но, исполняя его, Саул разрушил свой собственный. Разрыв между царем и священниками был полным; он заставил их и всех, кто их почитал, перейти на сторону своего соперника.

Именно сейчас Давид решил отправить своих отца и мать под защиту моавитского двора. Его прабабушка была моавитянкой, и не исключено, что война между Саулом и Моавом, о которой говорится в 1 Цар. xiv. 47, продолжалась именно в это время. В таком случае моавитский царь с радостью принял бы родителей своего врага. Они стали бы заложниками для самого Давида, а Давид был человеком, которого желательно было привлечь на сторону моавитян. Мало того, что он был зятем Саула и умелым полководцем, так еще и возглавлял преданных людей, которые вели войну против израильского царя. Если в то время между Израилем и Моавом действительно шла война, то союз с Давидом отвлек бы внимание израильтян и ослабил бы их атаку. Кроме того, пока родители Давида находились в его власти, моавитский царь мог заставить еврейского вождя служить ему и, если понадобится, сражаться за него.

Последователи Давида увеличились до шестисот человек, и теперь он чувствовал себя достаточно сильным, чтобы занять один из иудейских городов и сделать его центром своей войны против Саула. Предлог для этого был вскоре найден. Килаху угрожали филистимские налетчики, и патриотизм требовал его спасения. Город упоминается в письмах Тель-эль-Амарны под именем Кельте; он уже имел военное значение и был окружен стенами. Однако последователи Давида не хотели покидать свое убежище в горах и идти в город. Но с ними был представитель первосвященников из Шилоха, и оракулы Яхве, к которым он обращался через эфод, не допускали противоречий. Кила была занята Давидом, а филистимские захватчики отбиты. Однако горожане не проявили особой благодарности к своим хранителям. Возможно, они думали, что это просто обмен хозяевами и что филистимский грабеж был бы не хуже, чем поборы разбойников. Возможно, они опасались участи Нова за укрывательство врага Саула. Как бы то ни было, они послали Саулу весть о том, что Давид и его люди находятся в городе. Царь без промедления отправился в Килу; разве не Бог отдал Давида в его руки, приведя его в город, имеющий "ворота и решетки"? Но он снова обратился к эфоду, и ответ был ясен. Жители Килы оказались предателями, и группа Давида должна была искать убежище в другом месте. На этот раз они бежали к лесистым склонам над пустыней Зиф, на восточной стороне Мертвого моря. Здесь Давид и Ионафан снова встретились^[443] под сенью леса. Но зифийцы выдали место, где скрываются разбойники, и предложили царю помощь в поимке его врага. Некоторое время беглецы ускользали от преследователей; лазутчики приносили Давиду сведения о передвижениях Саула, а пустынные вадии Зифа и Маона с их глубокими дефиле и обрывистыми скалами позволяли ему ускользать от опасностей. Но в конце концов игра стала отчаянной; разбойники были окружены со всех сторон, и добыть пропитание, должно быть, было очень трудно. В этот момент на помощь им пришли филистимляне; в царский лагерь поспешно прибыл гонец, призывавший царя немедленно отправиться на запад, ибо филистимская армия вторглась в эти земли. Давид был спасен, и теперь он поселился в пещерах и укрытиях гор в окрестностях Эн-Геди.

С вершин, где ходили только дикие козы,^[444] Давид мог смотреть через Мертвое море на пурпурные холмы Моава. Таким образом, здесь он был в курсе дел моавитян, а его труднодоступное положение обеспечивало ему безопасность от нападения. Под ним находилась сравнительно плодородная долина Кармила Иудейского, где на скудной траве паслись большие стада овец. Это была северная часть пустыни Паран, и разбойники требовали от нее пропитания. Обычно они уступали им с благосклонностью, и в ответ пастухи и их стада получали защиту от бедавинов и диких зверей. Но однажды просьба о пище встретила отказ. Набал, богатый крестьянин из Маона, стриг своих овец и не дал ни одной из них посланцам Давида. Возможно, Саул все еще находился поблизости, и он решил сыграть роль хитрого человека. Но вскоре он убедился, что Давид достаточно силен, чтобы брать без

спроса. Четыре сотни разбойников обрушились на Маона, намереваясь заставить его и его семью поплатиться жизнью за скупой отказ. Однако тактичность одной женщины спасла их и отвратила гнев Давида. Абигаиль, жена Набала, встретила разгневанного вождя на дороге с подарками и медовыми словами, и ее прекрасный вид и речи заставили его повернуть назад. В ту ночь Набал пировал в мнимой безопасности, но когда на следующий день жена сообщила ему о его нелегком спасении и о банде разбойников, которая все еще находилась поблизости, сердце его не выдержало, и "он стал как камень". Потрясение оказалось слишком сильным для его сил, и через несколько дней он умер. Тогда Абигаиль, как благоразумная женщина, стала женой разбойника, и все богатство Набала перешло в его руки. Это было приятным дополнением к ресурсам Давида и позволило ему лучше управлять своими людьми. Абигаиль тоже оказалась преданной женой, следуя за мужем в его странствиях и разделяя его разгульную жизнь. Однако она была не единственной его женой, хотя Михал была отдана отцом за вениамитянина по имени Фалтиил. Давид, судя по всему, уже был женат на некой Ахиноам из Иезрееля.

Вероятно, еще до замужества Авигеи, когда Саул все еще преследовал разбойников в пустыне Сиф,^[445] произошел инцидент, две версии которого дошли до составителя книг Самуила. С Саулом было три тысячи человек, более чем достаточно, чтобы настигнуть Давида и отрезать ему все шансы на спасение. С ним был главнокомандующий Абнер, и царь упорно намеревался преследовать своего врага до самой смерти. По одной версии, Саул уединился в пещере; по другой - он спал ночью в своем лагере среди скалистых расщелин горы Хахила. Пока он спал, Давид с двумя своими спутниками, Ахимелехом Хеттеем и Абишаем, братом Иоава, незаметно подкрался к нему и вскоре настиг бессознательного царя. Абишай хотел зарубить его копьем, но Давид запретил ему прикасаться к "помазаннику Господню" и довольствовался тем, что унес копье и кувшин с водой, стоявший у его головы, или, согласно другой версии, отрезал юбку царской мантии. Затем, стоя на противоположной стороне ущелья, Давид упрекнул Абнера в том, что тот небрежно следит за царем. Саул узнал голос Давида и спросил, не он ли это, после чего Давид воззвал к лучшей природе царя, спросил, почему тот гонит его из своей страны и от своего Бога, и указал на трофеи, которые он только что унес в доказательство своей невиновности. Если бы он действительно стремился к трону, разве пощадил бы он царя, когда Яхве отдал его в его руки? Порывистый Саул на мгновение поддался голосу и словам своего бывшего фаворита, но они не произвели на него никакого действия. Давид не мог решиться отправить копье назад с одним из своих людей; его должен был принести царский слуга. Давид преподавал Саулу урок великодушия, но единственным результатом этого стало то, что ему пришлось вернуться в свое старое убежище. Саул по-прежнему решительно настроен лишить его жизни.

Тем временем Самуил умер, и, казалось, в Израиле больше не осталось сил, способных противостоять воле царя. Давид начал понимать, что его дело безнадежно; он превратился в простого вождя разбойников, и против него были направлены все силы порядка и власти в стране. Продолжать борьбу было бесполезно, и он решил продать себя и своих сторонников наследственным врагам своего народа. Поэтому он перешел к Ахишу из Гата и поступил на службу к филистимлянину.

Использование наемных солдат не было чем-то новым. Египет уже давно подал пример, и в эпоху девятнадцатой династии большая часть египетской армии уже состояла из иностранцев. Многие из них были родственниками филистимлян с греческих морей. Такие солдаты удаchi были приемлемы для царей, которые нанимали их не только по одной причине. Их жизнь была посвящена сражениям, и поэтому они были лучше обучены и лучше

поддавались дисциплине, чем местные рекруты, которых набирали только по необходимости. Кроме того, им было что выиграть и что потерять от войны, в отличие от крестьянства, чьи поля могли быть опустошены, пока они сами находились в лагере. Кроме того, наемники были верны своему нанимателю до тех пор, пока он снабжал их добычей или платой. У них не было партийной вражды, за которую нужно было мстить, не было потери свободы, которую нужно было терпеть, не было духа независимости, который нужно было лелеять. Их мечи находились в распоряжении царя, и никого другого; тирания, подавлявшая его подданных, находила в них готовое оружие. Давид никогда не забывал урок, который преподала ему служба у Ахиша. Став наконец царем Израиля, он также окружил себя телохранителем из иностранных наемников, набранных во многом из тех же стран, что и фараон.

Однако Ахиш нуждался в иудеях не как в телохранителях. Скорее как вспомогательная сила в будущих сражениях с их соотечественниками. Поэтому им было разрешено поселиться в стране, на некотором расстоянии от Гата, а в качестве места жительства им был предоставлен Зиклаг. Разбойники перестали быть разбойниками и стали частью регулярной армии чужеземного князя.

В течение года и четырех месяцев еврейский отряд жил в Зиклаге. Но они не все время бездействовали. Однажды Давид повел их в поход против амалекитян Бедавина с юга. Мужчины, женщины и дети были преданы мечу, чтобы никто из них не остался в живых. Когда евреи вернулись с добычей, Давид признался Ахишу, что набег был направлен против евреев из Иудеи и их союзников - кенитов и иерахмелитов. Обман удался, и филистимский царь радовался, думая, что капитан его наемников таким образом навсегда стал ненавистен своим соотечественникам. Давиду удалось рассеять подозрения своих хозяев, обеспечить своих сторонников желанной добычей и в то же время не отвратить от себя привязанность собственного народа.

Но хитрого изгнанника ждало еще одно испытание. Ссора между Саулом и его зятем позволила филистимлянам вновь утвердить свое прежнее господство в Израиле. В лице Давида израильтяне потеряли одного из своих главных полководцев, и войска, которые должны были быть задействованы против общего врага, были заняты охотой на него в диких горах Иудеи. Бдительный враг быстро воспользовался этим обстоятельством. Израиль снова подвергся вторжению; филистимляне заняли низменности Иудеи и приготовились к походу на север. Саул вернулся после преследования Давида среди бескрайних скал на берегу Мертвого моря как раз вовремя, чтобы не дать им снова проникнуть в сердце горы Ефрема. Территория Вениамина на время была спасена, и чужеземцам не удалось добраться до царской резиденции в Гибее.

Но передышка была недолгой. Через год с четвертью объединенные силы филистимских городов двинулись на север, по дороге на побережье Средиземного моря, по которой так часто ходили бывшие завоеватели Западной Азии. Они миновали Дор, современную Тантуру, которую тогда занимали их сородичи Заккалы, и, повернув к горе Кармил, двинулись на восток через долину Кишона к равнине Мегиддо. Это была старая боевая площадка Палестины; овладение ею давало завоевателю власть над всей страной к западу от Иордана и отрезало израильского царя от его тыла. Если бы враг закрепился в Мегиддо, Вениамин и Ефрем были бы полностью отрезаны от северных колен.

Саул не терял времени, чтобы выступить против своего врага. Филистимский лагерь был разбит сначала в Шунеме, затем в Апхеке, на южном склоне горы Гильбоа;^[446] израильтяне теперь расположились у фонтана близ Иезрееля, в нескольких милях к северо-западу. Но

вид огромной филистимской армии, набранной, несомненно, Заккалом, привел Саула в отчаяние. Его собственных сил было явно недостаточно, чтобы противостоять ему; он потерял былую уверенность в Яхве и в себе, а священники и пророки стали его врагами. Тщетно искал он совета у Яхве; те священники, что еще оставались рядом с ним, отказались от помощи, и "Яхве не ответил ему ни снами, ни Уримом, ни пророками". Авиатар и Гад были с Давидом; пророки, собравшиеся вокруг Самуила, теперь стали злейшими врагами израильского царя.

В отчаянии он обратился к колдовским и некромантическим силам. В более молодые и счастливые дни, до резни в Нове, когда он еще был любимцем слуг Яхве, когда еще с энтузиазмом относился к религии Израиля, Саул изгнал из своих владений всех тех, кто исповедовал связь с силами невидимого мира. Волшебники и гадатели, чародеи и одержимые были изгнаны из страны. Этот факт свидетельствует о влиянии Моисеева кодекса и религии на священнический и царский круг.^[447] В других частях Западной Азии процветала торговля некромантами; Вавилония, которая была родиной культуры Западной Азии, была также родиной магических искусств. Здесь маг был в большом почете, а литература по магии и предзнаменованиям занимала большое место в библиотеках страны. Мы не можем предположить, что верования, которых придерживались наиболее культурные слои населения Вавилонии, не разделялись также массой населения Ханаана и Израиля. Не стоит забывать, что за пределами левитского закона не существовало никаких подозрений или представлений о том, что те, кто занимался магией, имели дело с духами зла. В язычестве не проводили различия между духами добра и духами зла; сами боги были как разрушительными, так и благодетельными. Моисеево осуждение колдовства полностью противоречило распространенным верованиям, и изгнание Саулом тех, кто его практиковал, доказывает не только существование Закона, но и его признание в качестве государственного закона представителями религии Яхве. Это была реформа, аналогичная реформам Езекии и Исаии в более поздние времена; попытка соответствовать Закону Яхве, хотя она и противоречила предрассудкам и обычаям того времени.

Но теперь царя покинули Закон и его служители, и в качестве последнего средства он обратился к запретным искусствам. Замаскировавшись, он отправился ночью к ведьме в Эндор и умолял ее воскресить из мертвых тень Самуила. И Самуил явился к колдунье в видимом присутствии, хотя его голос услышал только царь. Но это был голос, который произнес приговор. Бог действительно отошел от Саула и передал его царство другому, и рок должен был исполниться. До захода солнца завтра там, где был Самуил, должен был быть и Саул с сыновьями, а воинство Израиля должно было быть предано в руки филистимлян. Саул упал на землю в обмороке; он постился весь предыдущий день, и его мозг и тело были одинаково измотаны.

Это было плохое начало для последующего дня битвы. Как и армия Израиля, армия филистимлян была разделена на отряды по тысяче человек в каждом, которые в свою очередь подразделялись на отряды по сто человек. Вместе с коренными филистимлянами и их союзниками мимо пяти генералов промаршировал отряд еврейских наемников. Но едва они прошли мимо, как возникли сомнения в их благонадежности. Ахиш, конечно, заявил о своей полной уверенности в верности Давида и его последователей, но другие филистимские "владыки" не доверяли им. Риск использовать их против своих соотечественников был слишком велик. Как можно было поверить, что они не дезертируют в критический момент битвы и не заключат мир с Саулом, принеся в жертву необрезанного чужеземца? Желание Ахиша было отвергнуто, и Давид был отправлен обратно в Зиклаг.

Как бы поступил Давид, если бы результат совета был иным? Обычно считается, что опасения филистимских владык были оправданы и что он предал бы своих новых хозяев, перейдя на сторону старых. Но в таком случае, вероятно, он нашел бы какое-то оправдание тому, что не покинул Зиклаг и не сопровождал Ахиша в его походе. То, что он последовал за филистимским войском вплоть до поля битвы, означает, что, продавая свои услуги царю Гафа, он принял все признанные последствия этого поступка. Как он уже сказал Саулу, он был изгнан не только из своей страны, но и от Бога своей страны. Уйдя из Иудеи в Гат, он перенес свои обязанности из Израиля в Филистию, от Саула к Ахишу, от Яхве к Дагону. Это был первый шаг, который имел значение: все остальное заключалось в нем. Обязанности наемника были хорошо понятны: он переставал иметь собственную страну и становился, так сказать, собственностью князя, которому предоставлял свои услуги. В наши дни Давид без колебаний нанял бы своих филистимлянских телохранителей для покорения их сородичей, так же как египтяне нанимали своих сардинских или ливийских наемников в войнах против Ливии и народов греческих морей.

Давид, конечно, не поднял бы лично руку, чтобы напасть на "помазанника Яхве". Но была большая разница между рукопашной схваткой между ним и Саулом и помощью своим новым хозяевам в свержении власти северных колен Израиля. Между евреями и этими северными коленами всегда существовала затаенная вражда, которая в начале царствования Давида вылилась в настоящую войну и в конце концов привела к восстанию Десяти колен. Давид и его последователи помогали разрушить не израильского царя, а израильское царство.

Поэтому нам не стоит сомневаться в его искренности, когда он предложил свой меч владыкам филистимлян и выразил протест против их недоверия к себе. Тот факт, что он был на стороне врага филистимлян, также не мог нанести ущерб его будущим интересам, если он уже лелеял надежду стать преемником Саула. Именно в Иудее, среди своих соплеменников, а не в Северном Израиле, должны были быть заложены основы его царства; следовательно, только иудеи были теми, чью добрую волю он должен был обеспечить. Если он уже намеревался распространить свою власть на весь Израиль, то побежденный и разбитый Израиль будет легче склонить на свою сторону, чем Израиль, гордящийся своей независимостью и силой и привязанный к дому государя, который привел их к победе.^[448] Верность Давида Ахишу, однако, никогда не подвергалась испытанию. Он и его наемники были отправлены обратно в Зиклаг, и их увольнение с поля боя само по себе было оскорблением, которое послужило бы поводом для ссоры с филистимлянами, если бы когда-нибудь возникла такая необходимость или возможность. Но когда они добрались до своих домов, то обнаружили там лишь запустение и руины. Амалекитяне Бедавина совершили набег на незащищенный город, сожгли его постройки и унесли женщин и добычу. Не было больше ни Саула, чтобы отразить их нападения, ни мести за их вторжения.

Среди наемников вспыхнул мятеж. Они обвинили Давида в том, что он оторвал их от семей и тем самым оставил Зиклаг на милость врагов. Он был виновником бедствия, и они стали поговаривать о том, чтобы забить его камнями до смерти. Однако священник Абиафар пришел ему на помощь и объявил через эфод слово Яхве, что разбойники должны быть настигнуты и добыча возвращена. Сразу же началась погоня. Бедавины шли по следам с такой поспешностью, что, когда достигли пустыни, из всего отряда в шестьсот человек сил хватило только на четвереста. Затем был найден египтянин, который был рабом у амалекитян и, заболев во время их отступления из Палестины, был оставлен умирать дороге. Уход филистимской армии открыл Неgeb для нападения бедавинов, и они не замедлили этим воспользоваться.^[449] Прошло всего три дня с тех пор, как они прошли место, где нашли раба, и он охотно согласился стать проводником евреев в поисках своих бывших хозяев. Вскоре

они добрались до шатров амаликитян, и оказалось, что кочевники пируют, наслаждаясь обильной добычей, и танцуют в причудливой безопасности. Внезапно в сумерках Евреи обрушились на них, и началась беспорядочная резня. Бойня продолжалась двадцать четыре часа, и никто из амаликитян не спасся, кроме примерно четырехсот молодых людей, которым удалось сесть на верблюдов и скрыться от преследования. Вся добыча, которую они унесли с собой, попала в руки завоевателей, включая двух жен самого Давида. Стада и отары достались Давиду, а остальная добыча была разделена между его последователями, причем двести человек, оставшихся на дороге, после некоторых споров получили право разделить ее поровну со своими товарищами.^[450]

Давид с характерной для него прозорливостью послал часть выделенной ему добычи в качестве "подарка" "старейшинам Иуды" в главные города колена. Не были забыты ни иерахмелиты и кениты, ни халебиты из Хеврона. Часть награбленного была отправлена на юг, в Хорму и Сефат, а также в Ароер и Рамоф на юге. Рувим и Симеон перестали существовать как отдельные племена: Симеон был поглощен Иудой, а те города Рувима, которые еще оставались израильскими, были заняты "старейшинами Иуды".

Цель Давида, посылавшего подарки, была скрыта под предлогом, что они были сделаны тем, кто дружил с ним во времена его скитаний. Но предлог был более чем прозрачным. Его скитания не простирались ни до Ормы, ни до Ароера, ни даже до "городов Иерахмелитов". Корона уже находилась в пределах досягаемости иудейского вождя: его солдатский глаз видел, что израильская армия не сравнится с филистимской, а священники, которые были с ним, были уверены, что Яхве оставил Саула и не сотворит чуда в его пользу. Филистимляне снова господствовали на юге, и победа при Гильбоа закрепила бы это господство. Давид пользовался доверием Ахиша, и, будучи вассалом филистимлян, он мог рассчитывать на их поддержку, если бы сделал себя царем Иудеи. Нужна была лишь добрая воля иудейских старейшин, а это победа над амаликитянами давала ему возможность приобрести.

С другой стороны, если бы филистимляне были разбиты, а еврейская армия, вопреки всему, одержала бы победу, положение Давида ничуть не пострадало бы. Он по-прежнему был бы в безопасности среди филистимлян, вне досягаемости Саула и во главе грозного отряда наемников. Предлог для посылки подарков можно было обосновать: они были просто возвращением к друзьям, которые помогли ему в трудную минуту. Теперь, как и прежде, Давид мог с негодованием отвергнуть любое намерение замышлять заговор против "помазанника Господня".

Пока Давид заботился о своих интересах, на севере разворачивались события. Израильтяне при Гильбоа потерпели полное поражение, и весь Израиль лежал беспомощный у ног язычников. Саул был убит вместе с тремя старшими сыновьями; остался только младший, Еш-Баал, которого в целях безопасности отнесли на восточный берег Иордана. Израиль остался без царя и лидера; даже армия его была потеряна. Некоторое время наемники Давида были единственной вооруженной силой, которая еще оставалась среди колен Израиля.

Саул пал от собственного меча. Раненный стрелой, он молил своего оруженосца зарубить его, чтобы он еще живым не попал в руки врагов. Но оруженосец отказался совершить акт святотатства, и царь зарубил себя. Его тело, как и тела его сыновей, сняли и повесили в насмешку на стенах Бет-шана. Но жители Иавеша Галаадского не могли забыть, что Саул когда-то спас их от аммонитян, и ночью они отправились туда и унесли ужасные трофеи филистимской победы; тела сначала сожгли, затем пепел похоронили под деревом в Иавеше, а по мертвым держали семидневный пост.

Филистимляне, похоже, не переходили Иордан. Они довольствовались тем, что занимали страну к западу от него и гарнизоновали города, из которых бежали израильтяне. Монархия пала, и дом Израилев, похоже, пал вместе с ней. От Дана до Беершебы филистимлянин был верховным правителем.

Избавление пришло с юга, от самых последних родов израильских племен. Смешанное израильское, эдомитское и кенитское население, которое медленно формировалось в единую общину, теперь обрело общего главу и лидера в лице сына Иессея. Давид тоже был смешанного происхождения. Его прабабушкой была моавитянка Руфь, а по отцовской линии он частично происходил из Халевитян.^[452] Смешанные расы всегда проявляли себя наиболее энергичными и наиболее приспособленными к управлению, и история израильской монархии не является исключением из общего закона. Чисто израильская династия потерпела крах, и ей суждено было повториться после восстания Десяти колен; потребовались гений и такт еврейского Давида, чтобы установить монархию на прочной основе и защитить ее от всех врагов.

Весть о смерти царя Израиля принес Давиду один из амаликитян. Он лишил труп короны и золотых браслетов, которые положил к ногам иудейского вождя. В надежде на награду он поспешил сюда и сделал вид, что нанес последний удар, избавивший Давида от врага и открывший ему путь к трону.^[453] Но его ждал неожиданный прием. Рассказ о катастрофе пробудил в Давиде дремавший патриотизм, привязанность к Ионафану и старое почтение к Саулу. Теперь, когда ему больше нечего было бояться иудейского царя и все, что он мог выиграть от его смерти, он мог дать волю своим порывам и эмоциям. Он в гневе набросился на посланника и стал допытываться у него, как он, чужеземец и амаликитянин, посмел поднять руку на помазанника Яхве. Затем он приказал своим последователям зарубить незадачливого Бедави, чья кровь, как он сказал ему, была на его собственной голове. После недавнего опыта кочевой вор, скорее всего, недолго продержался в руках наемников.

В этом акте мести была та смесь политики и импульса, которая является ключом ко многим поступкам Давида. С одной стороны, Давид освобождал себя от ответственности за смерть Саула. Кровь царя не могла от его руки ни в виде кровной вражды с семьей Саула, ни в виде вражды, которая подстерегает пролившего кровь. С другой стороны, нельзя сказать, что корона досталась ему в результате убийства законного царя. Саул действительно был убит, и Давид извлек выгоду из его смерти, но он ни в коем случае не потворствовал этому. В глазах и Бога, и людей он был невиновен в этом преступлении.

Давид нашел выход своим чувствам в песне, которая является одной из жемчужин ранней древнееврейской поэзии. Будущие поколения знали его как "Песнь о луке"; именно под таким названием он был включен в сборник ранних древнееврейских стихов под названием "Книга Яшера", и именно под этим названием Давид приказал изучать его в школах.

Слава твоя, Израиль, убита на высотах твоих!

Как пали могучие!

Не говори об этом в Гате,

Не читайте этого на улицах Аскелона;

Чтобы не возрадовались дочери Филистимлян,
чтобы не торжествовали дочери необрезанных.

Вы, горы Гильбоа!

пусть не будет на вас ни росы, ни дождя, ни полей для приношений;

Ибо там отброшен щит могучих,
щит Саула, как у того, кто не помазан елеем.

От крови убитых, от тука сильных,
Лук Ионафана не повернулся назад,
И меч Саула вернулся не пустым.

Саул и Ионафан были прекрасны и приятны в своей жизни,
И в смерти они не разделились;

Они были быстрее орлов,
Они были сильнее львов.

Вы, дочери Израиля, плачьте о Сауле,
который одел вас в багряницу нежную,
Кто украсил золотом ваши одежды.

Как пали могучие посреди битвы.

Ионафан убит на высотах твоих.

Я скорблю о тебе, брат мой Ионафан;

Очень приятен ты был мне:

Любовь твоя ко мне была прекрасна,
превосходящая любовь женщин.

Как пали могучие,

И оружие войны погибло!"

Давид, однако, был слишком практичен, чтобы тратить время на бесполезные сетования. Он разрядил свои чувства в порыве лирической поэзии; теперь настало время воспользоваться возможностью, которую дало ему свержение и смерть Саула. Он обратился к оракулу Яхве, и ответ был благоприятным: пусть Давид идет в Хеврон и там предлагает себя в качестве царя Иудеи. Путь был уже подготовлен: он заручился доброй волей иудейских старейшин; он был зятем покойного царя и героем, которым гордились его соплеменники. Кроме того, за его спиной стояли вооруженные ветераны и преданные сторонники - единственная вооруженная сила, оставшаяся в стране.

Хеврон был естественной столицей Иудеи. Правда, раньше он был поселением халебитов, но теперь халебиты и иудеи были едины. Его древнее святилище с незапамятных времен

служило местом сбора населения юга, и не было другого города, который мог бы соперничать с ним в претензиях на первенство. Поэтому здесь собрались представители Иудеи и здесь они помазали Давида в цари. Цель стольких лет борьбы и лишений, терпеливого ожидания и политического такта, наконец, была достигнута. Давид стал царем Иудеи; недолго осталось ждать, когда он станет царем и Израиля.

Филистимляне не представляли никаких трудностей. Давид был их вассалом; он показал себя верным им, и они были вполне довольны тем, что он правит своими соотечественниками и собирает с них дань из года в год. Кроме того, территория Иудеи была невелика; она примыкала к городам филистимлян, и в случае восстания ее можно было легко захватить и подчинить себе. То, что на севере должен был воцариться соперничающий князь, тем самым отделив северные племена от Иуды и положив конец всем совместным действиям, было еще одной гарантией господства филистимлян. Старая египетская провинция Ханаан превратилась в Палестину, землю филистимлян.

Семь с половиной лет Давид царствовал в Хевроне. Тем временем остатки израильской армии нашли убежище на восточном берегу Иордана. Здесь, под началом своего старого главнокомандующего Абнера, сына Нера, они вновь сформировались в дисциплинированное тело и сделали своим царем Еш-Баала, выжившего сына Саула.^[455] Еш-Баал, как нам сообщают, царствовал два года. Его положение было трудным. Его правление было только титульным; вся реальная власть в государстве находилась в руках его дяди Абнера. Иудея отказалась признать его власть и выделилась в отдельное царство под руководством мятежного вождя; северные племена по западную сторону Иордана находились в подчинении у языческого завоевателя, владевшего дорогой из Азии в Египет, а также торговлей и богатствами, которые по ней проходили. Отрезанные от горы Ефрема, подданные Эш-Баала видели, как Давид, еврейский вассал филистимлян, распространял свою власть на Вениамин, исконную территорию дома Саула, в то время как сами они вели шаткую борьбу со своими врагами за укрепленными стенами Маханаима. Здесь они должны были находиться под защитой аммонитян, которым угрожал тот же враг, что и им самим.^[456]

Филистимляне сочли задачу форсирования бродов Иордана слишком опасной или слишком невыгодной. С израильтянами были заключены условия; Эш-Баал стал их вассалом, и его номинальная власть распространялась на Западный Израиль вплоть до южных границ Иудеи. Здесь два вассальных царства столкнулись друг с другом, и Израиль и Иуда оказались вовлечены в вечную войну. Это было повторением того состояния, в котором находился Ханаан в последние дни существования Египетской империи, когда письма из Тель-эль-Амарны переходили из рук в руки.

Эш-Баал был лишь тенью царя. Был ли он малолетним или имбецилом, сказать с уверенностью невозможно; скорее всего, он был еще ребенком.^[457] Абнер, начальник армии, был также реальным хозяином царства. Приход Давида к власти, должно быть, был ему так же неприятен, как и Саулу, и он воспользовался первой же возможностью, чтобы попытаться свергнуть его. Разбойник стал царем, а разбойники, собравшиеся вокруг него в Адулламовой пещере, получили почетные должности. Иоав, племянник Давида,^[458] был назначен главнокомандующим иудейской армии, и этот выбор был оправдан результатами. Большей частью своих будущих военных успехов Давид был обязан военному мастерству и полководческому искусству своего главнокомандующего. Сам он все чаще переставал принимать участие в активных военных действиях; Иоав с лихвой обеспечивал его место, а безопасность царя была слишком важна для армии и ее генерала, чтобы позволить ему рисковать своей персоной в бою. Давид правил дома, в то время как Иоав одерживал для него победы в поле.

Иоав оказался верным и преданным слугой. На него никогда не падало подозрение, что он стремится отвлечь сердца своих солдат от их господина и вытеснить Давида, как Давид вытеснил Саула. В злые дни мятежа и бедствий, которые должны были настичь Давида, Иоав никогда не покидал его, и восстановление Давида на троне было делом рук его верного генерала. Однако услуги, оказанные Иоавом, имели свой недостаток. Он стал незаменим для царя; более того, он стал господином царя. Когда Давид состарился, он начал нервничать под тягостным игом; благодарность и корысть не позволяли ему отстранить слишком могущественного слугу теми восточными средствами, которые дали ему жену, и до самой смерти власть Иоава сдерживалась только влиянием или интригами Батшебы.

Даже в те ранние времена, когда Давид еще царствовал в Хевроне, между дядей и племянником существовала неприязнь. Властная натура Иоава заявила о себе, и Давиду дали понять, что его трон зависит от "сыновей Зеруи". Между Еш-Баалом и Давидом вспыхнула война. Иудеи, судя по всему, продвинулись на север, на территорию Вениамина, где у Гибсона их встретили израильтяне под командованием Абнера из Маханаима. Завязалась ожесточенная битва, закончившаяся поражением израильских войск. Абнер бежал за Иордан, север Израиля оказался в руках филистимлян, а власть Давида была признана вплоть до горы Ефрема. Вениамитяне были вынуждены перейти из дома Саула в дом Иессея. В бою пало всего 19 иудеев, а 360 врагов остались мертвыми на поле боя. Среди иудеев был и Асаил, младший брат Иоава, которого Абнер убил во время бегства. Это было началом кровной мести, которую могла погасить только смерть Абнера.

Военный гений Абнера не шел ни в какое сравнение с гением Иоава, и в ходе долгой войны между Давидом и Эш-Баалом власть иудейского царя неуклонно росла. Давид начал принимать манеры и привилегии восточного деспота, умножать число своих жен и вступать в браки с семьями соседних царевен. К его харедим добавились еще четыре жены, одна из которых была дочерью Талмая, арамаитского царя Гешура. Союз с Талмаем имел политическую цель: Гешур лежал на северной границе царства Эш-Баала, а в Эш-Баале, следовательно, у Давида и Талмая был общий враг.^[459] Авессалом был потомком от брака с арамаитской принцессой.^[460]

Замкнутая между Гешуром и Иудой, с потерянным Вениамином и гарнизонами филистимлян на севере Израиля, династия Саула становилась все слабее. Аммонитяне вступили в союз с Давидом (2 Цар. xi. 2), а в соседних арамеях нашли новых союзников. Абнер не замедлил понять, что его судьба связана с судьбой проигранного дела, и решил предать своего племянника и своего господина. Предлог был найден быстро: он вошел в царскую опочивальню и провел ночь с Риспой, наложницей Саула. Этот поступок был равносителен претензиям на трон, и Эш-Баал, естественно, решился протестовать. Протест дал Абнеру желанную возможность. Он обрушился с гневными словами на беспомощного царя и сказал ему, что его трон зависит от верности его военачальника и что этой верности пришел конец. Отныне меч Абнера будет служить Давиду, чтобы передать ему царство от дома Саула и установить власть еврейского князя от Дана до Беер-Шебы.

Теперь израильский полководец отправил к Давиду тайных гонцов, чтобы договориться о деталях предательства. Абнер обязался "перевести" весь Израиль на сторону Давида, а в обмен на это он должен был сместить Иоава с поста командующего армией Давида. Условия были приняты иудейским царем, Давид лишь дополнительно оговорил, что Михал должна быть возвращена ему. Мы не знаем, что предлагалось сделать с Эш-Баалом; однако измена Абнера заключалась в том, что он убрал его с дороги. Пока он был жив, на израильский престол должен был оставаться претендент.

Поначалу заговор процветал. Абнер успешно подговаривал старейшин Израиля, напоминая им, что когда-то они хотели видеть Давида своим царем^[461] и что Яхве объявил, что только через него должно быть сломлено иго филистимлян. Вениамитяне также поддались на уговоры одного из своих князей, который в то же время был самым видным представителем дома Саула, и Абнер отправился в Хеврон с отрядом из двадцати человек, чтобы объявить Давиду, что его часть договора выполнена. Но тайна уже вырвалась наружу. Абнер приурочил свой визит так, чтобы Иоав отсутствовал на вылазке, когда у него будет аудиенция с Давидом. Однако Иоав вернулся раньше, чем ожидалось, и, делая вид, что не знает истинной цели прихода Абнера, стал выговаривать царю за то, что тот позволил врагу проникнуть ко двору и выведать слабые места в стране. Тем временем он послал гонца, который привел Абнера обратно в Хеврон, где он и его брат Абишай убили ничего не подозревавшего израильтянина и таким образом отомстили за кровь Асаила.

Этот удар был остро воспринят Давидом, который увидел в нем крушение своих надежд. Приобретение Израиля казалось как никогда далеким, ведь израильтяне вряд ли простят или забудут убийство своего вождя. Хуже всего, пожалуй, то, что его шансы избавиться от Иоава были равны нулю. Было ясно, что иудейский полководец раскрыл замышлявшееся против него предательство, и, хотя он был слишком вежлив, чтобы упрекнуть царя, это позволило ему еще крепче, чем прежде, завладеть Давидом. С точки зрения монархии это было очень удачно, так как Иоав показал себя лучшим и более верным полководцем, чем Абнер, и вполне вероятно, что если бы Абнер был поставлен на его место, то будущие завоевания Давида никогда бы не состоялись.

Все, что мог сделать Давид, - это откреститься от убийства Абнера, заявить, что, хотя он и был помазан в цари, у него не было власти наказывать виновных, и демонстративно воздержаться от еды на публичном обеде при дворе. Кроме того, Абнер получил пышное погребение в Хевроне, на котором царь был главным траурщиком. Иоав, должно быть, понимал, насколько правильным было решение царя, поскольку, похоже, принял его без единого слова протеста. Он добился своего; соперник был устранен с его пути, и его положение в царстве было более бесспорным, чем когда-либо.

Смерть Абнера повергла приверженцев Эш-Баала в отчаяние. Семена недовольства, которые он посеял, также начали прорастать. Если Израиль должен был освободиться от филистимлян, было очевидно, что трон Эш-Баала должен занять другой. Время было на стороне Давида, и конец наступил не скоро.

Еш-Баал был убит двумя своими соплеменниками. Баана и Рехав, сыновья Риммона, летним днем проникли в его опочивальню, когда он предавался *сиесте*, и убили спящего царя. Затем они обезглавили труп и, взяв голову с собой, поспешили к Давиду в Хеврон, ни разу не остановившись в пути.^[462] Но Давид был слишком благоразумен, чтобы одобрить этот поступок. Получив все выгоды от него, он приказал наказывать виновных и тем самым очистил себя и свой дом от пятна крови. Как и амаликитянин, утверждавший, что убил Саула, убийцы Еш-Баала были преданы смерти, и божественный закон, требовавший крови за кровь, был удовлетворен. Иудейский царь мог со спокойной совестью наслаждаться плодами убийства, в котором он был невиновен. Никакой другой соперник не стоял на его пути, ведь Мериб-Баал, сын Ионафана, был безнадёжным калекой, повредившим позвоночник в результате падения в детстве. Когда ему было всего пять лет, произошла роковая битва при Гильбоа, и его кормилица в спешке бегства выронила ребенка из рук.^[463]

Смерть Еш-Баала сделала Давида царем того, что осталось от Северного Израиля. Те, кто собрался вокруг сына Саула в Маханаиме, теперь стекались в Хеврон и там помазали царя

Иуды царем Израиля. Они напомнили ему, что тоже являются его "костью и плотью", происходят от общего предка и признают одного и того же Бога, что когда-то он был их вождем в борьбе с филистимлянами и что ему было предсказано, что он снова станет вождем Израиля.^[464]

Его коронация в качестве царя Израиля привела к войне с филистимлянами. Вассальному принцу, царствовавшему в Хевроне, чей титул не признавало большинство его соотечественников, нечего было бояться; другое дело, когда он стал царем объединенного Израиля и смог вновь собрать вокруг себя силы, с которыми одерживал победы в прежние годы. Более того, приняв корону Израиля без разрешения филистимлян, Давид был виновен в бунте. Филистимляне претендовали на господство над всем Северным Израилем к западу от Иордана; если они и потворствовали его присоединению территории Вениамина, то лишь потому, что он все еще оставался их вассалом, а присоединение означало войну между ним и соперничающим Израильским царством. Языческие владыки Палестины были вполне довольны тем, что Иуда и Израиль тратят свои силы на борьбу друг с другом. Но союз двух царств обратил эту силу против них самих. Союз был заключен без их согласия; именно "люди Израиля" помазали Давида, не посоветовавшись с властью сюзерена.

Поначалу война шла против новоиспеченного царя. Он был застигнут врасплох, и филистимская армия вторглась на его территорию прежде, чем он успел собрать свои силы. Вифлеем, место жительства праотцев Давида, был захвачен врагами и стал базой для их атаки. Отрезанный таким образом от помощи северных и восточных колен и даже от Вениамина, Давид был вынужден отойти от Хеврона и снова укрыться в Адулламе.^[465] Это была хорошо знакомая ему страна; она уже спасла его от преследования Саула, и чужеземный враг не осмелился проникнуть в ее темные пещеры и узкие ущелья. Здесь он некоторое время вел партизанскую войну с филистимлянами, пока не почувствовал себя достаточно сильным, чтобы выйти в открытое поле. Именно в то время, когда он сдерживал врага, трое его последователей совершили поступок, благодаря которому они попали в число тридцати *гибборимов*, или "могучих людей", непосредственно сопровождавших царя.^[466] Давиду внезапно захотелось воды из колодца у ворот Вифлеема, из которого он, несомненно, часто пил в юности. Его желание подслушали Иосафат,^[467] Елеазар и Шамма, которые прорвались сквозь войско филистимлян и сумели принести воду их вождю. Давид, однако, отказался пить ее. Это была как бы цена крови; три героя, рискуя жизнью, принесли ее, и царь возлил ее в качестве возлияния Господу.

Как долго продолжалась эта партизанская война, мы не знаем. О войнах и завоеваниях Давида мы имеем лишь скудное представление, и кажется вероятным, что подробная история о них была намеренно опущена составителем книги Самуила. Отдельное произведение, посвященное этой истории, несомненно, существовало в то время, когда он писал, и не было места для другого. Это была менее известная часть истории Давида, которую он стремился собрать из записей прошлого. Поэтому история покорения филистимлян, а затем создания израильской империи для нас потеряна; мы знаем результаты, но не более того.

Когда Давид наконец решился спуститься из своей горной крепости, филистимляне расположились лагерем на равнине Рефаим, или "Гиганты", которая простиралась к юго-востоку от Иерусалима.^[468] Таким образом, он был отрезан от севера, а путь к нему преграждала иевусейская крепость Иерусалим, которая, по-видимому, мирно подчинилась филистимскому господству. Некоторое время две враждебные силы наблюдали друг за другом, не решаясь напасть на другую. Герои и чемпионы с обеих сторон совершали отдельные подвиги, подобные тем, что впервые завоевали признание Давида со стороны

Саула, но общего сражения не произошло.^[469] Филистимляне были слишком многочисленны, израильтяне слишком надежно расположены, чтобы на них можно было напасть.

Наконец, однако, Давид решил, что его шанс настал. Он обратился к оракулу Яхве; ответ был благоприятным, и израильтяне внезапно обрушились на своих врагов в месте, называемом Баал-Перазим. Филистимляне поспешно бежали, оставив после себя изображения своих богов, которые попали в руки завоевательной армии. Поражение при Гильбоа было частично отомщено.

Но сила филистимлян была отнюдь не сломлена, и они по-прежнему владели страной к северу от Иуды. Они снова прорвались через долину Рефаим и снова были отброшены к побережью. Давид настиг их с тыла, и звук приближающихся шагов израильтян был заглушен шелестом, производимым ветром в роще тутовых деревьев. На этот раз захватчики были полностью разбиты; они отступили с территории Вениамина и бежали в Гезер, который все еще находился в руках ханаанеев. Теперь война была перенесена в страну врага. Гат, самый внутренний из филистимских городов, был главным объектом нападения; но потребовалась долгая и упорная война, прежде чем удалось заставить уступить ни его, ни его города-побратимы. Снова появились возможности для демонстрации отдельных подвигов и получения наград за доблесть от израильского царя. Три брата Голиафа были убиты тремя израильскими чемпионами: в одном бою победил Ионафан, племянник Давида, в другом - Авишай, брат Иоав. Победа Абишай была одержана в Гобе, где Давид едва избежал смерти от рук великана Ишби-беноба.^[470] Узость побега испугала его подданных, и они решили, что он больше не должен подвергать свою жизнь опасности в поле. Память о смерти Саула и ее катастрофических последствиях была слишком свежа, чтобы ее можно было забыть. Отныне, за исключением редких случаев, Давид управлял своим народом из города или дворца; его армиями командовал Иоав, а царь стал для них скорее именем, чем вдохновляющим присутствием. Личная привязанность, которую он когда-то вызывал, ограничивалась его телохранителями, и когда наступили злые дни мятежа, только телохранители остались верны своему царю.

Еще до окончания войны с филистимлянами произошло событие, оказавшее судьбоносное влияние на дальнейшую историю Иудеи. Это было взятие Иерусалима. Город иевусеев отделил Иуду от северных колен, а борьба с филистимлянами показала, какое преимущество это дает врагу. Объединение Израиля было невозможно до тех пор, пока израильская территория была рассечена надвое поясом враждебных стран. Пока Иерусалим оставался в руках чужеземцев, Израиль никогда не мог быть защищен от нападений филистимлян, а его царь не мог бросить против врага всю мощь своих владений. Для того чтобы филистимская война была доведена до решающего и удовлетворительного конца, чтобы царь Иуды стал царем Израиля, необходимо было, чтобы Иерусалим принадлежал ему. Из табличек Тель-эль-Амарны мы узнали, насколько важным был Иерусалим в те времена, когда израильтяне еще не покинули Египет и когда Ханаан входил в состав Египетской империи. Благодаря своему расположению он был одной из самых сильных ханаанских крепостей. Он был столицей более обширной территории, чем обычно принадлежала городам Ханаана, и уже тогда отличался древностью. Его правителем также был священник, "без отца и без матери", назначенный на свой пост "могущественным царем", "Всевышним Богом" из книги Бытия. Его название свидетельствовало о поклонении богу мира: Урусалим, как написано клинописью, означал "город Салима", бога мира.

Город стоял на холме, которому впоследствии дали название Мория. Низкая впадина, впервые обнаруженная в наши дни доктором Гуте, отделяла его от другого холма, который склонялся к югу и заканчивался точкой. С одной стороны находилась глубокая

известняковая долина, через которую пробивался поток Кедрона; с другой стороны, на западе, была другая долина, известная в более поздние времена как долина сынов Хиннома. На южном холме находился форт, защищавший подступы к верхнему городу с севера.^[471]

Защитники иевусеев считали его неприступным. Даже хромые и слепые, по их словам, могли отразить нападение врага. Но вскоре они были обмануты. Израильтяне взобрались на скалу по вырубленному в ней водостоку или акведуку, и крепость иевусеев была взята. Возможно, ее захват был вызван предательством, а путь осаждающим показал один из гарнизона; в любом случае жители города были пощажены и в дальнейшем делили его с поселенцами из Иуды и Вениамина. Последние, по-видимому, в основном поселились в новом городе, который Давид построил на южном холме Сиона, где раньше стояла крепость иевусеев. В отличие от Иерусалима он стал называться городом Давида; вокруг него была построена мощная крепостная стена, на месте иевусеевской крепости воздвигли Милло или цитадель, а посреди нее был основан царский дворец. Дворец, по-видимому, стоял на западном склоне холма, с вырубленными в скале ступенями, ведущими вниз, в долину под ним, следы которых, по-видимому, были обнаружены доктором Блиссом во время его недавних раскопок.^[472]

Он был построен финикийскими мастерами из Тира. Войны и иностранный гнет уничтожили большую часть культуры, которой когда-то обладали израильтяне, и среди них больше не было таких искусных ремесленников, как Веселеил, которые могли бы взяться за строительство или украшение зданий, способных соперничать с дворцами филистимских или ханаанских городов. Плотников и каменщиков приходилось привозить из Тира, как и бревна кедра, срубленные на склонах Ливана. Яффа, порт Иерусалима, должно быть, уже попала в руки Давида в результате войны или договора.

Нам говорят, что кедр и рабочих прислал Хирам, тирийский царь. Но если израильский дворец был построен в начале царствования Давида, это вряд ли могло быть так. Иосиф, ссылаясь на финикийского историка Менандра, рассказывает, что Хирам I, сын Авибала, царствовал тридцать четыре года (969-936 гг. до н. э.),^[473] и поскольку он был еще жив на двадцатом году царствования Соломона (1 Царств ix. ¹ Абибал, как и Давид, был основателем династии, а его сыном и преемником был Соломон Тирский. Он построил две гавани города, восстановил храмы и возвел для себя роскошный дворец, а его корабли торговали в Гибралтарском проливе на западе и в Персидском заливе на востоке.

Иерусалим стал столицей израильского царя, и этот выбор свидетельствовал о его обычной проницательности. Это был идеальный центр для такого царства, как его. Он лежал посередине между Иудой и северными коленами и, таким образом, как бы связывал их воедино. В то же время он не принадлежал ни тем, ни другим; его ассоциации были ханаанскими, а не древнееврейскими, и его выбор в качестве царской резиденции не мог вызвать ревности. Более того, отсутствие связи с историей Израиля позволяло Давиду поступать с ним по своему усмотрению; в нем не было ничего, разрушение или изменение чего могло бы оскорбить предрассудки его соотечественников. Расположенный на границах Иудеи и Вениамина, он служил для объединения домов Саула и Иессея, а смешанное население, которое вскоре заполнило его - частично иевусеи, частично иудеи и частично вениамитяне, - было символом и видимым знаком объединения рас и интересов в Палестине, которое должно было произойти в царствование Давида. Кроме того, Иерусалим был естественной крепостью, которую трудно было захватить и легко защитить; за ним стояли традиции почтенного прошлого, и когда-то он был резиденцией царя-священника.

Трофеи иностранных завоеваний позволили Давиду укрепить и украсить его. У Израиля еще не было собственной торговли. Борьба с филистимлянами фактически лишила его возможности заниматься торговлей, благодаря которой название "ханаанец" стало синонимом слова "торговец". Филистимляне владели шоссейными дорогами, проходившими через Палестину, а также южной линией побережья; побережье и гавани на севере были заняты финикийцами. Взятие Иоппии у Заккала впервые открыло Израилю и Иудее выход к морю.

Были завершены укрепления Иерусалима и построен царский дворец. Но Бог Израиля, которому Давид был обязан своей силой и своими победами, не имел там обиталища. Иерусалим стал столицей израильской монархии, но все еще находился под покровительством ханаанского бога. Пришло время, когда Яхве должен был занять его место и взять на себя защиту столицы и трона Давида.

В Египте, в Вавилонии, в городах самого Ханаана дворец царя и храм божества стояли бок о бок. Именно на храм, а не на дворец, тратилось богатство нации: если дворец мог быть построен из кирпича и лепнины, то храм возводился из тесаного камня. Давид, естественно, желал, чтобы и Яхве обрел достойное жилище в городе, который он отдал своим поклонникам. Но пророку Нафану, который поначалу разделял планы Давида, было поручено остановить этот замысел. Давид был человеком войны и "пролил много крови на земле";^[475] пока не закончились войны, "которые были вокруг него со всех сторон" Яхве не позволил ему построить дом. Все, что он мог сделать, - это подготовить материал для своего более счастливого и мирного сына. Иерусалим был "городом бога мира", и именно как бог мира, а не войны, Яхве согласился бы обитать в нем.

Тем не менее, хотя строительство храма было запрещено, новая столица царства не была лишена присутствия Яхве. Ковчег завета был принесен из Гибей или "холма" Кирхат-Иеарим,^[477] где он пролежал так долго. Его положили в "новую повозку" и повели на волах, а Давид и израильтяне сопровождали его музыкой и пением. По дороге волы споткнулись и пошатнули священный палладиум Израиля; Узза, один из двух погонщиков, протянул руку, чтобы поддержать его, и тут же упал замертво. Его смерть была расценена как наказание того, кто, не будучи левитом, осмелился прикоснуться к святыне Яхве, и Давид в ужасе и страхе прервал праздничную процессию и оставил ковчег в ближайшем доме, который принадлежал филистимлянину из Гата по имени Овед-Эдом.^[478] Здесь он оставался три месяца. Затем Давид, обнаружив, что дом филистимлянина был благословлен, а не проклят его присутствием, снова снял его и отнес в Иерусалим. По дороге ему приносили жертвы, его снова сопровождала музыка, а Давид, как помазанный царь, облаченный в священнический эфод, танцевал перед ним священные танцы. Но его жена Михал, которая видела из окна, как он ведет себя, словно один из низших священников, "презирала его в сердце своем" и по возвращении во дворец упрекала его за недостойное поведение. Давид ответил на насмешку насмешкой: царь не мог унижить себя никаким, пусть даже подлым, служением в честь своего Бога, но сама Михаль должна была унизиться, прожив остаток жизни бездетной женой. Тем временем собравшаяся толпа пировала хлебом, мясом и вином, а ковчег был с благоговением помещен в "шатер", установленный для этой цели в центре Иерусалима. Была ли это та самая знаменитая "скиния собрания", которая сопровождала израильтян в их странствиях по пустыне, а затем стала частью храмовых построек в Шилохе? Тот факт, что она названа "шатром", казалось бы, подразумевает, что так оно и было. С другой стороны, Летописец, очевидно, думал иначе:^[479] , и нам не говорят, что "шатер" был привезен из другого места.

Похоже, что война с филистимлянами закончилась, когда ковчег был доставлен в Иерусалим. Маловероятно, чтобы во время ее продолжения уроженец Гата мирно жил на израильской территории или оказывал гостеприимство священному стражу Израиля. Филистимляне, должно быть, уже вошли в состав царства Давида, как иевусеи Иерусалима или кениты юга, и его телохранители были набраны из их числа. К сожалению, мы не знаем, как долго длилась война. Однако наступил момент, когда они признали себя слугами израильского царя и стали вассалами Иуды. Они больше никогда не были грозными для своих соседей и не оспаривали сюзеренитет Иуды. Правда, время от времени они могли воспользоваться чужеземным вторжением, например, ассирийцев, чтобы сбросить иго своего сюзерена, но их независимость никогда не длилась долго, и пять городов не всегда занимали одну и ту же сторону. Даже когда Сеннахериб угрожал самому существованию Иерусалима, мы видим, что Экрон преданно поддерживает Езекию против ассирийского завоевателя. Давид сломил дух и силу филистимлян и навсегда вырвал из их рук господство.^[480]

Владыки или цари пяти филистимских городов остались нетронутыми. Но их положение по отношению к Давиду изменилось на противоположное. Вместо того чтобы быть их вассалом, они стали вассалами его, платя ему дань и предоставляя ему военную службу, когда это было необходимо. Давид был хорошо знаком с превосходством филистимлян как воинов на войне. Поэтому он последовал примеру египетских фараонов, превративших своих ливийских и сардинских врагов в наемные войска, а также примеру царя Гата в своем собственном случае. Он окружил себя телохранителем из филистимлян и критян, к которым впоследствии добавились карийские авантюристы с юго-западного побережья Малой Азии. Уже в эпоху табличек Тель-эль-Амарны ликийцы из той же части света служили наемниками в Сирии, а во времена Рамсеса II в хеттской армии были войска из Ликии, из Ионии и из Трои. Иноземцев можно было использовать не только против соотечественников Давида в случае недовольства или восстания; их работа при царе на доверенных должностях заставляла их чувствовать, что они такие же подданные, как и сами израильтяне, и забывать о том, что они были завоеваны. Это было средство скрепить монархию, которую создал израильский царь.

За войной с филистимлянами последовала война с Моавом. И здесь Давид добился успеха. Моавитяне были побеждены, а с пленниками расправились в соответствии с жестокой модой того времени. Заставив лечь на землю, две трети ряда отмеряли чертой и безжалостно предавали смерти. В результате боевая сила страны была почти полностью уничтожена, и прошло еще столетие, прежде чем Моав восстановил свои силы, и вновь обрел независимость. Именно во время войны с Моавом Бенаия, сын Иехонии, происходивший из смешанного еврейско-эдомитского населения Кабзеля, впервые попал в поле зрения и был удостоен места среди тридцати "героев". Он убил, как нам говорят, двух *ариэлей* Моава.^[481] Это слово, по-видимому, специально принадлежало к языку моавитян. Меша на Моавитском камне утверждает, что после завоевания Атарота и Нево он взял у них *арелы* (или *ариэли*) Дода и Яхве и разорвал их на куски перед Хемошем,^[482] а в египетских *путешествиях Мохара* встречается то же слово, заимствованное у ханаанеев в значении "герой".⁽¹⁾ *Ариэли*, убитые Бенаией, должно быть, были моавитскими чемпионами, подобными филистимлянину Голиафу из Гата.

Их поражение было не единственным достижением Бенаи, которое позволило ему занять место среди *гибборимов*. Он нашел льва на дне цистерны в зимнее время, когда земля была покрыта снегом, смело спустился в яму и убил его. Кроме того, он сразил египтянина в одиночном бою, хотя был вооружен лишь посохом, в то время как его противник владел копьем. Эти и другие подобные подвиги возвели его в ранг капитана иностранных

наемников, который он сохранял на протяжении всего царствования Давида. Между ним и Иоавом, командующим местной армией, возникли чувства соперничества и недоброжелательства, что, вероятно, было вполне естественно. Туземные войска, естественно, с опаской смотрели на наемников, которые были как бы сдержкой для них самих и пользовались доверием царя, которым сами не пользовались. Чувства войск, которыми они командовали, отражались на двух генералах, чья ревность и встречные интриги закончились, в конце концов, гибелью одного из них. Бенаия выжил, а Иоав погиб у подножия жертвенника.

Моав был покорен, теперь настала очередь Аммона. Аммонитяне наблюдали за тем, как их соседи на восточной стороне Иордана присоединяются к Израильскому царству. Однако Нахаш, аммонитский царь, долгое время был союзником Давида. Их объединила общая вражда с Еш-Баалом, и в союз против сына Саула вошли Аммон, Иуда и арамеи. Именно этот союз во многом способствовал успеху Давида в войне с северными племенами; оставшись один, вряд ли иудейский князь сумел бы одолеть своего соперника.

Пока Нахаш был жив, между ним и царем Израиля продолжалась старая дружба. Но с его смертью произошли перемены. Послы, отправленные Давидом поздравить его сына Хануна с воцарением, были грубо оскорблены и переправлены через Иордан с наполовину остриженными бородами и разрезанными посередине одеждами. Ханун, как стало ясно, стремился спровоцировать войну. Его поддерживали арамейцы; судьба Моава встревожила его, и он решил, пока у него еще есть союзники, предвосхитить войну, которую он предвидел.

Вызов был принят незамедлительно. Иоав и его брат Авишай перешли Иордан во главе большой армии ветеранов. Битва произошла перед "городом вод", Раббат-Аммоном, "столицей Аммона". Арамеи уже пришли на помощь своим единоверцам. Хадад-Эзер из Зобы предоставил 20 000 человек; 12 000 пришли из земли Тоба и 1000 из Маака.^[484] Иоав оказался заключенным между арамейцами с одной стороны и аммонитянами с другой. Но израильский полководец оказался на высоте. Оставив Абишай противостоять нападению аммонитян, он во главе отборного войска обрушился на сирийцев, которых ему удалось полностью разгромить. Аммонитяне, увидев бегство своих союзников, отступили за стены своего города, и Иоав остался хозяином поля.

Но битва была очень острой, и еврейская армия слишком сильно пострадала, чтобы сохранить свое преимущество. Иоав удалился в Иерусалим, чтобы набрать армию и подготовиться к новой кампании. Тем временем враг тоже не сидел сложа руки. Хадад-Эзер созвал вассальных князей Сирии по обе стороны Евфрата и поставил армию под командование генерала по имени Шобах. Борьба перешла от простой войны с Аммоном к борьбе за господство в Западной Азии. Пришло время самому Давиду вновь выйти на поле боя; вопрос, поставленный на карту, был слишком важен, чтобы его мог решить неполноценный полководец, пусть даже способный и опытный.

Две великие державы на Евфрате и Ниле, которые в прежние времена управляли судьбами восточного мира, теперь находились в состоянии упадка. Египет был тенью себя прежнего. Его империя в Азии давно пала, и теперь он был разделен на два враждебных и одинаково бессильных царства. На севере правили фараоны-таниты, и хотя их господство теоретически признавалось вплоть до Первого катаракта, Верхним Египтом реально управляли верховные жрецы Аммона в Фивах, которые перекрыли судоходство по Нилу сильной крепостью в Эль-Хибе, близ Фешна, что успешно препятствовало продвижению правителей Дельты на юг.^[485] Вавилония была так же бессильна. Более молодой соперник вырос в Ассирии, и около 1290

года до н. э. ассирийский царь Тиглат-Нинип даже захватил Вавилон и удерживал его в течение семи лет. Как и Египет, Вавилония отказалась от своих притязаний на власть в Западной Азии и не возобновляла их до эпохи Навуходоносора.

Кроме того, царство Митанни или Арам-Нахараим кануло в Лету; когда Тиглат-Пилесер I Ассирийский в 1100 г. до н. э. пронесся над Западной Азией, оно уже ушло в прошлое. Возможно, его низвержение было связано с вторжением хеттов с гор Каппадокии, но если так, то оно было вскоре отомщено, поскольку хетты тоже перестали быть грозными. Их империя распалась на ряд мелких государств: одно из них - Кархемиш, где находился главный брод через Евфрат; другое - Кадеш на Оронте, который снова канул в неизвестность.

На смену Митанни и хеттам пришли семитские арамейцы из Сирии. Они были более древними жителями страны, и упадок власти Митанни и хеттов позволил им сбросить чужеземное иго и основать собственные царства. Среди них ведущее место занял Зобах, называемый в ассирийских надписях Зубитеком.

В последние дни существования Ассирийской империи столица Зобаха находилась к северо-востоку от Моавы - возможно, как считает профессор Фридрих Делицш, в районе современного Хомса.^[486] Это было по сути арабское государство, но основано оно было арабами-измаилитами из Северной Аравии, которые, как и набатеи, в результате общения с ханаанейским населением выработали диалект, который мы называем арамейским. Саул, как мы видели, уже вступал с ними во враждебные столкновения. В то время племена Зова были еще разобщены, и именно с "царями" или вождями Зова вел войну израильский правитель. Однако, как и в Израиле, так и в Зобахе необходимость защищаться от врага привела к объединению, и когда Давид воцарился в Иерусалиме, они оказались под властью одного правителя, Хадад-Езера, "сына Рехоба". Рехоб дал свое имя району, расположенному немного севернее Палестины, наследственным князем которого должен был быть Хадад-Эзер.^[487]

Хадад-Эзер попытался создать свою империю на руинах империи хеттов. Он не только объединил Зобах, но и подчинил себе соседних арамейских князей. Вся Северная Сирия была подчинена ему, кроме царства Хамат, и Хамату также угрожала растущая власть. В подражание древним фараонам Египта он воздвиг на берегу Евфрата стелу в честь своих побед, а его союза добивались арамейцы на восточном берегу реки.

Его завоевательная карьера была внезапно прервана. Аммонитяне, которым угрожал Давид, обратились к нему за помощью, а в обмен на нее предложили признать его сюзеренитет. Предложение было принято, и сирийский царь оказался лицом к лицу с восставшей израильской державой. Последовавшая за этим война, должно быть, была долгой, но она закончилась полной победой Давида. В кратком летописном изложении царствования Давида, приведенном во 2 Цар. viii, мы слышим только об одном или двух последующих событиях кампании. Давид, как сказано, поразил Хадад-Езера, "когда тот шел восстанавливать свою стелу на берегу реки Евфрат" (см. 3). Это означает, что памятник о прежних завоеваниях был уничтожен либо израильским царем, либо восставшими подданными самого Хадад-Эзера.

Рассказ о войне с Аммоном (2 Цар. x.) показывает, что победа израильтян должна была быть последующей после свержения аммонитян. Поражение Хадад-Эзера было полным. Израильтяне захватили 1000 колесниц, 7000 всадников,^[488] и 20 000 пеших воинов, а также большое количество лошадей. Сирийская держава, однако, еще не была сломлена. Дамаск встал на защиту своего сюзерена, и Давид вновь оказался перед лицом грозного врага. Но удача вновь улыбнулась ветеранам Израиля, и 22 000 сирийцев из Дамаска были убиты на

поле боя. Израильские гарнизоны были размещены в Дамаске и соседних городах, а власть Давида была признана вплоть до границ Хамафа.^[489] Тем не менее, Хадад-Эзер все еще оставался непокоренным. Его сообщения с Месопотамией все еще были открыты через пустыню, и, похоже, последняя сцена войны разыгралась далеко к северу от Алеппо.

Последнюю попытку спасти Хадад-Эзера предприняли арамейские государства на восточной стороне Евфрата, которые были либо его вассалами, либо союзниками. Войска переправились через реку под командованием Шобаха, которого Летописец называет Шофахом. Давид снова собрал израильские войска и лично повел их против врага. Он перешел Иордан к югу от горы Ермон, пересек территории Дамаска и Хомса и, оставив слева Хамат, оказался у Хелама, где разбили свой лагерь арамейцы. Иосиф в своем рассказе о походе превращает Хелам, который он читает как Халаман, в имя арамейского царя за Евфратом; мы можем принять его чтение, не следуя ему в изменении места на человека. Халаман точно соответствует Халману, ассирийскому названию Алеппо, который лежал на большой дороге от бродов Евфрата на запад. Поэтому кажется вероятным, что в Хеламе или Халамане мы должны видеть Алеппо.

Согласно Иосифу, который, по-видимому, взял свой рассказ из какого-то мидраша или комментария к книгам Самуила, армия Шобаха состояла из 80 000 пехотинцев и 1000 конных. В любом случае, в последовавшей за этим битве, завершившейся полной победой израильтян, 7000 сирийских конников и 40 000 их пеших солдат были убиты.^[490] Власть Зобаха была полностью уничтожена. Вся Сирия на западном берегу Евфрата поспешила заключить мир с завоевателем и предложить ему почести или союз. Государства на восточном берегу были отделены от своих арамейских сородичей на западе и, пока был жив Давид, старались больше не пересекать реку. Старая мечта израильского патриота исполнилась, и владения Израиля простирались на север до границ Хамафа. Даже пустынные племена к востоку от Хамафа, подчинявшиеся Хадад-эзеру, перешли под власть Давида, и на какое-то время иудейский царь мог похвастаться, что его власть признана вплоть до Евфрата.^[491]

Непосредственным результатом победы стал внезапный приток богатства в иудейскую столицу. В Иерусалим были привезены не только золотые щиты, которые несли телохранители Хадад-Эзера, чтобы в государственных случаях их несли иностранные гвардейцы завоевателя, но и огромные запасы бронзы, найденные в двух городах северной Сирии, Тибхате и Беротее.^[492] Именно из этой бронзы Соломон впоследствии изготовил украшения для храма.^[493]

Еще одним результатом войны стало посольство из Тоя или Ту из Хамата. Могущественный древнееврейский князь, так неожиданно появившийся на горизонте северной Сирии, был соседом, чью благосклонность необходимо было приобрести любой ценой. Соответственно, посольство, отправленное Тоем к Давиду, возглавил сын самого хамафитского царя. Это был Хадорам, чье имя было заменено на соответствующее древнееврейское Иорам. Смена имени была деликатным способом признать верховенство Бога Израиля и поклоняющегося Ему государя, а также объявить, что отныне Хадад Сирийский должен стать Яхве Израилевым. Как ассирийские цари утверждали, что ведут войны, чтобы распространить имя и поклонение Ассиру, так можно предположить, что походы Давида совершались для того, чтобы прославить Яхве, который даровал ему победу.^[494]

Послы принесли с собой различные дорогие подарки, которые израильское тщеславие могло бы, по своему усмотрению, истолковать как дань, и которые, несомненно, были бы так истолкованы египетским или ассирийским писцом. Сосуды из золота, серебра и бронзы были положены к ногам Давида, и между ним и правителем Хамафа был заключен союзный договор. То, что Хадад-Эзер был общим врагом обоих, стало достаточным поводом как для посольства, так и для заключения союза. Память об этом союзе сохранилась до позднего времени. Даже когда Азария правил Иудеей во времена ассирийского царя Тиглата-Пилесера III, Хамат все еще мог обращаться за помощью к Иерусалиму; а в эпоху Саргона Яху-бихди, чье имя содержит имя национального Бога Израиля, поднял народ Хамата на восстание.

Все это время продолжалась осада "города вод", Раввы или "столицы" Аммона. Иоав расположился лагерем перед ним, а Давид вел праздную и роскошную жизнь в своем дворце в Иерусалиме. Такое пренебрежение царскими обязанностями не нашло отклика в глазах древнееврейского историка. В то время года, когда Давид посылал Иоава и "слуг его" выполнять свою работу, другие "цари" имели обыкновение "выходить на битву", и особое внимание уделяется словам Урии: "Ковчег и Израиль и Иуда находятся в шатрах, а господин мой Иоав и слуги господина моего расположились лагерем в открытом поле; пойду ли я в дом мой, чтобы есть и пить и лечь с женою моею?". С царем, который таким образом перепоручил свою работу другим и уже забыл, что самой причиной его существования было то, что он должен вести народ Яхве против его врагов, катастрофа была не за горами. Сначала последовал акт прелюбодеяния с Вирсавией, женой Урии Хеттеянина, затем вероломное убийство верного стражника и храброго офицера. Урию заставили отнести Иоаву письмо, в котором содержался смертный приговор ему самому, а также другим слугам Давида, столь же невинным и столь же доблестным. Специальный гонец принес царю весть о его смерти, и Бат-Шеба сразу же была добавлена к царскому хариму. Нашелся только один человек, у которого хватило мужества протестовать против этого поступка; это был пророк Нафан, преемник Самуила, возложившего корону на голову Давида. Царь раскаялся, хотя и не предложил отдать Вирсавию, и смерть ребенка, рожденного от нее, была принята в качестве искупления его вины. Это был пример заместительного наказания, замены "плода тела на грех души", вера в которую была так же сильна среди ханаанеев, как и в Вавилонии. Второй сын, рожденный Батшебой, получил от Нафана двойное имя Иедиция, а от отца - Шеломох или Соломон. Шеломох, "мирный", на самом деле был древнееврейским эквивалентом Саламану или Соломона, имени царя Моава во времена Тиглата-Пилесера III.^[495]

Покорность Давида дала ему право обратиться к Нафану, о чем пророк никогда не забывал. Кроме того, смерть первенца от Вирсавии указывала на то, что Яхве принял жертву ребенка, принесенного как бы в жертву за грех отца, и что вина израильского монарха была искуплена. С этого момента Натан стал проявлять особый интерес к новой царице и ее потомству. Один из четырех сыновей Вирсавии был назван в его честь (1 Хрон. iii. 5), и именно ему Соломон отчасти обязан своим престолонаследием. Возможно, воспитание Соломона было поручено пророку; во всяком случае, так можно понимать слова из 2 Цар. xii. 25.

Именно после рождения Соломона Равва была вынуждена сдаться от голода. Иоав, всегда ревновавший к славе своего господина, послал сообщить об этом Давиду и попросил его немедленно прийти и занять город, чтобы слава о его взятии не досталась осаждавшему его полководцу, а не царю, оставшемуся дома. Давид отправился в лагерь и во главе своих войск вошел в столицу аммонитян. Золотая, инкрустированная драгоценными камнями корона,

украшавшая изображение аммонитского бога Малхама, была возложена на голову его человеческого завоевателя; сам город был разграблен, а с его населением обошлись безжалостно. Говоря эвфемистическим языком историка, их положили "под пилю, под железные бороны, под железные топоры и заставили пройти через кирпичную печь".

За войной с Аммоном последовала война с Эдомом. Амаликитяне, или бедавины, уже дали понять, что в Палестине возникла сильная держава, способная надежно защитить ее жителей от набегов разбойников пустыни (2 Цар. viii. 12); настал черед эдомитян. Давид, похоже, сам возглавил израильскую армию^[497] и в решающем сражении в вадик югу от Мертвого моря полностью разгромил силы Эдома.^[498] Восемнадцать тысяч врагов были убиты, и всякое дальнейшее сопротивление со стороны дисциплинированного войска прекратилось. Еще шесть месяцев жители горы Сеир вели партизанскую войну с Иоавом, но были безжалостно выслежены и истреблены, в живых не осталось ни одного мужчины (1 Цар. xi. 15). Ребенок Хадад, сын, возможно, последнего эдомитского царя Хадара, был отнесен "слугами отца его" в Египет, где они нашли убежище при дворе фараонов, и Давид вступил во владение обезлюдившей страной. Овладение ею открыло для Израиля новую эру богатства и торгового процветания. Через нее проходила дорога, по которой везли пряности из южной Аравии, а на ее южной оконечности находились два порта - Элат и Эцион-Гебер на Суфском море, которое соединяло Западную Азию с Красным морем и Индийским океаном. Теперь Давид управлял караванной торговлей от севера Сирии до Акабского залива; с одной стороны он соприкасался с Месопотамией и Малой Азией, с другой - с Египтом и Аравией. Помимо торговли, которая проходила через Палестину, оставляя на своем пути богатства, пошлины, взимаемые с товаров, должны были приносить неплохой доход в царскую казну. В Давиде, правда, было слишком много от крестьянина и воина, чтобы осознать все масштабы своего благосостояния; нужен был Соломон, чтобы понять все преимущества своего положения, оборудовать торговые суда в Акабском заливе и обеспечить себе монополию на торговлю товарами. Пока же Давид был занят укреплением завоеваний. Арамеи из Аммона и Зобаха были призваны в его телохранители,^[499] и Эдом был так эффективно гарнизонирован, что восстание стало невозможным более чем на столетие. Цари небольших арамейских государств на севере, которые раньше были сюзеренами Хадад-Эзера, крепко держали власть; царь Гешура уже был связан узами брака с царским домом Израиля. У входа в Египет выросла новая грозная сила, фактически отрезавшая монархию Нила от Западной Азии, а главнокомандующий израильской армии проявил себя как самый умелый и неотразимый полководец своего времени.

Казалось, Давид надежно закрепился не только на троне Израиля, но и на троне израильской империи. Но его власти все же не хватало стабильности. Она в значительной степени зависела от Иоава; только Иоав пользовался доверием воинов-ветеранов и внушал страх иноземным врагам.^[500] Кроме того, между израильскими коленами еще не было настоящей спайки. Ефрем не мог забыть о своем прежнем главенствующем положении и не переставал возмущаться господством новорожденного и наполовину чужого колена Иуды. Налог на кровь, которого требовали войны Давида, усиливал недовольство. Эти войны были скорее агрессивными, чем оборонительными, и были выгодны иудейской династии, а не всему народу. Военная служба стала столь же непопулярной в Израиле, как в последние годы в Египте: когда Давид предложил перечислить своих подданных и таким образом выяснить, какой боевой силой он обладает, Иоав тщетно пытался отговорить его от этого намерения, а народ впоследствии увидел в последовавшей за этим чуме наказание за царское преступление. Телохранительница из филистимлян и критян, состоявшая из офицеров разных национальностей и вероисповеданий, охраняла личность царя и не допускала открытых признаков недовольства; но недовольство тлело под землей, готовое

вспыхнуть при каждом удобном случае. Израильтяне слишком недавно подчинились единовластию одного государя, чтобы еще не поддаться дисциплине или утратить демократические инстинкты вооруженного крестьянина и его партизанские методы ведения войны.

Была и еще одна, более весомая причина неустойчивости трона Давида. Она крылась в самой царской семье. Многоженство было смертельной раковой опухолью, которая разъедала силу и процветание самых могущественных династий восточного мира; и история израильской империи не стала исключением из правил. В Давиде не было ни капли сурового и аскетичного фанатизма, который отличал Саула; он наслаждался жизнью в полной мере, а когда приходил успех, только политика устанавливала границы его наслаждения. Самодовольный, как и большинство других восточных деспотов, он приумножал себе жен и детей, не гнушаясь даже убийством самых доверенных из своих последователей в стремлении добавить еще одну красавицу к своей богато укомплектованной хариме. Многоженство принесло с собой обычное проклятие. В скучном и праздном уединении дворца жены царя ссорились друг с другом за его расположение и любовь, и ссоры матери перенимали ее дети. Мааха, дочь царя Гешура, требовала первенства для себя и своего сына Авессалом в силу их царской крови; Амнон, как первенец своего отца, считал себя законным наследником престола и поэтому был выше обычных человеческих законов; а Вирсавия, чьи беспринципные амбиции предали мужа на погибель, не переставала интриговать в интересах Соломона, которого она с самого начала предназначила для короны.

Последние годы жизни Давида были омрачены преступлениями и мятежами его семьи. Амнон возмутил свою сводную сестру Тamar и был убит ее братом Авессаломом, а Авессалом, любимец отца, бежал к Талмаю, царю Гешура. Благодаря Иоаву кровная месть в конце концов была умиротворена, и после трехлетнего изгнания Авессалому было позволено вернуться в Иерусалим. Через два года Давид согласился забыть прошлое. Авессалом снова был принят при дворе, и его красота и изящество манер вновь стали властвовать над сердцами царя и народа.

Но Давид старел, недовольство росло даже среди его соплеменников, и Авессалому не терпелось захватить корону, которую он считал своей по праву. Он получил разрешение отправиться в Хеврон, чтобы принести жертву в древнем святилище и столице Иудеи. Место было выбрано удачно: с городом были связаны религиозные традиции почтенного прошлого, и его жители могли смотреть на возвышение Иерусалима не слишком благосклонно. Они с готовностью выслушали князя, обещавшего вернуть Хеврону его древнее значение и вновь сделать его столицей. Клич Хеврона и Иуды против Иерусалима и династической империи был с готовностью принят.

Давид был застигнут врасплох. Даже Иоав, похоже, не знал о готовящемся заговоре. В Иерусалиме не было войск, достаточных для защиты от нападения, даже если бы его защитникам можно было доверять, и в этом Давид уже не был уверен. Он казался покинутым всем миром, и единственной безопасностью для него было бегство. Даже его советник Ахитофел перешел на сторону мятежного сына.

Царские домочадцы и харим бежали на восток, за Иордан, в те отдаленные районы израильской территории, где так долго держался Эш-Баал. Давида сопровождал его телохранитель: священники, пожелавшие сопровождать его с ковчегом, были отосланы назад. Туда же был отправлен и Хушай, соратник Ахитофела, в надежде, что он сможет противодействовать планам советника Авессалома.

Восстание показало Давиду, что он жил лишь в мнимой безопасности. Его соплеменники отпали от него по первому призыву его более популярного сына; старые товарищи, правда, все еще поддерживали его, и он мог рассчитывать на мечи и верность своих иностранных телохранителей. Но что они могли противопоставить восставшему народу? Даже в дни разбоя, когда Саул гонял его из пещеры в пещеру, он мог рассчитывать на народное сочувствие и помощь; теперь же народное сочувствие перешло к другому, и перед ним открылись шлюзы недовольства и ненависти. Несмотря на его охрану, Шимей из дома Саула осмелился побить его камнями, когда он проходил мимо, и назвать его человеком крови, который несправедливо захватил корону. Это был знак того, что падение династии Саула не забыто и что в Вениамине еще есть те, кто с неохотой подчиняется правлению его вытеснителя.

Давида спасла верность Иоава. Если бы этот непобедимый полководец перешел на сторону врага, на трон Израиля сел бы новый царь. Главнокомандующий взял бы с собой своих ветеранов и повел бы их, как всегда, к победе. К счастью для Давида, его старый друг отказался оставить судьбу павшего царя. Возможно, на его решение повлияла семейная ревность. Авессалом передал пост главнокомандующего Амаса, сыну двоюродной сестры Иоава, которая вышла замуж за израильтянина.^[501] Возможно, назначение было сделано потому, что Иоав уже бросил свой жребий на стороне царя; более вероятно, что оно было обещано Амаса еще до начала восстания.

Но священники и пророки остались верны избранному ими царю. Первосвященники Задок и Авиатар вернулись в Иерусалим со священным символом присутствия Яхве в Израиле, а их сыновья Ахимааз и Иоханан обязались держать Давида в курсе планов его врагов в столице. К счастью для него, совет Ахитофела был выполнен лишь частично. Авессалом овладел наложницами отца и тем самым, в соответствии с древнееврейскими представлениями, объявил всему миру о своей узурпации трона, но дальнейшие советы хитрого советника были проигнорированы. Вместо того чтобы послать двенадцать тысяч человек, которые должны были настигнуть беглецов, прежде чем они достигнут бродов на Иордане, Авессалом и его юные друзья предпочли совет Хушая и решили сначала собрать сбор со всего Израиля. Идея отправиться в поход во главе огромного войска пришлась по душе тщеславному юному узурпатору; а для неопытности молодости возможность того, что Давид и его стражники спрячутся в засаде, а затем обрушатся на своих незадачливых преследователей, представлялась вполне реальной опасностью. Ахитофел, единственный представитель возраста и опыта среди заговорщиков, слишком хорошо понимал, что должен означать отказ от его совета. Восстание было самоосуждено, оно было обречено на провал, и возвращение Давида означало бы гибель его самого. Даже на совете Авессалома его соперник Хушай был предпочтен ему самому; все, что ему оставалось, - это в горьком разочаровании уползти к себе домой и там повеситься. Заговор лишился мозгов, которые только и могли привести его к успеху.

Весть о совете Ахитофела принесли Давиду молодые священники. Они с трудом выбрались из своего укрытия у источника Фуллера под южной оконечностью стены Иерусалима и впоследствии были обязаны своим спасением женской смекалке. Было известно, что священники враждебно относятся к новому движению, поэтому за ними следили и тщательно преследовали. Они добрались до Давида, когда он еще находился на западном берегу Иордана, и не теряли времени, чтобы поставить реку между собой и своими врагами. Однако беглецы не считали себя в безопасности, пока не оказались в Маханаиме, где их ждало дружелюбное население. Аммонитяне, а также гилеадцы поспешили оказать честь Давиду и снабдить его всем, что требовалось ему и его спутникам.^[502]

Вскоре к нему присоединились Иоав и его брат Абишай с ветеранскими войсками под их командованием. Третье подразделение армии было отдано под командование Иттаю из Гафа, капитану царской телохранительницы, и приближения мятежной армии ждали без тревоги. Амаса совершил роковую ошибку, напав на царские войска на их собственной территории, на земле, которую они выбрали для себя. Мало того, что оно находилось на другом берегу Иордана, так еще и среди деревьев и густого подлеска леса Ефремова.^[503] Вопрос не мог вызывать сомнений. Давиду, правда, его последователи не позволили самому выйти на поле боя. Он был уже слишком стар для активной службы, и его смерть повлекла бы за собой все ужасы спорного престолонаследия и гражданской войны. Однако то, что Авессалом будет побежден, кажется, было само собой разумеющимся, и Давид, соответственно, внушил своим генералам, что они должны пощадить жизнь его сына.

Но Иоав рассудил более мудро, чем царь. Он знал, что пока Авессалом жив, его ждут постоянные неприятности и неуверенность, а тем, кто сражался против него на стороне его отца, придется несладко. Поэтому, когда Авессалом висел, подвешенный за волосы к ветвям дерева, которое настигло его во время бегства, он пронзил его тремя дротиками, а десять его оруженосцев разграбили труп. Двадцать тысяч врагов были убиты, как говорят, отчасти мечом, отчасти из-за характера места, где происходила битва, и резня была бы еще больше, если бы Иоав не отозвал своих людей от преследования врага, как только Авессалом был мертв. С падением узурпатора все дальнейшие опасности прекратились.

Ахимааз, левит, известный своей быстротой, побежал с вестью о победе к царю. Но Иоав знал, с какой любовью Давид относился к своему красивому и эгоистичному сыну; он также знал, что тот ослабел душой и телом и что прошел тот день, когда его эмоции можно было держать под контролем. Поэтому Иоав не позволил Ахимаазу передать царю весть о смерти сына, и вместо него с вестью был послан раб из Эфиопии. Однако в конце концов Ахимааз опередил эфиопа и объявил в Маханаиме об одержанной победе. Затем пришел иностранец с сообщением, что Авессалом мертв.

Поведение Давида, последовавшее за этим сообщением, было достойно оправдания. Он забыл, что он царь, что у него есть обязанности по отношению к своему народу и тем, кто рисковал жизнью ради него, что принц, павший в открытом бою, был убийцей своего брата, мятежником против отца и потенциальным отцеубийцей. Все это было забыто и поглощено горем отца по погибшему сыну. Давид позволил страсти своих чувств захлестнуть его, и он плакал не как мужчина, а как женщина. Это была вспышка восточного преувеличения чувств, необузданная и не сдерживаемая ни разумом, ни волей.

Его последователи смотрели на это зрелище с изумлением и ужасом. Стоило ли им сражаться за такого короля? Один за другим они разбегались, и казалось, что скоро он останется один на один с собой и своим харимом. Но Иоав снова пришел на помощь своему старому господину и соратнику по оружию. Правда, речь его была грубой, как у солдата, но речь была нужна, даже если она была грубой и невоспитанной. "Ты опозорил сегодня, - сказал он, - лица всех слуг твоих, которые в этот день спасли жизнь твою, и жизнь сыновей твоих и дочерей твоих, и жизнь жен твоих, и жизнь наложниц твоих; ты любишь врагов твоих и ненавидишь друзей твоих. Ибо ты не считаешься ни с князьями, ни с рабами; ибо ныне я вижу, что если бы Авессалом жил, и все мы умерли в этот день, то это было бы хорошо для тебя. Итак, встань, пойд и говори утешительно с рабами твоими, ибо клянусь Господом,

если ты не пойдешь, то не останется с тобою ни одного в эту ночь, и это будет для тебя хуже всех зол, постигших тебя от юности твоей доныне".

Давид пробудился от эгоистичного и недостойного горя; каким бы слабым и самовлюбленным он ни стал, слова Иоава все же заставили его осознать опасность, которую он спровоцировал. Но он так и не простил своего наблюдателя. Вскоре он нашел возможность наказать Иоава за его верность, и его предсмертный приказ преемнику состоял в том, чтобы предать седовласого слугу смерти.

Священникам в Иерусалиме было послано тайное послание, чтобы они пристыдили старейшин Иуды и потребовали возвращения царя, поскольку он был их соплеменником, а остальной Израиль уже признал его суверенитет. В то же время Амаса был назначен главнокомандующим вместо Иоава. Таким образом Давид отомстил своему слишком откровенному полководцу, а также сделал попытку завоевать популярность среди иудейских войск, которые последовали за Амасой.

Поступок был столь же глупым, сколь и несправедливым, и вскоре он повлек за собой наказание. Старейшины Иуды умоляли царя вернуться, и делегаты от этого колена провели его через Иордан в своеобразном триумфальном шествии. Но другие колена возмутились таким присвоением царской персоны. Именно иудеи, а не остальной Израиль, восстали и сделали Авессалома своим царем, в то время как ветераны Иоава, сохранившие верность, представляли весь народ. Впервые после смерти Еш-Баала люди Израиля и Иуды противостояли друг другу с антагонистическими интересами и злобным соперничеством; Израиль претендовал на десять частей в царе, тогда как Иуда - только на одну, и все же действия Давида подразумевали, что только Иуда является его законным наследием. Едва он снова оказался в Иерусалиме, как против его правления вспыхнуло новое, еще более опасное восстание. Шеба, вениамитянин, поднял штандарт восстания, и его крик: "Нам нет места в Давиде" нашел отклик в сердцах северных племен. Все израильтяне, - говорят нам, - покинули "сына Иессея"; одна лишь Иуда прилепилась к нему. Но сильная рука и ум, которые так долго сражались за Давида, больше не помогали ему; Иоав был заменен Амасой, а сырое войско Иуды, вырвавшееся из леса Ефрема, было лишь слабой заменой дисциплинированным силам, создавшим империю. Давид, наконец, осознал, что в момент слабой страсти он сделал все возможное, чтобы сбросить корону; Абишай был поспешно созван и отправлен с телохранителем и "людьми Иоава" против нового врага.

Судя по всему, лагерь Саввы располагался в Гибеоне, недалеко к северу от Иерусалима. При наступлении иудейской армии он отступил на север. Иоав сопровождал своего брата, и у "большого камня" Гибеона иудейские войска были настигнуты их новым главнокомандующим. Амаса встал во главе их, облачившись в служебную одежду, которую Иоав носил столько лет. Провокация была велика, и убийство Абнера, с которого Иоав начал свою карьеру, повторилось в убийстве Амазы в конце ее. Однако Абнер был полководцем, обладавшим значительными способностями и влиянием, а Иоав еще не успел накопить столько претензий на благодарность царя. Армия приняла сторону Иоава в этом деле: Тело Амазы бросили в поле, накрыв его обычной тканью, и иудейские воины поспешили по дороге в погоню за врагом. У них не было другого командира, кроме Иоава, и его разжалование царем было молчаливо отменено.

С Иоавом во главе восстание вскоре закончилось. Шеба бежал на северную оконечность израильской территории и скрылся в городе Авеля из Бет-Мааха.^[504] Здесь его тщательно осаждали, пока "мудрая женщина" не уговорила своих сограждан отрубить ему голову и бросить ее Иоаву. Восстание закончилось, и Иоав с триумфом вернулся в Иерусалим.

Последние десять лет жизни Давида прошли в спокойствии. Его телесные и душевные силы ослабли, и он медленно опустился в могилу. Тяготы юности, самообольщение и многоженство последних лет жизни преждевременно ослабили его телосложение. В то время как его первые соратники Иоав и Авиатар все еще сохраняли бодрость, царь состарился и износился. Интриги Харима, правда, еще продолжались, но уже не было Авессалома, который своей красотой и обворожительными манерами похищал бы сердца людей, не было Амнона, который бы на деле отстаивал права венценосца.

Израиль находился в мире со своими соседями. Эдом и Зоба были полностью разгромлены; Моав и Аммон боялись пошевелиться, пока был жив Иоав. Мелкие цари Северной Сирии платили дань с перерывами; Тир и Сидон обхаживали своего могущественного соседа, чья дружба была предпочтительнее враждебности. Египет был разделен против самого себя; в стране правили несколько династий, а у танитских государей Дельты не было ни богатства, ни людей. Как и Египет, Вавилония пришла в упадок, а поражение ассирийского царя Ассур-ирби от арамейцев отрезало Ассирию от народов Запада. Филистимляне были вынуждены стать слугами Давида, а пиратские полчища, стекавшиеся к ним на помощь из Креты и Эгейского моря, перешли на службу к израильскому царю или переключили свое внимание на другие районы Средиземного моря. Согласно греческой легенде, Фракия, Родос и Фригия заняли воды, в которых они когда-то были хозяевами. Финикийские торговые корабли наконец-то смогли мирно плавать по ним, а Тир, соответственно, при Абибале и Хираме стал центром морской торговли.

На севере империя хеттов давно канула в Лету. Кадеш на Оронте стал столицей небольшого округа, ни для кого не представлявшего опасности и находившегося в хороших отношениях с соседями-израильянами.^[505] Хамат также был в союзе с израильским царем. В вади Ливана, недалеко от Дамаска, Резон, правда, вел жизнь разбойничьего вождя и грабил проходящие мимо караваны; но только после смерти Давида ему удалось утвердиться в Дамаске и основать там династию царей.

Однако дома, хотя внешне все казалось спокойным, семена раздора и недовольства лежали под землей. Восстание Авессалома в Иудее и Саввы в Северном Израиле показало, насколько хрупки были узы союза, связывавшие племена друг с другом и со своим царем. Привязанности Иуды еще не были сплетены вокруг дома Давида; чувство, что они являются единым народом, еще не проникло глубоко в сердца других колен. Сама династия Давида еще не была надежной. Ее поддержка зависела скорее от меча, чем от верности народа. У павшей династии все еще были свои последователи и тайные сторонники, и время от времени происходили события, которые показывали, насколько опасными они могут стать. Вениамитянин Шимей, несомненно, представлял чувства своего племени, когда проклял Давида в час его унижения; а поведение Давида после его восстановления на троне показывает, что он не мог доверять даже Мериб-Ваалу или Мефибошету, сыну Ионафана, с которым он обращался как с собственным сыном.^[506] Случай, произошедший в начале его царствования, является еще одним доказательством его готовности искоренить, насколько это возможно, род Саула. Три года подряд Палестина страдала от отсутствия дождей и, как следствие, от голода, и оракул Яхве объявил, что причиной визита была резня Саулом гибеонцев. Резня священников в Нове действительно была отомщена смертью израильского царя и его сыновей и падением его трона, но от вспышки безумного гнева Саула пострадали и другие служители храма, помимо священников, и их кровь все еще взывала к отмщению. Кровь требовала крови, и только жертва потомков Саула могла искупить вину их праотца.

Мефибосета пощадили, отчасти из-за дружеского отношения его отца Ионафана к Давиду, жизнь которого он однажды спас, отчасти потому, что хромого человека мало кто боялся. Но

пять сыновей Михаль (?) от Адриела из Мехолы были отданы палачу.^[507] Они стояли слишком близко к трону; кроме Мефибосета, они были, по сути, единственными прямыми потомками покойного царя, и Давид, несомненно, был рад возможности убрать их со своего пути. Его предсмертные наставления Соломону доказывают, насколько безжалостным он мог быть, когда на карту была поставлена безопасность его династии.

Оставались еще два потомка Саула, которые, возможно, могли стать источником неприятностей. Это были сыновья его наложницы Рицпы, и они тоже были приговорены к смерти. Таким образом, священное число жертв составило семь человек, и Давид удовлетворил одновременно и религиозные угрызения гибеонцев, и политические соображения своего собственного положения. У Шимея были основания называть его "человеком крови", который пролил "кровь дома Саулова".

Человеческие жертвы были повешены на священном холме Гибей "перед Господом", и никому не разрешалось снимать тела, пока наконец не пошел дождь. Затем их торжественно похоронили в родовой гробнице семьи Саула в Селахе, вместе с прахом Саула и Ионафана, который Давид принес из Иависа-Гилеада. Великое искупление было совершено и принято Яхве, и в то же время Давид снял с себя все обвинения в нечестивости по отношению к мертвым. Павшая династия перестала быть грозной.

Поэтому, когда северные племена под предводительством Саввы откололись от дома Давида, они не смогли найти ни одного представителя рода Саула, который мог бы их возглавить. Шеба, правда, был вениамитянином, но он происходил с горы Ефрема и не состоял в родстве с Саулом. Скорее, он был одним из тех военных генералов, которые в последующие времена сыграли столь значительную роль в истории Северного царства, свергая и основывая династии.

Тем не менее, иго царского верховенства он переносил с нетерпением. Несмотря на поддержку священства и мечи Иоава и иностранных телохранителей, правление Давида было сопряжено с мятежами. Пока оно ознаменовывалось победами над иноземным врагом, завоеванием соседних государств, притоком пленных рабов и добычей, подданные были вполне довольны своим успешным вождем в войне. Его влияние на тех, кто вступал с ним в личный контакт, всегда было велико, и мало кто мог устоять перед его обаянием. Но когда эпоха завоеваний прошла, когда Давид передал свои военные обязанности другим и все больше удалялся в уединение восточного дворца, семена недовольства начали расти и распространяться. Даже в Иудее жаловались, что правосудием пренебрегают (2 Цар. xiv. 2-6); дальше жалобы, должно быть, были громкими и глубокими. Непопулярность воинской повинности, с помощью которой пополнялись ряды армии, была понятна даже Иоаву (2 Цар. xxiv. 3), а перепись, от которой она зависела, считалась ненавистной как Богу, так и людям.

Даже сам Давид наполовину раскаялся в своем решении пересчитать народ (2 Цар. xxiv. 10), и общее чувство выразил прорицатель Гад, когда заявил, что за этот поступок его постигнет кара небесная, причем не на виновного царя, но и на его невинных подданных (2 Цар. xxiv. 13, 17). В опустошившей Палестину чуме они увидели гнев Яхве, и мучимый совестью царь сразу же согласился с общим мнением.

Прекращение чумы было связано с основанием храма. На том самом месте, где Давид увидел ангела смерти, стоящего с обнаженным мечом, был построен жертвенник и принесена жертва, умиротворившая гнев Господа. Это была молотильня Арауны Иевусеянина, расположенная на ровной вершине горы Мориа, где до сих пор проживает старое иевусейское население Иерусалима. Возможно даже, что Арауна был последним царем иевусеев, чья жизнь и свобода были пощажены, когда Иерусалим был сдан Давиду.^[508]

Молотильня была куплена Давидом и стала великим "высоким местом" новой столицы царства. Все указывало на то, что на этом месте будет стоять храм, который в восточном мире был необходимым дополнением к царскому дворцу. Это была самая высокая часть города; кроме того, это была гладкая и солнечная скала, а место, которое он занимал, было открытым и неограниченным. Здесь произошло особое откровение Яхве царю, а воздвигнутый на нем жертвенник уберег народ Израиля от смерти. Не исключено также, что это место уже было священным. В табличках Тель-эль-Амарны Эбед-Тоб, царь Иерусалима, говорит о храме Нин-ипа как о стоящем на "горе Уру-салим", а из всех гор Иерусалима будущий храм-гора была самой заметной и величественной.

Мы не знаем, когда произошел мор, имевший столь значительные последствия для последующей религии Иудеи. Империя Давида уже простиралась до 'Кадеш хеттов', , но Эдом, похоже, еще не стал провинцией Израиля. Перепись проводилась для того, чтобы выяснить количество воинов в Израиле, а не для того, чтобы взимать налоги. В последнем случае завоеванные провинции были бы включены в учет. Таким образом, мы можем предположить, что это событие произошло примерно в середине царствования Давида, вероятно, в то время, когда еще продолжалась борьба с Цовахом.

Позднее, когда "Господь дал ему покой кругом от всех врагов его" (2 Цар. vii. 1), он объявил Нафану о своем намерении построить храм. Натан занял место Гада в качестве провидца и доверенного лица царя, и дворец Давида уже был возведен. Но Яхве не позволил ему осуществить свой план. Его руки были слишком глубоко запятнаны кровью; работа была предназначена для сына, чье имя означало "мирный" и к рождению и обучению которого провидец проявлял столь глубокий интерес.^[510] Все, что мог сделать Давид, - это подготовить путь для своего преемника, собрать материалы для работы и определить место, на котором должен стоять храм Божий.

До нас дошли два списка главных чиновников Давида, взятые из государственных летописей. Первый список приводится в конце летописного изложения событий его царствования (2 Цар. viii. 16-18) и относится к более ранней его части; второй, должно быть, был составлен незадолго до его смерти. Очевидно, что с самого начала царство было так же тщательно организовано, как и окружающие государства. Здесь был "регистратор" или "летописец", чьей обязанностью было передавать память обо всем происходящем будущим поколениям; писец или главный секретарь, который писал и отвечал на официальные письма, а также руководил копированием и редактированием старых документов в канцелярии; главнокомандующий армией, который соответствовал *туртану* или тартану ассирийцев, и командующий иностранными войсками. Управление, по сути, очень напоминало ассирийское, за исключением того, что не было визиря или премьер-министра, который выступал в качестве представителя царя. Она предполагает давнее использование письменности и всех механизмов цивилизованного восточного государства. Писец и летописец появляются в Израиле одновременно с созданием организованного правительства. Знание искусства письма не могло быть чем-то новым.

Иосафат, сын Ахилуда, как нам сообщают, был летописцем, Сераия - секретарем,^[511] Бенаия - командиром крейтанской и филистимской телохранителей. Рядом с гражданскими чиновниками стояли два первосвященника - Задок и Авиатар, а должность царских капелланов занимали сыновья самого Давида. В их обязанности, вероятно, входило приносить те жертвы, которые не были публичными, в отсутствие или вместо отца. То, что первосвященников должно было быть двое, трудно объяснить. Задок был сыном Ахитуба, которого Летописец делает сыном Амари и потомком Финееса, сына Елеазара (1 Хрон. vi. 7), а Абиафар был сыном Ахимелеха или Ахии, внуком Ахитуба и правнуком Финееса, сына

Илия.^[512] Абиафар, по-видимому, представлял семью Итамара, младшего брата Елеазара, сына Аарона; во всяком случае, именно его семье было доверено хранение ковчега, а также первосвященство в святилище Шилоха. Разрушение Шилоха нанесло удар по его влиянию и *престижу*, а резня священников в Нобе почти уничтожила его. Таким образом, появилось место для другой линии священников, которые претендовали на происхождение от старшей ветви семьи Аарона и, вероятно, сохранили Моисееву традицию в другой части Израиля. Возможно ли, что Задок последовал за судьбой Еш-Баала, в то время как Абиафар примыкал к Давиду? В любом случае, объединение царства повлекло за собой объединение семей первосвященников; на протяжении большей части царствования Давида ковчег в Иерусалиме обслуживали и Задок, и Авиатар, а также многочисленные левиты под их началом (2 Цар. xv. 24-29). То, что Задок всегда назван первым, хотя Авиатар был первым другом и священником Давида, подразумевает, что его претензии на то, чтобы представлять старшую ветвь семьи первосвященника, были признаны.

Когда составлялся второй список чиновников Давида, произошли некоторые важные изменения. Секретаря Сераию сменил Шева или Шиша (2 Цар. xx. 25; 1 Цар. iv. 3); "Ира, Иаирит" стал капелланом Давида, а рост империи привел к необходимости создания новой должности. Это была имперская казначейская должность, которую занимал некий Хадорам, похоже, сирийского происхождения, в обязанности которого входил сбор дани с завоеванных провинций.^[513] Возможно, он уже имел опыт работы в этой должности при одном из сирийских царей.

Другие офицеры Давида перечислены Летописцем (1 Chron. xxvii. 25-34). Они имели свои аналоги в Ассирии и Египте и показывают, насколько тщательно израильский двор подражал дворам соседних государств. Среди них мы читаем об Азмавете, сыне Адиеля, возглавлявшем казначейство; об Ионафане, сыне Уззии, заведовавшем государственными житницами, которые, должно быть, были созданы в подражание египетским и вавилонским;^[514] об Эзри, управляющем крестьянами, обрабатывавшими земли короны; Шимей и Забди, заведовавшие царскими виноградниками и винными погребами; Ваал-Ханан и Иоас, которым были вверены оливковые плантации и хранилища масла; Обиль, исмаилитянин, начальник погонщиков верблюдов; Иехдея, начальник погонщиков ослов; Иазиз, агарянин, заведовавший царскими пастухами.^[515]

Давид медленно опустился в могилу, состарившись как умом, так и годами. Юную деву, Авишаг Шунаммитянку, принесли, чтобы она легла рядом с царем и поддерживала тепло его тела. Но все было тщетно, и стало ясно, что долго он не протянет. Постель умирающего царя была окружена интригами. Адония, старший из оставшихся в живых сыновей, естественно, считал себя законным наследником. Он мог рассчитывать на двух влиятельных сторонников. Один из них - священник Авиатар, который первым придал титулу Давида на корону религиозную санкцию; другой - Иоав, создавший его империю. Но Бат-Шеба уже давно решила, что царицей-матерью должна стать она, а корону наденет ее сын Соломон. За ее спиной стоял Натан, духовный наставник и ее самой, и ее сына. Приверженность Абиафара и Иоава к Адонии, кроме того, заставила их соперников Задок и Бенаяю перейти в противоположный лагерь, а Беная взял с собой иностранную телохранительницу, командиром которой он был и которая, как и в других странах, с самого начала проявила готовность делать и не делать царей. Кроме того, Бат-Шеба все еще пользовалась своим прежним влиянием на полусознательного монарха, и не понадобилось подстрекательств Нафана, чтобы побудить ее вновь применить его в интересах Соломона. Поскольку пророк поддержал ее, вопрос не вызывал сомнений, и Давид поступил так, как ему было велено.

Батшеба напомнила ему о его старом обещании, данном самой себе, Натан хитро представил, что Адония уже захватил корону, прежде чем жизнь его отца угасла.

Задок и Бенаия были созваны и приказали сопровождать молодого принца на собственном муле Давида к источнику Гихон и там, за восточной стеной Иерусалима, где сейчас из земли бьет источник Девы, помазать его елеем освящения и провозгласить его воцарение звуками трубы. Присутствие священников и телохранителей было видимым знаком того, что царская власть и власть перешла от Давида к Соломону.

Тем временем Адония устраивал пир у камня Зохелет, недалеко от Эн-Рогеля, источника Фуллера, современного Колодца Иова к югу от Силоамского бассейна. С ним были Авиатар и Иоав, а также его братья, которые, похоже, не питали особой любви к любимцу Нафана, и те представители Иуды, которые были главной опорой восстания Авессалом. Соломон, по видимому, считался запятнанным чужой кровью; во всяком случае, Иуда последовал за Адонией так же, как и за Авессаломом.^[516] Но Натан и Бат-Шеба вовремя приняли свои меры. В самый разгар пира Иоханан, сын Авиатара, принес заговорщикам весть о том, что Соломон провозглашен царем и что его личность уже охраняется царским телохранителем. Гости в ужасе разбежались, а Адония укрылся у алтаря. Там избранный государь пообещал ему, что сохранит ему жизнь.

Соломон получил последние наставления умирающего царя. Последняя мысль Давида была о сохранении царства и династии. Соломон должен был идти по стопам своего отца, повиноваться закону Яхве и Его священникам. В особенности он должен был как можно скорее избавиться от возможных соперников или антагонистов, которых до сих пор пощадила слабость или политика самого Давида. Иоав должен был быть предан смерти; он был слишком могущественным подданным, чтобы позволить ему жить, хотя он и был уже стар, а его соучастие с Адонией делало его опасным для нового царя. Шимей тоже должен был быть убит; пока он был жив, у павшей династии был лидер, вокруг которого могли объединиться недовольные. С другой стороны, доброта Варзилая, галаадитянина, не должна была быть забыта; благосклонность к нему завоевала бы сердца жителей Галаада.^[517]

Давид умер, оставив после себя имя, которое его соотечественники никогда не забывали. Он стал идеалом царя-патриота. Он основал династию и империю; и хотя империя вскоре распалась на части, династия выжила и оказала огромное влияние на религиозную историю мира. Он раз и навсегда закрепил принцип монархии в Израиле; израильтяне больше никогда не смогут вернуться к анархическим дням Судей или забыть уроки единства, которые им преподали.

По характеру он был щедрым и добросердечным, хотя в поздние годы его добросердечие переросло в слабость. Кроме того, он был храбр и искусен, обладал личным обаянием манер и готовностью речи, которым окружающие не могли противостоять. Один из его сыновей, Авессалом, похоже, унаследовал эти дары отца, что, возможно, объясняет слепую любовь Давида к нему. Но вместе с этими дарами он получил богатый запас восточного эгоизма, который заставлял его никогда не упускать возможности добиться собственной выгоды или продвижения по службе. Это был эгоизм настолько глубокий, что он не осознавался; все, что отвечало его интересам, было обязательно правильным. Он сочетался с ясностью ума и определенностью цели, что обеспечивало успех во всем, за что бы он ни брался. Хорошо разбираясь в людях, он сначала располагал их к себе своими манерами, а затем умел доверять и использовать их.

С сильным и здоровым умом крестьянина сочеталась, однако, глубина страстных эмоций, которая, несомненно, во многом определяла его влияние на окружающих. Давид был

человеком сильных импульсов, и мы не сможем понять его характер, если не будем помнить об этом факте. Правда, эти порывы контролировались и регулировались холодной рассудительностью и политическим самоограничением, которые особенно отличали его раннюю жизнь; но они доводили его до конца, иногда во благо, иногда во зло. Прежде всего, он был религиозным человеком, глубоко привязанным к вере, в которой родился, полным доверия к священникам, пророкам и оракулам и убежденным, что Яхве будет защищать и дружить с ним до тех пор, пока он будет повиноваться божественному закону. Но в его религии не было ни аскетизма, ни фанатизма; это была твердая вера и религиозная убежденность здорового ума.

Давид не был жестоким от природы; если он и проявлял себя безжалостным, то либо по соображениям политики, либо потому, что его действия соответствовали общественному мнению эпохи. Ассирийские цари злорадствовали по поводу варварства, которое они проявляли по отношению к своим побежденным врагам, а древнееврейские семиты подобным образом молились, чтобы Яхве окунул Свою ногу в кровь Своих врагов. Давид действительно мог быть человеком крови, но на фоне правителей Ниневи и он был самым милосердием; и сам факт, что пролитая им кровь не позволила ему построить храм своему Богу, показывает, насколько представление о Яхве должно было отличаться от того, что преобладало у соседних народов об их собственных божествах.

Таков был характер Давида со всеми его очевидными аномалиями. Храбрый и активный, ясно мыслящий и политичный, щедрый и добросердечный, он в то же время был эгоистичным и импульсивным, порой непрощающим и безжалостным. Тем не менее он искренне и горячо верил в Яхве и был твердо убежден, что Яхве требует от него честной жизни и "чистых рук". До последнего он оставался в душе восточным крестьянином, который здраво смотрит на жизнь, чья проницательность перечеркивается и изменяется порывами момента, а религия глубока и беспрекословна. Но, как и крестьянин, он не смог устоять перед успехом и процветанием. Смелый и выносливый воин превратился в самовлюбленного и даже чувственного деспота. Правда, он раскаялся в преступлениях, к которым привело его самодурство и которые для большинства других восточных деспотов вскоре стали бы второй натурой; самодурство, однако, осталось, а слабая воля и неспособность намерений омрачили последние годы его жизни.

Будущие поколения видели в нем "сладкого псалмопевца Израиля". Насколько мы можем судить, традиция утверждает, что большая часть псалтыря обязана ему своим происхождением. Девятнадцатый век оказался мудрее прошлого и отказал Давиду в авторстве хотя бы одного псалма. Но есть некоторые из них, которые, кажется, несут свое давидово авторство на лице,^[518] и если есть много тех, которые относятся к более поздней дате, а другие собраны из более ранних фрагментов,^[519] это только то, что мы должны были ожидать, когда однажды ядро коллекции было сформировано, и псалмы, воплощенные в нем, использовались литургически. Ассирийские находки показали, что покаянные псалмы, сходные по духу и форме с псалмами Давида, были написаны в Вавилонии за много веков до его времени и там же собраны для литургических целей.^[520] В Египте то, что мы должны назвать "мессианскими псалмами", было написано еще до эпохи Исхода.^[521] Поэтому нет причин, почему часть еврейской псалтыри не должна относиться к давидовскому периоду и быть работой самого Давида. В ней нет ничего несовместимого с характером Давида или идеями его времени. Только ложная теория "развития древнееврейской религии" находит в ней религиозные представления более поздней эпохи. Конечно, те, кто утверждает, что в эпоху Давида закон Моисея был еще неизвестен, а веру в Яхве трудно отличить от веры в Ваала или Хемоша, могут быть вынуждены отрицать, что любой из псалмов, с их высоким

духовным уровнем, может принадлежать царю, который был "по сердцу Бога"; но история не может принимать во внимание теории, построенные на предположениях, а не на фактах. Даже в северном царстве Израиля, где память об основателе династии Давида, естественно, не пользовалась особым уважением, традиция вынуждена была признать, что он был изобретателем "музыкальных инструментов" (Ам. vi. 5).

Точная дата смерти Давида сомнительна. Хронология книг Царств, так долго остававшаяся предметом отчаяния хронологов, наконец-то была исправлена благодаря синхронизму, установленному между историей Израиля и Иуды и историей Ассирии. Благодаря так называемым спискам эпонимов или должностных лиц, от которых получили свое название годы государственного календаря, мы теперь обладаем точной хронологией Ассирии с 911 г. до н.э. В 854 году до н. э. Ахав участвовал в битве при Каркаре, которую вели западные князья против своих ассирийских захватчиков, и его смерть, таким образом, могла произойти только после этой даты. В 842 году до н. э. Иеху принес почести ассирийскому монарху, а Хазаэль из Дамаска потерпел поражение в битве на горе Шенир. За четыре года до этого сирийским противником ассирийцев был Хадад-идри или Бен-Хадад. Наконец, Менахем Израильский платил дань Тиглату-Пилесеру III в 738 г. до н. э., Пека и Резин были свергнуты в 734 г. до н. э., а Дамаск был взят и разрушен ассирийским царем в 732 г. до н. э. Только после взятия Самарии Саргоном в 722 году до н. э., когда Иудейское царство становится самостоятельным, библейские даты согласуются с ассирийскими свидетельствами, да и вообще друг с другом. Поэтому очевидно, что библейская хронология завышена более чем на сорок лет. Ахав, вместо того чтобы умереть в 898 году до н. э., как это следует из хронологии архиепископа Ашера, не мог умереть примерно на сорок пять лет позже. У нас нет возможности проверить более раннюю хронологию разделенного царства, но если предположить ее правильность, то восстание десяти колен должно было произойти около 930 г. до н. э.

Считается, что Соломон, как и Саул, царствовал сорок лет. Но это лишь означает, что точная продолжительность его царствования была неизвестна составителю. Она не могла превышать тридцати лет. Хадорам, который был "над данью" во второй половине жизни Давида (2 Цар. xx. 24), все еще занимал ту же должность в первый год правления Ровоама (1 Цар. xii. 18), а Резон, который бежал из Зовы, когда Давид завоевал эту страну, был "противником Израиля во все дни Соломона" (1 Цар. xi. 24, 25). Возраст Ровоама в 1 Царств xiv. 21 не дает никакой подсказки, поскольку, когда говорится, что ему было "сорок и один год" на момент воцарения, это просто эквивалентно "x + 1".

Продолжительность царствования Давида определена более точно. Семь с половиной лет он царствовал в Хевроне, тридцать три года - над Израилем и Иудой (2 Цар. iv. 5), то есть всего сорок с половиной лет. Таким образом, приблизительно мы можем датировать его правление 1000-960 гг. до н. э. Воцарение Саула могло произойти на десять или пятнадцать лет раньше.

Дворец Давида в Иерусалиме, как сказано в 2 Цар. ст. 11, был построен ремесленниками Хирама из Тира, который также поставлял ему кедровое дерево. Фрагмент тирских анналов, цитируемый Иосифом из Менандра^[522], проливает некоторый свет на хронологию того времени. Хирам, как нам сообщают, был сыном Абибала, и имена его преемников записаны одно за другим, вместе с продолжительностью их правления. Но, к сожалению, сумма царствований не совпадает с их общим количеством, дважды приведенным Иосифом, и наши авторитеты не согласны между собой в отношении продолжительности некоторых из них. Однако тот факт, что Иосиф дважды приводит один и тот же итог, заставляет предположить, что он в пользу этого, особенно когда мы обнаруживаем, что путем небольших манипуляций можно привести в соответствие с ним сумму нескольких

царствований.^[523] Это сто сорок три года и восемь месяцев, которые, как утверждается, прошли с момента строительства храма Соломона в двенадцатый год Хирама до основания Карфагена в седьмой год Пигмалиона. Но дата основания Карфагена сама по себе не является полностью определенной величиной, хотя 826 год до н. э., вероятно, является той датой, которую приписывают ей местные историки.^[524] Сто сорок три года и восемь месяцев, отсчитанные от 826 года, приведут нас к 969 или 970 году до н. э. Поскольку храм был заложен в четвертый год царствования Соломона (1 Цар. vi. 1), это дает 973 г. до н. э. для воцарения Соломона и 1013 г. до н. э. для воцарения Давида. Дворец, построенный для Давида в Иерусалиме работниками Хирама, должен был быть возведен в самом конце жизни Давида, после подавления восстания Авессалома, если, конечно, автор книг Самуила не перепутал имя тирийского царя и не написал Хирам вместо Авибала.

Есть еще одна синхронность между древнееврейской и светской историей, которую нельзя упускать из виду. Иерусалим был взят в пятый год правления Реховоама Шишаком I, основателем двадцать второй египетской династии. Но египетская хронология более спорна, чем израильская, и мы не знаем, в каком году правления фараона произошло вторжение в Палестину. Бозэх, основываясь на авторитете Мането, помещает начало его правления в 934 г. до н.э.; Унгер, основываясь на том же авторитете, в 930 г. до н.э.; в то время как Лепсиус отодвигает его назад к 961 г. до н.э.

В целом, таким образом, мы должны довольствоваться приблизительными датами основания древнееврейской монархии. Восстание десяти колен произошло где-то между 940 и 930 гг. до н. э.; воцарение Давида - между 1010 и 1000 гг. до н. э. Оно совпало с периодом, когда старые царства восточного мира - Вавилония, Ассирия и Египет - находились на самой низкой стадии слабости и упадка.

Соломону досталось блестящее наследие. Народы, окружавшие его, были покорены или принуждены к союзу с Израилем; среди них не было ни одного достаточно смелого или сильного, чтобы напасть на вновь поднявшуюся державу. Караванные дороги, по которым товары с севера и юга доставлялись в богатые государства Западной Азии, проходили через израильскую территорию; Эдом, сообщавшийся с Красным морем и Индийским океаном, находился в руках евреев, как и Зобах, контролировавший дорогу к Евфрату. Пошлины, взимаемые с торговли, которая таким образом проходила через империю, наполняли казну Иерусалима огромными богатствами, а продукты и предметы роскоши всего восточного мира стекались на еврейский рынок. Союз с тирийцами дал Соломону порт на Средиземном море, а владение Эдомом - собственные порты в Акабском заливе. В обмен на использование эдомских гаваней кораблями Финикии ему было позволено отправлять свои собственные суда из гаваней Хирама на финикийском побережье. Сами корабли были укомплектованы финикийскими моряками; как и ассирийским царям в более поздние времена, ему пришлось обратиться к опытным мореплавателям из Финикии для управления своим флотом.

Внутри страны царство было полностью организовано. Имелась армия ветеранов, иностранная телохранителей, интересы которых не выходили за рамки интересов хозяина, который им платил, хорошо подобранная столица и фискальная администрация. Восстания, бушевавшие в последние годы правления Давида, были подавлены тяжелой рукой, а ропот, который мог быть поднят против ослабленного правительства и пренебрежения справедливостью в последнее царствование, затих в присутствии молодого и образованного принца, *ставленника* священников и пророков, само имя которого обещало его народу благословения мира. Войны Давида с их налогами крови и сокровищ были закончены. Заговорщики против возведения Соломона на престол были преданы смерти в самом начале

его царствования: седые волосы Иоава были запятнаны его собственной кровью, когда он прильнул к несостоявшемуся жертвеннику; Адония был казнен на том основании, что просил взять в жены Авишаг, и вскоре был найден предлог, чтобы убрать с дороги Шимея. Вениамин и Иуда в равной степени лишились своих лидеров, и Соломон отныне делал все возможное, чтобы привлечь их на свою сторону.

Авиатар был изгнан в город священников Анафот, и слава первосвященства осталась только за Задоком и его потомками. Только им было позволено служить перед ковчегом завета, и таким образом исполнилось наказание, возложенное на дом Илия. Этот акт поставил религию Израиля на многие поколения вперед под власть царя. Соломон провозгласил этим свое верховенство как в церкви, так и в государстве. Это означало, что царь претендовал на власть и право назначать и увольнять служителей Моисеева закона. Центральное святилище стало царской часовней, а не храмом национального Бога, а его священники - оплачиваемыми чиновниками государя, а не исполнителями и толкователями божественного закона для народа. Демократический элемент исчез из древнееврейской религии, и во главе ее стал царь, а не первосвященник. Возведение храма завершило дело, начатое низложением Авиафара; святилище, богослужения и священство оказались под царским контролем. Семья Илия сохранила традицию тех дней, когда священники в Шилохе пользовались независимой властью и толковали закон, которому все были обязаны подчиняться. С изгнанием Авиатара произошел разрыв с прошлым; с соперничающим домом Задока не было связано ни почтенных воспоминаний, ни воспоминаний о том времени, когда слово священника из Шилоха было учителем в Израиле. При Задоке и его преемниках старое значение первосвященства постепенно исчезало; как в Ассирии или Южной Аравии священники более ранней эпохи были вытеснены царями, так и в Израиле место и влияние первосвященника были поглощены династией Давида. Даже Иеровоам мог отстаивать свое право устанавливать святилища и назначать священников, которые должны были их обслуживать.

Соломон воспитывался под присмотром и наставлениями Нафана, и поэтому, вероятно, именно с Нафаном мы должны связывать его религиозную политику. В ее пользу можно сказать многое. Она предотвращала трения между священством и монархией; она гарантировала стабильность династии Давида, распространяя на нее санкцию религии; прежде всего, она обеспечивала поддержание самой религии. Он давал ей как бы местное обиталище в дорогом святилище, построенном и обеспеченном из царских доходов и пристроенном к царскому дворцу. Ковчег перестал быть национальным и стал священным сокровищем часовни короля. Пока длилась монархия, длилась и ее религия, и Натан с Задоком могли быть прощены, если верили, что монархия Давида будет длиться вечно.

Далее внимание нового царя было обращено на управление страной. Оно было организовано по ассирийскому образцу: Палестина была разделена на округа, каждый из которых подчинялся губернатору, отвечавшему за налоги, а также за гражданское и судебное управление страной. До сих пор, судя по всему, сохранялась старая система племенного управления: племена были подчинены наследственным вождям или "князьям", которые, подобно вождям горных кланов, представляли племя и вели его членов на войну. Давид, по-видимому, модифицировал эту систему для военных целей, если судить по списку "капитанов", приведенному в 1 Chron. xxvii., но не было предпринято никаких попыток ввести общую систему налогообложения или назначить губернаторов с фискальными полномочиями. Только завоеванные провинции должны были вносить ежегодную дань в казну, и для этого было достаточно одного чиновника, Хадорама.

Территория самих израильтян теперь была разделена на фискальные округа. Были назначены двенадцать чиновников, которые должны были поочередно обеспечивать необходимые расходы царского дома в течение двенадцати месяцев года. Их список, взятый из какого-то официального документа, приводится в 1 Царств iv. 8-19. В более ранней части списка имена служителей утрачены, сохранились лишь имена их отцов. Двое из них были женаты на дочерях Соломона, что указывает на то, что список был составлен, должно быть, в конце жизни Соломона. Один из зятьев царя был наместником Неффалима, другой управлял финикийским побережьем к югу от Тира. Здесь, в Доре, в стране, занятой филистимлянами, родственными Заккалу, и в непосредственной близости от Тира, было необходимо, чтобы префект был связан с царем более тесными узами, чем официальные. Руководство средиземноморской торговлей находилось в основном в его руках, и ресурсы, которые были в его распоряжении, а также соседство с Хирамом могли поставить под сомнение лояльность любого, кроме родственника царя. Плоскогорье Башан находилось под юрисдикцией одного правителя, резиденция которого располагалась в Рамот-Гилеаде, Гилеад - под юрисдикцией второго, а третий правитель владел Маханаимом. Таким образом, мы можем предположить, что Аммон и Моав, а также Гешур были поглощены израильской территорией. Это отчасти объясняет, почему во время восстания Десяти колен Моав пошел с Израилем, а не с Иудой.

Примечательно, что в Иудее не было правителя. Здесь, по сути, правил сам царь. Похоже, что Иудея была освобождена от налогов, взимаемых с остальной части Палестины. Это соответствовало политике, которая заставляла Соломона ухаживать за коленом своего отца и отождествлять с ним интересы свои и своего дома. В том, что касается продолжения династии Давида, эта политика удалась. Иудея отождествила себя с домом Давида и преданно сплотилась вокруг своего царя. Больше не было речи ни о восстании, ни о переносе столицы в Хеврон; отныне Иудея и ее цари были едины. Но этот факт лишь сделал разрыв между Иудой и остальным Израилем более широким и заметным и отвратил другие колена от царствующего дома. С ними обращались как с покоренными язычниками; место их старых наследственных князей и вождей заняли губернаторы, назначенные короной, и с них строго взимались фиксированные налоги для пополнения царской казны. Однако они не получали никакой выгоды от королевских расходов; они шли на Иерусалим и ближайшие к нему иудейские города. Они были слишком далеки, чтобы увидеть хотя бы отблеск той царской славы, о которой они, возможно, слышали и за которую им, несомненно, приходилось платить. Те же причины, которые укрепили узы верности Иуды царствующей династии, ослабили их у Израиля.

На протяжении всего царствования Соломона Хадорам оставался "надзирателем над данью", и его обязанности были расширены за счет того, что к надзору за иностранной данью добавился надзор за внутренними налогами и *корвеями*.^[525] Иосафат все еще продолжал быть "регистратором", но секретаря Шишу сменили два его сына. Литературная переписка империи росла, и одного главного секретаря для нее было уже недостаточно. Семья Натана, как и следовало ожидать, была хорошо обеспечена. Один сын стал визирем, другой - королевским капелланом, а также "другом короля". Последний титул, который был присвоен Хушаю во времена Давида (1 Chron. xxvii. 33), был заимствован из Египта; титул визиря, или "главы офицеров", соответствовал ассирийскому Раб-саки или Рабшаке, "начальнику князей". Еще одной должностью, которая, возможно, была заимствована из Ассирии, была должность царского управителя, которую занимал Ахишар; вместе с ним Септуагинта ассоциирует второго управителя Елиака и капитана телохранителей по имени Елиав, сына Сафа или Шафата.^[526] Как и список правителей, список чиновников, должно быть, был составлен в конце царствования Соломона, поскольку Азария уже занял место своего деда Задока в качестве первосвященника (см. 1 Chron. vi. 9, 10, где произошла

путаница между Ахимаазом, сыном Задока, и Иохананом или Ионафаном, сыном Авиафара). Важно, что список начинается со "священника", а не с генерала армии, как в воинственные дни Давида.

Слава о богатстве и великолепии Соломона распространилась по всему восточному миру. Иностранные государи искали его союза или добивались его благосклонности. Даже царица Савская приезжала к нему в гости. Современная критика уже давно изгнала царицу в царство вымысла, но археологические открытия вновь вернули ее в историю. Во времена ассирийского царя Тиглата-Пилесера III Саба или Саба уже была процветающим царством; ее территория простиралась от пряных берегов Южной Аравии до границ Вавилонии и Палестины. Если Глейзер и Хоммель правы в своей интерпретации южноаравийских надписей, то оно вошло в более древнее наследие царства Маан. Минские цари Маана правили не только на юге, но и на севере; их записи найдены около Теймы, и они владели великой торговой дорогой, которая вела от Индийского океана в Египет и Газу. Египет и Газа, действительно, упоминаются в минейских надписях.^[527] С раннего периода царства Южной Аравии находились в торговом контакте с Ханааном.

Завоевание Эдома Давидом и еврейские флоты, отплывавшие от Акабского залива, должны были вскоре познакомить купеческих князей Маана и Сабы с тем, что в Западной Азии поднялась новая держава и открылся новый рынок для их товаров. Дорога в Палестину была хорошо известна и часто посещаемая, а минейские или сабейские поселения существовали на ней почти до границ Эдома. Что может быть естественнее, чем визит сабейской царицы к своему богатому соседу, чье покровительство стало важным для сабейской торговли? О том, что царицы могли править на Аравийском полуострове, мы знаем из анналов Тиглата-Пилесера III, в которых упоминаются Забибе и ее преемник Самсе, каждая из которых называется "царицей земли арабов".

Даже фараон Египта снизошел до того, чтобы смешать кровь солнечной расы с кровью внука еврейского *феллаха*. Соломон женился на дочери египетского монарха. Но это был монарх двадцать первой династии, который, хотя и признавался единственным законным представителем линии бога Солнца Ра, тем не менее был сильно ущемлен в своих древних правах и власти. Его власть была ограничена Дельтой, где он держал свой двор в старой столице гиксосов Танисе или Зоане, недалеко от азиатской границы и как можно дальше от соперничающей династии, правившей в Верхнем Египте. Он, несомненно, был рад заполучить зятя, который в случае необходимости мог бы защитить его от врагов дома, и чья дружба была предпочтительнее вражды.

Египетская принцесса взяла с собой в качестве приданого ханаанский город Гезер. То, что в власти фараона было отдать его, на первый взгляд удивительно. Это свидетельствует о том, что Египет теоретически никогда не отказывался от своих старых претензий на роль хозяйки Ханаана. Подобно титулу "король Франции", который так долго сохранялся в королевском стиле Англии, они никогда не были оставлены, но были готовы возродиться при каждом удобном случае. Ближе к концу периода Судей, но еще до того, как филистимляне стали грозными, Ассирия и Египет встретились на побережье Палестины в дружеских отношениях. Ассирийский завоеватель Тиглат-Пилесер I (в 1100 г. до н. э.) добрался до финикийского города Арвад и получил от египетского фараона различные подарки, в том числе крокодила и бегемота. Поход ассирийского царя привел его на край территории, которую египетские правители XXI династии все еще считали своей, и они поспешили умиловить захватчика и тем самым остановить его дальнейшее продвижение. Посольство и дары также показывают, что захват побережья филистимлянами не помешал египтянам поддерживать старые отношения с Финикией, хотя, возможно, они делали это скорее по морю, чем по суше. Во

всяком случае, экспедиция, отправленная в Гебал Хир-Хором, верховным жрецом Фив, в начале XXI династии, была отправлена на кораблях.^[528] Если бы прибрежная дорога была свободна от опасности, египтяне, несомненно, отстаивали бы свое право на поход по ней. Они воспользовались первым поводом для этого, когда филистимляне были покорены Давидом, а преемник Давида стал союзником фараона.

Соломон не участвовал в собственных войнах. Сам он не был полководцем, и, возможно, он опасался поручать армию своему подданному. Иоав научил его, как легко главнокомандующий может бросить вызов своему господину, а Абнер - как легко его предать. В списке должностных лиц, приведенном в еврейском тексте, Бенаия, правда, указан как "начальник над войском" (1 Цар. iv. 4), но на самом деле Бенаия был начальником телохранителей, так что его командование армией должно было быть чисто номинальным. Практически армия, сыгравшая столь значительную роль в истории Давида, перестала существовать. Именно поэтому Резон смог основать независимое царство в Дамаске, а когда восстали десять колен, под рукой не оказалось армии, способной подавить восстание. Отсюда и тот любопытный факт, что, как Соломон обратился за помощью к Хираму, чтобы снарядить свой торговый флот в Акабском заливе, так и он обратился за помощью к египетскому царю, чтобы покорить единственный важный ханаанский город, который все еще сохранял свою свободу. Гезер сохранил свою ханаанскую преемственность с тех времен, когда израильтяне еще не вошли в Ханаан, и курганы Тель-Джезера, отмечающие его местоположение, должно быть, все еще скрывают под собой записи его ранней истории. Несомненно, египетский двор был доволен соглашением с еврейским царем. Он признал притязания египтян на сюзеренитет над Палестиной и признал право их армий маршировать по ее дорогам. Но существенные преимущества остались за Соломоном. Он получил Гезер без лишних затрат и хлопот и в то же время связал себя узами брака с древнейшим и самым исключительным царским родом в восточном мире. Подобно царям Митанни в эпоху восемнадцатой династии, зять фараона оказался на равных с самыми гордыми князьями Азии.

Союз с Хирамом был не менее выгодным. Хирам сделал для Тира то, что Соломон делал для Иерусалима. Есть предположение, что его отец Абибал, или Аби-Баал, был основателем династии; в любом случае воцарение Хирама положило начало новой эре для Тирского государства. Он вступил на престол в возрасте девятнадцати лет и за тридцать четыре года своего правления поднял Тир на небывалую высоту процветания и могущества, а также отстроил сам город. Древняя "скала", от которой он получил свое название, была соединена насыпью с другим скалистым островком, расположенным неподалеку, и на отвоеванном у моря пространстве был возведен новый великолепный город. Были построены превосходные гавани, вокруг города возведены массивные стены, а почтенный храм Мелькарта восстановлен из фундамента и украшен со всем пышным великолепием финикийского искусства.

Тир всегда славился своими моряками и кораблями, и его богатство прославлено даже в письмах Тель-эль-Амарны. Но при Хираме его морская торговля получила колоссальное развитие. Непосредственными причинами этого стали завоевание Давидом филистимлян и последовавшее за этим исчезновение пиратства в восточном бассейне Средиземного моря. Тирийские корабли теперь могли смело заходить в бухты и гавани греческих морей в поисках рабов или драгоценной пурпурной рыбы, а их купцы могли совершать безопасные путешествия вплоть до Таршиша. Богатство хлынуло в "купеческий город", и Хирам получил в изобилии средства для своих общественных работ.

Еврейский царь стремился следовать примеру своего тирийского соседа. Правда, его подданные не были ни моряками, ни торговцами; правда и то, что гавани на средиземноморском побережье, которые завоевание филистимлян добавило к его владениям, были немногочисленны и бедны. Но завоевание Эдома открыло ему доступ к пряным землям Южной Аравии и золотым рудникам, которые недавно были обнаружены в Центральной Африке.^[529] Поэтому с Хирамом было заключено соглашение, которое было выгодно обоим. Хирам предоставил Соломону моряков и кораблестроителей, а также использование своих средиземноморских портов; взамен он получил от Соломона право пользоваться гаванями Красного моря. В то время как товары из Европы шли к Соломону через Тир, товары с юга попадали к Хираму из эдомитских гаваней Элат и Эцион-Гебер.

Хирам был полезен Соломону еще и в другом отношении. Эпоха строительства империй закончилась; пришло время создать столицу, которая должна была быть достойна империи. Подобно египетскому Рамсесу II, Соломон сделал себе нетленное имя строителя. Иерусалим был сильно укреплен, возведены царские дворцы, а главное - воздвигнут храм Яхве, который по величелию не уступал храмам в Финикии и на Ниле. Но архитекторов и ремесленников пришлось привезти из владений тирийского царя; израильтяне слишком сильно варваризировались в результате долгой борьбы за существование, которую им пришлось вести, чтобы среди них родился еще один Бецалель, как в те дни, когда они только-только покинули культурную землю Дельты. Правда, мастер по бронзе, создавший бронзовую отделку храма, был евреем по материнской линии, но он носил тирийское имя Хирам, а его отец был "человеком из Тира". Даже плотниками и каменщиками Соломон был обязан своему тирийскому союзнику; только банды рабочих, которых Хирам гнал на принудительные работы в леса и каменоломни Ливана, были наняты из "Израиля". Израильтяне стали тесачами и водоносами для своего царя, и, как в старые времена египетского рабства, 3300 надсмотрщиков заставляли их работать.^[530] Как и архитекторы, искусные ремесленники были одолжены Хирамом; от Хирама же приходили бревна кедра и пихты, необходимые для строительства зданий в Иерусалиме.

Взамен Соломон снабжал своего союзника пшеницей и маслом. Островной город зависел от других в плане кукурузы; на скале Тира и на бесплодных скалах противоположного материка пшеницу не выращивали. Кроме того, Хираму были уступлены двадцать городов Галилеи. Но за них Хираму пришлось заплатить сто двадцать талантов золота, и в итоге хитрый иврит, как и его праотец Иаков, оказался в выигрыше. Когда тирийский царь пришел осмотреть свои новые владения, они ему "не понравились". Соломон, по сути, отдал ему то, что не стоило его собственных усилий сохранить.

Царский дворец строился тринадцать лет. При нем находилась оружейная палата, или Дом Ливанского леса, названный так из-за кедра, использованного при его строительстве. Здесь хранились триста щитов и двести мишеней из золота, которые были изготовлены для телохранителей, а также служили резервным фондом на случай необходимости. Кульминацией архитектуры дворца, как и в Персии, была аудиенц-зала с тронном из слоновой кости, покрытым золотом, к которому вели шесть ступеней, охраняемых по обе стороны изображениями львов. Еще один дворец был возведен для египетской царицы; как и дворец царя, он находился в Верхнем городе, недалеко от места, на котором должен был стоять храм.

Старый дворец Давида в нижнем городе, или "городе Давида", был заброшен; как только на Мории были закончены новые постройки, царь переехал туда со своим харимом и двором. Дворец, удовлетворявший простые вкусы отца, больше не удовлетворял роскоши и показухе более культурного сына. Город Давида был оставлен иудеям и вениамитянам; двор и

священство поселились над ними, рядом с прежним населением Иевусея, которое было низведено до крепостной зависимости (1 Цар. ix. 20). Никто, кроме рабов и крепостных, не мог поселиться там, где жил монарх в окружении своей вооруженной охраны; свободные израильтяне были ограничены другим кварталом города.

Дворец защищала огромная крепость под названием Милло, которая была связана с новыми стенами Иерусалима и строительство которой началось сразу же после завершения строительства дворца египетской принцессы. Стоял ли он на восточной или западной стороне города, сомнительно; топография доэксильского Иерусалима, к сожалению, до сих пор остается в неясности. Бассейн Силоам и отождествление Верхнего Гихона или "источника" с Фонтаном Девы, единственным естественным источником воды в непосредственной близости от города, - это почти единственные два момента, которые могут быть определены с уверенностью. Если подземный туннель, по которому вода из Девичьего источника поступает в Силоамский бассейн, - это канал, проложенный Езекией, когда он "остановил верхний поток воды Гихона и спустил его прямо на западную сторону города Давида" (2 Chron. xxxii. 30), то западная сторона будет той, которая выходит на долину Тиропона, где заканчивается туннель. В этом случае город Давида, который, как сказано в 2 Цар. ст. 7, находился на горе Сион, будет так называемым южным холмом или "Офелем", который лежит к югу от мечети Омара, а долина Тиропеон - долиной сынов Хиннома, так часто упоминаемой в Ветхом Завете. Таким образом, Иерусалим царей, как и большинство городов древнего восточного мира, не отличался большими размерами по нашим современным представлениям; его население было так же тесно собрано вместе, как сегодня в кварталах Каира, а укрепления, окружавшие его, не занимали слишком большой площади, чтобы иудейская армия могла их защищать. Долина Тиропеон завалена мусором древнего Иерусалима на глубину более семидесяти футов, но под ним должны находиться гробницы царей Иуды. Недавние раскопки д-ра Блисса пролили мало света на этот вопрос, поскольку найденные им стены, судя по всему, относятся к позднему времени; но если обнаруженные им вырубленные в скале ступени к северу от бассейна Силоам действительно являются "лестницей, спускающейся из города Давидова" (Неем. iii. 16), то будет дано поразительное подтверждение теории, которая видит в южном холме Сион из Писания, а в долине "Сыроваров" - ущелье сынов Хиннома.^[531]

Венцом всей строительной деятельности Соломона стал храм, хотя его возведение заняло не так много времени, как его собственный дворец. Материалы для него были накоплены еще Давидом, а архитекторы и рабочие прибыли из Тира. Он был построен из больших блоков квадратного камня, края которых, вероятно, были скошены, как в ранних финикийских работах, а стены внутри были обшиты панелями из кедра. И стены, и двери были обильно украшены орнаментами финикийского искусства. Херувимы и пальмы, цветы лотоса и гранаты были изображены на них в формах, знакомых нам по реликвиям древнефиникийского мастерства. Сам храм имел прямоугольную форму, не похожую на часовню Королевского колледжа в Кембридже, а перед ним располагались два больших двора, один из которых - "внутренний" или "верхний" - находился на более высоком уровне, чем другой. Весь дизайн, по сути, был чисто финикийским; по форме и орнаменту здание в точности напоминало храмы Финикии. Как и они, оно должно было выглядеть внешне как огромная прямоугольная коробка, которая была еще больше обезображена камерами, расположенными по три в ряд и пристроенными одна к другой к стенам. Большой храм Мелькарта, который Хирам только что закончил в Тире, вероятно, послужил моделью для Иерусалимского храма.

К входу вели ступенчатые ступени, он состоял из крыльца, по обе стороны которого стояли две высокие колонны из бронзы, называемые Яхин и Боаз.^[532] Подобные колонны были установлены перед входом в финикийский храм, где они символизировали оплодотворяющую силу бога-Солнца, а Геродот (ii. 44) утверждает, что две из них, стоявшие перед храмом в Тире, были сделаны из золота и изумрудного стекла. Две похожие каменные колонны, хотя и небольшого размера, были найдены в Храме Гигантов на острове Гозо, одна из которых до сих пор стоит на своем месте. Во внешнем дворе находилось бронзовое "море" или бассейн, тридцать локтей в окружности, который поддерживали двенадцать волов. "Море" было завезено на Запад из Вавилонии, где оно стояло во дворе храма и представляло собой *апсу* или "водную бездну", из которой, согласно халдейской философии, развилось все сущее. В вавилонском гимне, описывающем отливку медного "моря" для храма Хаоса, говорится, что, как и "море" в Иерусалиме, оно покоилось на головах двенадцати быков.^[533] Вместе с "морем" для омовения жрецов и сосудов святилища были поставлены бронзовые умывальники и бассейны.

Храм был лишь оболочкой, закрывавшей внутреннее святилище или Святое Святых, где, как в ларце, под защитой двух позолоченных херувимов помещался ковчег завета. О том, какими они были, можно судить по ассирийским скульптурам, на которых два крылатых херувима изображены по обе стороны священного дерева.^[534] Заслоняющие крылья образовывали "сиденье милосердия", *parakku* вавилонских текстов, на котором, согласно Навуходоносору, восседал Бел в праздник нового года, а другие боги смиренно располагались вокруг него, кланяясь до земли.^[535] Кроме того, в Вавилоне стол для хлебов, который стоял перед Бэлом, был из чистого золота, как и стол, который Соломон сделал для служения Яхве.^[536] Действительно, описание щедрого использования золота в Иерусалимском храме находит свой отклик в описании Навуходоносора храмов, которые он возвел в Вавилоне. Алтарь Яхве, как сказано, был из золота, подсвечники, светильники и сосуды тоже; даже петли дверей, открывавшихся в Святое Святых, были из того же драгоценного металла, кедровые изделия были богато позолочены, а сам пол был покрыт золотыми пластинами. В похожих выражениях Навуходоносор описывает свое убранство К-Сагила, храма Бэла, в Вавилоне. Здесь также балки и панели из кедра были покрыты золотом, ворота позолочены, а сосуды для служения святилищу были из чистого золота.^[537] Однако был один момент, в котором храмы Иерусалима и Вавилона отличались друг от друга: в святилище Сагила находилось изображение Бэла: в еврейском святилище не было никакого подобия бога. Единственными нарисованными фигурами в нем были херувимы, чьи крылья осеняли ковчег.

Храм был закончен за семь (точнее, за семь с половиной) лет. Возможно, была предпринята попытка ограничить годы строительства священным числом. Во всяком случае, праздник посвящения приходился на седьмой месяц еврейского года, этаним финикийцев.^[538] Он совпадал с древним праздником сбора урожая - подходящее время для празднования завершения работы.

Посвящение храма Соломона стало началом новой главы в истории еврейского государства и еврейской религии. Он стал видимым центром, вокруг которого собирались и объединялись элементы израильской веры, пока не наступил страшный день, когда враг ворвался стены столицы и положил ее храм в пыль. Но он уже оказал глубокое влияние на историю Иудеи. Он помог объединить царство; связать население южной Палестины, хотя и смешанное по крови, в единое целое. В отличие от северных колен с их двумя великими святилищами в Дане и Вефиле, у Иуды и Вениамина был общий центр в едином святилище Иерусалима. Вокруг него, кроме того, были сосредоточены все традиции и воспоминания о почтенном прошлом. Только с ним были связаны традиции Моисеева закона и священства

Шилоха, обряды и церемонии, дошедшие до нас из первобытных дней израильского народа, и основание самой монархии. Это было место обитания Яхве Израиля на земле; здесь находился священный ковчег завета, который когда-то был пронесен перед захватчиками Ханаана и до сих пор являлся внешним знаком и символом присутствия Бога среди Его народа. С сохранением храма, казалось, было связано сохранение самой иудейской религии, а также иудейского государства.

Но храм сделал нечто большее, чем помог объединить южную монархию и сохранить традиции Моисеева закона. Он также служил укреплению и увековечиванию династии Давида и сохранял в сердцах народа преданность линии Соломона. Храм, как мы уже видели, был не только национальным святилищем, но и царской часовней. Он являлся как бы частью царского дворца, в котором царь затмевал самого первосвященника. Таким образом, ореол почитания, окружавший храм, передавался царскому роду. Храм и потомки Давида стали частями одной и той же национальной концепции; одно неизбежно подразумевало другое. Когда трон Давида пал, вместе с ним пал и храм. Пока храм существовал, Иудея оставалась однородным государством, охотно подчинявшимся теократической монархии и постепенно обретавшим более четкое представление о смысле и практике Закона Моисеева. Храм Соломона сделал иудейскую религию консервативной, но это был консерватизм, который с течением времени осознавал последствия своих принципов и искал, как лучше воплотить их в ритуалах и практике.

Иерусалим стал одной из великих столиц мира. Его общественные здания были достойны империи, созданной Давидом, богатств, которые вливались в казну Соломона от торговли всего Востока, культуры и искусства, которые молодой царь приложил все усилия, чтобы привнести в нее. Но и о необходимости обороны не забывали. Укрепления города продолжали возводиться, хотя, судя по всему, недостаточно быстро, чтобы успеть закончить их до смерти царя, а лошади и колесницы были привезены из Египта и северной страны хеттов. С их помощью Соломон снарядил постоянное войско из 1400 колесниц и 12 000 всадников, которые служили гарнизонами в Иерусалиме и других крепостях страны.

Другие города империи также не были оставлены без внимания в пользу Иерусалима. Гезер был отстроен и укреплен; также были отстроены и укреплены "Бет-Орон нижний и Ваалаф" в Иудее и "Тадмор в пустыне", Пальмира последующих дней.^[539] Правда, современная критика видит в Тадморе Тамар из южной пустыни Иудеи, о которой Иезекииль (xlvi. 19, xlviii. 28) говорит как о будущей границе Святой земли. Но, хотя в кетибе или тексте еврейских Писаний есть Тамар, это чтение испорчено и было исправлено самими масоретскими переписчиками.^[540] Летописец (2 Chron. viii. 4) показывает, что Тадмор был чтением текста в его время, и далее он показывает, что это был известный город в пустыне, который впоследствии стал резиденцией империи торгового принца Одената и его царицы Зенобии. От него мы узнаем, что Соломон воздвиг крепость в той части Зобаха, которая примыкала к Хамафу, что он основал "города-хранилища" в Хамафе и построил Тадмор в пустыне за его пределами. Странно только, что не упоминаются строительные работы в Израиле: возможно, Соломон не хотел основывать крепости среди северных племен, которые могли быть использованы против его собственной власти, возможно, Давид уже привел города северного Израиля в состояние основательной обороны. В любом случае, в этой части израильских владений можно было ожидать небольшой опасности из-за рубежа; Соломон был в союзе с Тиром, а также, предположительно, с Хаматом, и Зобах входил в его империю.

Из ассирийских надписей мы узнаем, что Зобах простирался от окрестностей Хамата и Дамаска на восток через пустыню к Евфрату. В середине пути находилась Пальмира, к которой вели дороги из Дамаска и Хомса, которые там соединялись и затем вели к броду через Евфрат у Фапсака или Тифсаха. Это был кратчайший путь из Палестины в Месопотамию, который позволял избежать пошлин и возможной враждебности хеттов в их сильной крепости Кархемиш. Завоевание Зобы неизбежно должно было положить Пальмиру и проходящие через нее дороги к ногам Давида, а важность этого места для торговых целей не могла не поразить ум Соломона, всегда готового открыть новые каналы торговли. Его укрепление, естественно, было одной из его первых забот; даже если бы в Ветхом Завете не было упоминания об этом факте, историк был бы почти вынужден предположить это. Она открыла ему товары Месопотамии, Вавилонии и Ассирии и привела его в соприкосновение со старыми монархиями азиатского мира. Для торговли с востока Пальмира была для Соломона тем же, чем порты Эдома были для торговли с юга.

На севере его владения соприкасались с владениями хеттов, которые все еще жили в Кадеше на Оронте, хотя Хамат уже давно вышел из их владений. Ленорман первым указал на то, что в 1 Царств х. 28 есть намек на ввоз лошадей в Иудею не только из Египта, но и из хеттских областей на берегу Антиохийского залива. Здесь жил Квек из ассирийских памятников, который назван в еврейском тексте, хотя для выяснения этого факта потребовались открытия восточной археологии. Соломон, как сказано там, "имел коней, вывезенных из Египта и из Кве; царские купцы получали их от Кве по цене". В более поздние времена Ассирийской империи Ниневия получала лошадей и жеребцов из той же части света, и существует множество писем к царю, в которых говорится об их импорте. Колесницы поступали из Египта, стоимость каждой из них достигала 600 сиклей серебра, или 90 фунтов стерлингов; только лошади привозились от "царей хеттов" и "царей Арама". Торговля лошадьми и колесницами была монополией, которую Соломон ревностно держал в своих руках; купцы были "царскими", и никому из его подданных не разрешалось ввозить военные материалы, которые могли быть использованы против него самого.

Именно торговля с югом ввозила в Иерусалим величайшие новинки и самые дорогие предметы роскоши. Подражая царям Египта и Ассирии, Соломон создал зоологический и ботанический сады, где содержались дикие животные и растения, привезенные из-за границы. Подобные коллекции были созданы Тотмесом III в Фивах, а на фундаменте разрушенной камеры в его храме в Карнаке до сих пор можно увидеть изображения деревьев, растений и птиц, которые он присылал домой из своих походов в Сирию и Судан. В Ассирии Тиглат-Пилесер I (1100 г. до н. э.) разбил подобный ботанический сад, укомплектованный иностранными растениями.^[541] Поэтому коллекции Соломона не были новинкой в восточном мире, хотя и были новинкой в Палестине; и его подданные, подобно современным кайренцам, ходили смотреть и удивляться на обезьян, пришедших с далекого юга, или на павлинов, чье имя (*thukîyîm*) выдавало их индийское происхождение. Говорят даже, что он составлял книги о сделанных им коллекциях животных и растений.^[542]

Золото, серебро и слоновую кость вместе с обезьянами и павлинами привозили торговые суда, чьи трехлетние плавания проходили вдоль побережья Сомали и даже, возможно, до устьев Инда. Золото, вероятно, в основном поступало из рудников региона Замбези, где, как теперь известно, в ранние времена были основаны поселения иноземных горняков и где были найдены предметы, такие как вырезанные из камня птицы, напоминающие нам о цивилизации южной Аравии. Но большая часть серебра, которого, как нам говорят, стало так же много, как "камней", должна была быть получена из Малой Азии. Здесь находились шахты, из которых хетты добывали металл, к которому они, похоже, питали особое

пристрастие, и именно через них он, вероятно, попал в Иерусалим. Медь могла поступать с Кипра и привозиться на кораблях, курсировавших по Средиземному морю. Кроме того, именно средиземноморская торговля поставляла олово, необходимое для огромного количества бронзы, которая использовалась в Соломонову эпоху. Мы не знаем ни одного источника, соответствующего такому спросу, кроме полуострова Корнуолл; но если это действительно было корнуоллское олово, которое попало в восточный бассейн Средиземноморья в бронзовом веке, оно должно было путешествовать по Европе, как янтарь, пока не достигло Адриатики или Лионского залива. Янтарь, найденный доктором Шлиманом в доисторических гробницах Микены, имеет балтийское происхождение, а янтарные бусы, обнаруженные доктором Блиссом в Лахише, относятся к веку до Исхода; если янтарь мог проделать такой долгий путь из Северной Европы, то и олово могло сделать то же самое.

Будущие поколения вспоминали правление Соломона как золотой век Израиля. Но у этой картины была и обратная сторона. Сочетание культуры и произвольной власти породило в нем эгоистичную роскошь восточного деспота, стремящегося удовлетворить собственные чувственные желания за счет всех окружающих. Расточительность Соломона была подобна расточительности хедива Исмаила в наши дни, и она привела к такому же количеству бед и обнищанию народа. При вступлении на престол он обнаружил казну, хорошо наполненную экономным правлением его отца; торговые монополии и союзы принесли ему, казалось бы, неисчерпаемый запас богатства. Но наступило время, когда даже эти запасы стали давать сбои и перестали удовлетворять его безрассудным тратам. На подвластное население были наложены более тяжелые налоги; свободные люди Израиля были вынуждены работать как неоплачиваемые крепостные под плетью надсмотрщика, а пожилое население земли, которое все еще было многочисленным, превратилось в настоящих рабов. К гибеонитам, которые долгое время были крепостными левитского святилища, теперь добавились нефинеи, часть которых называлась "рабами Соломона" (Ездра ii. 55, 58). Строительство храма дорого обошлось народу: израильтяне были лишены свободы, чтобы обеспечить его камнем и деревом; ханаанеи были отданы в рабство.

Несомненно, политика Соломона отчасти определялась теми же соображениями, которые двигали фараоном угнетения. Он не доверял хананеям, он боялся северных племен. В любом случае он стремился сломить их дух и сделать их бессильными восстаниями. Но в случае с еврейскими соплеменниками ему это не удалось. На какое-то время недовольство удалось подавить, но от этого оно не стало менее опасным. А под конец жизни Соломона произошел инцидент, который в итоге привел к разделению царства. Иеровоам, сын Небата, которого доктор Нойбауэр назвал "набатейцем" и чья мать принадлежала к колену Ефремову, отличился своей активностью и способностями. Соломон закончил строительство Милло, или форта, и теперь работал над другими укреплениями Иерусалима. Его внимание привлек Иеровоам, и он назначил молодого человека "начальником" или надсмотрщиком над ефремовскими *коленами*, работавшими на стенах. Как и Моисей в былые времена, Иеровоам проникся сочувствием к страданиям своих соплеменников, которые нашли своего глашатая в лице Ахии, пророка из Шилоха. Ахия сам был одним из лишенных собственности. Слава Шилоха ушла от него; ее место занял Иерусалим. Скиния в Шилохе была отвергнута в пользу храма иудейского царя. Центр еврейской религии и власти отошел от дома Иосифа и перешел к смешанному народу Иуды.

В Иеровоаме пророк увидел лидера, который должен восстановить утраченное состояние Ефрема и отомстить за нанесенные ему обиды. Иеровоам прислушался к советам о восстании, но время воспользоваться ими еще не пришло. О его планах и заговорах стало

известно Соломону, и ему, как и Моисею, пришлось спасаться бегством. Он добрался до египетского двора, где его ждал радушный прием.

Там возникла новая династия. Ливийские наемники свергли своих слабых хозяев и посадили на трон фараонов Шишака или Шешанка, своего полководца. Танитская династия, правившая в Дельте, была сметена, как и соперничавшая с ней династия жрецов, правившая в Фивах и владевшая Верхним Египтом. С возвышением двадцать второй династии в Бубастисе в управление Египтом была вложена новая, непривычная сила. Шишак проявил себя как способный и энергичный царь. Первые годы его жизни были заняты подавлением оппозиции внутри страны и восстановлением порядка и единства во всем государстве. Когда эта задача была решена, он начал обращать свое внимание на другое. Египет никогда не отказывался от своих теоретических претензий на суверенитет в Ханаане, а новая сила, возникавшая там, угрожала безопасности азиатской границы. Соломон, правда, связал себя узами брака с фараонами, но это был брак с фараоном из павшей династии, что само по себе делало его еще более опасным соседом. В настоящее время Израиль был слишком силен, чтобы нападать на него; но могло наступить время, когда египетский монарх осмелится вновь пройти по дорогам, по которым когда-то шли армии Египта, завоевывая Сирию. Тем временем Шишак мог разжигать недовольство и мятежи в Израильской империи и укрывать претендентов на престол, которые в будущем могли подрвать само существование новой власти.

Пока жил Соломон, Иеровоам не осмеливался поднимать мятеж. Но он был не единственным "противником" иудейского царя. Хадад, представитель старых царей Эдома, также нашел убежище при египетском дворе и женился там на невестке фараона. Несмотря на уговоры фараона, он вернулся в горы Эдома, когда Давид и Иоав были мертвы, и вел там партизанскую войну с израильскими гарнизонами. В течение всей жизни Соломона он держался в Сеире и был, так сказать, занозой в боку завоевателей его страны. Но ему так и не удалось нанести серьезный ущерб караванной торговле, проходившей через Эдом, или сбросить израильское иго. Мужское население Эдома было слишком безжалостно истреблено, чтобы это было возможно, и все, что он мог сделать, - это помешать торговле у Красного моря. Но и в этом он, похоже, не преуспел.

Более грозным противником Израиля был Резон из Зовы. Он, похоже, утвердился в Дамаске еще до смерти Давида, и все попытки сместить его оказались безуспешными. Возможно, с его восстанием связано восстание в Зобахе, которое привело к строительству укрепленных постов на границах Хамафа (2 Хрон. viii. 3). Во всяком случае, Резон основал в старой сирийской столице царство и династию, которая в последующие годы должна была до основания потрясти монархию северного Израиля. Он отвратился от Израиля, - говорят нам, - и воцарился над Арамом".

Иудейский историк связывает несчастья Соломона с религиозным индифферентизмом его последних лет. Его жен было много, наложниц - бесчисленное множество. Они были добавлены к его хариму со всех концов известного мира; они принесли с собой поклонение своим родным божествам. У Соломона не было той глубокой веры в национального Бога, которая отличала Саула и Давида или заставляла ассирийских царей завоевывать и убивать неверующих, не признававших верховенства Ассира.^[543] Он был культурным и эгоистичным эпикурейцем, католиком по своим вкусам и симпатиям и, несомненно, был склонен клеймить узколобым фанатизмом возражения тех, кто запрещал ему потакать своим женам в их религиозных убеждениях. На холме напротив Иерусалима им было позволено поклоняться в часовнях своих божеств, и сам царь не отказался приклониться вместе с ними в доме

Риммона. Были воздвигнуты святилища и пылали алтари Ашторет из Сидонии, Милкома из Аммона и Хемоша из Моава.

Современная критика утверждает, что все это соответствовало общим представлениям и практике того времени, и что не только Соломон, но и весь его народ не видел практически никакой разницы между Яхве и Ваалом. Песнь Деборы, отражающая чувства гораздо более ранней эпохи, является достаточным ответом на подобное утверждение. Вся история Саула и Давида безошибочно указывает на обратное, а храм свидетельствует, что было время, когда и Соломон разделял убеждение, что только Яхве был Богом Израиля и не терпел присутствия другого бога рядом с Собой. Характер Соломона, его привычки и союзы, а главное, соблазны харедим - всего этого вполне достаточно, чтобы объяснить постепенное изменение его взглядов. Более того, вполне вероятно, что смерть его старого наставника и учителя Нафана во многом способствовала тому, что недогматическое богословие могло бы назвать освобождением от узкого и исключительного круга еврейских религиозных идей; мы знаем, что так было с Иехоашем после смерти священника Иехонии. Царь, который начал с отправки в Финикию за архитекторами и строителями храма, неестественно закончил возведением святилищ финикийским богиням.

На самом деле художественные вкусы Соломона шли вразрез с пуританскими тенденциями и ограничениями Моисеева закона. Он был создан для странников в пустыне, для выносливых воинов, намеревающихся завоевать чужую землю, для простого крестьянства Палестины. Он был направлен против культурных пороков и художественного идолопоклонства Египта и Ханаана: на его переднем плане стояло повеление: "Не делай подобия ничему, что на небе вверху, на земле внизу и в воде под землей". Иерусалимский храм с его дорогим убранством и искусственными изображениями сам по себе был нарушением буквы Закона. Соломон был призван быть царем Израиля, но его сердце и его симпатии были связаны с Финикией.

Он получил тщательное образование и, подобно нашему Генриху VIII, был как ученым, так и культурным принцем. Его мудрость превозносилась над мудростью мудрейших людей своего времени (1 Царств iv. 30, 31), и он оставил после себя большую коллекцию пословиц. Некоторые из них были переработаны писцами библиотеки Езекии (Пр. xxv. 1), основание которой, возможно, восходит к нему. Действительно, он настолько стремился подражать цивилизованным монархам своего времени, что трудно поверить, что он не основал библиотеку в Иерусалиме. В течение многих веков библиотека была такой же неотъемлемой частью королевского достоинства в Западной Азии или Египте, как храм или дворец, а летописи Менандра указывают на то, что она существовала в Тире в эпоху Хирама. Археология подтвердила подлинность писем, которые передавались между Соломоном и тирским царем (2 Chron. ii. 3, 11); подобные письма писались в Вавилонии в эпоху Авраама, а таблички из Тель-эль-Амарны показали, как часто они встречались на древнем Востоке. Как в Вавилонии и Ассирии, так и в Палестине они должны были храниться в архивах царской библиотеки.

Хираму было девятнадцать лет, когда он взошел на трон, и он умер в возрасте пятидесяти трех лет. Соломон, вероятно, был примерно того же возраста, что и его друг, как во время восшествия на престол, так и во время смерти. Он умер, изнемогая от чрезмерного самообольщения, оставив после себя обедневшую казну, недовольный народ и разрушающуюся империю. Но он добился одного великого результата. Иерусалим стал столицей объединенной Иудеи и Вениамина, древнееврейская религия получила местную обитель, вокруг которой отныне могла жить и развиваться, а династия Давида была прочно посажена на еврейский трон. Когда после смерти Соломона царство распалось, это не более

чем придало внешнюю форму отчуждению, которое так долго зрело между Иудой и северными коленами; храм, род Давида и столица-крепость Иерусалим остались непоколебимы. Дело Давида и Соломона было завершено, хотя и таким образом, о котором они и не мечтали; и возникла нация, которую не смогли уничтожить ни поражения, ни изгнания, ни преследования, ни презрение.

Сноски

1. См. Brugsch, *Egypt under the Pharaohs*, Eng. tr., second edit., ii. p. 134.
2. *Records of the Past*, new ser., v. pp. 66 sqq.
3. Так, в ассирийском гимне (K 890), опубликованном д-ром Бруннуоу в *Zeitschrift für Assyriologie*, июль 1889 г., есть (строка 8) *istu pan Khabiriya iptarsanni âsi*, "от лица моих единомышленников он отрезал меня, даже меня".
4. *Records of the Past*, new ser., vi. p. 39.
5. Так, Харби-Сипак, кассит или косеец с западных гор Элама, называется "хабиром" (W. A. I. iv. 34, 2, 5). Это имя, вероятно, связано с именем Хапир или Впир, которое первоначально применялось к району, в котором находится Мал-Амир, к юго-востоку от Суз, но затем, в персидский период, распространилось на весь Элам (см. мой мемуар о *надписях Мал-Амира* в "Трудах шестого Восточного конгресса в Лейдене", т. II). Сам Харби-Сипак, однако, похоже, был нанят ассирийским царем в Палестине, в окрестностях городов Арка и Заккал (Hommel в *Proceedings of the Society of Biblical Archæology*, May 1895, p. 203).
6. W. A. I. ii. 50, 51 (где говорится, что Хубур является синонимом Субарти).
7. W. A. I. ii. 51, 4.
8. Hommel, *The ancient Hebrew Tradition as illustrated by the Monuments*, pp. 196, 245-262, 323-327; Glaser in the *Mittheilungen* of the Vorderasiatische Gesellschaft, ii. 1897.
9. K 3500.
10. О том, что *Эбир-нари* означал страну к западу от Евфрата в поздние времена вавилонской истории, свидетельствует договор-таблица, датируемый третьим годом Дария Гистаспа и переведенный Пейзером (*Keilinschriftliche Bibliothek*, iv. p. 305), в котором упоминается "Устанни, правитель Вавилона и Эбир-нари" (строка 2). Мейсснер (*Zeitschrift für Alttestament, Wissenschaft*, xvii.) указал, что Устанни - это Татнай из Ездры, ст. 3, 6; ст. 6, 13, который там назван "правителем земли за рекой" (*'Abar Nahara*).
11. См. Hilprecht, *The Babylonian Expedition of the University of Pennsylvania*, i. 2, p. 31.
12. В надписи Саргона, недавно опубликованной М. Дангином (*Revue Sémitique*, апрель 1897 г.), говорится, что "правителем" покоренных аморитов был Уру-Малик, где имени Малика или Молоха предшествует определитель божественности. Уру-Малик, который является аналогом Уриэля, Урии, Мелхи-ура (или Мельхиора) и т. д., показывает, что то, что мы

называем ивритом, уже было языком Ханаана. Надпись была найдена в Телло в Южной Халдее.

13. Забсали, также написанный Савсал(ла) или Завзал(ла), вероятно, представляет собой Зузима или Замзуммима из Писания. См. мою статью в *Proceedings of the Society of Biblical Archaeology*, February 1897, p. 74.

14. Мы располагаем списком царей Вавилонии, разделенных на династии, начиная с первой династии Вавилона, к которой принадлежал Хамму-раби, и заканчивая временем падения Ниневии. Указано количество лет правления каждого царя, а также количество лет, которые длилась каждая династия. Но, к сожалению, составитель забыл указать продолжительность правления династии, к которой принадлежал Набонассар (747 г. до н. э.); а поскольку табличка здесь разбита, годы правления большинства царей, составлявших династию, были утеряны. Тем не менее, существует множество синхронизмов между более ранним периодом вавилонской истории и ассирийской, и с их помощью хронология была приблизительно восстановлена. Мы также можем проверить дату Хамму-раби следующим образом. Из Ассур-бани-пала мы узнаем, что Кудур-Нанхунди, царь Элама, вывез изображение богини Наны из города Эрах за 1635 лет до своего собственного завоевания Элама, то есть за 2280 лет до н. э. Поскольку Эри-Аку хвастался захватом Эраха, а в войнах ему помогали его эламские сородичи, кажется вероятным, что захват изображения Кудур-Нанхунди совпал со взятием города Эри-Аку.

Открытие г-на Пинчеса было дополнено открытием д-ра Шайля, который обнаружил письма, адресованные Хамму-раби Син-идиннаму из Ларсы, в которых упоминается эламский царь Кудур-Лагхамар. Син-идиннам был изгнан из Ларсы Эри-Аку с помощью Кудур-Лагхамара и нашел убежище при дворе Хамму-раби в Вавилоне. Фрагменты других писем Хамму-раби хранятся у лорда Амхерста из Хакни (см. *инф.* с. 27, 28).

15. Имя самого Хамму-раби написано Амму-раби в Ву. 88-5-12, 199 (*Клинописные тексты с вавилонских табличек в Британском музее*, часть 2).

16. *Records of the Past*, new ser., iii. p. xvi.

17. Hommel, *Geschichte des alten Morgenlandes*, p. 62, *The Ancient Hebrew Tradition as illustrated by the Monuments*, p. 96.

18. Опубликовано Баджем, *Zeitschrift für Assyriologie*, iii. 3, pp. 229, 230.

19. Текст на стеле, найденной в разрушенном храме Исида в юго-восточном углу великой пирамиды Гизе, сейчас находится в Каирском музее. Она была опубликована М. Даресси в *Recueil des Travaux relatifs à la Philologie et à l'Archéologie égyptiennes et assyriennes* (xvi. 3, 4, 1894), и датируется третьим годом царя Аи. Из надписи следует, что "область, называемая владениями хеттов", находилась к северу от большого храма Птаха и сразу к югу от двух меньших храмов, построенных Тотмесом I и Тотмесом IV. Во времена Геродота аналогичный район, приписанный к финикийцам и известный как "лагерь тирийцев", находился на южной стороне храма Птаха (см. *"Египет евреев и Геродота"*, с. 251).

20. Амурру, "аморейский бог", - это имя, которое шумеры, более раннее население Халдеи, дали сирийскому Хададу, которого вавилоняне отождествляли со своим Рамманом или Риммоном (ср. Зах. xii. 11). Клинописный текст, опубликованный Рейснером (*Sumerisch-babylonische Hymnen nach Thontafeln griechischer Zeit*, p. 139, строки 141-144), объединяет Амурру, "владыку гор", с Асрату, ханаанейской Ашерой, "владычицей равнин". Асрату отождествляется с вавилонской Губаррой.

21. W. A. I. v. 12, 47.

22. W. A. I. v. 33, i. 37.

23. *Падану* также имеет значение "путь". Является ли оно производным от другого или принадлежит к иному корню - вопрос спорный. Но в значении "путь" *Падану* был синонимом *Ххаррана*.

24. Это не означает, что население, основавшее царство Митанни и, вероятно, пришедшее с гор *Комаганка* или *Апарата* на севере, было неизвестно в ранней Вавилонии. В самом деле, один из *клинописных текстов с вавилонских табличек*, опубликованный Британским музеем в 1896 году (Bu. 91-5-9, 296), содержит имена "правителя" *Ахсир-Бабу* и других свидетелей договора, большинство из которых - митаннийцы.

25. Я привел табличку в транслитерации в "*Трудах Общества библейской археологии*", ноябрь 1883 г., стр. 18. Отрывок гласит: "14-½ сиклей свинца мы взвесили в *нахуре*".

26. См. Sachau, *Die altaramäische Inschrift auf der Statue des Königs Panammu von Sam-al* и *Aramäische Inschriften* в *Mittheilungen aus den orientalischen Sammlungen d. K. Museums zu Berlin*, ix., и *Sitzungsberichte der K. preussischen Akademie der Wissenschaften*, xli. (1896).

27. См. мою статью "*Расы Ветхого Завета*", с. 110-117, и статью Х. Г. Томкинса в журнале *Антропологического института*, февраль 1889 г.

28. В сообщении о затмении луны, отправленном ассирийскому царю в VIII веке до н. э., страны "аморитов и хеттов" представляют собой всю Западную Азию (R. F. Harper, *Assyrian and Babylonian Letters*, Part iv. p. 345).

29. Открытие имени *Шакама* или *Шехем* в "*Путешествиях Мохара*" принадлежит д-ру В. Максу Мюллеру (*Asien und Europa*, p. 394).

30. Или II., согласно Масперо, который делает трех гиксосских государей с этим именем.

31. Она находится в распоряжении мистера *Джона Уорда*.

32. См. мою книгу "*Высшая критика и вердикт памятника*", с. 160, 161.

33. Недавние открытия позволили понять, что *Амрафель* из Бытия - это *Хамму-раби* из клинописных текстов. *Хамму-раби* также пишется *Амму-раби* (Bu. 88-5-12, 199, l. 17), и доктор *Линдл* указал, что последний слог *Амрафела* - это вавилонское *ilu*, "бог", титул, который часто прилагается к имени *Хамму-раби*. Из табличек *Тель-эль-Амарны* мы узнаем, что в произношении Западной Азии вавилонское *b* часто превращалось в *p*.

34. Pinches, *Certain Inscriptions and Records referring to Babylonia and Elam*, доклад, прочитанный в Институте Виктории, 7 января 1896 года; см. также Hommel, *The Ancient Hebrew Tradition*, pp. 180 sqq.

35. Некоторые ассириологи толкуют *Manda* как "много" или "многие"; в этом случае *Umman Manda*, "много людей", будет еще более буквальным еврейским *Goyyim*.

36. Д-р *Шейль*, открывший письма *Хамму-раби* к *Син-идиннаму*, которые сейчас хранятся в Константинопольском музее, дает их следующие переводы (*Recueil de Travaux relatifs à la Philologie et à l'Archéologie égyptiennes et assyriennes*, xix. 1, 2, pp. 40-44): (1) "Син-идиннам *Хамму-раби* говорит: "Я посылаю тебе в подарок (изображения) богинь земли *Эмутбалум* в награду за твою доблесть в день (поражения) *Кудур-Лагхамара*. Если (враги) побеспокоят

тебя, уничтожь их силы имеющимися в твоём распоряжении войсками, и пусть изображения будут возвращены в целости и сохранности в свои (прежние) места обитания". (2) "Син-идиннам Хамму-раби говорит: Когда ты увидишь это письмо, ты поймешь в отношении Амиль-Самаса и Нур-Нинту, сыновей Гисдуббы, что если они находятся в Ларсе или на территории Ларса, ты прикажешь отослать их, и чтобы доверенный чиновник взял их и привез в Вавилон". (3) "Син-идиннам Хамму-раби говорит: Что касается чиновников, которые сопротивлялись тебе в выполнении их работы, не возлагай на них никакой дополнительной задачи, но обяжи их сделать то, что они должны были сделать, а затем удали их из-под влияния того, кто их привел". Все три письма были найдены в Сенкерехе, древней Ларсе. Фрагменты некоторых других писем Хамму-раби хранятся у лорда Амхерста из Хакни. См. выше, с. 12.

37. Николай Дамасский, в *Josephus Antiq.* i. 7, 2.

38. См. мою книгу *"Патриархальная Палестина"*, с. 160, 165. Фигура и имя бога Салимму, написанные клинописью, находятся на гемме, хранящейся сейчас в Эрмитаже в Санкт-Петербурге. Тот же бог под именем Шалман упоминается на стеле, обнаруженной в Сидоне, и под именем Селаманес в надписях Шех Баракат, к северо-западу от Алеппо (*Clermont-Ganneau, Études d'Archéologie orientale in the Bibliothèque de l'École des Hautes Études*, cxiii. vol. ii. pp. 36, 48; Sayce в *Proceedings of the Society of Biblical Archeology*, xix. 2. p. 74).

39. Как говорит профессор Хоммель (*Expository Times*, Nov. 1896, p. 95), "Могущественный царь" не может быть фараоном". Но он, как мне кажется, вносит ненужный элемент усложнения в этот вопрос, предполагая, что в письмах из Тель-эль-Амарны эпитет был перенесен на царя хеттов от верховного бога Иерусалима, которому он принадлежал по праву. Правда, в письме правителя Финикии (Winckler und Abel, № 76, l. 66) этот титул передан царю хеттов, но из этого не следует, что иерусалимский царь использует его таким же образом.

40. Следует отметить, что, согласно Хесихию (s. v.), "самым высоким богом" сирийцев был Рамас, то есть Рамман или Риммон, который отождествлялся с богом солнца Хададом, верховным божеством Сирии. Вавилоняне называли его Амурру - "аморейский".

41. Pietschmann, *Geschichte der Phönizier*, p. 115. Впервые это предположение высказал фон Бунзен.

42. Возможное объяснение происхождения этой практики см. у Х. Н. Мозли в *Journal of the Anthropological Institute*, vi. 4, p. 396. Бастиан приводит другое в своем описании практики у полинезийцев (*Anthropologie der Naturvölker*, vi. pp. 40, 41).

43. Блестящее предположение профессора Хоммеля, однако, может оказаться истинным объяснением загадочного названия. В минейских надписях Южной Аравии длинный *â* постоянно обозначается буквой *h*; и Авраам, таким образом, может быть просто минейским способом написания имени Абрам. Если это так, то это покажет, что еврейские писцы когда-то находились под влиянием минейского письма, и что некоторые части Пятикнижия могли быть написаны буквами минейского алфавита (Hommel, *The Ancient Hebrew Tradition*, pp. 275-277). Д-р Нойбауэр предположил, что это также может быть объяснением имени Аарон (*Aharôn*), которое, как и имя Авраам, не имеет этимологии. Аарон был бы графической формой *Âron*, арабского имени, которое в родословной хоритов (Быт. xxxvi. 28) встречается как Аран.

44. См. Berger, *L'Arabie avant Mahomet d'après les Inscriptions* (1885), pp. 27, 28.

45. D. H. Müller, *Epigraphische Denkmäler aus Arabien* (1889), p. 13.

46. Таким образом, мы имеем *anuki* 'я', евр. *anochi*; *badiu* 'в его руке', евр. *b'yado*; *akharunu* 'после него', евр. *akharono*; *rusu* 'голова', евр. *rosh*; *kilubi* 'клетка', евр. *chelûb*; *har* 'гора', евр. *har*.

См. мою книгу *"Патриархальная Палестина"*, стр. 247.

47. По вопросу о месте расположения Мизпы в Гилеаде см. G. A. Smith, *The Historical Geography of the Holy Land*, pp. 586, 587.

48. *Ausgrabungen in Sendschirli in Mittheilungen aus den orientalischen Sammlungen*, xi. (1893).

49. *Records of the Past*, new ser., v. pp. vi, vii.

50. Дюссо (*Revue Archéologique*, iii. xxx. p. 346) утверждает, что, по словам ансарийцев Антиохийского залива, "юди" или евреи ранее занимали их страну и построили древние памятники, найденные в ней, один из которых называется именем Соломона. По предположению Нойбауэра, Динхаба из Быт. xxxvi. 32 идентична по названию с Дунипом или Тунипом в Северной Сирии, см. далее.

Гофман (*Zeitschrift für Assyriologie*, xi. p. 210) утверждает, что происхождение арамейских диалектов следует искать в бедавинском языке, родственном языку арабов и сабеян, который претерпел смешение с ханаанейским (или финикийским) в результате поселения его носителей в ханаанейской стране.

51. В ассирийских письмах Второй империи упоминаются набатейский Камару, сын Амме'те, и арабский Ами-лито, сын Амери или Омара (Harper, *Assyrian and Babylonian Letters*, iii. p. 262; iv. p. 437).

52. В Втор. xxiii. 4, что Валаам был нанят из "Фетора из Арама Нахараимского" не только моавитянами, но и аммонитянами (хотя верно, что в еврейском тексте слово *sâkar*, "нанятый", стоит в единственном числе). Можно отметить, что мать Реховоама, чье имя образовано от имени Ам или Амми (ср. Рехаб-ия, 1 Хрон. xxiii. 17), была аммонитянкой (1 Цар. xiv. 21). Полное обсуждение имени 'Амми или 'Амму и исторических выводов, которые можно из него сделать, см. в Hommel, *The Ancient Hebrew Tradition*, pp. 89 sqq.

53. Название Кархемиша в клинописных надписях обычно пишется Гаргамис (Каркамиш в египетских иероглифах), но Тиглат-Пилесер I (W. A. I. i. 13, 49) называет его "Кар-Гамис" (Укрепленная стена Гамиса) "в земле хеттов", а из еврейского написания в Ветхом Завете мы можем заключить, что Гамис отождествлялся с моавитским Хемошем. В вавилонских табличках эпохи Амми-задока упоминается дерево Каркамису или Кархемишиан (Bu. 88-5-12, 163, строка 11; 88-5-12, 19, строка 8). Следует отметить, что название "Джерабис", которое иногда приписывают месту Кархемиша вместо Джераблис, по единодушному свидетельству английских и американских жителей окрестностей, является ошибочным.

54. См. *Records of the Past*, new ser., v. p. 45.

55. Об идентичности Зузима с вавилонским Завзалой см. мое примечание в *Proceedings of the Society of Biblical Archæology*, xix. 2, pp. 74, 75.

56. См. выше, с. 21.

57. См. выше, с. 20.

58. Термином "евроафриканец" мы обязаны д-ру Бринтону (см. его *"Расы и народы"*, 1890, лекция iv.). О родстве ливийцев и келтов см. мое выступление в антропологической секции Британской ассоциации в 1887 году.
59. Выражение "гора аморреев", которое мы встречаем в Втор. i. 7, 19, возвращает нас к авраамическим временам. Один из походов Самсу-илуны, сына и преемника Хамму-раби или Амрафела, был направлен против "великой горы в земле Аморреев" (*харсаг гал мад Марту-ки*, Бу. 91-5-9, 333; *Откр.* 19).
60. См. мою *"Высшую критику и вердикт памятников"*, с. 41; D. H. Müller, *Epigraphische Denkmäler aus Arabien*, p. 8 (минзейские надписи из Эль-Оэлы, к югу от Теймы, приведены на с. 21 sqq.).
61. Филон Библий в своем труде "Об иудеях", цитируемом Евсевием (*Præp. Evang.* i, 10), утверждает, что "Кронос, которого финикийцы называют Эль, царь страны, который впоследствии был обожествлен в планете Сатурн, имел единственного сына от нимфы страны по имени Анобрет. Этого сына звали Йеуд, что по-финикийски означает "единственный сын". Когда его страна попала в беду во время войны, Кронос одел сына в царские одежды, воздвиг алтарь и принес его в жертву". В своем изложении финикийской мифологии тот же автор описывает жертвоприношение несколько иначе: "Случились чума и голод, Кронос принес своего единственного сына в жертву своему отцу Небу, обрезал себя и обязал своих товарищей сделать то же самое" (Euseb. l. c.).
62. *Records of the Past*, new ser., v. p. 49, No. 81.
63. *L'Imagerie Phénicienne* (1880), p. 105.
64. Что также может быть прочитано как "айял" или "харт".
65. См. мои *"Расы Ветхого Завета"*, с. 130 sq.
66. См. мои *"Расы Ветхого Завета"*, с. 127, 132, где приводится фотография слепка профессора Флиндерса Петри с ашкелонских профилей.
67. Черный обелиск, строки 60, 61, сравнение с надписью на монолите, лл. 90-95.
68. Один феддан или акр содержал 1800 сари (Рейснер в *Zeitschrift für Assyriologie*, xi. 4, p. 421). Площадь была невелика, хотя было подсчитано, что один вол мог вспахать не более 120 сари.
69. Опубликована Штрассмайером в *Transactions of the Fifth Oriental Congress*, ii. 1, *Append.* pp. 14, 15; перевод можно найти в Peiser's *Altbabylonische Urkunden in the Keilschriftliche Bibliothek*, iv. p. 7. Табличка была найдена в Тель-Сифре.
70. Опубликовано Мейсснером, *Beiträge zum altbabylonischen Privatrecht*, № 43 (с исправлениями Пинчеса); перевод приводится Пейзером, *Keilschriftliche Bibliothek*, iv. pp. 23-25.
71. Быт. xxiii. 18. Еврейское выражение "в присутствии" совпадает с тем, которое в вавилонских документах переведено как "засвидетельствованный".
72. Вавилонское *shaqâlu kaspa*, ивритское *shâqal [eth-hak-] keseph*.
73. По мнению профессора Флиндерса Петри, тяжелая мане или мина, зафиксированная Дунги и восстановленная Навуходоносором, весила 978 309 граммов. Один из его образцов

сейчас находится в Британском музее. См. Lehmann в *Verhandlungen der Anthropologischen Gesellschaft*, 1893, p. 27.

74. Идентификация, однако, сомнительна, поскольку в Умм-Джераре видны только горшки римского периода, который, к тому же, согласно Палмеру ("*Именные списки в исследовании Западной Палестины*", стр. 420), называется просто Умм-эль-Джерар, "мать горшков для воды".

75. Бети-илу (Winckler's *Tel el-Amarna Letters*, Nos. 51, 125) ассоциируется с Тунипом и страной Нухассе. Однако чтение этого имени не вполне определено, поскольку оно может транскрибироваться как Батти-илу или Митти-илу. Вавилонянин авраамической эпохи также носит имя Бета-или.

76. Этот титул, по-видимому, имеет хоритское происхождение (см. Быт. xxxvi. 21, 29, 30).

77. Примечательно, что эдомитский вождь, которого Рамсес III увез в плен в Египет после того, как разрушил "шатры" "шасу в Сеире", назван "вождем", а не "царем". Его портрет есть на стенах Мединет-Хабу в Фивах.

78. Другое объяснение имени см. в Быт. xxv. 26; Ос. xii. 3.

79. Иаков-эль пишется Ya'akub-ilu; Иосиф-эль, Yasupu-ilu и Yasup-il, что встречается в списке рабов того же раннего возраста (Ви. 91-5-9, 324). В том же списке упоминаются земли, принадлежавшие Адунуму, древнееврейскому *адону*, и Наха-я, что является параллельным образованием с древнееврейским Ноем. В табличке, датированной царствованием Забия, основателя династии, к которой принадлежал Хамму-раби или Амрафель, мы находим имя Йа-кх-уб-ил, *то есть* Йа'куб-ил (Ви. 91-5-9, 387).

80. Икиб-илу и Асупи-илу.

81. См. "*Записи о прошлом*", новая серия, v. стр. 48, 51.

82. Один из скарабеев Я'Коб-эля хранится в Египетском музее Университетского колледжа в Лондоне. *Эль* написан *h(a)l*.

83. На вершине холма над Бейтином, древним Бет-Оном или Бет-Элем, пласты известняковой породы имеют форму огромных ступеней, поднимающихся одна над другой.

84. Ср. статью г-на Пинчеса о "Дарах вавилонскому бит-илу" в "*Вавилонских и восточных записях*", ii. 6.

85. См., например, Peiser, *Texte juristischen und geschäftlichen Inhalts (Keilinschriftliche Bibliothek*, iv.), p. 49, No. iii., где Убарум нанимается к Ана-Самасу-лицу на месяц за полсикля серебра.

86. *Records of the Past*, new ser., v. p. 169.

87. Втор. xxxii. 15. См. также Втор. xxxiii. 5, 26; Isa. xlv. 2.

88. Согласно незапамятной традиции, на месте этого поля находится колодец Иакова (С. Иоанн, iv. 6). Д-р. Мастерман в *Ежеквартальном отчете* Фонда исследования Палестины за апрель 1897 года впервые дает удовлетворительное объяснение тому, почему этот глубокий колодец, который часто пересыхает летом, должен был быть затоплен по соседству с несколькими источниками: - "Родники, вероятно, всегда принадлежали горожанам (с тех пор, как они стали оседлыми); и в случае любых бродячих племен со значительными стадами

среди них, весьма вероятно, что более оседлые жители сначала возмутились бы, а затем стали бы сопротивляться новым приезжим, которые дважды в день входили бы в их среду, чтобы полить свои стада у источников, вероятно, любой опытный кочевник с такими стадами, привыкший к такой стране, как эта, знал бы довольно точно, где он может, судя по форме холмов, ожидать найти воду. Если же возникала ссора, что может быть вероятнее, чем то, что он стремился сделать себя независимым от этих неприятных соседей. Кроме того, если мы можем принять эту традицию, в истории Иакова есть два особых факта, связанных с этим: во-первых, он купил участок земли, на котором мог сделать себе колодец; а затем мы узнаем из Бытия xxxiv., что его семья стала достаточно неприятной для сикемитов, чтобы Иакову было необходимо не зависеть от их разрешения пользоваться их источниками".

89. Ср. Быт. xlix. 14, 15. Еврейское слово "две ноши" в Авторизованной версии в ст. 14 должно быть переведено как "овчарни", как это сделано в Суд. ст. 16.

90. Так древний Абшек, Абоккис классической географии, превратился в Абу-Симбел, или "отец кукурузы"; а Силсила, как говорят, получила свое название от "цепи" или *силсилы*, протянутой через Нил от скал на обоих берегах, хотя на самом деле она ведет свое происхождение от классической Силсис, коптской Джолджел или "барьер".

91. В списке Тотмеса III за именем Некеба Галилейского (Иос. хix. 33) следует имя Ашушхена, которое можно сравнить с Иссахаром, поскольку чередование конечных *n* и *r* не является редкостью. Но замену *kh* на *k* (*ch*) трудно объяснить.

92. Шмана - тридцать пятое имя в палестинском списке Тотмеса, следующее за именем Хиннерет (Иос. хix. 35; ср. также Шманау, № 18. См. Томкинс в "*Записях прошлого*", новая серия, v. стр. 44, 46). В одной из табличек Тель-эль-Амарны (W. и A. ii., № 39) упоминаются "яуду" в окрестностях Тунипа, ныне Тенниб, к северо-западу от Алеппо. Название евреев написано таким же образом в клинописных текстах, хотя Яуду из табличек Тель-эль-Амарны, вероятно, следует отождествлять с землей Я'ди, которую надписи Синджерли относят к Северной Сирии. Однако обращает на себя внимание тот факт, что в переписке Тель-эль-Амарны Кинза - это район близ Кадеша на Оронте, недалеко от Хомсского озера, а Кинза - это буква в букву библейский Кеназ. Кенизцы, как мы помним, составляли неотъемлемую часть более позднего колена Иуды.

93. Hommel, *Aufsätze und Abhandlungen sur Kunde der Sprachen, Literaturen und der Geschichte des vorderen Orients* (1890), p. 31.

94. Преподобный Г. Г. Томкинс (*Ежеквартальный отчет* Фонда исследования Палестины, апрель 1885 г.) впервые указал на истинное значение названия Бет-Лехема: Лахму был одним из первобытных богов халдейской религии.

95. Деревня Рахили, где, вероятно, стоял камень, упоминается в 1 Цар. xxx. 29.

96. Например, *Yeôr*, "река", египетское *aur*; *akhu*, "трава на берегу реки" (Быт. xli. 2), египетское *akhu*; *rebid*, "воротник", египетское *repit*. См. Ebers, *Aegypten und die Bücher Mose's*, pp. 337-339.

97. См. мой *Египет Евреев и Геродота*, стр. 25 sq.

98. См. Tomkins, *Life and Times of Joseph*, p. 184.

99. Асенат - это, вероятно, Нес-Нит, "привязанная к Нейт", как Субанда - Нес-Бандид, "привязанная к Бандид".
100. Маттан-Баал. Соответствующее древнееврейское имя - Маттания.
101. Перевод папируса Саллье дан Масперо в *"Записях прошлого"*, новая серия, ii. стр. 37 sq. О скарабее Сутех-Апопи см. в книге Масперо *"Борьба народов"* (англ. пер.), р. vii. Названия Бет-Он или Бет-Эль в Ханаане и Он близ Дамаска (Амос i. 5) указывают на связь с культом бога Солнца в Он в Египте. Он в "Бека" Дамаска - это, вероятно, Гелиополь в Сирии, куда в царствование фараона Сенемурса было перенесено поклонение Ра из Гелиополя в Египте (Макробий, *Saturnal.* i. 23, 10).
102. *Aegypten und die Bücher Mose's*, p. 299.
103. Maspero, *The Struggle of the Nations*, p. 271, note 5.
104. Cp. Brugsch, *Aegyptologie*, pp. 218 sq.
105. Ebers, *Aegypten und die Bücher Mose's*, pp. 323-333.
106. Ebers, *l.c.*, pp. 335, 336.
107. См. Wiedemann, *Religion der alten Aegypter*, pp. 142-144. *Хартуммум* и *хакамум* (в Авторизованной версии - "маги" и "мудрецы"), по-видимому, соответствуют египетским *херхебу*, "толкователям священных книг", и *реху-хету*, "мудрецам".
108. См. Tomkins, *Life and Times of Joseph*, p. 44; Erman, *Life in Ancient Egypt* (Eng. tr.), p. 439.
109. Mariette, *Abydos*, p. 421 (Бен-Мазан из Башана становится Рамзесом-эм-пер-Ра); Данино-Паша и Масперо в *Recueil de Travaux relatifs à la Philologie et à l'Archéologie égyptienne et assyrienne*, xii. p. 214; и Sayce в *Академии*, 1891, p. 461.
110. См. Erman, *Life in Ancient Egypt* (Eng. tr.), p. 439.
111. См. Erman, *Life in Ancient Egypt* (Eng. tr.), pp. 102, 103.
112. Таким образом, "капитан" Ахмес получил землю, согласно его биографической надписи, лл. 22, 24; см. Brugsch, *Egypt under the Pharaohs* (Eng. tr.), second edit. i. p. 249.
113. См. Вирей в *"Записях о прошлом"*, новая серия, iii. pp. 7 sqq. В Вавилонии существовали подобные общественные зернохранилища, называвшиеся *сутумми*, во главе которых стоял офицер, носивший титул *самамму*, и этот институт, вероятно, был завезен в Египет из Азии.
114. Erman, *Life in Ancient Egypt* (Eng. tr.), p. 108.
115. См. перевод надписи Бругша в его *"Die biblischen sieben Jahre der Hungersnoth"* (1891).
116. См. Brugsch, *Egypt under the Pharaohs* (Eng. tr.), 2nd edit., i. pp. 262, 263. Капитан" Ахмес, участвовавший в войне за независимость при Ахмесе I, называет себя сыном Абаны и ведет свое происхождение от "праотца Баба". В Абане Масперо (*The Struggle of the Nations*, p. 85) видит семитское Abîna, "наш отец".
117. Так, в табличках Тель-эль-Амарны Риб-Хадад, правитель Финикии, просит фараона послать кукурузу в Гебал, поскольку урожай там не уродился (Winckler and Abel, No. 48, ll. 8-19), а Менептах послал кукурузу хеттам, когда те страдали от голода (Brugsch, *Egypt under the Pharaohs*, Eng. tr., 2nd edit., ii. p. 119).

118. Согласно Абульфарату (*Chron.* р. 14), Иосиф стал визирем на семнадцатом году царствования Апопи. Масперо ("*Борьба народов*", с. 59, 107) делает Апопи Ра-а-а-кенена третьим из этого имени.
119. См. перевод Масперо в "*Записях о прошлом*", новая серия, ii. стр. 37 sq.
120. Э. Навиль, *Гошен и святилище Сафт-эль-Хенна*, Четвертый мемюар Фонда исследования Египта (1887), стр. 14 sq.
121. См. Naville, *Goshen*, p. 26.
122. *Bibl. Hist.*, i. 91.
123. N. H. xix. 5.
124. Авель-Мизраим может быть тем Авелем, который упоминается в связи с "садами", "нивой" и "источником" Кармила Иудейского в списке мест в Ханаане, завоеванных Тотмесом III. (№ 92). Другой Авель упоминается двумя именами раньше (№ 90).
125. См. перевод Вирея в *Records of the Past*, new ser., iii. p. 34.
126. Однако это начинает вызывать сомнения в связи с открытиями, сделанными господами де Морганом и Амелино в 1886-87 годах.
127. О логической цели "высшей критики" см. Bateson Wright, *Was Israel ever in Egypt?* (1895.).
128. Теория Жана Аструка, французского врача-протестанта, была изложена в его "*Предположениях о генезисе*", анонимно опубликованных в Париже в 1753 году. В ней он предполагает, что Моисей написал книгу Бытия в четыре параллельных колонки, подобно гармонии Евангелий, которые впоследствии были смешаны по невежеству переписчиков. По замыслу Аструка, его работа должна была стать ответом тем, кто, подобно Спинозе, утверждал, что Бытие было написано без порядка и плана. Интересно отметить, что доктор Бриггс в своей искусной защите "критической" гипотезы ("*Высшая критика Шестикнижия*", с. 138-141) с одобрением цитирует обращение профессора Мура к "*Диатессарону*" Татиана - простому "лоскутному одеялу" Евангелий - в поддержку литературного анализа Пятикнижия.
129. См. Bissell, *Introduction to Genesis printed in Colours* (1892), pp. xi-xiii; также p. vii, где он говорит: "Аргумент от языка вне божественных имен требует крайней осторожности по очевидным причинам. Он признается относительно слабым и не может иметь более чем подчиненное и дополнительное значение. Нет никакой видимой линии расщепления между предполагаемыми источниками". Работа профессора Бисселла - это попытка представить в разных красках текст Бытия, проанализированный и расчлененный "высшей критикой", и результат, к которому он приходит в своем Введении, заключается в том, что аналитическая теория - это дом, построенный на песке. Что касается рассказа о Потопе, в котором "утверждается", что можно отличить друг от друга два разных повествования, он замечает: "Две истории потопа, возникшие, согласно теории, с разницей в сотни лет и буквально кишасшие различиями и противоречиями... оказываются подогнанными друг к другу, как множество зубчатых блоков, и образуют, объединившись, последовательную историю, единство которой, при постоянном использовании в течение тысячелетий, не подвергается сомнению до наших дней. Случайность ли это или чудо? Но давайте присмотримся повнимательнее. Мы обнаружим не свободно соединенные, независимые друг от друга части, а взаимозависимые части одного целого. Случайное совпадение идей, повторение для подчеркивания или расширения, в полном соответствии с древнееврейским стилем,

несомненно, есть. Но есть и заметная взаимозависимость и последовательность мыслей, полностью не соответствующая предложенной теории. Пусть читатель проверит, какой была бы история И. в одиночку. В начале его нет ничего: ни предварительного объявления о катастрофе, ни повеления готовиться, ни сообщения об отношении Ноя..... Так и история П., взятая сама по себе, была бы столь же неполной..... Что касается предполагаемых расхождений в других аспектах, то они, как мы видели, оказываются верными в других случаях, только после разделения текста на части. Система освещения в одном случае не исключает одного окна в другом; ни покрытия крыши, ни двери в боковой части. Без двери, за которую отвечает только один документ, как предполагается, что обитатели ковчега входили и выходили из него? Если предметы выброшены из должной перспективы, как в мираже, никого не должно удивлять, что они выглядят искаженными и гротескными..... Особенно часто к этому нелогичному и опасному способу искажения текста прибегают в вопросах языка и стиля. Утверждается, что в том или ином документе есть определенные стилистические особенности, которые закрепились в результате использования предыдущих глав. Но, к сожалению для схемы, они нередко появляются не там, где нужно. Например, выражение "мужчина и женщина" считается характерным для Р, а J использует для него другое. В vii. 3, 9 J использует это выражение дважды, и наши критики должны заставить редактора отрицать это. Часто повторяющаяся формула "и человек, и зверь, и гад, и птица небесная" встречается в первой главе Бытия, и поэтому считается, что она характерна для П. Здесь у И. она встречается в vi. 7 и vii. 23, и редактора призывают привести документ в соответствие с теорией..... Предполагается, что во всех этих изменениях есть работа редактора. Как такое возможно? Какой мотив мог быть у редактора? Наши критики утверждают, что он оставил главные контрасты между двумя великими документами, из которых он составил документ, в их первоначальной грубости. Главные изменения, за редким исключением, касаются отдельных слов, отдельных фраз, стихов или частей стихов, - каждое из них меняет то, что изначально было однородной материей, на то, что теперь стало неоднородным, то, что когда-то было истинным, с точки зрения документа, на то, что теперь является ложным!

130. См. таблички в книге Флиндерса Петри *"Тель-эль-Амарна"* (Methuen and Co., 1894).

131. Буквально: "Атен-Ра! Бюро записей". Многие из кирпичей с надписью все еще лежали на этом месте, когда я посетил его в 1888 году.

132. См. мою книгу *"Патриархальная Палестина"*, стр. 222.

133. Hommel, *Aufsätze und Abhandlungen zur Kunde der Sprachen, Literaturen und der Geschichte des vorderen Orients*, pp. 2 sqq.

134. См. мою *"Высшую критику и вердикт памятников"*, с. 56 sqq.

135. Элохист и халдейская история также сходятся в том, что герой потопа является десятым по происхождению от первого человека.

136. См. мой *археологический комментарий к Бытию* в *"Expository Times"*, июль и август 1896 года.

137. Ср. Gunkel, *Schöpfung und Chaos*, p. 114.

138. См. выше, с. 13.

139. Naville, *Das aegyptische Todtenbuch der XVIII. bis XX. Dynastie*, Einleitung; Maspero, *Études de Mythologie et d'Archéologie égyptiennes*, i. pp. 325-387.

140. *Святылище и жертвоприношение*, У. Л. Бакстер (Eyre and Spottiswoode, 1895).
141. Cowley and Neubauer, *The Original Hebrew of a Portion of Ecclesiasticus*, p. xviii.
142. Хам - Ам или Аммон, а Зузим - Замзуммим (Быт. xiv. 5); см. мою *"Высшую критику и вердикт памятников"*, с. 160, 161.
143. Вероятно, это означает вавилонское Аль-Ларса, "город Ларса".
144. *Contemporary Review*, February 1890, p. 221.
145. Меша говорит в надписи (л. 8): "Омри взял землю Медеву, и [Израиль] жил в ней во дни его и половину дней сына его, всего сорок лет". Реальный срок был не более пятнадцати лет.
146. Опперт датирует царствование 2394-2339 гг. до н. э.; Сайс - 2336-2281 гг. до н. э.; Делицш - 2287-2232 гг. до н. э.; Винклер - 2264-2210 гг. и Пейзер - 2139-2084 гг. до н. э.; Хоммель же предполагает, что составитель списка династий изменил истинный порядок первых двух династий в нем, и, соответственно, переносит дату Хамму-раби или Амрафеля на триста шестьдесят восемь лет. Это лучше соответствовало бы библейским данным, но пока на памятниках не найдено ничего в поддержку этого предположения. Датой рождения Авраама доктор Хейлз считает 2153 год до нашей эры.
147. *Zeitschrift für Aegyptische Sprache*, 1889, pp. 97-105.
148. Фиванским принцем, восставшим против Апофиса, был Скенен-Па Таа I., четвертым преемником которого был Ахмес.
149. *Revue Archéologique*, март 1865 г.
150. Э. Навиль, *Город-хранилище Пифом и путь исхода* (1885).
151. *Zeitschrift für Aegyptische Sprache*, 1872, p. 18; см. также J. de Rougé, *Géographie ancienne de la Basse-Égypte*, pp. 93-95.
152. Ср. статьи Сайса и Хоммеля в *"Expository Times"* за август, октябрь и ноябрь 1896 г., с. 521, 18 и 89.
153. См. Sayce, *The Higher Criticism and the Monuments*, p. 249.
154. Э. Навиль, *Гошен и святилище Сафт-эль-Хенна*, Четвертый мемуар Фонда исследования Египта (1887).
155. Brugsch, *Egypt under the Pharaohs* (Eng. tr.), second edit., ii. p. 133.
156. Флиндерс Петри, *Тель-эль-Амарна*, стр. 40-42.
157. См. выше, с. 115.
158. О харах, ветхозаветных хоритах, см. Maspero, *Struggle of the Nations*, p. 121.
159. На дороге из Ассуана в Шеллал "Месуи, царский сын Куша, веероносец справа от царя, царский писец", оставил свое имя и титулы на гранитной скале (Petrie, *A Season in Egypt*, No. 70). Ниже надписи изображен Менептах на колеснице, а Месуи держит веер и склоняется перед ним.
160. Предположение д-ра Нойбауэра о том, что имя Аарон, в остальном столь необъяснимое, - это арабское *Âron* или *Âran*, написанное на минейский манер, см. выше, с.

34, прим. 1. Если это предположение верно, то Аарон должен был встретиться с Моисеем на "горе Божьей", на границах Мадиама (Исх. iv. 27).

161. Перевод папируса был дан профессором Масперо в *"Записях прошлого"*, новая серия, ii. с. 11-36.

162. См. предисловие к книге Масперо *"Заря цивилизации"*, с. v.

163. Руил, "Пастырь Божий", был сыном Исава, согласно Быт. xxxvi. 4. Возможно, это был титул первосвященника, поскольку *rêu*, "пастух", - один из титулов, которыми называли царей и первосвященников ранней Вавилонии. Верховный жрец Гудеа, например, называет себя "пастухом бога Нин-гирсу". С другой стороны, Хоммель (*The Ancient Hebrew Tradition*, p. 278) сравнивает имя Реуэль-Иефро с минским Ridsvu-il Vitrân.

164. В слове *seneh*, по-видимому, была найдена народная этимология названия горы Синай. Отсюда следует, что в Втор. xxxiii. 16, Яхве описывается как "тот, кто обитал в Сене". *Сенех* - это, вероятно, небольшая колючая акация *нилотика*.

165. Удовлетворительной этимологии имени Яхве пока не найдено. Это, однако, не странно, если учесть, что этимология была неизвестна самим евреям, о чем свидетельствует объяснение имени в Исх. iii. 14, где оно происходит от арамейского *hewâ*, а еврейский эквивалент - *hâyâh*, с *y* вместо *w* (или *v*). Вавилоняне также не знали первоначального значения этого слова, так как одна из лексических клинописных табличек дает *Yahu* или *Yahveh* как значение "бог" (по-израильски) и отождествляет его с ассирийским словом *yahu*, "сам" (83, 1-18, 1332 *Obv.*; Col. ii. 1). Никаких определенных следов этого имени, кроме как у израильтян, не обнаружено. Это отглагольное образование, как *Иаков*, *Иосиф* и т. д.

166. Maspero, *Dawn of Civilisation*, pp. 132-134.

167. О "забастовках" среди египетских ремесленников см. Spiegelberg, *Arbeiter und Arbeiterbewegung im Pharaonreich unter den Ramessiden* (1895).

168. В Тель-эль-Масхуте, или Питеме, однако, кирпичи не смешивались с соломой.

169. См. Wiedemann, *Religion der alten Aegypter*, pp. 142 sq.

170. В Исх. vii. 19 содержится преувеличение, которое можно было бы легко опустить без ущерба для смысла повествования. Смена воды в реке повлияла бы на каналы и такие бассейны и пруды, которые питались из Нила, но не более того. Речная вода не считалась пригодной для питья в первые дни наводнения. Зеленая и склизкая растительность, принесенная из экваториальных регионов, делает ее довольно ядовитой, и только через несколько дней после того, как она становится "красной", ее снова можно пить.

171. Верблюды", упомянутые вместе со скотом в Исх. ix. 3, были вставлены с израильской точки зрения. У египтян не было верблюдов; и хотя бедавины, несомненно, использовали их с раннего периода, сами египтяне не использовали их до римской или арабской эпохи.

172. Этот отрывок, к сожалению, изуродован. То, что осталось, гласит следующее: "...шатры перед городом Пи-Байлос, на канале Шакана; ... [прилегающая земля] не обрабатывалась, но была оставлена как пастбище для скота ради чужеземцев. Она была заброшена со времен (наших) предков. Все цари Верхнего Египта сидели в своих укреплениях... а цари Нижнего Египта оказались посреди своих городов, окруженные земляными укреплениями, отрезанные от всего (враждебными) воинами, ибо у них не было наемников, чтобы противостоять им. Так было до тех пор, пока Менептах не взойшел на трон Гора. Он был

коронован, чтобы сохранить жизнь человечества". Слово "шатры" переведено как *ahilu*, еврейское *ôhêl*, которое Рамсес III использовал для обозначения "шатров" шасу или эдомитов с горы Сеир. Перевод текста см. в E. de Rougé, *Extrait d'un Mémoire sur les Attaques dirigées contre l'Égypte*, pp. 6-13 (1867); Chabas, *Recherches pour servir à l'histoire de la ^{xix}e Dynastie*, pp. 84-92 (1873); Brugsch, *Egypt under the Pharaohs*, Eng. tr. (2nd edit.), ii. pp. 116-123; Maspero, *The Struggle of the Nations*, pp. 433-436.

173. *Cont. Апуон*. i. 26.

174. Это имя, однако, варьируется в различных версиях легенды. Черамон называет его Phritiphantes, что может означать Zaphnath-раанеах, зубной (t) на месте z, и *pa-Ra*, "бог солнца" *pa-Ankhu*, "живой".

175. Папирус находится в Эрмитаже в Санкт-Петербурге (Golénischeff, *Recueil de Travaux relatifs à la Philologie et à l'Archéologie égyptiennes et assyriennes*, xv. pp. 88, 89).

176. Д-р Вилькен указал (*Zur Aegyptisch-hellenistischen Literatur* в *Festschrift für Georg Ebers*, 1897, pp. 146-152), что два фрагмента греческого папируса, опубликованные Вессели в *Denkschriften der Wiener Akademie*, 42, 1893, pp. 3 *sqq.*, содержат легенду, которая очень похожа на египетскую версию Исхода. В ней, однако, гончар занимает место провидца Аменофиса, желание царя увидеть богов объясняется его желанием узнать будущее, "нечистые люди" называются "носителями поясов", а начало софистического цикла, по-видимому, объединено с этой историей. Более того, похоже, что папирус еще не знает о том, что "нечистый народ" отождествляется с евреями.

177. *The Threshold Covenant or the Beginning of Religious Rites* (New York, 1896).

178. *The Threshold Covenant*, pp. 203, 204.

179. См. выше, с. 155.

180. *Egypt under the Pharaohs* (Eng. tr.), second edit., ii. pp. 96-98.

181. *Anastasi*, v. 19. Перевод см. в Brugsch, *Egypt under the Pharaohs* (Eng. tr.), second edit., ii. p. 132.

182. Впервые отмечено Гудвином в папирусе Саллье, iv. 1, 6.

183. Ис. ii. 10; iv. 23; xxiv. 6-8.

184. Ps. cvi. 7-9, 22; cxxxvi. 13-15; Neh. ix. 9; см. также Деян. vii. 36.

185. Впервые это событие было описано Каллистом, а Плутарх (*Alex.* 17) утверждает, что его описывали "многие историки". Арриан (i. 27) упоминает о нем, а Менандр ввел насмешливую ссылку на чудо в одну из своих пьес. Реальные факты приводит Страбон (*Geog.* xiv. 3, 9), который говорит, что недалеко от Фазелиса гора Климакс выдается в море, но в тихую погоду вокруг ее основания с морской стороны проходит дорога. Однако если поднимается ветер, то дорогу затопляют волны. Александр рискнул пройти по ней, когда она еще была покрыта морем, и, хотя вода была до пояса солдат, благополучно прошел по ней, благо ветер был не очень сильным. Его успех стал считаться чудом, и о чудесном переходе

через море его армии рассказывается со многими приукрашиваниями во фрагменте неизвестного историка в лексиконе, обнаруженном Пападопулосом в 1892 году.

186. Повествование тщательно указывает на то, что так и было (Исх. xiv. 23, 28). Только в Песне Моисея (Исх. xv. 19) "кони фараона" заменены на "коней фараона", и это изменение, как и путаница между "морем" и Ям-Суфом, свидетельствует либо о том, что Песнь относится к более позднему времени, либо о том, что ее язык был изменен и интерполирован.

187. *Par. Anastasi*, iv. Его перевод, выполненный доктором Берчем, можно найти в "Записях о прошлом", первая серия, том iv. стр. 49-52. Поэт говорит о царе: "Амон дал твоему сердцу удовольствие, он дал тебе хорошую старость". Имя царя, однако, не названо, и поэтому возможно, что речь идет о Сети II, а не о Менептахе.

188. Последним фараоном, чьи памятники были найдены на Синайском полуострове, является Рамсес VI. из двадцатой династии (De Morgan, *Recherches sur les Origines de l'Égypte*, p. 237).

189. Амаликитяне примыкали к Эдому (Быт. xxxvi. 12) и южному Израилю (Суд. v. 14) и простирались от Шура, или Египетской стены, до Хавилы, "песчаной" пустыни Северной Аравии (1 Цар. xv. 7; см. Быт. xiv. 7). О том, что эти амаликитяне были теми же, кого победил Моисей, прямо говорится в 1 Цар. xv. 2 (ср. Исх. xvii. 16). Последние, следовательно, жили в нескольких милях к северу от Синайского полуострова. Пустыня Паран лежала на южной стороне Моава (Втор. i. 1) и Иуды (Быт. xxi. 14, 20, 21). В ней находился Кадеш, ныне Айн-Кадис (Числ. xiii. 26). География Исхода рассматривается с большим умением и логическим мастерством в книге Бейкера Грина "Еврейское переселение из Египта" (1879).

190. Суд. ст. 4, 5; Втор. xxxiii. 2; Нав. iii. 3.

191. Впервые на это указал Бейкер Грин, *The Hebrew Migration from Egypt*, p. 170; Elim - мужского рода, а Elath - женского множественного. Сравните Эль-Паран, возможно, "Эль(им) из Парана" в Быт. xiv. 6, а также Элах в Быт. xxxvi. 41.

192. Исх. xvi. 1 в сравнении с Числ. xxxiii. 11.

193. Это имя встречается в надписи из Хадрамаута (Osiander, *Inscriptions in the Himyaritic Character*, p. 29), где бог назван сыном Аттара или Истар вместо ее брата, как в Вавилонии, а также в сабейском тексте из Сирвы (Sirwah).

194. Numb. xiii. 26. Святилище первоначально было амаликитским (Быт. xiv. 7).

195. К сожалению, из утверждения о том, что Илия был "сорок дней и сорок ночей" на пути из Изрееля в Хорив, нельзя вычислить расстояние, поскольку "сорок" просто обозначает неизвестное число.

196. В ранние времена монархии армии как израильтян, так и филистимлян были разделены на отряды по сто и тысяче человек (1 Цар. xxii. 7; xxix. 2; 2 Цар. xviii. 1). Эта система не могла быть заимствована из Вавилонии, где единицей счисления было шестьдесят.

197. См. мои "Высшая критика и вердикт памятников", с. 74-77, и "Лекции Хибберта о религии древних вавилонян", с. 70-77.

198. Ее текст приводится в 125-й главе Книги мертвых. Его перевод можно найти в книге Видеманна "Религия древних египтян", с. 132, 133.

199. Концепции, которые лежали в основе этого, были воплощены в средневековой юриспруденции Европы, и существуют любопытные отчеты о судебных процессах над петухами, крысами, мухами, собаками и даже муравьями, которые продолжались вплоть до XVIII века (см. Baring-Gould, *Curiosities of Olden Times*, second edit., pp. 57-73).
200. В несколько измененном виде это увещевание вместе с некоторыми законами вновь приведено в Исх. xxxiv. 10-26.
201. Название относится к тому периоду, когда филистимляне обитали за морем, еще не поселившись на побережье Палестины, и указывает на раннюю дату отрывка, в котором оно встречается. Возможно, греческая традиция о владычестве над морем критянина Миноса является реминисценцией того же периода.
202. W. A. I. i. 54, Col. ii. 54 sqq.
203. *Transactions of the Society of Biblical Archæology*, vii. 1, pp. 53, 54.
204. Договор-таблица, датированный 32-м годом правления Навуходоносора и опубликованный д-ром Штрассмайером (*Inschriften von Nabuchodonoser*, No. 217), дает нам представление о деталях вавилонских жертвоприношений, хотя, к сожалению, значение многих технических слов, используемых в нем, сомнительно или неизвестно. Табличка начинается следующим образом: "Изкур-Меродах, сын Имбии, сын Илея-Меродаха, по своей воле отдал на будущее время Небо-баласу-икби, сыну Куддину, сыну Илея-Меродаха, забойщиков волов и овец для жертвоприношений царю, предписанных жертв, мирных жертв (?) всего года, а именно, ..., устье желудка и ..., а также в течение года 7000 жертв за грех и 100 овец перед Исхарой, живущим в храме Са-турра в Вавилоне (не считая мягких частей плоти, рысаков (?), сочного мяса и соленой (?) плоти), а также забойщиков волов, овец, птиц и ягнят, причитающихся в 8-й день Нисана, (и) приношение вола и овцы перед Пап-сукалом из Бит-Кидур-Кани, храмом Нин-ипа и храмом Ану на дальнем берегу Нового города в Вавилоне".
205. *Древнееврейская традиция*, стр. 282-284.
206. См. иллюстрацию в Erman's *Life in Ancient Egypt* (Eng. tr.), p. 298.
207. Г-н Г. Бьюкенен Грэй (*Studies in Hebrew Proper Names*, p. 246, note 1) предполагает, что Ахолиаб - это иностранное имя. В любом случае, хотя мы находим имена, образованные от *ohel*, "скиния", в минейских и финикийских надписях, у израильтян не встречается ни одного подобного имени.
208. Сэр Томас Браун в своей "*Religio Medici*" (часть i.) замечает по этому поводу: "Я бы с радостью узнал, как Моисей с помощью настоящего огня прокалил или сжег в порошок золотого тельца; ведь этот мистический металл золото, чьей солнечной и небесной природой я восхищаюсь, подвергаясь насилию огня, только раскаляется и разжижается, но не расходуется".
209. В интерполяции (Исх. xxxiii. 1-5) поклонение золотому тельцу объясняется тем, что, как объявлено в Исх. xxiii. 20, ангел должен был вести Израиль в Ханаан, а не сам Яхве. Однако он игнорирует тот факт, что Яхве действительно присутствовал в Святом Святых, а также в огненном и облачном столпе.

210. Хадад-сум и его сын Анний (см. мою книгу *"Патриархальная Палестина"*, с. 250). Небольшие каменные таблички, подобные табличке Балавата, с выгравированными клинописными знаками, хранятся в музеях Европы.

211. Sayce, *Fresh Light from the Ancient Monuments*, pp. 79-83.

212. Контраст между такими случаями, когда имена и детали изложены так же подробно, как в юридических табличках ранней Вавилонии, и случаями, которые опираются только на память традиции, сразу же станет ясен из ссылки на Numb. xv. 32-36. Здесь мы имеем дело только с традицией, и, соответственно, не приводится ни одного имени, а история представлена туманным заявлением, что она произошла в то или иное время, когда израильтяне "находились в пустыне". Вся глава представляет собой интерполяцию, которая совершенно неуместна в повествовании и, похоже, была заменена описанием бедствий, последовавших за неудачной попыткой израильтян вторгнуться в Ханаан.

213. Sayce, *Babylonian Literature*, pp. 79, 80; Knudtzon, *Assyrische Gebete an den Sonnengott*, pp. 73 sqq.

214. Афинея, *Deipn.* xiv. 639 с.

215. Перевод Амио надписей из Теллоха в *"Записях прошлого"*, новая серия, ii. стр. 83, 84.

216. Это было ясно показано Коленсо, *"Критическое исследование Пятикнижия и Книги Иисуса Навина"*, Пт. I.

217. Сос был 60, нер - 600.

218. Erman, *Life in Ancient Egypt* (Eng. tr.), p. 475.

219. Так у Иосифа, *Antiq.* ii. 10.

220. Trumbull, *Kadesh-barnea* (1884).

221. Numb. xiii. 21 кажется более поздним преувеличением по сравнению со следующим стихом. Однако из утверждения о том, что разведчики отсутствовали только "сорок дней", нельзя сделать никаких выводов, поскольку здесь, как и в других местах, "сорок" означает лишь неизвестный промежуток времени.

222. Эшкол, однако, уже во времена Авраама был именем аморейского вождя из Мамре (Быт. xiv. 13).

223. Numb. xxi. 1-3 представляет собой комбинацию этой неудачной попытки и последующего завоевания Арада и Сефата Иудой и Симеоном (Judg. i. 16, 17) и призван возобновить нить истории, прерванную вставкой главы xv.

224. В Числ. xx. 1-13 предание о водах Меривы занимает место истории долгого периода, прошедшего между первым и вторым приходом в Кадеш, во время которого была пройдена многочисленная череда станций, упомянутых в Числ. xxxiii. 19-36. Сравнение с Исх. xvii. 1-7 и Втор. xxxiii. 8, кажется, показывает, что история о "воде Меривы" была перенесена из Рефидима в Кадеш. В Кадеше, действительно, не было недостатка в воде (см. Быт. xiv. 7), и, возможно, причиной переноса стало значение слова Meribah, "спор". Эн-Мишпат, "Судный источник", где решались споры, на протяжении веков был названием источника в Кадеш-Барнеа. Что касается названия Зин, то оно, возможно, означает "сухое место".

225. Быт. xxxvi. 27; 1 Хрон. i. 42.

226. В книге Втор. х. 6, 7 (которая была интерполирована в середине повествования о законодательстве на горе Синай) порядок событий таков: (1) отъезд из Беерофа Бени-Яакана в Мосеру, (2) смерть Аарона в Мосере, (3) отъезд в Гудгод, (4) отъезд в Йотбат. В Нумб. хх., хххiii. 30-39, наоборот: (1) отъезд из Хашмона в Мосерот, (2) отъезд в Бени-Яакан, (3) отъезд в Хор-Хагидгад, Гудгод Второзакония, (4) отъезд в Йотбат, (5) отъезд в Эбруну, (6) отъезд в Эцион-Гебер, (7) отъезд в Кадеш, (8) отъезд к горе Хор, (9) смерть Аарона на горе Хор.

227. Этот отрывок был испорчен уже во времена переводчиков Септуагинты. Но вместо *eth-wâhab* в их тексте написано *eth-zâhâb*. Если это верно, то речь, вероятно, идет о Ди-Захабе, "золотых рудниках", которые, согласно Втор. i. 1, находились недалеко от Суфа.

228. *Zeitschrift des Palästina Vereins*, xiv. pp. 142 sq. Tell 'Ashtereh is the Ashteroth-Karnaim of Gen. xiv. 5.

229. Профессор Эрман читает их как Акна-Запн, возможно, Якин-Зефон, "Яхин Севера". Над фигурами изображен крылатый солнечный диск (Erman, *Der Hiobstein in the Zeitschrift des Palästina Vereins*, xiv. pp. 210, 211).

230. На левой стороне основания второй статуи перед пилоном, где следует имя Ассар, Асхурим из Быт. ххv. 3; см. Daressy, *Notice explicative des Ruines du Temple de Louxor*, p. 19.

231. Город Бела, как утверждается, был Динхаба (Быт. хххvi. 32), который доктор Нойбауэр отождествляет с Дунипом, ныне Тенниб, к северо-западу от Алеппо, сыгравшим важную роль в истории Западной Азии в XV веке до н.э.

232. W. A. I. i. 46; Col. iii. 29, 30. В другом отрывке Эсар-Хаддон описывает их как "змей с двумя головами" (Budge, *History of Esar-Haddon*, p. 120).

233. Бронзовые змеи считались в Вавилонии божественными защитниками здания и, соответственно, "устанавливались" у входа в него. Так, Навуходоносор говорит о стенах Вавилона: "На порогах ворот я установил могучих быков из бронзы и огромных змей, которые стояли прямо" (W. A. I. i. 65, i. 19-21).

234. В официальном маршруте он называется просто *lyîm* (Numb. хххiii. 45). Пунон - это Пинон из Gen. хххvi. 41, где он соединен с Элахом, Эль-Параном из Быт. xiv. 6.

235. Те, кто хочет увидеть, что можно сделать с помощью гениальных филологических догадок, которые не удовлетворяют никого, кроме их авторов, могут обратиться к статье профессора Будде в *Actes du Dixième Congrès Internationale des Orientalistes*, iii. pp. 13-18, где они найдут "пересмотренную" версию Numb. ххi. 17, 18. Две последние строки заменены на "Со скипетром, с посохами: Из пустыни дар!".

236. Numb. хххii. 41, 42; Deut. iii. 14. Из Иуд. х. 3, 4 мы узнаем, что Иаир был одним из судей, так что завоевание Хавота Иаиром должно было произойти задолго после смерти Моисея.

237. Теперь Дар'ат (у бедавинов он называется Азр'ат) и Телль-Аштерех.

238. Зиппор из Газы - имя отца некоего Баала... ..чей слуга в третий год Менептаха II. вез письма из Египта в Хай, египетскому наместнику феллахинов или перицитов Палестины, и царю Тира (Brugsch, *Egypt under the Pharaohs*, Eng. tr., second edit., ii., p. 126).

239. Аммия, как говорят, была захвачена аморитом Эбед-Ашерахом (*Скрижали Тель-эль-Амарны в Британском музее*, 12. 25., 15. 27). Она также называется Амма (ib. 17. 7., 37. 58, где оно ассоциируется с Уби, Аупом из египетских надписей) и Амми (W. and A. 89. 13).
240. Если два Валаама, "сына Беора", действительно одно и то же лицо, эдомитская и израильская история передают два разных представления о нем. Кроме того, израильская хронология не позволяет ему быть *первым* эдомитским царем (см. Numb. xx. 14).
241. Шет - это Суту из ассирийских надписей, Ситтиу или "лучники" из египетских иероглифов, Бедавин из современной географии. Бени-Шет - это мадианитские бедавины, которые в Пятикнижии ассоциируются с моавитянами (Числ. xxii. 4, 7; xxv. 1-18; xxxi. 8).
242. *Records of the Past*, new ser., iii. pp. 61-65.
243. Тиглат-Пилесер I (1100 г. до н. э.) хвастается тем, что плывал по Средиземному морю на корабле Арвада и убил там дельфина, а его сын, Ассур-бил-кала, воздвиг статуи в городах "земли аморреев" (W. A. I. i. 6, No. vi.). Чуть позже Ассур-ирби вырезал свое изображение на горе Аманус, недалеко от Антиохийского залива, но захват царем Арама Муткины, охранявшей брод через Евфрат, впоследствии отрезал его от запада. Палестина уже называется Эбир-нари, "земля за рекой", в ассирийской надписи, которую профессор Хоммель относит к эпохе Ассур-бил-кала, сына Тиглата-Пилесера I. (*The Ancient Hebrew Tradition*, p. 196). Профессор Д. Х. Мюллер (*Die Propheten*, p. 215) предположительно изменяет еврейский текст Numb. xxiii. 23, 24 и видит в нем ссылку на царство Самалла, расположенное к северо-востоку от Антиохийского залива. В его переводе два стиха звучат так: "[И увидел он Самаллу], и начал речь свою, и сказал: увы, кто выживет из Самаллы? И придут корабли [от берегов Хиттима], и Ассур будет угнетать его, и Эбер будет угнетать его, и сам он обречен на гибель". Самалла, однако, была лишь ассирийским названием района, который уроженцы Северной Сирии называли Я'ди и Гургум; нелегко понять, как Валаам мог "увидеть" север Сирии из Моава. Профессор Хоммель, скорее всего, прав, считая, что Асхур здесь означает не ассирийцев, а Асхурим к югу от Палестины (Быт. xxv. 3, 18).
244. О мессианском пророчестве Амени см. выше, с. 175.
245. Подобные города-убежища, называемые *пухонуа*, существовали на Гавайях. Вора или убийцу могли преследовать до самых ворот одного из этих городов; но как только он переступал порог этих ворот, даже если ворота были открыты и никакая преграда не мешала преследованию, он был в безопасности, как у городского алтаря. Когда беглец оказывался в священном городе, его первым долгом было предстать перед идолом и поблагодарить его за защиту" (Trumbull, *The Threshold Covenant*, p. 151, цит. по Ellis, *Through Hawaii*, pp. 155 sq., и Bird, *Six Months in the Sandwich Islands*, pp. 135 sq.). Об *асулах* Малой Азии см. Barth, *De Asylis Græcis* (1888); Daremberg et Saglio, *Dictionnaire des Antiquités, Grecques et Romaines*, i. pp. 505 sqq.; Pauly's *Real-Encyclopädie* (ed. Wissowa), iv. pp. 1884-5.
246. Erman, *Life in Ancient Egypt* (Eng. tr.), p. 299.
247. Корнелий Непос, *Them.* ii. 10.
248. Mahaffy, *The Empire of the Ptolemies*, pp. 144, 156-158. О городах-священниках Малой Азии см. Ramsay, *The Cities and Bishoprics of Phrygia*, pp. 101 sqq.; их конституция очень напоминала левитские города в Израиле. Примерами таких городов в истории Израиля являются Ноб во времена Саула и Анафот в эпоху Иеремии.

249. Порядок событий во многих местах перепутан, что, вероятно, указывает на более поздние вставки в текст. См. например, Втор. х. 6-9, который прерывает контекст и не имеет ничего общего ни с предыдущим, ни с последующим.
250. Например, Втор. xiv. 21, в сравнении с Лев. xvii. 14-16.
251. В этом отношении он напоминает "Отрицательное признание" египетской Книги мертвых, которое душа умершего должна была сделать перед судьями другого мира (Wiedemann, *Religion der alten Aegypter*, pp. 132, 133).
252. Левий включен в число шести колен, которые стояли на горе Геризим для благословения. Это непреднамеренность, поскольку левиты стояли на обеих горах, и их обязанностью было произносить как проклятия, так и благословения.
253. Если это так, то xxxiii. 4 вряд ли может быть оригинальным. Возможно, Яхве, а не Моисей, был назван "царем в Иешуруне" (ср. см. 26). Д-р Хейман предпринял весьма изобретательную попытку объяснить искажения текста в песне теорией о том, что первоначально она была написана на глиняной табличке, разлом которой привел к потере некоторых слов в конце строк.
254. Ср. 1 Хрон. iv. 22.
255. Этот отрывок, должно быть, был написан в то время, когда Иуда еще не занял определенного места среди колен в Ханаане, и когда, как в Песне Деборы, территория Вениамина рассматривалась как своего рода придаток территории Ефрема и простиралась на юг до пустыни амаликитян. (См. также Иис. xv. 63).
256. Иис. xviii. 22.
257. Полковник Уотсон в *Ежеквартальном отчете* Фонда исследования Палестины, июль 1895 г., стр. 253-261; см. также Quatremère, *Histoire des Sultans Mamluks*, ii. p. 26; и г-н Стивенсон в *Ежеквартальном отчете*, октябрь 1895 г., стр. 334-338.
258. Это игра с глаголом *gâlal*, "катиться". Гилгал, однако, означает "круг" из камней или "кирна". Кроме того, египтяне были обрезаны, так что необрезание не может быть правильно названо "поношением Египта". Возможно, некоторые израильтяне были обрезаны в Гилгале, но невероятно, чтобы ни один из мужчин, родившихся в пустыне, не был обрезан. Это было бы вопиющим нарушением Моисеева закона (см. Лев. xii. 3; Быт. xvii. 14).
259. Золотой клин в виде язычка находит свою параллель в шести серебряных клиньях в виде язычков, обнаруженных д-ром Шлиманом в "третьем доисторическом городе" Гиссарлыке или Трое и изображенных им в "*Илиосе*", с. 470-472. Мистер Барклай В. Хэд показал, что каждый из них представляет собой треть вавилонского манеха.
260. См. мои "*Расы Ветхого Завета*", с. 75-77; *Ежеквартальный отчет* Фонда исследования Палестины, июль 1876 г. и июль 1877 г.
261. Гезер также был обложен данью Ефремом (Иис. xvi. 10).
262. В Септуагинте вместо Хохама написано Елам, из чего можно сделать вывод, что более древнее прочтение еврейского текста - Ехо-хам. Если это так, то мы имеем пример использования имени национального Бога Израиля среди хевронитов. Замена Эль на Йехо была бы параллельна тому, что в надписях ассирийского царя Саргона современный царь Хамата называется одновременно Яху-бихди и Илу-бихди. Ср. также Иорам и Хадорам (2

Цар. viii. 10; 1 Хрон. xviii. 10). Пирам напоминает египетское Пи-Роми; это имя также было карианским (Sayce, *The Karian Language and Inscriptions in the Transactions of the Society of Biblical Archaeology*, ix. 1, No. ii. 3). Ярмута, царем которой был Пирам, не может быть той же самой, что и Яримута из табличек Телль-эль-Амарны, поскольку она, по-видимому, находилась на севере, хотя Карл Нибур относит ее к Дельте. Для Пирама в Септуагинте есть Phidôn; и она меняет Яфию на Иефту, а Эглона на Адуллама.

263. См. Флиндерс Петри, *Телль-эль-Хеси (Лашиш)* (1891) и Блисс, *Курган многих городов*.

264. Для Хорама в Септуагинте снова есть Элам. Возможно, в оригинале читалось Йехорам. Нет оснований полагать, что Хохам из Хеврона и Хорам из Гезера - это одно и то же.

265. Он называется Хузар в списке завоеваний Тотмеса III в Карнаке, где он следует за Лиусой или Лаишем и предшествует Пахилу, отождествляемому г-ном Томкинсом с Пеллой, и Киннерту или Чиннерету.

266. *Records of the Past*, new ser., v. p. 89.

267. *Записи о прошлом*, новая серия, т. 44, № 18.

268. См. также Иос. xi. 2.

269. Иис. xii. 21-24. Вероятно, цари Таппуаха, Хефера, Апхека и Шарона должны быть включены в конфедерацию (стихи 17, 18). Мы не знаем, где находился Таппуах (хотя обычно его помещают в Вади-эль-Афрандж; G. A. Smith, *Hist. Geog. of the Holy Land*, p. 202). Хефер вряд ли может быть южным Хефером, о котором говорится в 1 Царств iv. 10, но, вероятно, это Гат-Хефер к западу от Галилейского моря. Апхек (1 Цар. xxix. 1) находился в нескольких милях к югу от него, а равнина Шарона начиналась у Дор. Ср., однако, Бет-Таппуах (в вади эль-Афрандж) и Афека близ Хеврона, в Иудее (Иис. xv. 53).

270. В Иос. xi. 3, "земля Мицпе", как сказано, включает в себя "Хеттеев" - так, вероятно, следует читать вместо "Хивитов" - "под Ермоном".

271. Однако основная масса кенитов, которые, как и "сыны Иуды", поселились в окрестностях Иерихона после его взятия, переселилась затем в пустыню к югу от Арада (Иуд. i. 16; 1 Цар. xv. 6) и жила здесь вместе с частью колена Иудина.

272. Предполагается, что Вифлеем был первоначальной штаб-квартирой колена, поскольку он называется Вифлеем-Иудин (ix. 1). Но это было сделано лишь для того, чтобы отличить его от другого Вифлеема в Завулоне.

273. Так, в депеше, отправленной одному из поздних ассирийских царей, писатель говорит: "Я - собака, собака царя, его господина" (Harper, *Assyrian and Babylonian Letters*, iv. p. 460).

274. Иис. xv. 49. В одной из табличек Телль-эль-Амарны Эбед-Тоб из Иерусалима, говоря о хабири или "хевронитах", упоминает Бит-Сани, который может быть ветхозаветным Кирыт-Санной. Уинклер (*Письма из Телль-эль-Амарны*, 185) дал неверный перевод этого отрывка, который частично основан на неправильной копии текста. Перевод должен звучать так: "Вот Гат-Кармель пал перед Таги и людьми Гата. Он в Бит-Сани, и мы сделаем так, что они отдадут Лабай и землю Сутэ (Бедавин) в округ Хабири".

275. К слову "Софер" прилагается детерминатив "писать", что свидетельствует о том, что египетский писец был знаком с его значением. Название Бет-Софер (*Баута-Тупар*) было впервые расшифровано на папирусе д-ром В. Максом Мюллером и опубликовано в его книге *"Азия и Европа"*.

276. Не плюсквамперфект, как в Авторизованной версии.

277. См. выше, с. 247.

278. Последнее чтение (Суд. ii. 9), вероятно, более правильное. Название Тимнат-херес, "удел бога Солнца", возможно, было изменено на Тимнат-сера, "удел изобилия", из-за его идолопоклоннических ассоциаций. Возможно, это современный Кафр-Харис, расположенный в девяти милях к югу от Сихема.

279. Иуд. iii. 3. "Хивиты" в еврейском тексте, вероятно, должны быть исправлены на "хетты". Сидоняне упомянуты без учета тирийцев, как в Быт. x. 15-18. Это отсылает нас к периоду до Давида, когда Тир все еще был малозначимым местом, а Сидон - ведущим городом на побережье Финикии. См., однако, 1 Царств xvi. 31.

280. Иуд. iii. 6, 7.

281. Поскольку теоретически считалось, что Израиль разделен на двенадцать колен, нет причин сомневаться в кифаре, хотя на самом деле в Ханаане в то время не было двенадцати колен, и одному из колен, Вениамину, вряд ли мог быть послан кусок. В тексте тщательно избегается утверждение, что куски были посланы каждому из колен. В гл. xx. 2 слово "все" употреблено в том ограниченном смысле, к которому приходится привыкать западным студентам, изучающим историю Востока, поскольку одно из колен, по крайней мере Вениамин, отсутствовало.

282. О ценности современной филологической критики Ветхого Завета можно судить по тому факту, что Штаде объявляет повествование о войне с Вениамином неисторическим, поскольку первый царь Израиля был вениамитянином! (*Geschichte des Volkes Israel*, p. 161).

283. Иуд. xviii. 12, 13, где говорится, что он находится "позади" или к западу от Кириафа-Иарима. В xiii. 25 стан Дана помещен между Зорой и Ештаолом, которые находились к западу от Кирьяф-Иарима. См. G. A. Smith, *Historical Geography of the Holy Land*, pp. 220, 221.

284. В других случаях мы слышим о полке из шестисот человек среди израильтян (Суд. xx. 47; 1 Цар. xiii. 15, xxiii. 13), и поэтому кажется, что в разделении войск сохранилась память о культуре Вавилонии. Шестьсот человек представляли вавилонский *народ*.

285. Иуд. xviii. 30. Пленение земли" - это, конечно, то, что описано во 2 Цар. xv. 29, и показывает, что составление Книги Судей должно быть после завоевания Северного и Восточного Израиля Тиглатом-Пилесером.

286. Kennicott, *Vetus Testamentum Hebraicum*, i. p. 509. Моисей" - это также чтение Вульгаты и нескольких греческих MSS.

287. См. 1 Царств viii. 9. Добавление горшка с манной и жезла Аарона в Послании к Евреям (ix. 4) объясняется непониманием Исх. xvi. 33, 34 и Числ. xvii. 10.

288. О тождестве Митанни и Нахрины говорится в одном из писем Тель-эль-Амарны (W. and A. 23) из Митанни, к которому прилагается иератический доксел, сообщающий, что оно пришло из Нахрины. Однако в одном месте (W. and A. 79. 13, 14) финикийский правитель Риб-

Хадад, похоже, проводит различие между "царем Миттани и царем Нахрины", хотя этот отрывок можно перевести и так: "царь Миттани, то есть царь Нахрины". Илу-раби-Хур из Гебала (W. and A. 91. 32) пишет имя Нарима и говорит, что царь Нарима в союзе с царем хеттов разрушал египетские города в Северной Сирии.

289. W. and A. 104. 32-35. Comp. Numb. xxiv. 24, где Ассирия и Эбер занимают место Вавилонии и Нарима. Приведенный выше перевод сделан с исправленной копии клинописного текста.

290. См. *Records of the Past*, new ser., vi. pp. 28, 29, 34, 45.

291. Brugsch, *Egypt under the Pharaohs* (Eng. tr.), ii. p. 151; *Records of the Past*, new ser., vi. pp. 31-45.

292. *Records of the Past*, new ser., vi. pp. 38-41. Поскольку упоминается только *кау* или "район" Шалама, возможно, что сам город не был захвачен египетскими войсками. Хеврон написан как *Хибур*, т. е. город "хабиров".

293. Был ли поход Рамсеса III тем самым таинственным "шершнем", посланным перед сынами Израиля, чтобы уничтожить население Ханаана (Исх. xxiii. 28, Втор. vii. 20, Ис. xxiv. 12)? Во всяком случае, это более вероятно, чем предположение, что *tsir'âh*, переведенное как "шершень", является вариантом *tsâra'ath*, "чума".

294. Это имя было гебраизировано и, возможно, испорчено, так что трудно предположить, каким мог быть его митаннийский оригинал. Однако Khusarsathaim в Септуагинте напоминает нам имя Дусратты или Туисратты, митаннийского царя, который вел переписку с фараоном Аменофисом IV.

295. Ливий, xxviii. 37, xxx. 7.

296. По валлийским законам чужак мог получить права собственности в четвертом поколении, а в девятом - стать соплеменником (Seeböhm, in the *Transactions of the Honourable Society of Cymmrodorion*, 1895-96, pp. 12 sqq.).

297. Об этом прямо говорится в Песни Деборы: Рувимяне не могли прийти на помощь своим братьям, потому что превратились в рассеянных и кочующих пастухов (Суд. ст. 15, 16).

298. См. Суд. xx. 16.

299. *P'sîlîm*, в Авторизованной версии ошибочно переведено как "каменоломни". Это были священные камни, которые, как считалось, были наделены божественной силой и образовывали Гилгал или "Круг". Современные критики создают ненужные сложности с географией повествования и предполагают, что название столицы Еглона выпало из текста в Суд. iii. 15 (см. Budde: *Die Bücher Richter und Samuelis*, p. 99). Библейский писатель ясно дает понять, что Еглон находился в Гилгале, а не в Иерихоне, как утверждают его потенциальные критики.

300. Кафтор написан иероглифами Кптар в Ком-Омбо (на стене южного коридора храма), где он возглавляет список географических названий, а за ним следуют названия Персии и Сузы (Sayce: *The Higher Criticism and the Verdict of the Monuments*, 3rd edition, p. 173). Имя Заккал, ранее читавшееся как Заккар или Заккур и отождествлявшееся с теукрийцами, было указано профессором Хоммелем в вавилонской надписи XV века до н. э. (W. A. I. iv. 34, No. 2, ll. 2, 6). Здесь он называется городом Заккалу, а из папируса, хранящегося у М. Голенищева, мы можем узнать, что он находился на побережье Ханаана недалеко от Дор.

301. Воспоминание об этом событии, вероятно, сохранилось в Юстине, xviii. 3, где мы читаем, что за год до падения Трои "царь аскалонцев" разрушил Сидон, жители которого бежали на кораблях и основали Тир. Эта дата согласуется с периодом правления Рамзеса III. Лидийская история гласит, что Аскалос, сын Гименеса и брат Тантала, был послан лидийским царем Акиамосом во главе армии на юг Палестины и основал там Аскалон (Steph. Byz. s.v. Ἀσκάλων), а согласно лидийскому историку Ксанфу, богиня Деркетто была утоплена в Аскалонском озере лидийцем Мопсосом (Athen. *Deipn.* viii. 37, p. 346). В этих легендах мы имеем предание о том, что филистимляне и их союзники пришли с побережья Малой Азии и греческих морей.

302. Иис. xiii. 2, 3; Суд. iii. 1-3. Утверждение в Суд. i. 18 верно только теоретически; фактически оно не было верным до правления Давида.

303. Стефан Византийский s.v. Ἰόνιον, где также говорится, что Газа называлась Ионка. Согласно Кастору, талассократия или "морское правление" Миноса продолжалось до 1180 г. до н. э., когда оно перешло в руки лидийцев. Под последними может подразумеваться экспедиция, отправленная на юг Палестины лидийским царем Акиамосом.

304. Sayce, *Races of the Old Testament*, pp. 126, 127, and pl. i.

305. Втор. ii. 23. Авим - это просто описательное название, означающее "народ развалин".

306. См. мою книгу "*Высшая критика и вердикт памятников*", с. 325-327. Возможно, что некоторые из семитских божеств были приняты филистимлянами до того, как они покинули Крету, если они действительно пришли с этого острова. В любом случае предполагается, что там поклонялись некоторым ханаанейским божествам, особенно Ашторет под названием Диктинна. На присутствие семитов на острове указывает название реки Иарданос или Иордан.

307. В эпоху Деборы, однако, кажется, что морской порт Иоппа все еще находился во владении данайцев (Суд. ст. 17). Но ср. Josh. xix. 46.

308. Winckler and Abel, *Mittheilungen aus den orientalischen Sammlungen*, iii. 143. 37, 43. Анатум или Анат, сын Син-абу-су, также является свидетелем продажи некоторого имущества в документе, датированном правлением вавилонского царя Самсу-илуны, сына Хаммурапи или Амрафела, и опубликованном г-ном Пинчесом, "*Вавилонские таблички с надписями в коллекции сэра Х. Пика*", iii. p. 61.

309. См. Суд. i. 27. Бет-Шеан, Скифополис классической географии, - это современный Бейсан.

310. Двадцать - это половина неопределенного числа сорок, и просто обозначает, что точное число лет, хотя и неизвестно, было меньше поколения.

311. Суд. ст. 15. Буквально эти слова звучат следующим образом: "Иссахар [подобен] Барак". Еврейское *kên* - это ассирийское *kêmi*, "подобный", и используется так же, как *kida* в современном египетском арабском. Утверждать вместе с Будде, Велльхаузеном и другими, что Дебора также описывается как принадлежащая к Иссахару, - это безудержная критика.

312. Пиндар, *Pyth.* iv. 106; *Lactant.* i. 22; *Etym. Mag.* s.v. ἔσσην.

313. Быт. xxxv. 8, где название теребинта, Аллон-Бахут, "теребинт плача", происходит от причитаний по поводу смерти кормилицы. Однако иное происхождение названия, по-видимому, указывается в Ос. xii. 4.

314. Риммон, один из главных ассирийских богов, также назывался Барку, "молния", и вполне возможно, что это имя перекочевало на запад вместе с именем Риммона. Ноам, чье имя вписывается в имя Абиноама, отца Барака, был, по-видимому, финикийским богом, чьей супругой была Наама.

315. Сорок тысяч" представляет собой высшую единицу, тысячу, в подразделении армии, умноженную на неопределенное число сорок.

316. Хетты из Кадеша", согласно чтению Лукиана в переводе Септуагинты, 2 Цар. xxiv. 6, вместо испорченного и ничего не значащего "Тахтим-ходши" в масоретском тексте. См. Hitzig, Z. D. M. G., ix. pp. 763 sqq.; Wellhausen, T. B. S., p. 221.

317. Обычно предполагается, что он находился недалеко от Кишона, в связи с Судьями iv. 16. Но это предположение не является однозначным, отчасти потому, что мы не знаем, как далеко могло простираться преследование, отчасти потому, что восточные выражения не могут быть истолкованы с математической точностью западного языка. Имя Харошеф означает, вероятно, "город металлообработки" или "кузница".

318. Будучи поэмой, она, вероятно, сначала передавалась из уст в уста. Это объясняет такие варианты прочтения, как "и опустились облака" рядом с "и опустились небеса" в *ст.* 4; или "во дни Иаэля" рядом с "во дни Шамгара бен-Аната" в *ст.* 6. Имя Иаэль, однако, могло быть маргинальным глоссом, как *sârîd*, "остаток", возможно, в *ст.* 13. Песнь почти наверняка с самого начала была написана буквами так называемого финикийского алфавита, а не клинописными знаками. Если бы она была написана клинописью, произошла бы путаница между *aleph*, *hê* и *'ayin*, чего в ней не наблюдается. В то же время использование предлога *bê* в *ст.* 2 и 15 (*b' Israël*, *b' Issachar*) можно объяснить на основе клинописной слоговой таблицы, в которой символ *pi* (используемый для *bi* в табличках Тель-эль-Амарны) также имеет значение *ui*. Отсутствие артикля, характерное для Песни песней, напоминает нам о том, что в ханаанском или финикийском языках определенного артикля в иврите не существовало.

319. В одном из вариантов чтения вместо "небес" дано "облака".

320. Вероятно, маргинальная глосса.

321. Эта строка также испорчена, но на нее есть ссылка в стихе 11: "Народ Яхве спустился к воротам".

322. *То есть* на дороге.

323. *Dabbêrî shîr*, с обыгрыванием имени Дебора.

324. В масоретском тексте - "пленники".

325. Здесь текст снова испорчен. Септуагинта переводит его так: "И пошел остаток к сильным". Но *sârîd*, "остаток", - это, возможно, маргинальная глосса, образованная от названия места Сарид в Завулоне (Иос. xix. 10), что означает: "Тогда народ Яхве сошел в Сарид к знатым". Второй член стиха показывает, что "вельможи" - это израильтяне.

326. Здесь текст не может быть правильным, хотя общий смысл его ясен.

327. Идея та же, что и в случае с солнцем и луной, стоявшими неподвижно во время победы Иисуса Навина над царями в Маккеде (Иис. х. 12-14). Вавилонская астрология учила, что события в этом мире зависят от движения небесных тел.

328. Септуагинта: "Моя могучая душа повергла его". Стих, по-видимому, испорчен. Чейн переводит: "Наступай, душа моя, с силой!".

329. Массоретская пунктуация заставляет его "испортить". Эвальд предположительно читает *sârâh*, "принцесса", как *shâlâl*, "порча". В Септуагинте, не менее предположительно, есть "порча для его шеи". Упомянутая одежда - это белое полотенце, надеваемое на шею для защиты от солнца или ветра и называемое в Верхнем Египте *shaqqa*, или частично окрашенная *milâya*, используемая для той же цели в Нижнем Египте. Чейн переводит: "Цветной материал, два куска вышивки, для моей шеи, он взял в качестве добычи".

330. Judg. vi. 32.

331. 1 Цар. xii. 11, 2 Цар. xi. 21 (где "Ваал" заменен на "Бошет", "позор").

332. Judg. ix. 1.

333. См. Kittel, *Geschichte der Hebräer*, ii. p. 73.

334. Если проводить различие между именами Гедеон и Иерувбаал, то можно предположить, что первое было именем, под которым его носитель был известен израильтянам в Офре, а второе - тем, под которым он был известен ханаанеям в Сихеме. Согласно Порфирию, в финикийских анналах говорится о жреце Иеуфы по имени Иеромбалос, что, несомненно, означает Иерувбаал. Ханаанские цари также могли быть жрецами, как мы узнаем из истории Мелхиседека. Бетген делает Иеруббаала практически идентичным Мериббаалу (*Beiträge zur semitischen Religionsgeschichte*, p. 143).

335. Кадмониты из Быт. xv. 19, где они объединены с кенитами и кениззитами Южной Палестины: см. выше, с. 162.

336. Многие рассказы о битвах, приведенные Ливием, столь же запутаны и, несомненно, взяты из более чем одного источника, но никому не придет в голову различать источники, а тем более дробить повествование римского историка на отдельные документы.

337. Суд. vi. 24.

338. Это употребление сохранялось даже во времена Осии (Ос. ii. 16).

339. Имя Авимелеха "мой отец - царь" не может служить аргументом, поскольку "царь", о котором в нем говорится, - это божественный царь или Молох, а не земной правитель.

340. Иуд. ix. 4, 46. Ср. viii. 33.

341. См. Иуд. i. 28.

342. Современная критика считает историю о кувшинах и факелах мифом и сравнивает ее со старыми египетскими романами, в которых описывается взятие Иоппии в царствование Тотмеса III с помощью хитрости, подобной той, о которой мы читаем в истории об Али-Бабе и сорока разбойниках. Но с точки зрения истории нет никаких оснований для дискредитации этого рассказа. Суеверие бедавинов вполне объяснило бы панику и бегство, если бы в лагере верили, что на них напали ночные духи. Действительно, известно, что подобные паники возникали не только среди бедавинов, живущих в дикой местности, но даже среди дисциплинированных английских солдат.

343. Считается, что имена вождей произошли от двух мест, которые местная традиция связывала с их смертью. Но хотя "скала Ворона" - вполне возможное географическое

название на Востоке (в современном Египте действительно есть не одна "скала Ворона"), "виноградник Волка" - совсем наоборот. С другой стороны, такие названия животных, как ворон и волк, часто применялись в древней Аравии к отдельным людям и племенам (см. W. Robertson Smith в *Journal of Philology*, ix. 17, 1880, pp. 79-88).

344. В этом повествовании ссора с Ефремом происходит перед поражением Зевы и Залмунны, но Судья vii. 25 показывает, что это неуместно. Некоторые критики утверждают, что перед нами две разные версии одной и той же истории, и что Ореб и Зевеб из одной версии - это Зеба и Залмунна из другой. Это, однако, свидетельствует о любопытном незнании организации и способов ведения войны бедавинами: у них должно было быть более одной группы набегов, и разные группы должны были находиться под властью разных шахов.

345. См. выше, с. 270. Из городов, упомянутых в Судг. i. 27, Дор, как мы узнаем из папируса Голенищева, был занят Заккалом, родственником филистимлянам, и стал израильским только после завоевания последнего. (Дор, однако, по праву принадлежал Ашеру, и в книге Иос. xvii. 11 прямо утверждает, что ханаанские города, которыми впоследствии овладел Манассия, первоначально входили в состав территорий Иссахара и Ашера. Иссахар мог потерять их только во времена Варака.

346. Даже в Тире титул верховного Ваала, Мелек-кирьят (Мелькарт), "царь города", показывает, что с самого начала государство было теократией.

347. См. выше, с. 306. Священнический характер Иерувваала был подавлен в повествовании в соответствии с чувствами более позднего времени, когда священство было строго ограничено коленом Левия. Но в более ранние времена помазанный царь рассматривался как наделенный Яхве священническими функциями. Саул и Соломон приносили жертвы, а сыновья Давида выступали в роли священников (2 Цар. viii. 18).

348. См. Иуд. xvii. 5; Ос. iii. 4.

349. 1 Цар. ii. 18, xxii. 18, xxiii. 9, xxx. 7, 8.

350. Иуд. vi. 24, viii. 27.

351. См. Иуд. ix. 1, 28.

352. 2 Цар. xx. 14. Чтение последнего отрывка, однако, не определено.

353. См. Иуд. ix. 41. Стих 31 следует перевести: Завул "послал гонцов к Авимелеху в Аруму".

354. Имя Иоваала, "Яхве - это Ваал", сохранилось в Септуагинте. Его значение привело к тому, что оно было опущено в масоретском тексте, где мы имеем только *ben-'ebed*, "сын рабыни", что соответствует выражению "сын нищего", которое мы встречаем в ассирийских надписях.

355. Здесь он называется *Мигдаль Шехем* или "башня Шехема", но, по-видимому, это то же самое, что и *Милло* из ст. 6. Крепость должна была находиться в таком же отношении к Сихему, как "твердыня Сиона", взятая Давидом, к Иерусалиму. Вероятно, он был построен прямо за стенами города. Можно также сравнить с "Милло", построенным Соломоном для защиты своего дворца и храма (1 Цар. ix. 15).

356. См. 2 Цар. xi. 21.

357. См. Иуд. х. 11, 12. Все записи о войнах с зидонянами и маонитами исчезли. Возможно, профессор Хоммель прав, отождествляя маонитов с народом Маан в Южной Аравии, чье могущество ослабело до возвышения Савского царства и распространилось на границы Палестины (*Aufsätze und Abhandlungen sur Kunde der Sprachen, Literaturen und der Geschichte des vorderen Orients*, pp. 2, 47).

358. Numb. xxvi. 23, 26.

359. Если бы имелся в виду южный Вифлеем, он бы назывался, как и в других местах книги Судей, Вифлеем-Иуда.

360. Numb. xxxii. 41; Втор. iii. 4, 14. В Втор. iii. 4 "города" Аргоба описываются как шестьдесят, которые в Ис. xiii. 30 отождествляются с "городами Иаира, которые в Васане". Однако это неверно, поскольку Иаир завоевал не шестьдесят городов, а тридцать селений.

361. Это должно означать, что он претендовал на часть наследства своего отца от законных сыновей и что "старейшины", рассматривавшие дело, решили его против него. В повествовании он назван просто "сыном Гилеада".

362. Туби (№ 22) - одно из мест, упомянутых Тотмесом III в числе его завоеваний в Палестине. Вероятно, это современный Тайибех, Тобион из 2 Макк. х. 11, 17.

363. Аргумент, вложенный в уста аммонитян (Суд. xi. 13), как и ответ Иефти, несомненно, выражал чувства обеих сторон, но язык историка, как и в случае с речами Фукидида. Когда говорится (см. 26), что израильтяне занимали район к северу от Арнона в течение трехсот лет, хронология принадлежит составителю. Триста лет эквивалентны десяти поколениям, а десять поколений образуются путем подсчета имен судей, приведенных в книге Судей, вплоть до Иеффая, как представляющих столько последовательных поколений (1. Моисей; 2. Иисус Навин; 3. Офниэль; 4. Эхуд; 5. Шамгар; 6. Варак; 7. Геден; 8. Авимелех; 9. Тола; 10. Иаир). Если считать Моисея и Иисуса Навина одним поколением, то нумерация будет продолжена до Иеффая).

364. Имя Иеффай - это сокращенная форма имени Иеффай-Эл, которое мы находим как название долины на границах Ашера (Ис. xix. 27).

365. См. Steinthal, *The Legend of Samson*, Eng. tr. by Russell Martineau in Goldziher's *Mythology among the Hebrews*, pp. 392-446.

366. Рамат-лехи - это "высота Леги", не имеющая ничего общего с *râmâh* - "бросать"; Кн-хаккоре - "весна куропатки", а не "зовущего".

367. Из Иуд. i. 16, 17 можно понять, что Симеон предшествовал Иуде в занятии будущей Иудеи. Когда была сформирована экспедиция против Арада и Сефата, иудеи и кениты все еще стояли лагерем вместе в Иерихоне. Кениты, по-видимому, остались на вновь завоеванной территории Негеба, в то время как иудеи обосновались в Вифлееме.

368. Мы слышим только о том, что жители горы Ефрем ежегодно поднимались в Шилох для жертвоприношения (1 Цар. i. 1-3).

369. Следует помнить, что в это время, до возвышения Иудеи, Ефрем был ближайшим соседом филистимлян и амаликитян.

370. Конечно, нельзя предположить, что эфраимлянин стал бы записывать поражение и гибель своего племени от рук Иефты. Но столь значительное бедствие не могло не стать известным во всем Ханаане, и о нем должны были узнать сами летописцы Эфраима. Однако где и кем был составлен данный рассказ, спрашивать не имеет смысла, и этот вопрос можно оставить на обсуждение филологических критиков. В том, что Самуил, воспитанный в Шилохе, мог писать, мы убеждаемся в 1 Цар. х. 25.

371. 1 Цар. ix. 5; xiv. 1.

372. 1 Цар. ix. 18, 19. Распадающиеся критики приняли это повествование за примитивное и современное, потому что оно представляет нам картину Самуила, которая, кажется, низводит его до неясного местного прорицателя, и на основании этого оспаривают древность таких повествований, которые приписывают ему национальное влияние. С таким же успехом они могли бы утверждать, что единственный примитивный и современный рассказ о короле Альфреде, которым мы располагаем, - это история о сожженных лепешках в Ательни.

373. 1 Сам. vii. 14.

374. Зуф дал свое имя "округу Зуфа" (1 Цар. ix. 5), которая имеет форму множественного числа в Рамафаиме - Зофим.

375. Ефрем, однако, как и Иерусалим, более древняя форма которого была восстановлена по клинописным надписям, может быть поздним масоретским неправильным произношением первоначального множественного числа Ефрим. Массореты ошибочно ввели двойную форму в произношение имени Чушан-ришатайм, а также, вероятно, и Нахараим, если сравнивать его с египетским Нахарин и Нахрима из табличек Тель-эль-Амарны. Возможно, двойная форма Эфраим возникла в связи с существованием двух Офраев (с 'айин), которые уже упоминаются в географических списках Тотмеса III.

376. 2 Sam. viii. 18; см. также 2 Sam. xx. 26. Авторизованная версия неверно переводит это слово в обоих отрывках.

377. Переведено мной в *"Записях о прошлом"*, новая серия, IV., с. 109-113.

378. См. выше, с. 244. Еврейское Samuel могло также представлять вавилонское Sumu-il, "Sumu - Бог" или "имя Бога", которое мы действительно находим в ранних вавилонских договорах.

379. Так же Летописец утверждает, что он происходил от Итамара, младшего сына Аарона (1 Chron. xxiv. 3).

380. Из 1 Цар. iii. 3, в сравнении с Исх. xxvii. 21 и Лев. xxiv. 3, следует, что в то время в "храме Господнем, где находился ковчег Божий", не было завесы.

381. Священник" в этом повествовании эквивалентен "первосвященнику": см. выше, с. 219. Два сына Илая, естественно, не были на равных с ним. Серьезно утверждается, что в Шилохе в то время было только три священника, потому что ничего не говорится о других; если бы повествование не требовало упоминания Хофни и Финееса, нам бы сказали, что был только один. Подобная путаница с историческими документами, к сожалению, слишком характерна для так называемой "литературной критики".

382. Предполагается, что "женщины, собиравшиеся у дверей скинии собрания" (Исх. xxxviii. 8, 1 Цар. ii. 22), были религиозными проститутками, подобно *кедашот* в храмах Финикии (см.

Втор. ххiii. 17, 18). Но тот факт, что связь сыновей Илая с ними была грехом в глазах как Яхве, так и народа, доказывает обратное. Здесь, как и в других случаях, старый институт семитской религии сохранился среди приверженцев Моисеева закона, но был лишен своих языческих и аморальных черт.

383. 1 Цар. ix. 9.

384. 1 Цар. xix. 23. *Nâbî* не арабского происхождения, как часто предполагают, как, например, профессор Корнилл, "*Пророки Израиля*", стр. 8-10, где ошибочно утверждается, что вавилонское *nabû* не означает "произносить" или "провозглашать". Имя Нево показывает, к какой древности восходит вавилонское *nabium* в его особом значении "пророк". Современное арабское *nebi* заимствовано из древнееврейского *nâbî*. *Nâbî* соответствует греческому *προφήτης* "говорящий вперед", в отличие от *μάντις* или "прорицатель", вавилонского *asipu*. В Вавилонии *асипу* выполнял те функции, которые когда-то выполнял древнееврейский *роэх*; он определял, должна ли армия двигаться или нет, будет ли победа на ее стороне, будет ли предприятие успешным или наоборот. Таким образом, в то время как *асипу* и *набиу* продолжали существовать бок о бок, выполняя функции, совмещенные в древнееврейском *роэ*, а вначале - в древнееврейском *наби*, у израильтян *роэ* исчез, и остался только *наби* с чисто пророческими атрибутами.

385. К концу жизни Самуила, однако, вокруг него в Раме выросла наота или "монастырь", который, должно быть, очень напоминал дервишские колледжи современного магометанского мира; см. 1 Цар. xix. 23. Этот монастырь занял место Шилоха и стал настоящей "школой" пророческой подготовки и обучения.

386. Гад, однако, все еще сохранял титул "провидца" (1 Chron. xxix. 29), а одна из историй царствования Соломона содержалась "в видениях Иддо, провидца, против Иеровоама" (2 Chron. ix. 29). Даже история Езекии, написанная Исайей, называлась "видением пророка Исаяи" (2 Chron. xxxii. 32). Но это название было всего лишь выжившим.

387. Однако мы должны различать авторитет Самуила как провидца, который не вызывал ревности у его филистимлянских хозяев, и его авторитет как вершителя правосудия. Она ограничивалась небольшой территорией в самом сердце горы Ефрема. Каждый год, как нам говорят (1 Цар. vii. 16), он, подобно вавилонскому судье, отправлялся "в Веф-Эль, и Гилгал, и Мицпе". Это Мизпех из Вениамина.

388. Рама, "высота", отождествляется в 1 Цар. ii. 11 с Рамафаимом, "двумя высотами". Деревня, очевидно, стояла на двух холмах. О возможном месте расположения Апхека см. G. A. Smith, *The Historical Geography of the Holy Land*, p. 224. М. Клермон-Ганно (*Ежеквартальный отчет Фонда исследования Палестины*, 1874, с. 279; 1877, с. 154 sqq.) отождествляет Эбен-Эзер с большим камнем в Виф-Шемеше (1 Цар. Vi. 14, 18), но это сомнительно.

389. См. мою книгу "*Высшая критика и вердикт памятников*", с. 154; и выше, с. 196.

390. 1 Цар. iv. 13.

391. В тексте Септуагинты опущено "восемь".

392. В Септуагинте читается Ouai-bar-khabôth, "Горе сыну славы", со вставкой арамейского *bar*, "сын".

393. 1 Цар. xiv. 3.

394. Поскольку Абиафар был современником Давида, а его отец Ахимелех или Ахия - Саула, Ахитуб будет современником Самуила. Если Соломон вступил на престол около 965 года до н. э., а Саулу на момент его смерти было около сорока лет, то дата рождения Саула должна быть около 1045 года до н. э. Самуил был уже стариком, когда умер; если он прожил десять лет после воцарения Саула и ему было десять лет, когда был взят ковчег, то мы можем считать, что он родился около 1090 года до н. э. Таким образом, рождение Илия приходится на 1180 год до н. э., то есть вскоре после вторжения израильтян в Ханаан. Таким образом, жизнь Илия охватывает почти весь период Судей и образует единое звено между эпохой Моисея и эпохой Самуила. В таком случае неудивительно, что записи и традиции эпохи Моисея сохранились в Шилохе. Ковчег пробыл у филистимлян всего семь месяцев (1 Цар. vi. 1), а из "дома Авинадава" в Кириаф-Иариме он был перенесен через некоторое время после седьмого года Давида (см., однако, 1 Цар. xiv. 18). Сыновья Авинадава" во 2 Цар. vi. 4 должны означать, как это часто бывает, потомков Авинадава.

395. В Зеф. i. 9 есть намек на практику филистимских жрецов "перепрыгивать" через порог. О происхождении и причинах такой святости порога см. Trumbull, *The Threshold Covenant*, pp. 10-13, 116-126, 143. В Финляндии считается несчастьем, если священнослужитель наступает на порог, когда приходит проповедовать в церковь..... В саамских сказках встречается та же идея". (Jones and Kropf, *Folk-Tales of the Magyars*, p. 410.)

396. Филон Библий, согласно Евсевию, *Præp. Evangel.* i. 6.

397. О том, что Дагону поклонялись в Ханаане до того, как его приняли филистимские эмигранты, мы знаем не только из географических названий, но и из того факта, что одного из корреспондентов Тель-эль-Амарны в Палестине звали Даган-такала.

398. Примечательно, что Зофим в Рамафаиме означает "сторож". Поэльс (*Le Sanctuaire de Kirjath-jearim*, Louvain, 1894), кроме того, считает вероятным, что Кирьят-Жарим, Мизпех, Гибеах, Геба и Гибеон представляют одно и то же место.

399. Согласно 1 Цар. vii. 2, победа при Ебен-Езере произошла "через двадцать лет" после того, как ковчег был перенесен в Кирьят-Еарим. Но это всего лишь половина неизвестного периода, а значит, промежуток времени был недолгим.

400. 1 Цар. vii. 13, 14. Территория независимости, однако, должна была быть весьма ограниченной, поскольку в Гибее на "холме Божиим" стоял гарнизон филистимлян (1 Цар. ix. 5), а также в Михмаше (1 Цар. xiv. 1).

401. Нет причин сомневаться в очень четком утверждении, содержащемся в 1 Цар. vii. 14, которое объясняет и ограничивает предыдущий стих. Его древность подтверждается заключительными словами: "И был мир между Израилем и Амореями". Термин "аморрейский" вместо "ханаанский" указывает на раннюю дату, а предложение читается как выдержка из современной хроники. Мир был вынужденным, поскольку и израильтяне, и ханаанеи находились под игом филистимлян.

402. См. 2 Царств xviii. 4.

403. 1 Хрон. xvi. 39, xxi. 293; 2 Хрон. i. 3, 5.

404. Является ли это выводом из 1 Царств iii. 4? То, что Летописец иногда делал ошибочные выводы из своих материалов, я показал в "*Высшей критике и вердикте памятников*", с. 463. Трудно понять, как такие "приспособления", как скиния и жертвенник, избежали разрушения, когда храм в Шилохе был разрушен.

405. Кирьят-Иарим был городом гибеонитов (Иис. ix. 17).

406. 1 Sam. ix. 3.

407. 1 Цар. viii. 2. Иоиль называется Вашни в 1 Хрон. vi. 28, где Септуагинта читает Сани.

408. Как было отмечено выше (с. 315, прим. 1), титул верховного бога Тира свидетельствует о том, что и там государство изначально рассматривалось как теократия.

409. Имя Саула соотносится с вавилонским Савулом, титулом бога Солнца, хотя его также можно объяснить как древнееврейское слово, означающее "просить". Но один из эдомитских царей также носил имя Саул, а сам он, как утверждается, происходил из "Рехобота (ассирийского Рэбита) при реке Евфрате" (Быт. xxxvi. 37). Это указывает на вавилонское происхождение имени. Киш, отец Саула, носит то же имя, что и эдомитский бог Кос (по-ассирийски Каус), от которого производно ханаанейское Кишон. Преемниками Саула в Эдоме были Баал-Ханан и Хадад, причем Хадад был современником Соломона, а Эль-Ханан, как сказано в 2 Цар. xxi. 19, что он убил Голиафа, я предложил (*The Modern Review*, v. 17, 1884) видеть в Сауле и Баал-Ханане из Эдома Саула и Давида из Израиля. Саул, как говорят, воевал против Эдома (1 Цар. xiv. 47), а эдомитянин Дозг был его приспешником. Но это предположение опровергается двумя фактами. Цари Эдома, о которых говорится в Быт. xxxvi. 31-39, царствовали "прежде нежели был какой-либо царь над сынами Израилевыми", а Саул, сын Киша, пришел не с Евфрата.

410. 1 Sam. ix. 3. В 1 Цар. x. 14-16 дядя Саула занимает место его отца.

411. Много говорилось о том, что Саул никогда не слышал о Самуиле и не знал, что он был пророчеством. Но в повествовании говорится лишь о том, что раб Саула сообщил ему, что в городе находится пророк, не называя его имени; а если Саул никогда раньше не видел Самуила, он, естественно, не узнал бы его в толпе.

412. О том, что пророки находились в Гивее, говорит тот факт, что "холм Божий", где они встретились с Саулом, был также местом, где находился "гарнизон филистимлян" (1 Цар. x. 5, xiii. 2, 3).

413. На основании этого стиха обычно предполагают, что "Гивея Саулова" была первоначальным домом семьи Саула. Но поскольку место погребения семьи находилось в Селахе (2 Цар. xxi. 14), это вряд ли могло быть так. Гивея была местом первого успеха Ионафана в борьбе с филистимлянами, и именно здесь Саул жил в последние годы своей жизни.

414. Ср. Иуд. xix. 29, где левит аналогичным образом разрушает свою наложницу и рассылает куски нескольким коленам Израиля.

415. См. мою книгу *"Высшая критика и вердикт памятников"*, с. 463-4. Когда Ахав пришел на помощь сирийцам против ассирийского царя Шалманесера, все его силы состояли всего из десяти тысяч человек и двух тысяч колесниц, и "Ассур-нацир-пал считает предметом хвастовства, что он убил в бою пятьдесят или сто семьдесят два врага". Все сельское население Иудеи, увиденное в плен Сеннахерибом, составляло всего двести тысяч сто пятьдесят человек, что давало, самое большее, армию в пятьдесят тысяч человек. Египетские армии, с которыми были одержаны победы восемнадцатой и девятнадцатой династий, были невелики по численности. Одна из них, во времена девятнадцатой династии, насчитывала всего три тысячи сто иностранных наемников и тысячу девятьсот туземных солдат (Erman, *Life in Ancient Egypt*, Eng. tr., p. 542). В то же время не следует забывать, что

если во времена Езекии в Иудее было пятьдесят тысяч свободных воинов, то несколькими поколениями ранее среди остальных семи колен их было около трехсот пятидесяти тысяч. Следовательно, расчет, приведенный в тексте 1 Цар. xi. 8, приблизительно верен как простое вычисление. Между имеющимися и реальными воинами, конечно, была большая разница. На второй год правления Саула, когда его власть была установлена, он смог собрать не более трех тысяч воинов (1 Цар. xiii. 2). К нему, правда, стекалось большее число, но это была недисциплинированная, безоружная толпа, которую пришлось разогнать по домам.

416. Поскольку древнееврейское "*нециб*" означает "начальник", а также "укрепленный пост" или "гарнизон", многие авторы утверждают, что *нециб* на "холме Божьем" в Гибее был филистимским чиновником. Но Ионафану не потребовалась бы тысяча человек, чтобы уничтожить одного чиновника и нескольких солдат, которые могли быть с ним.

417. Евреи, разумеется, не имели возможности определить точную численность врага. Количество колесниц определить невозможно, да и в гористой местности они были бы бесполезны. В великой битве, в которой Менептах спас Египет от объединенных армий ливийцев и их северных союзников, всего было взято девять тысяч триста семьдесят шесть пленных, а убитыми оказались шесть тысяч триста шестьдесят пять ливийцев и две тысячи триста семьдесят их средиземноморских союзников. К ним следует добавить девять тысяч сто одиннадцать максиев. И все же не похоже, чтобы кто-то из захватчиков спасся после битвы.

418. 1 Цар. xiii. 6, 7. О различии, которое здесь проводится между "людьми Израиля" и "Евреями", см. выше, с. 6.

419. Идентификация неопределенна, поскольку зависит от того, какое место отводится Гибее.

420. Ахимелех (1 Цар. xxii. 9, 11, 20) здесь назван Ахией, возможно, из-за нежелания применять к Яхве термин "Мелех", "царь", с его языческими ассоциациями.

421. Здесь он назван старым именем Бет-Он, которое масоретская пунктуация превратила в Бет-Авен.

422. Некоторые литературные критики выдвинули необоснованное предположение, что вместо Ионафана был подставлен пленник, хотя этот факт был замалчиваемым позднейшим еврейским историком. Вполне естественно, что те, кто переписывает историю, не слишком высокого мнения о благонадежности своих предшественников.

423. 1 Цар. xii.

424. 1 Цар. x. 8, в сравнении с xiii. 8-15.

425. 1 Сам. xiii. 14. Хотя царство Саула "не продолжалось", оно все же продержалось некоторое время и не было свергнуто при Михмаше, как, должно быть, ожидали те, кто слышал слова Самуила. Поскольку Давид был помазан лишь несколько лет спустя, он не может быть "человеком" по "сердцу" Яхве, которого провидец имел в виду в то время.

426. *Нахал* (А.В. "долина") - это, вероятно, Вади эль-Ариш, который лежал на пути к Шуру или линии укреплений, защищавших восточную сторону Дельты. Хавила, "песчаная" пустыня, соответствует Мелуххе или "соляной" пустыне из вавилонских надписей. Городом Амалека мог быть Эль-Ариш, если в то время он не находился в руках египтян.

427. Израильтян побудили к мести убийственные набеги Бедавина в то время, когда филистимлянское нашествие сделало их слишком слабыми, чтобы защищаться (1 Цар. xv. 33).
428. Вместо "Эдома", вероятно, следует читать "Арам", как того требует географический порядок списка стран, идущего с юга на север. В 2 Sam. viii. 13, "Арам" заменен на "Эдом", который все еще читался Летописцем (1 Chron. xviii. 12), а брак Давида с дочерью царя Арам-Гешура (2 Sam. iii. 3) подразумевает вражду между Саулом и гешуритами.
429. Критики" решили, что список войн Саула был "позаимствован" из истории Давида. Однако в этом случае мы должны были услышать о "царе" Зовы, а не о "царях". Мы знаем, что Саул воевал с Аммоном. Если бы этот факт не был упомянут, "критики", как и в случае с Моавом и Зовахом, утверждали бы, что такой войны не было. Аргумент молчания может упростить процесс реконструкции истории, но с исторической точки зрения он бесполезен.
430. В других случаях Саул проявлял себя настолько скрупулезным наблюдателем Закона, что мы вполне можем понять его подчинение предписанию Второзакония о том, что царь не должен "умножать" коней или жен (Втор. xviii. 16, 17).
431. 1 Цар. xxii. 6.
432. Однако из 1 Sam. xxi. 9, что здесь должна быть какая-то ошибка, поскольку меч Голиафа был положен в Нобе, когда Саул был царем.
433. Это, должно быть, преувеличение, поскольку Давид, который был не выше обычного роста, впоследствии пользовался его мечом (1 Цар. xxi. 9).
434. Далее в повествовании говорится, что "Давид взял голову филистимлянина и принес ее в Иерусалим, а доспехи свои положил в шатер свой". Этот стих приводится в Септуагинте, хотя следующие девять стихов опущены. Но это утверждение не может быть верным. Иерусалим был взят Давидом только через много лет после битвы в долине Элаха, а у отрока-пастуха в то время не было своего шатра.
435. 1 Chron. xx. 5. "Бет-лекемит" превращается в "Лакми", имя "брата" Голиафа, а непонятное *"Яаре-орегим"* становится *"Яиrom"*. *Орегим*, "ткачи", однако, вкралось из конца стиха, и первоначальное чтение 1 Sam. xxi. 19 должно было быть: "Эль-Ханан, сын Яари (лесничего) Вифлеемского, сразил Голиафа Гиттита, посох копья которого был подобен ткацкому станку".
436. 1 Царств xix. 15, 16; 2 Царств ix. 2, 3. Ахия, однако, не помазал Иеровоама, когда тот предложил ему возглавить восстание десяти колен против дома Давида. Когда Давид стал царем в Хевроне, его помазали "мужи Иудины", а не пророк (2 Цар. ii. 4), и не упоминается ни пророк, ни священник, когда он был помазан "царем над Израилем" (2 Цар. v. 3).
437. Мы должны помнить, что в любом случае акт помазания был бы тайной, и, следовательно, о нем легко можно было бы составить ошибочное представление.
438. 1 Цар. xviii. 6. Следует обратить внимание на единственное число "филистимлянин", как если бы в нем содержалась ссылка на поражение Голиафа. Ср. xix. 5.
439. См. выше, с. 342.
440. Возможно также, что глава xx. должна предшествовать главе xix.
441. 1 Цар. xix. 2.

442. Хитциг отождествляет имя Ахиша с гомеровским Анхисекс. Так это или нет, но д-р В. Макс Мюллер, вероятно, прав, видя то же имя в имени уроженца Кефта или северного побережья Сирии, упомянутого в египетском папирусе, где оно написано Акашай (Шпигельберг в *Zeitschrift für Assyriologie*, viii. p. 384).

443. Если, конечно, 1 Сам. xxiii. 16-18 не является интерполяцией.

444. 1 Цар. xxiv. 2. Сравните выражение, использованное Сеннахерибом при описании своего похода против киликийцев: "Как дикий козел, я взобрался на высокие вершины против них" (W. A. I., i. 39, 77).

445. Название сохранилось в современном Телль-Зифе.

446. Шунем был укрепленным городом, уже упоминавшимся в табличках Тель-эль-Амарны, а Апхек - простым селением. Шунем, очевидно, был захвачен, и филистимский лагерь впоследствии расположился за его стенами немного западнее.

447. См. Исх. xxii. 18; Лев. xx. 27; Втор. xviii. 10, 11.

448. В 1 Хрон. xii. 19 рассказывается, что даже когда он находился в филистимском лагере в Апхеке, а затем на обратном пути в Зиклаг, "некоторые из Манассии" дезертировали к нему.

449. Негеб или "юг" в то время делился на Негеб херетитов или филистимлян, иудеев и Халевитов (1 Цар. xxx. 14, 16.) Поэтому до конца царствования Саула Халев и Иуда еще не были объединены в одно племя.

450. См. выше, с. 234.

451. Ароер принадлежал Рувиму (Иис. xiii. 16), Хорма, Зиклаг, Хор-ашан и Рамоф на юге - Симеону (Иис. xix. 4-8). Любопытно, что не упоминается Вифлеем, и поэтому возможно, что "Вифлеем" следует читать вместо "Виф-Ел" в 1 Цар. xxx. 27. В Септуагинте есть Baith-Sour.

452. Боаз, дед Иессея, как говорят, был сыном Салмона или Салмы, который, согласно 1 Хрон. ii. 50, 51, был основателем Вифлеема и сыном Халева.

453. Критика усмотрела в истории, рассказанной амаликитянином, вторую версию смерти Саула, не согласующуюся с предшествующей. Несоответствие, конечно, есть, но оно объясняется тем, что рассказ амаликитянина был выдумкой, целью которой было получить награду от Давида. В нем было много правды: Саул был ранен и желал смерти; амаликитянин мог легко узнать об этом от тех, кто был свидетелем последней сцены жизни Саула. Но тот факт, что он ограбил труп Саула, показывает, что он, должно быть, пришел на землю после бегства израильских воинов; он был, по сути, одним из тех бедавинских воров, которые в восточных войнах все еще держатся на задворках битвы в надежде убить раненых и разграбить мертвых, когда все закончится и победители будут преследовать побежденных.

454. Перевод выполнен по Пересмотренной версии с небольшим изменением в 21-м стихе. Контраст между сохранностью текста в этой Песни и в Песне Деборы велик, ни один отрывок в ней не испорчен, и указывает на более архаичный характер последней, а также подтверждает тот факт, что Песнь Поклона изучалась в школах со времени ее создания.

455. Иш-Баал или Эш-Баал, "человек Ваала", называется Ишуи в 1 Цар. xiv. 49 (где имя Абинадава опущено; см. 1 Хрон. viii. 33). Позднейшие авторы переделали Ваала в Бошефа, "позор", в соответствии с обычаем, возникшим, когда титул Ваала стал обозначать бога Финикии, а не Яхве Израиля.

456. То, что правление Давида "в Хевроне" продолжалось пять лет после смерти Еш-Баала, кажется наиболее вероятным способом объяснения утверждения во 2 Цар. ii. 10, что правление сына Саула длилось всего два года. Это, конечно, предпочтительнее, чем обычное предположение, что "два" - это ошибка в "семь".

457. Автор книг Самуила не знал своего возраста (2 Цар. ii. 10). В 1 Цар. xiv. 49 Ишуй назван перед Мелхи-шуа, а в 1 Хрон. viii. 33 Еш-Баал - младший из детей Саула. То, что Еш-Баал не принимал участия в битве при Гильбоа, одинаково хорошо согласуется с любой из гипотез. Абнер, сын Нера, сына Авиеля, был двоюродным дедом Еш-Баала (1 Цар. xiv. 50, 51). Поскольку он был еще в расцвете сил, когда его убили, разумно предположить, что его внучатый племянник был совсем юным.

458. 1 Хрон. ii. 16.

459. Если, как это вероятно, мы должны читать "гешуриты" вместо "ашуриты" во 2 Цар. ii. 9, то Еш-Баал претендовал бы на власть над Гешуром и, следовательно, был бы вовлечен в войну с царем этой страны в той же степени, что и с Давидом. Впоследствии мы видим арамейцев в союзе с аммонитянами (2 Цар. x. 6 и др.), а царь Аммона был союзником Давида против Еш-Баала (2 Цар. xi. 2). Вероятно, в 1 Цар. xiv. 47 слово "Арам" следует читать как "Эдом", географическое положение которого не было между Аммоном и Зобахом (см. выше, с. 368); если так, то Еш-Баал, утвердив свою власть над Гешуром, лишь унаследовал завоевания своего отца.

460. Авессалом, как сын принцессы, мог претендовать на первенство перед двумя своими старшими братьями, которые, хотя и родились после коронации Давида, тем не менее не имели царского происхождения по материнской линии. Старшего, сына Ахиноама, звали Аммон, второго, сына Абигайль, в еврейском тексте Самуила - Чилеаб, в тексте 1 Chron. iii. 1 - Даниил; в Септуагинте в этих двух отрывках читается Далуиа (Далбия) и Дамниэль. По-видимому, он умер молодым. Четвертым сыном Давида был Адония, сын Хаггита, который после смерти трех своих старших братьев стал старшим сыном до смерти отца, а пятым и шестым сыновьями были Шефатия, сын Авитала, и Ифрем, сын Эглаха. Все они родились в Хевроне.

461. 2 Цар. iii. 17. Это свидетельствует о том, что подозрения Саула в отношении Давида были основаны на фактах.

462. Имя вавилонского бога Риммона или Раммана подразумевает, что семья убийц была идолопоклонниками. Говорят, что они были родом из Беерофа, жители которого бежали в Гиттаим (2 Цар. iv. 3). Если бы бегство было вызвано Саулом, то враждебность сыновей Риммона к сыну Саула была бы объяснима. Беерот был одним из городов Гивеонитян (Иос. ix. 17), а Саул, как мы узнаем из 2 Цар. xxi. 1, истребил гивеонитян.

463. Название Мериб-Баал, приведенное Летописцем (1 Chron. viii. 34, ix. 40), несомненно, верно. В книгах Самуила Ваал, как обычно, заменен на Бошефа, а Мериб превращен в бессмысленное Мефи.

464. См. 1 Хрон. xi. 2 и xii. 38-40, где добавлено, что праздник коронации длился три дня.

465. См. 2 Цар. xiii. 13-17.

466. Трудно сказать, было ли число "героев" в действительности ограничено тридцатью, или же тридцать - идеальное число, которое на практике было эластичным. Во 2 Цар. xxiii. названы тридцать семь "героев", но некоторые из них могли быть назначены на место других, погибших или павших на войне. Попасть в число тридцати было равносильно получению Креста Виктории.

467. 2 Цар. xxiii. 8, но текст испорчен и читается буквально так: "Сидящий на сиденье, Такмонит, начальник третьего (?); он Адино Езнит, более восьмисот убитых в одно время". В Септуагинте есть: "Иевосфей Ханаанейский - начальник третьего; Адино Асонец - тот, кто выхватил меч свой против восьмисот воинов сразу"; в то время как Летописец (1 Chron. xi. 11) опустил имя Адино и читает: "Иашобеам, Хакмонит, начальник вождей; он поднял копье свое против трехсот убитых в одно время". В Септуагинте для Иашобеама приводится имя Есебада. Адино, по-видимому, - это Адна из 1 Хрон. xii. 20, манассит, который дезертировал к Давиду, когда тот был в Зиклаге. Яшобеам - наиболее вероятная форма этого имени, и, должно быть, существует некоторая путаница между Яшобеамом, который пронзил копьем триста врагов, и неизвестным Адино, который сделал то же самое с восьмьюстами врагами.

468. G. A. Smith, *The Historical Geography of the Holy Land*, p. 218.

469. См. 2 Цар. xxi. 15-22, xxiii. 8-17.

470. Если имя Ишби-беноб, "место мое в Нобе", верно, то "Гоб" должно быть исправлено на "Ноб". Но, возможно, в исправлении нуждается именно имя великана.

471. См. карту, приведенную Stade, *Geschichte des Volkes Israel*, p. 268, и мою "Топографию Прæ-эксильского Иерусалима" в ежеквартальном отчете Фонда исследования Палестины, октябрь 1883 г., стр. 215 sqq.

472. Блисс, "Раскопки в Иерусалиме" в Ежеквартальном отчете Фонда исследования Палестины, октябрь 1896 г. и январь 1897 г.

473. *Antiq.* viii. 5, 3; *C. Ap.* i. 18.

474. Конечно, возможно, что Абибалу предшествовал более ранний Хирам, о котором мы ничего не знаем и который имеется в виду в 2 Цар. ст. 11. Возможно также, что использование имени Хирама в этом отрывке является пролептическим, обусловленным тем, что именно он впоследствии прислал Давиду материалы для строительства храма.

475. 1 Хрон. xxii. 8.

476. 1 Цар. ст. 3.

477. 2 Цар. vi. 3. В книге Иос. xviii. 18 "Гивея Кириафская" названа одним из городов Вениамина. Как и большинство египетских и вавилонских городов, он имел второе священное название - Баал-Иуда, город "Ваала Иудейского" (2 Цар. vi. 2).

478. Имя Обед-Эдом, "слуга Эдома", показывает, что Эдом был именем божества, а не страны, как Амми, бог-покровитель Аммона, и оно встречается в памятниках Египта. В папирусе (*Pap. Leydens.* i. 343. 7) говорится, что Атум или Эдом был женой ханаанейского бога огня Решпу, а одним из мест в Палестине, захваченных Тотмесом III, был Шемеш-Эдом (№ 51), "бог солнца - Эдом" (*Records of the Past*, new ser., v. p. 47).

479. 2 Chron. i. 3. См. выше, p. 353.

480. Таково, должно быть, общее значение еврейского выражения *Metheg-ammah* в 2 Sam. viii. i., которое Септуагинта переводит τὴν ἀφωρισμένην, "дань". Летописец читал Гат как Метег (1 Chron. xviii. 1) и, следовательно, понимал амму в смысле "город-мать". Я считаю, что в этой фразе мы имеем древнееврейскую транскрипцию вавилонского выражения, заимствованного из клинописного документа. Вавилонское *mêtêg ammati* (от *mêtêq ammati*) означало "главная дорога материка" Палестины и относилось к управлению торговой магистралью, проходившей через Ханаан из Азии в Египет и Аравию. *Аммату* - семитский эквивалент шумерского Сарсара (W. A. I. v. 18, 32 с.), который был ранним вавилонским названием земли аморитов или Сирии (W. A. I. ii. 51, 19; см. *Records of the Past*, new ser., v. p. 107); а *mêtêq* дается как перевод *kharran*, "высокая дорога" (W. A. I. ii. 38, 26).

481. 2 Цар. xxiii. 20.

482. См. мою *"Высшую критику и вердикт памятников"*, с. 367.

483. Там же, стр. 349, 350.

484. В Септуагинте "Амалек" неправильно прочитан как "Мааках".

485. Эль-Хиба, вероятно, стоит на месте египетского города Ха-Бенну, греческого Гиппонона, столицы восемнадцатого нома Верхнего Египта, а его укрепления были построены верховным жрецом Мен-Хепер-Ра и его женой Исидой-эм-Хеб. Танитские фараоны образовали двадцать первую династию.

486. См. Delitzsch, *Wo lag das Paradies*, pp. 279-280. Ассур-бани-пал утверждает, что послал свои войска против городов Азар-эль, хиратакизов, Эдома, Ябруду, Бит-Аммани или Аммона, "района города Хауран" (*Хаурина*), Моава, Сахарри, Харга и "района города Цубите, или Зоба". Делицш отождествляет Ябруду с Ябрудой Птолемея, современным Ябрудом, расположенным к северо-востоку от Дамаска. В списках дани Второй Ассирийской империи Цубите или Цубуту находится между Дуру (*Тантура*) и Хаматом, Самаллой (*Синджерли*) и Хатариккой или Хадрахом (Зах. ix. 1.), Земаром (*Сумра*) и Куэ на побережье Антиохийского залива.

487. Тот факт, что ассирийский царь Шалманесер II называет Баашу, современного царя Аммона, "сыном Рухуби" или Рехоба, так же как он называет Иеху "сыном Омри", показывает, что Рехоб был личным именем. Библейский Бет-Рехоб параллелен Бит-Омри, обозначению Самарии в ассирийских текстах. В Иуд. xviii. 28 Бет-Рехоб помещен рядом с Даном. В 1 Хрон. xix. 6 Арам-Нахараим, очевидно, заменен на Арам-Бет-Рехоб, хотя, поскольку владения Хадад-Эзера простирались до Евфрата, воины могли прийти на помощь аммонитянам из Месопотамии, а также из Бет-Рехоба. Название Хадад-езера в 2 Цар. x. 16 ошибочно передано как Хадар-езер. В ассирийских надписях оно встречается как Хадад-идри (с арамейской заменой *z* на *d*), где это имя царя Дамаска, названного в Ветхом Завете Бен-Хададом II.

488. Так, согласно Септуагинте и 1 Chron. xviii. 4. В еврейском тексте 2 Sam. viii. 4 написано "700 всадников". Но возможно, что следует читать "1700 всадников".

489. Николай Дамаскин, которого цитирует Иосиф, считает Хадада царем Дамаска, который таким образом тщетно пытался остановить поток израильских успехов. Хадад, однако, должно быть, просто Хадад-езер в сокращенной форме. Возможно, мы можем понять из 1 Царств xi. 23, что правящим князем в Дамаске во время завоеваний Давида был Резон, сын Елиада.

490. 1 Хрон. xix. 18. Во 2 Цар. x. 18 указаны 700 возниц и 40 000 всадников, что явно неверно.

491. Приведенный выше рассказ о войне с Зовахом - наиболее вероятный из тех, что можно почерпнуть из скудных и отрывочных сведений, дошедших до нас. Но следует помнить, что это только вероятность. Нет уверенности даже в том, что "сирийцы, которые были за рекой" (2 Цар. x. 16), не были арамейцами из Дамаска, а не из Месопотамии, поскольку, как показал профессор Хоммель (*Ancient Hebrew Tradition as illustrated by the Monuments*, pp. 195 sqq.), термин *Ebir Nâri*, "За рекой", уже используется в ассирийской поэме (К. 3500, l. 9) эпохи Давида в ассиро-вавилонском смысле для обозначения страны к западу от Евфрата. Действительно, профессор Хоммель предполагает, что оно уже обозначало страну к западу от Иордана. Это, однако, не согласуется с 2 Цар. x. 17; кроме того, к западу от Иордана не было арамейских царств.

492. Летописец (1 Хрон. xviii. 8) сохранил истинную форму названия Тибхат, которое было искажено в Вефа во 2 Цар. viii. 8. Это Тубихи из табличек Тель-эль-Амарны, Дбху из географического списка Тотмеса III (№ 6). (№ 6). Вместо Беротаи у Летописца стоит Чун.

493. 1 Chron. xviii. 8.

494. Хадорам, более древняя форма этого имени, встречается только в 1 Chron. xviii. 10. В тексте книг Самуила есть еврейское имя Иорам.

495. Саламану фигурирует как Шалман в Ос. x. 14, как Сулману в ассиро-вавилонском. Сулману был богом мира, как и Селаманес в греческой надписи из Шех-Бараката в Северной Сирии, имя которого также встречается в финикийской надписи из Сидона (Clermont-Ganneau, *Bibliothèque de l'École des Hautes Études* CXIII., vol. ii. pp. 40, 48).

496. Обычно предполагается, что это означает, что их подвергали различным пыткам, но более вероятно, что это означает только то, что их сделали общественными рабами и заставляли рубить и пилить дерево, боронить землю и делать кирпичи. В любом случае, если речь идет о пытках, то параллелей им в других местах не найти. Поскольку корона, как сказано, весила "талант", ее вряд ли мог носить земной царь.

497. 2 Sam. viii. 13. В 1 Хрон. xviii. 12, однако, победа приписывается Авишаю, брату Иоава.

498. 2 Sam. viii. 13, где упоминание "соляной долины" показывает, что мы должны читать "Эдом" вместо "Арам", как это действительно сделано летописцем, а также в надписании Пс. lx. и в Септуагинте. Соляная долина" была частью Мелухха или "Соляной страны", о которой говорится в клинописных надписях.

499. 2 Цар. xxiii. 37, 36, 34.

500. 1 Цар. xi. 21.

501. Это был Ифра, который "вошел" к Авигайле, дочери Нахаша, сестре Зеруи, матери Иоава (2 Цар. xvii. 25). Форма выражения может означать, что Абигайль была соблазнена. Если это так, то враждебность Иоава легко объяснима.

502. Вероятно, Шоби, сын Нахаша из Раввы, из сынов Аммоновых (2 Цар. xvii. 27), был братом последнего царя Аммона, и даже возможно, что он мог быть причиной войны с аммонитянами. Если бы он был соперником своего брата Хануна и получил убежище и защиту от Давида, мы получили бы объяснение беспричинного оскорбления, нанесенного Хануном послам израильского царя.

503. То, что лес находился на восточном берегу Иордана, ясно из Иис. xvii. 15-18 и 2 Цар. xix. 31.

504. Он называется Авель-Маим, "Авель вод", во 2 Хронике xvi. 4, в сравнении с 1 Царств xv. 20. Во 2 Цар. xx. 14, возможно, следует читать: "И собрались все молодые воины" (*bakhûrîm* от *bêrîm*), как в Септуагинте "все в Харри", а в Вульгате "viri electi".

505. 2 Цар. xxiv. 6, согласно греческому переводу Лукиана ("Khattieim Kadês"). См. Field, *Origenis Hexaplorum quæ supersunt*, i. p. 587.

506. 2 Цар. xix. 29. Зиба, управляющий хромого Мефибосета, обвинил своего господина в том, что тот нацелился на царство, и Давид, соответственно, отдал ему все имущество Мефибосета. Давид не только поверил этому обвинению, но и, несмотря на протесты и оправдания Мефибосета, видимо, продолжал верить, поскольку Зибе, так и не понесшему наказания, было позволено сохранить половину имущества своего господина. Иудейский историк, очевидно, придерживается иной точки зрения, чем Давид, и считает обвинение ложным. Мефибошет правильнее писать Мериб-Баал в 1 Хрон. viii. 34; ix. 40.

507. Адриэль, сын Варзилая Мехолатского (2 Цар. xxi. 8), не может быть тем же самым, что и Фалтиэль или Фалти, сын Лаиша Галлимского (1 Цар. xxv. 44), которому Саул отдал Михал после бегства Давида и у которого Давид впоследствии взял ее (2 Цар. iii. 16). Поскольку Михаль, по-видимому, никогда впоследствии не покидала харим Давида (2 Цар. VI. 23), имя Михаль во 2 Цар. xxi. 8 должно быть ошибкой, связанной с именем какой-то другой дочери Саула.

508. См. 2 Цар. xxiv. 23, где в Септуагинте написано "Орна(н) царь". Различные написания имени Арауна, Арания (2 Цар. xxiv. 18) и Орнан (1 Хрон. xxi. 15) показывают, что это было иностранное слово, произношение которого было непонятно израильтянам. Арания - это ассимиляция с древнееврейским именем.

509. 2 Цар. xxiv. 6.

510. В 1 Царств, ст. 3, 4, причина, по которой Давид не смог построить храм, названа несколько иначе. Там говорится, что это произошло из-за постоянных войн, в которые он был вовлечен и которые не позволяли ему получить необходимый досуг для работы. Однако эта причина не относится к последней части царствования Давида.

511. Летописец (1 Хрон. xviii. 16) читает Шавша, очевидно, перепутав с более поздним Шева (2 Цар. xx. 25). Однако в Септуагинте есть Саса в 2 Цар. viii. 17, а два писца Соломона в начале его царствования были сыновьями Шиши (1 Цар. iv. 3).

512. Генеалогия первосвященников вовлечена в путаницу, которую с нашими нынешними материалами безнадежно распутать. В 1 Цар. xiv. 3 Ахимелех назван Ахией, а во 2 Цар. viii. 17, а также в документе, используемом в 1 Хрон. xxiv. (стихи 3, 6 и 31), он назван сыном Авиатара вместо своего отца. В 1 Chron. xviii. 16 это имя превращается в Авимелеха, а в 1 Chron. xxiv. говорится, что Авимелех и Абиафар происходят от Итамара, сына Аарона, а не от его брата Елеазара. То, что генеалогия в 1 Хрон. vi. 4 sqq. испорчена, очевидно не только из повторения тройки Амария, Ахитуб и Задок в стихах 7, 8 и 11, 12, но и из утверждения, что Азария через четыре поколения после Задок "исполнял должность священника" в храме Соломона. В 1 Хрон. ix. 11; Неем. xi. 11, опять же, порядок: "Задок, сын Мераиофа, сына Ахитува", тогда как в 1 Хрон. vi. 7, 8, и 52, 53, это Задок, сын Ахитува, сын Амари, сына Мераиофа.

513. Хадорам (2 Хрон. х. 18) написан как Адорам во 2 Цар. хх. 24, и Адонирам в 1 Царств iv. 6. Адони-рам - это гебраизированная форма первоначального имени Адду-раму, "Хадад возвышен". Имя его отца, Абда, имеет арамейское окончание. На ранней вавилонской печати-цилиндре из коллекции М. де Клерка написано имя Абду-раму.

514. См. выше, с. 92.

515. 1 Хрон. ххvii. 25-32.

516. Иудейский историк включает в число тех, кто отказался идти с Адонией, неизвестных в других источниках Шимей и Рея (1 Цар. i. 8). Они упоминаются как известные личности, что подразумевает, что писатель должен был иметь перед собой большое собрание документов, относящихся к истории того времени, большинство из которых теперь исчезло.

517. Поскольку во время бегства Давида Варзилаю было уже восемьдесят лет (2 Цар. xix. 35), смерть Давида не могла произойти очень скоро после этого события. То, что Иоав и Авиатар были еще энергичны, подразумевает то же самое. Что касается подлинности предсмертных наставлений Давида, то нет причин сомневаться в этом. Более поздний автор вряд ли безвозмездно приписал бы их Давиду; и хотя они могут показаться нам несовместимыми с благочестием Давида, они полностью соответствовали его характеру, а также характеру других израильтян его эпохи. Если бы они были ложно приписаны Давиду поклонниками Соломона после убийства Иоава и Шимей, Адония также был бы включен в число жертв.

518. Например, Пс. lx.

519. Например, Пс. cviii.

520. См. мои "Лекции Хибберта о религии древних вавилонян", с. 348-356. Таким образом, мы читаем: -

"О господин, грехи мои многочисленны, проступки мои велики!

О моя богиня, грехи мои многочисленны, проступки мои велики!

Грех, которым я согрешил, я не знал.

Проступка, который я совершил, я не знал.

О проклятии, которое я ел, я не знал.

Проклятие, которое я попираю, я не знал.

Господь в гневе сердца Своего отнесся ко мне;

Бог в ярости сердца Своего открылся мне.

Я искал помощи, и никто не взял меня за руку;

Я плакал, и никто не поддержал меня;

Я громко плакал, и никто не услышал меня.

Я в беде и прячусь; я не смею поднять глаз.

К богу моему, милосердному, я обращаюсь и произношу молитву;

О бог мой, семь раз по семь моих проступков; прости мои грехи!

О богиня моя, семь раз по семь моих проступков; прости мне грехи мои!

521. См. выше, с. 175.

522. *Cont. Ap.* i. 17, 18.

523. Единичные царствования: 1) Хирам - тридцать четыре года; 2) Балеазор - семь лет по армянской версии Евсевия и Синкелоса, семнадцать лет по тексту Ниссе в переводе Иосифа; 3) Абдастартос - девять лет; 4) Метуастартос - двенадцать лет; 5) Астаримос - девять лет; 6) Феллес - восемь месяцев; 7) Эитобалос или Эт-Баал - тридцать два года (сорок восемь лет по Теофилу *ad Autolyc.* III.); (8) Балезор шесть лет (семь лет по Теофилу, восемь лет по Евсевию и Синк.); (9) Матгенос двадцать девять лет (двадцать пять лет по Арм. стих. Евсевия); (10) Пигмалион сорок семь лет.

524. Т.е. семьдесят два года после основания Рима; *Trogus Pompeius ap. Justin.* xviii. 7; *Oros.* iv. 6. Веллий Патеркул (i. 6) делает это на семь лет позже.

525. См. 1 Царств xii. 18. О принудительном труде или *корвее* см. 1 Царств v. 13, 14.

526. Ватиканская рукопись Септуагинты содержит список, полностью отличающийся от еврейского текста: Вааша, сын Ахифалама, занимает место Азариин в качестве визиря, Аби, сын Иоава, - главнокомандующего, Ахира, сын Едрея, - налогового инспектора, а Бенаия остается начальником телохранителей, как и в царствование Давида. Возможно, этот список заимствован из документа, относящегося к началу царствования Соломона. Сириец читает Заккур как Забуд, царский капеллан; но Забуд поддерживается Ватиканской Септуагинтой, которая делает его главным советником. О чтении "армия" или "телохранитель" вместо бессмысленного *патриѳс* в iv. 6, см. Field, *Origenis Hexaplorum quæ supersunt*, i. p. 598.

527. См. Hommel, *The Ancient Hebrew Tradition*, pp. 252 sqq.

528. Папирус, на котором записана история экспедиции, хранится в Эрмитаже в Санкт-Петербурге и до сих пор не был опубликован. Однако г-н Голенищев, его открывший, дал мне устный отчет о нем.

529. В Южной Аравии нет золота, и, следовательно, Офир должен был быть империумом, в который привозили золото для перевалки из других мест. Вероятно, рудники находились в Зимбабве и его окрестностях, где мистер Теодор Бент провел важные раскопки. О месте расположения Офира, которое, возможно, находилось недалеко от Герры в Персидском заливе, см. статью Сайса в *"Трудах Общества библейской археологии"*, июнь 1896 г., с. 174.

530. 1 Царств, ст. 16. Этих надсмотрщиков следует отличать от 550 (или 250, согласно 2 Chron. viii. 10) человек, руководивших работами в самом Иерусалиме (ix. 23), на которых не работали израильтяне, а только местные ханаанеи (ix. 21, 22). Летописец называет надзирателей за подготовительными работами в количестве 3600 человек (2 Chron. ii. 18), а сам *корвет* состоял из 150 000 человек.

531. См. мою статью в *"Ежеквартальном отчете Фонда исследования Палестины"*, 1883, стр. 215-223, где я обосновываю свои взгляды открытием "лестницы" вблизи того места, где вырубленные в скале ступени были найдены д-ром Блиссом (*Ibid.* 1896-97). Д-р Гуте впервые

заметил, что между Храмовым холмом и так называемым "Офелем" когда-то существовала неглубокая долина.

532. Колонны были высотой 18 локтей (1 Цар. vii. 15), хотя Летописец (2 Хрон. iii. 15) делает их 35 локтей или 52-1/2 фута. *Хамманы* или "солнечные столбы", посвященные Солнцу и связанные с поклонением Ашере и Ваалу, часто упоминаются в Ветхом Завете (2 Хрон. xxxiv. 4; Ис. xvii. 8 и т. д.), а также в одной из пальмирских надписей.

533. Перевод этого гимна приводится в моих "Лекциях Хибберта о религии древних вавилонян", с. 495, 496; см. также с. 63.

534. Layard, *Monuments of Nineveh*, i. plate 7A.

535. См. выше, с. 196.

536. Ирод. i. 181.

537. См. Ball, *The India House Inscription of Nebuchadrezzar in the Records of the Past*, new ser., iii. pp. 104-123.

538. 1 Царств viii. 2. В vi. 38, однако, говорится, что работа не была завершена до восьмого месяца года, финикийского Була.

539. К ним Летописец добавляет "Бет-Хорон Верхний" (2 Chron. viii. 5). Возможно, эти два Бет-Хорона были укреплены в связи с водохранилищами, которые Соломон, как предполагается, построил для снабжения Иерусалима водой. Ваалаф, строго говоря, находился в Дане (Иос. xix. 44). Латинская форма *Palmyra* происходит от *Tadmor* путем ассимиляции с *palma*, "пальма". Смена *d* на *l* в латинских словах хорошо знакома этимологам, а начальное *p* на *t* параллельно с *ravo*, "павлином", от греческого ταῦς (персидское *tâwûs*). В одном из МСС Септуагинты вместо Тадмора стоит Термат, но в обычном тексте весь отрывок опущен.

540. Таким образом, "Бет-Орон Верхний" опущен в стихе, а слова "в земле" (Иудейской) перенесены в конец стиха, вместо того чтобы идти, как положено, после "Ваалата".

541. *Records of the Past*, new ser., i. p. 115.

542. 1 Царств iv. 33. То, что имеются в виду книги, а не лекции, которые читал своим подданным египетский царь Ху-н-Атен, очевидно из стиха 32, сопоставленного с Пр. xxv. 1.

543. Врагов Ассура, - говорит Ассур-Нацир-пал, - он "сразил до самых дальних пределов сверху и снизу" (*Records of the Past*, new ser., ii. p. 136); "Страны, горы, крепости и царства, врагов Ассура, я покорил", - говорит Тиглат-Пилесер I (*Records of the Past*, new ser., i. p. 94).

- Примечания транскриптора:
 - Сноски собраны в конце текста и связаны между собой для удобства пользования.